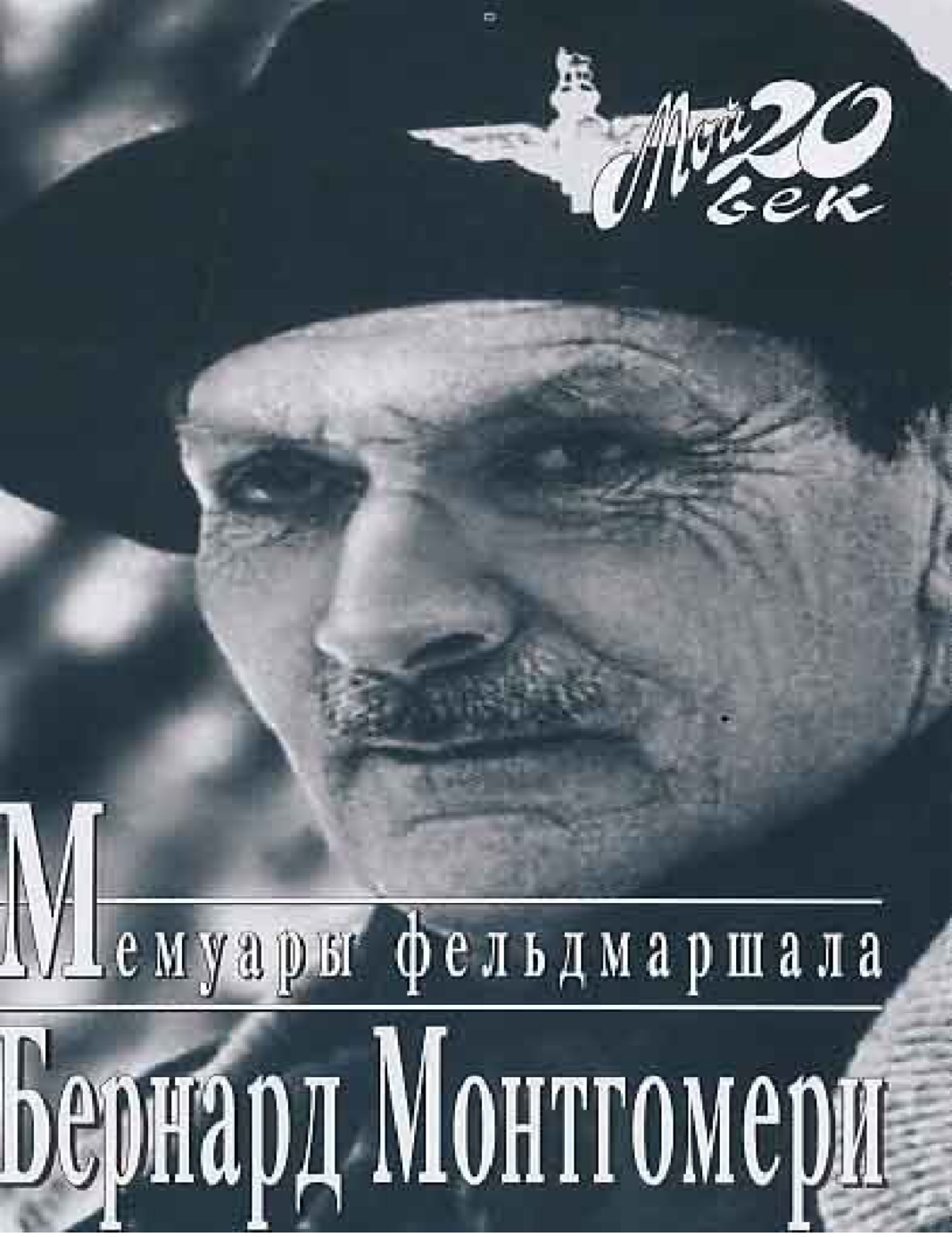

Мемуары фельдмаршала

Бернард Монтгомери

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Британский фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери- одна из самых значимых фигур Второй мировой войны; под его руководством был проведен целый ряд масштабный операций, во многом способствовавших окончательной победе над фашизмом. В течение сорока лет после войны имя фельдмаршала Монтгомери в нашей стране вспоминалось нечасто, несмотря на то, что он был награжден высшим советским орденом "Победа" (кроме него этот орден получили всего четыре иностранных военачальника). Теперь его увлекательные воспоминания стали достоянием и российского читателя.

- Вступительное слово
- Глава первая. Дни детства
- Глава вторая. Начало моей армейской жизни
- Глава третья. Между войнами
- Глава четвертая. Англия вступает в войну в 1939 г
- Глава пятая. После Дюнкерка: армия в Англии
- Глава шестая. Моя командная доктрина
- Глава седьмая. 8-я армия
- Глава восьмая. Сражение у Алам-Хальфы
- Глава девятая. Битва при Аламейне
- Глава десятая. От Аламейна до Туниса
- Глава одиннадцатая. Сицилийская кампания
- Глава двенадцатая. Итальянская кампания
- Глава тринадцатая. В Англии до дня высадки
- Глава четырнадцатая. Битва за Нормандию
- Глава пятнадцатая. Стратегия союзников к северу от Сены
- Глава шестнадцатая. Сражение за Арнем
- Глава семнадцатая. Прелюдия к Арденнам
- Глава восемнадцатая. Сражение в Арденнах
- Глава девятнадцатая. Окончание войны в Европе
- Глава двадцатая. Капитуляция Германии
- Глава двадцать первая. Некоторые размышления о высшем командовании на войне
- Примечания
- notes
  - [1]
  - [2]
  - [3]
  - [4]
  - [5]

- ○ [6]
- ○ [7]
- ○ [8]
- ○ [9]
- ○ [10]
- ○ [11]
- ○ [12]
- ○ [13]
- ○ [14]

Вступительное слово

Но человек рождается на страдание, как искры, гроб устремляется вверх.
Книга Иова 5,7

К созданию этой книги меня побудила отнюдь не склонность к литературному труду или желание добиться дополнительной известности. Я пишу ее, потому что меня убедили в том, что подобная книга воспоминаний необходима. Моя цель — передать будущим поколениям впечатления собственной жизни, в которой было много интересного, и изложить принципы, следовать которым я считал своим долгом.

Каждое слово этой книги я сначала собственной рукой написал карандашом. Когда главы были перепечатаны, их прочитали три моих верных друга, чье мнение я высоко ценю. В свете их замечаний и советов я отредактировал текст, и они снова перечли исправленный вариант, чтобы окончательно все выверить.

Главным из трех был бригадный генерал Е. Т. Уильямс, часто фигурирующий в моей книге как Билл Уильямс. Я искренне обязан ему за то время, которое он посвятил чтению и обсуждению каждой главы.

Второй — сэр Джеймс Григг, тоже упоминаемый в книге; его замечания и советы трудно переоценить. И наконец, сэр Артур Брайант; этот великий историк отдал много своего времени работе с моей рукописью.

Всем троим я выражаю свою глубочайшую признательность.

Благодарю и всех тех, кто перепечатывал мой труд, помогал собирать карты и фотографии. Благодарю также других авторов за разрешение опубликовать фрагменты из их писем и книг и приношу извинения за все возможные случаи, когда за подобным разрешением по оплошности не обратились.

Я отдаю себе отчет — об этом свидетельствует предваряющая книгу цитата, — что моя личность противоречива. Однако все мои мысли, поступки и ошибки свойственны человеку. И в частной [8] жизни, и в командовании я всегда ориентировался не на одобрение других, а на свои внутренние убеждения, чувство долга и совесть. Я никогда не боялся говорить то, что считал правильным, и твердо отстаивал свое мнение. Это нередко приводило к неприятностям. В своих воспоминаниях я не пытался

ответить моим критикам — я стремился рассказать о собственной долгой и увлекательной военной жизни как можно искреннее и проще. Некоторые мои товарищи по оружию во Второй мировой войне уже написали о пережитом ими в те дни; вот и моя история.

Я старался описать то, что представляется мне важным, и ограничивался тем, в чем участвовал лично. Моя книга, возможно, имеет литературные недостатки, но ее достоинством, я надеюсь, является несомненная правдивость, потому что ради красоты слога я не позволял себе отступать от правды.

Исингтон-Милл, Алтон, Гэмпшир

Сентябрь 1958 г. [9]

Глава первая. Дни детства

Я родился в Лондоне, в доме викария церкви Святого Марка на Кеннингтон-Оувал 17 ноября 1887 года.

Сэр Уинстон Черчилль в первом томе «Мальборо»[1] так написал о несчастливом детстве некоторых людей: «Суровость условий жизни, боль неблагоприятной обстановки, уколы пренебрежения и насмешек в ранние годы формируют ту непреклонную целеустремленность и цепкость ума, без которых редко совершаются великие деяния».

Я, несомненно, могу сказать, что мое собственное детство было несчастливым вследствие сильного давления со стороны матери. Мои ранние годы прошли в нескончаемых жестоких сражениях, из которых мама неизменно выходила победителем. Если меня не было видно, она обычно говорила: «Пойди посмотри, что делает Бернард, и скажи ему, чтобы прекратил». Однако постоянные поражения и розги, а это случалось часто, ни в коем случае не делали меня уступчивее. С двумя старшими братьями у меня не возникло взаимопонимания: они были более покладистыми, более мягкими по характеру и с легкостью принимали неизбежное. Старшая из моих сестер, по возрасту следовавшая в семье за мной, оказывала мне значительную помощь и поддержку, но в основном проблемы приходилось переживать в одиночку. Я никогда не лгал по поводу своих поступков и получал наказание. Очевидны ошибки с обеих сторон. Для меня, хотя я и рано (слишком рано) узнал, что такое страх, конечный результат этого воспитания, возможно, оказался благотворным. Если бы мою сильную волю и недисциплинированность оставили без [10] контроля, мой характер мог бы стать еще более несносным, каким его и сейчас находят некоторые люди. Однако я часто думаю, не было ли отношение мамы ко мне иногда слишком внимательным, если его вообще можно было назвать таковым. Я не уверен.

Полагаю, мы были обычной викторианской семьей. Моя мать была обручена в четырнадцать лет и вышла замуж за моего отца в июле 1881 года, сразу после школьной скамьи. Ей исполнилось семнадцать 23 августа 1881 года, через месяц после свадьбы. Отец служил тогда викарием в церкви Святого Марка на Кеннингтон-Оувал, и мать тотчас погрузилась в дела — дела жены загруженного работой лондонского викария.

Скоро появились дети. Пятеро родились до 1889 года, когда отца назначили епископом Тасмании, — пятеро детей до того, как мать достигла возраста двадцати пяти лет. Я был четвертым. Потом последовал перерыв в семь лет, и в Тасмании родились еще двое, затем через пять лет — еще один мальчик. Последний, мой самый младший брат Брайан, появился, когда мы уже вернулись из Тасмании обратно в Лондон.

Таким образом, моя мать выносила девять человек. Самый старший ребенок, девочка, умерла сразу после нашего приезда в Тасманию, один из моих младших братьев умер в 1909 году, когда я служил с полком в Индии. Оставшиеся семь живы и

сейчас.

Как будто такой большой семьи было недостаточно, с нами всегда жили и другие дети. В доме на Кеннингтон-Оувал — три маленьких мальчика, дальние родственники, чьи родители находились в Индии. В Тасмании — кузены из Англии, которые были слабенькими и нуждались в тасманском воздухе. И когда мы вернулись из Тасмании в Лондон, тоже постоянно был кто-то кроме нас.

Матери действительно было трудно справляться с делами жены лондонского викария или епископа Тасмании и посвящать время своим детям, а также другим, которые жили с нами. Ее способ решения проблемы состоял в том, чтобы поддерживать в семье строгую дисциплину и таким образом освобождать время для своих обязанностей в приходе или епархии, обязанностей, которые для нее стояли на первом месте. Для детей были установлены определенные правила, их следовало выполнять — неповиновение [11] влекло за собой немедленное наказание. Менее жесткая дисциплина и большая чуткость могли бы сделать меня лучше, во всяком случае, иным. Мои братья и сестры были не такими трудными, они легче подчинялись режиму и не доставляли беспокойств. Я был в семье плохим мальчиком, непослушным и в результате рано научился быть одиноким. Мои старшие, несомненно, так никогда и не стали дружной семьей. Возможно, это произошло с младшими, потому что с годами мама становилась мягче.

На этом необычном фоне необходимо поместить и определенные вознаграждающие факты. Мы все удержались в рамках разумного. В семье не случилось скандалов: никто из нас не подвергался суду и не оказался в тюрьме, ни один не развелся. Скучная семья, скажет кто-то. Возможно, но если такова была цель моей матери, то она ее, безусловно, достигла. Однако не было любящего понимания детских проблем, по крайней мере по отношению к пяти старшим детям. Младшим, как мне всегда казалось, было легче; может быть, мама истратила силы, занимаясь старшими, особенно мной. Тем не менее по большому счету моя мама была замечательным, исключительно порядочным человеком с твердым характером. Она воспитывала своих детей так, как считала нужным; она учила нас говорить правду, чем бы это нам ни грозило, и, насколько мне известно, никто из нас никогда не совершил ничего такого, что навлекло бы позор на ее голову. Мальчиком я боялся ее. Потом пришло время, когда ее власти наступил конец. Страх исчез, а его место заняло уважение. С момента моего поступления в армию и до самой смерти мамы в моем сердце постоянно росло уважение к ней. И мне стало ясно,

что в своих детских несчастьях виноват был в основном я сам.

Однако неудивительно, что в этих условиях вся моя детская любовь принадлежала отцу. Я обожал его. Он всегда был мне другом. Если когда-либо на этой земле жил святой, то это мой отец. Он находился под каблуком у жены, и она всегда могла заставить его поступить так, как ей хотелось. Мать руководила семейным бюджетом и выдавала отцу десять шиллингов в неделю; на эту сумму кроме прочего ему приходилось и ежедневно обедать [12] в Атенеуме[2], и его строго допрашивали, если до конца недели он кротко просил еще один-два шиллинга. Бедный милый человек, не думаю, что он был счастлив в свои последние годы; ему никогда не позволяли заниматься тем, к чему лежала его душа, и не предоставили ухода, который мог бы продлить его дни. Когда он уже не мог двигаться, мать сама стала ухаживать за ним, но ее навыки сиделки оставляли желать лучшего. Отец умер в 1932 году, я тогда командовал 1-м батальоном Королевского Уорвикширского полка в Египте. Для меня смерть отца явилась ужасной потерей. В моей жизни было три самых значимых человека: мой отец, моя жена и мой сын. Когда умер отец, я и подумать не мог, что через пять лет останусь один с сыном.

Мы вернулись из Тасмании домой в конце 1901 года, и в январе 1902 года меня с братом Дональдом отправили в лондонскую школу Святого Павла. Мне было четырнадцать лет, но я не был готов к школьной жизни — в Тасмании мое образование находилось в руках выписанных из Англии гувернеров. Я мало знал и практически вовсе не умел себя вести. Мы были «колонисты», со всем, что это означало в Англии того времени. Я плавал как рыба, был сильным, выносливым и очень здоровым, но не умел играть в крикет и футбол, основные игры всех английских школ.

Активно занявшись спортом, я уже через три года стал капитаном «Регби XV» и «Крикет XI». В учебе мои успехи были не столь значительны.

По английскому языку меня характеризовали следующим образом:

1902 г. — очень слабо.

1903 г. — слабо.

1904 г. — очень слабо, плохо развита письменная речь.

1905 г. — посредственно; сочинения осмысленны, но ученик не имеет понятия о стиле.

1906 г. — хорошо.

Сейчас я должен сказать, что мой английский по крайней мере вразумителен; люди могут не соглашаться с тем, что я

говорю, но они понимают мою мысль. Возможно, я не прав, однако я утверждаю, что формулирую внятно. Кто-то может неправильно [13] понимать мои поступки, но готов поклясться, что они правильно понимают мою речь. По меньшей мере, они хорошо знают, с чем не согласны.

Через три года учебы в школе Святого Павла в моем табеле успеваемости говорилось, что для своего возраста я развит недостаточно, и далее шло дополнение: «Чтобы иметь реальные шансы поступить в Сандхерст, необходимо больше времени уделять занятиям».

Этот отзыв произвел на меня довольно сильное впечатление: я понял, что если я собираюсь стать военным, то придется приниматься за работу. Сделав это, я без каких-либо осложнений прошел в Сандхерст в середине списка. Школа Святого Павла — прекрасное учебное заведение для тех, кто действительно хочет учиться; в моем случае, поскольку стремление и усердие были очевидны, наставники сделали остальное, и я всегда буду им за это благодарен. В этой школе я чувствовал себя счастливым. Впервые в моей жизни у меня появились возможности предводительствовать и управлять, я страстно за них ухватился и использовал в соответствии с моими ограниченными о них представлениями, скорее всего, неважно. Впервые я мог планировать собственные сражения (на футбольном поле) и провел несколько ожесточенных поединков. Некоторым однокашникам моя тактика представлялась странной, и в ноябре 1906 года в школьном журнале появилась следующая заметка. Необходимо пояснить, что в школе меня звали Обезьяной.

НАША КОЛОНКА НЕЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ № 1 — Обезьяна «Это разумное животное обитает на футбольных полях и других подобных доступных местах. Обезьяна отличается крутым нравом, большой силой и вызывает страх у окружающих животных вследствие прискорбной склонности наносить ущерб их волосяному покрову на голове. Такие действия она называет «блокировкой». Иногда можно наблюдать, что Обезьяна собирает стаю, предпринимает короткие перебежки и, переполненная яростным азартом, перебрасывает из руки в руку кокосовый орех! К другим представителям фауны она не знает снисхождения: наступает им [14] на головы, сворачивает шеи и совершает много других невообразимых жестокостей, по-видимому доказывая тем самым свой патриотизм. Охотиться на это животное — предприятие опасное. Сопровождаемое одним из своих, оно без колебаний неистово несется прямо на вас, держа в руке орех. Но когда несчастный спортсмен уже ожидает удара, кокос перебрасывается товарищу, и двое оставляют позади сбитого с

толку возомнившего себя Нимродом[3]. Таким образом, охотиться на Обезьяну не рекомендуется. Даже в случае удачи вас вряд ли удовлетворит ее вкус, потому что питается она исключительно пончиками. Однако если будет решено пренебречь этим советом, со спортсмена сначала следует снять скальп, для того чтобы его не хватали за волосы».

В те дни мне мало давали на карманные расходы: мои родители были небогаты, а семья — многочисленной, и немного оставалось свободных денег для нас, мальчиков. Однако того, что давали, было достаточно, и все мы, конечно, уже тогда узнали цену деньгам.

Мне исполнилось девятнадцать, когда я закончил школу Святого Павла. Время, проведенное в ней, имело исключительно важное значение как первый опыт жизни в более многочисленном сообществе, чем семья. Школе следует прежде всего формировать характер мальчика, его привычки и черты, а не развивать способности, как интеллектуальные, так и физические. В школах, подобных заведению Святого Павла, у детей больше свободы, чем предоставляется в подготовительных или частных школах; опасность состоит в том, что мальчик должен отличать свободу от необязательности. Я не понимал этого, пока меня не привела в чувство плохая характеристика. Школа Святого Павла повлияла на мой характер, мне было жаль расставаться с ней, но не настолько, чтоб я потерял чувство меры. Как бы ни было хорошо в школе, она лишь определенная ступень. Впереди лежала жизнь, и моей следующей ступенью явился Сандхерст. «Когда я стал мужчиной, то отказался от игрушек» — от некоторых, во всяком случае. [15]

Итак, в январе 1907 года я поступил в Сандхерст.

Оглядываясь на свое детство, некоторые люди, несомненно, могут указать, что могло бы быть изменено к лучшему. В моем случае это две вещи: обе коренятся в том, что семьей управляла мама, а отец был отодвинут в сторону. Во-первых, я очень рано познал страх, постепенно замкнулся в себе и продолжал сражаться в одиночку. Это, безусловно, определило последующее формирование моего характера. Во-вторых, меня отправили в большую школу для мальчиков, не растолковав некоторых важных жизненных обстоятельств, я начал познавать их самостоятельно в жесткой и сложной школьной жизни, а многое стало мне понятно не раньше, чем я попал в Сандхерст в возрасте девятнадцати лет. Такое упущение могло бы привести к дурным результатам, к счастью, мне кажется, этого не случилось. Однако я все равно не пожелал бы подобного другим детям.

К моменту поступления в лондонскую школу я научился

действовать в одиночку, жить одиноким. Я был самодостаточным, не умел подчиняться, и наказания не оказывали на меня никакого воздействия.

Когда я заканчивал школу, в моем сознании только начало формироваться понимание того, что жизнь сложна и мальчику нужно быть способным переносить удары и неудачи, а чтобы добиться успеха, нужно приобрести много разных качеств, важнейшие из которых — умение усердно работать и абсолютная честность. Необходимость в религиозных основах была мне тогда непонятна. Мой отец всегда надеялся, что я стану священником. Этого не произошло, и я хорошо помню, как он расстроился, когда я сказал ему, что хочу быть военным. Он никогда не пытался отговорить меня; он принял то, что, по всей вероятности, представлялось ему невозможным изменить, но если бы отец мог сегодня поговорить со мной, то, мне кажется, он сказал бы, что мой путь лучше. Если бы мне пришлось начать все сначала, я не сделал бы другого выбора. Я снова стал бы солдатом. [16]

Глава вторая. Начало моей армейской жизни

В 1907 году в Королевское военное училище Сандхерст поступали по конкурсу. Сначала проводилось предварительное испытание, на котором нужно было продемонстрировать определенный минимальный уровень интеллектуального развития, около года спустя проходил конкурсный экзамен. Оба препятствия я преодолел без затруднений и в конкурсе занял 72-е место на примерно 170 вакансий. Я изумился, когда позже узнал, что огромное количество моих сокурсников, чтобы обеспечить себе успех на вступительном экзамене, сочло необходимым оставить школу раньше и заниматься с репетиторами.

В те дни армия не привлекала лучшие умы страны. Армейская жизнь требовала расходов, которые заметно превышали денежное довольствие. Считалось, что нужен личный доход по меньшей мере 100 фунтов в год для службы даже в, как говорится, наименее «престижных» частях армии метрополии[4]. Чтобы приняли в кавалерийские и в более престижные пехотные полки, требовался доход 300–400 фунтов. Эти финансовые обстоятельства оставались мне неизвестными, когда я решил избрать армию своим поприщем; никто не объяснил этого ни мне, ни моим родителям. Я узнал обо всем в Сандхерсте, когда настала пора решать, где я хотел бы служить, а это произошло, когда половина курса уже была пройдена.

Плата за обучение в Сандхерсте для сына гражданского составляла 150 фунтов в год, в нее входил полный пансион и все необходимые расходы. Однако требовались все-таки дополнительные [17] карманные деньги, и после некоторого обсуждения мои родители решили выделять мне 2 фунта в месяц; они выдавались и во время каникул, так что мой доход составлял 24 фунта в год.

Вряд ли многие курсанты были так же бедны, как я; однако я обходился. В те дни начали появляться наручные часы, их можно было купить в столовой училища; большинство курсантов уже ходили с часами. Я с завистью смотрел на этот предмет, который оставался мне недоступным; первые наручные часы появились у меня только в 1914 году, перед началом войны. Теперь, полагаю, каждый мальчик получает их в семь-восемь лет.

Вне соблазнов, которые не существовали для меня из-за отсутствия денег, я целиком погрузился в спортивные игры и учебу. Поступив в школу Святого Павла в 1902 году, я

сосредоточился на играх; теперь добавилась учеба — вследствие крепкого щелчка по носу, каковым явилась правда, сказанная мне по поводу моего безделья в школе. Очень скоро я стал членом «Регби XV» и в декабре 1907 года играл против команды из Вулиджа, когда мы разгромили их наголову.

В учебе дела поначалу шли хорошо. Тогда в училище существовала традиция выбирать несколько показавших наибольшие успехи курсантов первого семестра и через шесть недель производить их в младшие капралы. Это являлось большой честью: выбранные курсанты считались превосходящими своих сокурсников, раньше других проявившими основные качества, необходимые для офицеров. Во втором семестре эти младшие капралы всегда становились сержантами, а один-два производились в старшие сержанты — это было высшим воинским званием для кадета.

Меня выбрали для производства в младшие капралы. Полагаю, это ударило мне в голову; во всяком случае, именно с этого момента началось мое падение. В младший взвод роты «Б», в которой я состоял в училище, входила группа весьма буйных, хулиганистых людей, и мое положение в качестве младшего капрала привело к тому, что я возглавил их «развлечения». Мы начали войну с младшими роты «А», жившими этажом выше нас, затем распространили «военные действия» на территории других рот. Нас прозвали «Кровавой «Б», это было еще слишком мягко сказано. С наступлением темноты в коридорах разгорались ожесточенные [18] битвы; дрались кочергами и другими подобными орудиями, так что кадетов часто приходилось отправлять в госпиталь залечивать раны. Такое положение, естественно, не могло сохраняться долго, даже в Сандхерсте 1907 года, когда офицеры совершенно не интересовались, чем в свободное время занимаются кадеты.

Я и «Кровавая «Б» привлекли к себе внимание. Кульминация наступила после того, как я, донимая одного непопулярного кадета, поджег ему рубашку, когда он раздевался; кадет получил серьезный ожог, попал в госпиталь и некоторое время практически не мог сидеть. Он держался образцово и не выдавал того, кто совершил такое издевательство. Однако меня это не спасло: в конце концов все тайные грехи становятся явными, и меня разжаловали в рядовые.

В приказе по училищу говорилось, что младший капрал Монтгомери снова переводится в ранг рядового курсанта, причины не указывались. Мама приехала в Сандхерст и разговаривала с начальником училища по поводу моего будущего. Она выяснила, что уже было решено вскоре повысить

меня в звании. Теперь об этом не шло и речи; я оказался в немилости и должен был радоваться, если мне вообще дадут возможность окончить училище. Командир моей роты потерял ко мне расположение, что в общем-то неудивительно. Однако один из ротных офицеров, майор Королевских шотландских стрелков по фамилии Форбс, не отвернулся от меня. Он был моим верным другом и наставником, и, скорее всего, только благодаря его ходатайству меня оставили в Сандхерсте и дали возможность реабилитироваться. Если он еще жив и читает эти строки, мне хотелось бы, чтобы он знал, как я ему благодарен. Я часто думал, как сложилась бы моя судьба, если бы в Сандхерсте меня сделали старшиной роты «Б». Я не знаю ни одного случая, чтобы курсант, получивший это звание, впоследствии достиг в армии высокого положения. Возможно, они продвигались слишком быстро и как раз из-за этого потом терпели фиаско.

Это был второй щелчок по носу, и на сей раз я понял, что наказания могут быть серьезными. Часть курсантов нашего набора должны были выпуститься в декабре 1907 года, после года обучения в училище; мое имя не включили в число счастливчиков, и я [19] остался в Сандхерсте еще на шесть месяцев. Но теперь я извлек урок и занимался исключительно усердно, решив окончить училище с высокими результатами.

Со временем мне стало ясно, что я не смогу служить в Англии из-за недостатка средств. Мои родители были не в состоянии содержать меня и дальше, и жить мне придется исключительно на собственное денежное довольствие. Оно составляло 5 шиллингов 3 пенса в день у второго лейтенанта и 6 шиллингов 6 пенсов после производства в лейтенанты. Молодой офицер никак не мог прожить на такие деньги, поскольку только ежемесячный счет за питание в клубе-столовой составлял не менее 10 фунтов.

Повышение в звании производилось не по выслуге лет, как сейчас, а в зависимости от вакансий, и я слышал о лейтенантах, прослуживших в этом звании по девятнадцать лет. В Индии все было иначе: платили в индийской армии хорошо, и можно было жить даже на денежное содержание, которое выплачивали в Британском батальоне, расквартированном в этой стране. Поэтому я записался в список желающих служить в индийской армии. Конкуренция была жесткой, вследствие этих самых финансовых обстоятельств, и, чтобы гарантированно получить место, необходимо было окончить училище в числе первых 30 человек. Очень редко случалось, что в индийскую армию попадал номер 35.

Когда объявили результаты, мое имя стояло под номером 36.

Мне не удалось попасть в индийскую армию. Я сильно огорчился. Всем курсантам требовалось указать второй выбор. Я не происходил из военной семьи и не имел связей ни в каком из графств. Мне важно было оказаться в Индии, где я мог бы сам себя обеспечивать, и я записался в Королевский Уорвикширский полк, потому что один из двух его регулярных батальонов находился в Индии. Меня часто спрашивают, почему я выбрал именно этот полк. Первой причиной явилась замечательная кокарда, которая мне очень нравилась; второй — то, что я навел справки и выяснил, что это хороший, крепкий полк, и не из самых дорогостоящих. Мое положение в списке выпускников Сандхерста было таково, что после отбора кандидатов в индийскую армию я гарантированно попадал в избранный мною полк — разумеется, если меня согласны были взять. Меня взяли, [20] и я присоединился к королевским уорвикширцам в качестве старшего в группе трех выпускников Сандхерста. Мне никогда не пришлось жалеть о своем выборе. В этом полку я познал основы военного искусства, начальник штаба полка и мой первый командир роты нацелили меня на усердную службу. Полковник С. Р. Макдональд (он теперь в отставке, ему далеко за восемьдесят) был одним из моих лучших друзей; надеюсь, впоследствии мне удалось отплатить ему хотя бы частично за внимание и доброту, которые он проявил ко мне в начале моей службы в полку. Будущее молодого офицера в армии практически полностью зависит от того, под какое влияние он попадает, выпустившись из Сандхерста. Я всегда считал большой удачей, что в довольно своеобразном собрании офицеров нашлись люди, которые искренне любили военное дело и были готовы помочь любому, кто разделял их отношение к профессии.

Я и не мечтал когда-нибудь стать командиром полка, когда в декабре 1908 года оказался в 1-м батальоне в Пешаваре на северо-западной границе Индии. Мне тогда исполнился двадцать один год, и я был старше большинства вновь зачисленных младших офицеров. Причина состояла в том, что вследствие собственного безделья я дольше других оставался в школе и попал в Сандхерст, когда мне уже перевалило за девятнадцать, а потом провел в Сандхерсте лишних шесть месяцев по той же причине. Дважды я почти терпел фиаско, и дважды меня спасали удача и верные друзья.

Возможно, тогда я не отдавал себе отчета в собственной удаче. Я происходил из хорошей семьи, и мои родители дали мне лучшее образование, какое могли себе позволить; у них не было свободных средств на предметы роскоши, и мы, дети, смолоду познали цену деньгам. Я не жаловался, что родители не

предоставили мне содержания, когда я окончил Сандхерст и поступил в армию; юноше полезно самому обеспечивать себя с самого начала самостоятельной жизни. Мой собственный сын получил образование в первоклассной школе в Винчестере, затем в Тринити-колледже в Кембриджском университете, но между нами изначально существовал договор, что после окончания Кембриджа он будет жить на собственные заработки, — и он справился без какой-либо финансовой помощи с моей стороны. [21]

С момента моего поступления на военную службу в 1908 году и по сей день я никогда не имел других денег, кроме тех, что зарабатывал. И я никогда не жалел об этом. Впоследствии, когда я был начальником Имперского генерального штаба при правительстве социалистов и непосредственно работал с моими политическими руководителями в Уайтхолле, я иногда напоминал об этом факте министрам-лейбористам, когда мне казалось, что они считают меня одним из «праздных богачей». Они знали, что я не был праздным; однако мне приходилось убеждать их в том, что я не был и богачом.

Жизнь в британской армии перед Первой мировой войной сильно отличалась от теперешней, приходилось соблюдать традиции. Когда я в первый раз вошел в помещение офицерского клуба-столовой моего полка в Пешаваре, там находился один из офицеров. Он тут же проговорил «Давайте выпьем!» и позвонил в колокольчик официанту. На индийской границе стояла середина зимы, было довольно холодно, и я вовсе не чувствовал жажды. Однако два виски с содовой появились, и деваться было некуда, пришлось выпить. Так я впервые в жизни попробовал алкоголь.

Всем вновь прибывшим офицерам следовало нанести визиты в каждую часть гарнизона и оставить карточки в офицерских клубах. Везде предлагалось выпить, а мне объяснили, что отказываться нельзя, нельзя также заказывать лимонный сквош или слабоалкогольный напиток. За день таких визитов молодой офицер крепко набирался, и его быстро приучали к выпивке. С тех пор я испытываю отвращение к алкоголю.

Я хорошо помню свою первую встречу со старшим субалтерн-офицером[5] нашего батальона. В те дни эта должность являлась весьма значимой, теперь она утратила прежний престиж.

Среди других его важных внушений нам, вновь прибывшим младшим офицерам, было то, что за вечерней трапезой в клубе мы никогда не должны просить официанта принести что-либо выпить, пока не подадут рыбу. Прежде мне никогда не приходилось бывать на обедах, где кроме основного мясного блюда подают и рыбное, поэтому я с нетерпением ожидал, что же

будет. Вечерний [22] обед в офицерском клубе оказался впечатляющей церемонией. Избиравшиеся на неделю президент и вице-президент сидели на противоположных концах длинного стола, сервированного полковым серебром. Оба руководителя не имели права подняться и выйти из-за стола, пока этого не сделает последний офицер, и я часто допоздна одиноко сидел в кресле вице-президента, пока два пожилых майора на президентском конце стола беседовали за портвейном. Иногда президент добродушно разрешал молодому вице-президенту не ждать, однако такое случалось весьма редко; считалось, что начинающих офицеров нужно учить строго соблюдать традиции. Вероятно, это было мне полезно, однако тогда я так не думал.

За завтраком в клубе никто не разговаривал. Некоторые старшие офицеры в это время дня чувствовали себя неважно. Один пожилой майор отказывался садиться за общий стол, вместо этого он один сидел за маленьким столом в углу комнаты, повернувшись лицом к стене и спиной к остальным офицерам. Другой старший офицер все хотел жениться. Когда он обнаруживал подходящую даму, то тратил на ухаживание разумную, с его точки зрения, сумму — до 100 фунтов. Если сумма заканчивалась, а сопротивление дамы еще не было сломлено, он переносил свои амурные действия на другой объект.

Транспорт нашего батальона составляли мулы и ослы, а поскольку я ничего о них не знал, меня послали подучиться. В конце курса обучения проходил устный экзамен, который принимал внешний экзаменатор. Так как в Пешаварском гарнизоне не оказалось соответствующего специалиста, экзаменатора прислали из Центральной Индии. По всей вероятности, он очень давно находился в этой стране, его лицо стало похоже на бутылку портвейна. Он выглядел так, словно жил исключительно на спиртном, тем не менее его считали главным знатоком во всем, что касалось мулов.

Я пришел сдавать устный экзамен этому странноватому человеку. Он уставился на меня одним налитым кровью глазом и проговорил: «Вопрос первый: сколько раз в сутки мул опорожняет кишечник?»

Такого вопроса я не ожидал, к тому же тогда мне казалось, что подобная проблема не заслуживает какого-либо серьезного внимания со стороны честолюбивого молодого офицера, который [23] стремится овладеть своей профессией. Однако я заблуждался, это имело значение. Повисла неловкая пауза. Все мое будущее висело на волоске: я надеялся, что в один прекрасный день стану майором с такой же «короной» на плече, как у него, а теперь все рушилось. Пока эти животные терпеливо

стояли на жарком солнце, я в отчаянии прокручивал в памяти их образ жизни. Сколько раз? Может, три раза утром и три днем? А ночью скорее мочевой пузырь, чем кишечник?

Экзаменатор спросил: «Вы готовы?»

Я ответил: «Да. Шесть раз».

Он проронил: «Неверно, ответ на вопрос номер 1 неправильный — ни одного балла».

Я спросил: «Каков же правильный ответ?» Он разъяснил, что восемь раз.

Тогда я заметил: «Мне кажется, сэр, что разница невелика».

Он отрезал: «Не дерзите. Вопрос номер два».

В конце концов я сдал этот экзамен и возвратился в свой полк с «короной» и с горячей надеждой, что мне больше не придется преодолевать подобных препятствий.

В военной службе в Индии в то время, с моей точки зрения, что-то было не так. Я хорошо познакомился с индийской армией. Рядовой состав был отменным: прирожденные солдаты, они представляли собой материал, о котором можно было только мечтать. А британские офицеры далеко не все соответствовали такому уровню. Основную проблему составлял ужасный климат и отсутствие контактов с Европой. Обычно после сорока пяти лет офицеры быстро старились. Похвалой считалось, если человека называли «общительным». Я скоро убедился, что так говорили о тех, кто никогда не отказывался выпить. Мои наблюдения привели меня к выводу, что британскому офицеру необходимо было обладать очень сильным характером, чтобы провести в жарком климате Индии, скажем, тридцать лет и не утерять жизненной силы. Некоторым это удавалось, и они вполне годились для самых высоких военных постов, как в военное, так и в мирное время; одним из таковых был Слим.

В общем, к моменту, когда я в 1913 году покидал Индию, то уже радовался, что судьба не позволила мне окончить Сандхерст настолько хорошо, чтобы меня взяли в индийскую армию. [24]

Действительно, лучшие выпускники Сандхерста попали в армию Индии, однако не все из них стали хорошими военными. Требовалось слишком много качеств, чтобы выдержать условия жизни и климат Индии, немногие с этим справлялись. Мне это тоже вряд ли оказалось бы по плечу.

Батальон вывели из Пешавара в конце 1910 года и на последние два года его службы за границей перебросили в Бомбей. Теперь я начал работать усердно и серьезно. Оглядываясь назад, я думаю, что именно тогда я начал осознавать: для достижения успеха следует совершенствоваться в своей профессии. Было очевидно, что старшие офицеры полка не в

состоянии оказать мне в этом эффективную помощь, поскольку их познания практически полностью ограничивались уровнем батальона; о других вопросах они знали мало или вовсе ничего. Когда наш батальон прибывал на новую позицию, командир обычно первым делом спрашивал: «Как генерал хочет проводить наступление?»

И атака осуществлялась по указке сверху, невзирая на условия местности, особенности неприятеля и любые другие факторы. Тогда я уже ощущал, что что-то делается неправильно, однако еще не был способен проанализировать состояние дел и решить, что конкретно идет не так. К тому же и не слишком задумывался над этим. Мне было хорошо в батальоне, я полюбил британского солдата. Что касается офицеров, то в их среде считалось несолидным изучать военное дело, и за офицерским столом нам не позволяли говорить о профессии.

В Бомбее в Королевском яхт-клубе я попал в некрасивую историю. Офицер нашего батальона капитан Р. Вуд давал в клубе обед в честь трех молодых младших офицеров, одним из которых был я. Вуд, будучи пожилым и степенным капитаном, рано ушел домой, оставив нас троих там. На следующее утро старший из нашей компании получил от секретаря клуба письмо следующего содержания:

«Как сообщили мне несколько членов клуба, вчера вечером после обеда вы и ваши друзья вели себя в высшей степени непристойно в баре бомбейского Королевского яхт-клуба с 22.30 до 2 часов ночи: громко кричали, барабанили по столам. Такое поведение доставило большие неудобства членам клуба, игравшим в бильярд и карты. Мне доложили, что издаваемый вами [25] шум был слышен по всему зданию клуба. Когда смотритель клуба, подойдя к вам, указал на правило, запрещающее в клубе такие неподобающие действия, вы проигнорировали его замечание и продолжили в том же духе. Тогда смотритель обратился ко мне. Прибыв, я обнаружил, что офицеры, о которых шла речь, удалились, и нарушение порядка прекратилось. Я вынужден напомнить, что вы нарушили пункт VII устава. Об инциденте будет доложено в Комитет клуба, где его и рассмотрят. Офицер, кроме вас преимущественно участвовавший в компрометирующих действиях, — лейтенант Б. Л. Монтгомери».

Наш батальон возвратился в Англию в 1913 году, командовать им назначили офицера из 2-го батальона, недавно окончившего двухлетний курс штабного колледжа в Кэмберли. Его звали капитан Лефрой. Он имел степень бакалавра, и мы часто подолгу говорили с ним о положении дел в нашей армии, обсуждали, что нуждается в усовершенствовании, а самое главное

— о путях овладения военным искусством. Он чрезвычайно помог мне, посоветовав, какие читать книги и как учиться. Я думаю, именно Лефрой первым указал мне дорогу и поддержал мои юношеские устремления. Он погиб во время войны 1914–1918 годов, что стало огромной потерей для меня и всей нашей армии.

Я пишу об этом, чтобы показать, насколько важно для молодого офицера познакомиться с лучшими представителями своей профессии, в начале военной карьеры иметь перед глазами достойный пример, попасть под благотворное влияние. В британской армии в период между южноафриканской[6] и Первой мировой войнами такие случаи представлялись редко и были чистым везением. Я имел и амбиции, и страстное желание овладеть профессиональным мастерством, однако, чтобы выйти на верный путь, требовалось получить совет и ободрение. Когда это произошло, все пошло легче.

В августе 1914 года я был полным лейтенантом двадцати шести лет. Опыт войны 1914–1918 годов дал мне возможность понять, что же в нашей армии было организовано неправильно. Мой батальон мобилизовали в Шорнклиффе. Мобилизационное предписание предусматривало среди прочего, что на третий день [26] мобилизации оружейные мастерские должны заточить все офицерские сабли. Мне был непонятен смысл приказа, поскольку до этого я использовал свою саблю, лишь отдавая честь. Однако я, разумеется, выполнил приказ, и мою саблю подготовили к бою. Наш командир сказал, что на время военных действий лучше остричь волосы покороче, потому что так за ними легче ухаживать; его голову обработали ножницы полкового парикмахера, и он представлял собой забавное зрелище; лично я сделал приличную стрижку в Фолкстоне. Ничего не зная о войне, я спросил командира, нужно ли брать с собой какие-то деньги; он ответил, что на войне деньги не нужны, поскольку ты будешь на полном обеспечении. Я не очень поверил и все-таки решил взять с собой десять фунтов золотом. Позже я очень порадовался, что не последовал его советам ни в отношении волос, ни в отношении денег.

Мы переправились во Францию в составе 4-й дивизии. Немного опоздав к сражению у горы Монс, мы двинулись маршем к Ле-Като. После долгого ночного перехода ранним утром 26 августа 1914 года 10-я бригада, в которую входил мой батальон, расположилась на отдых в кукурузных полях около деревни Окур. Один батальон находился впереди на холме, прикрывая остальную часть бригады в долине; нам было видно, как солдаты завтракают, составив винтовки в козлы. Неожиданно немцы атаковали их, открыв огонь с близкого расстояния; батальон в

беспорядке отступил вниз по направлению к нам.

Наш батальон был развернут в две линии: моя рота и еще одна стояли впереди, две другие — в нескольких сотнях метров к тылу вне пределов видимости. Командир батальона верхом прискакал в расположение наших передовых рот и закричал, чтобы мы немедленно атаковали противника на только что оставленной высоте. Приказ ничем не был подкреплен: ни разведки, ни плана, ни прикрывающего огня. Мы рванулись на холм, попали под сильный огонь и понесли большие потери. Командир моей роты получил ранение, никто не знал, что делать, поэтому мы вернулись на исходные позиции, с которых начали атаку. Если это была настоящая война, то она показалась мне бессмысленной в сравнении с той, о которой я читал.

Последующие дни были в высшей степени неприятными, они известны под названием «Отступление от Монса». Что касается [27] меня лично, то я и вторая передовая рота, осуществлявшая описанную мною атаку, не получали дальнейших приказов. Когда началось отступление, о нас забыли, и три дня мы шли между головным немецким кавалерийским отрядом и следовавшими за ним колоннами главных сил противника, передвигаясь в основном ночью и таясь днем. Командовал нашей группой первоклассный офицер майор Пул, и только благодаря ему мы в конце концов добрались до английских экспедиционных сил и соединились с нашим батальоном. Потом до нас дошел слух, что командира нашего батальона, а также командира другого батальона нашей бригады уволили со службы, и командование принял Пул. Нашим командиром был подполковник Элкингтон; после увольнения он поступил во французский Иностранный легион, где проявил себя с наилучшей стороны.

Таков был мой первый боевой опыт, но на этом он не завершился. После участия в незначительных боях у реки Эна наш батальон с остатками британских экспедиционных войск перебросили на северный фланг Западного фронта союзников. Там началось ожесточенное сражение, и 13 октября мы во второй раз пошли в атаку; но теперь командовал Пул: у него был план, и он отдавал точные приказы. Две роты находились впереди, моя рота должна была наступать слева в направлении группы строений на окраине деревни Метерен. В назначенный час я вынул свою свежезаточенную саблю и громко приказал своему взводу следовать за мной, что и было сделано. Мы двинулись к деревне; нас активно обстреливали, и некоторые из моих солдат получили ранения, однако мы не остановились. Приблизившись к

цели, я неожиданно увидел перед собой окоп, полный немцев, один из которых прицелился в меня из винтовки.

Во время учебы меня усердно тренировали убивать врага примкнутым к винтовке штыком. Я знал все о разнообразных приемах — отражение справа, отражение слева, выпад вперед. Меня научили, как ставить левую ногу на тело поверженного врага и выдергивать штык, издавая громкий крик. Я был первым в штыковых сражениях с мешками, набитыми соломой, и завоевывал призы в личных поединках в спортивном зале. Однако сейчас у меня не было винтовки со штыком — в руке я держал острую саблю, а в меня целился огромный немец. Никогда в моей [28] короткой армейской жизни никто не учил меня, как убивать саблей. Единственное действие с саблей, которое я освоил на плацу под руководством старшего сержанта, было отдание чести.

Однако промедление было смерти подобно. Я бросился на немца и изо всех сил ударил его в нижнюю часть живота — самое уязвимое место. Я много читал о том, как важна на войне внезапность нападения. Немец, без сомнения, был застигнут врасплох, а мой удар, по всей вероятности, явился для него новой формой ведения военных действий — он, скорчившись от боли, упал на землю, и я взял своего первого пленного! Бой за деревню продолжался до конца дня. Во время одной из уличных стычек меня ранили в грудь. Однако дело было сделано — мы выбили немцев из деревни. Именно за действия у деревни Метерен меня наградили орденом «За боевые заслуги». Я все еще оставался лишь лейтенантом. В этот день мне спас жизнь один из солдат моего взвода. Я упал, раненный, на открытом месте и неподвижно лежал, надеясь, что немцы потеряют ко мне интерес. Однако ко мне подбежал солдат и начал бинтовать мою рану; немецкий снайпер выстрелил ему в голову, и солдат упал, накрыв меня своим телом. Снайпер продолжал стрелять в нас, и я получил вторую пулю в колено, но остальные пули принял на себя тот солдат. Мой взвод больше не предпринимал попыток спасти нас; они решили, что мы оба погибли. Когда стемнело, санитары-носильщики подошли, чтобы забрать нас; солдат был мертв, а я — совсем плох. Меня доставили на передовой перевязочный пункт; врачи сочли мое состояние безнадежным и, поскольку пункт скоро должен был сниматься с места, для меня вырыли могилу. Однако когда подошло время двигаться, я все еще дышал; поэтому меня поместили в санитарную машину и отправили в госпиталь. Дорогу я выдержал и выжил, думаю, потому что был в очень хорошей физической форме после двух месяцев активных боевых действий. Меня перевезли в госпиталь в Англию, и несколько месяцев я не воевал. В госпитале у меня было время

подумать, и я пришел к заключению, что старое изречение, скорее всего, соответствует истине: перо сильнее сабли. Я пошел служить в штаб.

Я возвратился на Западный фронт во Франции в начале 1916 года, на этот раз в качестве начальника оперативно-разведывательного [29] отделения штаба бригады. Тем летом, во время сражения у реки Сомма, пехотная бригада, о названии которой я лучше умолчу, должна была выступить в роли передовой при наступательных действиях дивизии. Было важно, чтобы командир бригады как можно раньше получил информацию о продвижении своих передовых отрядов, поскольку от этого зависела передислокация резервов в тылу. Встал вопрос, как обеспечить быструю доставку необходимых сведений, и в штабе бригады всеобщий интерес вызвало известие, что с этой целью будут использовать почтового голубя. Птицу доставили, несколько дней содержали в специальной голубятне, и в день атаки вручили одному солдату, который должен был идти с передовым подразделением. Ему сказали, чтобы в определенный момент, получив от офицера донесение, он прикрепил его к лапке голубя и выпустил птицу, которая полетит в свою голубятню в штабе бригады. Наступление началось, и командир бригады с нетерпением ждал прибытия голубя. Время шло, а голубь все не появлялся; бригадир нервно вышагивал вокруг своего штабного блиндажа. Солдаты тревожно обшаривали глазами небо, однако в вышине не было никакого голубя.

Наконец раздался крик: «Голубь!» Он действительно вернулся и безошибочно сел в свою голубятню.

Солдаты бросились снимать бумажку, и командир бригады взревел: «Дайте сюда донесение!»

Записку передали, и вот что он прочел:

«Мне до смерти надоело таскать по Франции эту чертову птицу».

Когда война началась, я был командиром взвода, когда закончилась — начальником штаба дивизии. Мне перевалило за тридцать один год, я мог ясно мыслить, хотя знаний все еще не хватало. Честолюбивому молодому офицеру с живым умом многое представлялось неверным.

Практически не было контактов между военачальниками и нижестоящими военнослужащими. Я прошел на Западном фронте всю войну, исключая тот период, когда находился в Англии после ранения, но мне ни разу не приходилось видеть британского главнокомандующего, как и французского, или Хейга, и лишь дважды я имел возможность видеть командующего армией. [30]

Личный состав высших штабов не имел связи с полковыми

офицерами и войсками. Штабисты жили в комфорте, который возрастал по мере удаления штаба от линии фронта. В этом не было бы вреда, если бы между штабом и войсками сохранялись общность и взаимопонимание. А этого часто не хватало. В главных управлениях в тылу, на мой взгляд, исповедовали принцип, что войска существуют для штабов. Мой боевой опыт привел меня к убеждению, что штаб существует, чтобы обслуживать армию, а хороший штабной офицер должен помогать своему командиру и войскам, не гоняясь при этом за личной славой.

Меня ужасали страшные потери. В ту войну «хорошими боевыми генералами» называли тех, кто ни во что не ставил человеческую жизнь. Разумеется, были исключения, и одним из них являлся Плумер; я только один раз видел его и никогда с ним не разговаривал. Вот случай с начальником штаба сэром Дугласом Хейгом, который должен был возвратиться в Англию после тяжелых боев у Пашендейля зимой 1917–1918 годов. Перед отъездом он выразил желание посетить Пашендейль и осмотреть местность. Увидев грязь и страшные условия, в которых солдатам приходилось сражаться и погибать, он пришел в ужас и воскликнул: «Вы хотите сказать мне, что солдаты вынуждены воевать в таких условиях?» И когда ему сказали, что так оно и есть, он спросил: «Почему мне не докладывали об этом раньше?»

Одного факта, что начальник штаба британской армии в Европе не имел представления о том, как живут, воюют и умирают солдаты, достаточно, чтобы объяснить сомнения, мучившие меня по окончании войны.

Помню, однажды во время отпуска в Лондоне я пошел в мюзик-холл. Заметный успех имела шутка комика, когда он спросил: «Если хлеб — это управление жизнью, то что — жизнь управления?»

И ответил: «Большой кусок хлеба».

Все долго аплодировали, и я в том числе. На самом деле штабисты работали много, однако этот случай заставил меня серьезно задуматься, к тому же и мой собственный опыт подсказывал, что здесь не все в порядке.

Следует упомянуть еще одно обстоятельство, прежде чем закончить описание моей жизни в период Первой мировой войны. [31]

Последние шесть месяцев войны я служил начальником штаба 47-й (лондонской) дивизии и много работал над проблемой быстрой доставки в штаб дивизии точной информации о ходе сражения, чтобы командир мог перестраивать боевые порядки по мере развития обстановки. В конце концов мы

разработали систему, по которой офицеры с радиостанциями отправлялись в штабы передовых батальонов, откуда передавали донесения по радио. Сложность тогда состояла в том, чтобы найти надежные приборы, которые имели бы необходимую дальность передачи, и при этом такие размеры и вес, которые позволяли бы их переносить. Наша система в значительной мере была суррогатной и не всегда помогала, но нередко срабатывала и в целом давала полезные результаты. Это был зародыш системы, которую я развил в войну 1939–1945 годов и которая в конечном счете привела к созданию команды офицеров связи на автомобилях, действовавших из моего передового командного пункта. Эту технику сэр Уинстон Черчилль описывает в своем произведении «Триумф и трагедия» (книга 2, глава 5). В 1918 году в 47-й дивизии мы бродили в потемках, стараясь нащупать продуктивные идеи, которые бы повысили результативность наших операций.

Я рассказал достаточно, чтобы показать, что к окончанию войны 1914–1918 годов мне стало совершенно ясно, что овладение военным искусством требует всей жизни, хотя совсем немногие офицеры понимали это. Именно тогда я решил посвятить всего себя своему делу, постижению всех его тонкостей, а все остальное оставить в стороне.

Я не знал, как добиваться поставленной цели, и не был знаком ни с кем из высших военачальников. Однако я понимал, что первым шагом должно стать поступление в штабной колледж; по окончании войны его снова открыли, и первый сокращенный курс обучения состоялся в 1919 году. Я на этот курс не прошел. Все мои надежды были связаны со вторым курсом, который начинался в январе 1920 года и продолжался один год. Когда объявили списки зачисленных, меня среди них не оказалось. Но не все еще было потеряно.

В то время британскими оккупационными войсками в Германии командовал сэр Уильям Робертсон. Я не был знаком с ним. Он увлекался теннисом, и однажды меня пригласили поиграть [32] в его резиденцию в Кельне, я решил рискнуть и рассказал ему о своей проблеме. Ему самому в юности понадобилось приложить много усилий, чтобы пробиться, и он с пониманием относился к молодым; я знал об этом и надеялся на лучшее.

Вскоре после этой партии в теннис мне сообщили, что я включен в число слушателей, и приказали явиться в штабной колледж в Кэмберли в январе 1920 года. Командующий сделал, что требовалось. Дорога теперь представлялась открытой. Однако все оказалось не так просто. Мой дальнейший путь в армии, как

покажут последующие главы этой книги, потребовал постоянного напряжения сил и был усеян многочисленными препятствиями и неприятностями. Но сегодня я могу сказать, что моя история имеет счастливый конец — во всяком случае для меня. [33]

Глава третья. Между войнами

До этого момента моей карьеры я не изучал теории своей профессии; за моими плечами было четыре года войны, но никаких теоретических знаний. Я читал где-то о высказывании Фридриха Великого по поводу офицеров, полагающихся только на свой практический опыт и пренебрегающих наукой; говорят, будто он сказал, что у него в армии есть два мула, которые прошли сорок кампаний, но все равно остались мулами.

Я также слышал об одном немецком генерале, который разработал для себя следующую всеобъемлющую классификацию офицеров, по всей вероятности, германской армии. Он говорил так: «Я подразделяю своих офицеров на четыре группы: умные, недалекие, энергичные и ленивые. Каждый офицер имеет по меньшей мере два из этих качеств. Умные и энергичные годятся на высокие штабные должности, пользу могут принести недалекие и ленивые. Умный и ленивый человек подходит для высшего командования: с его хладнокровием он найдет выход из любой ситуации. А вот недалекие и энергичные представляют собой опасность — от них следует немедленно избавляться».

Я отправился в штабной колледж в Кэмберли в январе 1920 года, не считая себя умным. Я полагал, что обладаю здравым смыслом, который, однако, еще нуждается в развитии; мне казалось, что требуется именно развитый здравый смысл.

Должен признать, что я был критичен и нетерпим. Мне еще предстояло понять, что критика невежды ничего не стоит.

Считалось, что все мои сокурсники в Кэмберли — лучшие представители нашей армии, люди, чье предназначение — самые высокие командные должности; однако лишь немногие из них в конце концов оказались наверху. Обучали нас тоже избранные; но только один впоследствии занял видное положение — Дилл, [34] очень достойный человек. Из моих сокурсников особое впечатление на меня произвел исключительно одаренный Джордж Линдсей из стрелковой бригады, ныне покойный; он вышел в отставку в чине генерал-майора, и я никогда не мог понять, почему столь способному офицеру позволили уйти из армии.

Все высшие командные посты занимали «хорошие боевые генералы» прошедшей войны. Они слишком долго оставались на своих местах, лишь делая вид, что кто-то может претендовать на их кресла, а на самом деле никого не подпускали и близко. Милн служил начальником Имперского генерального штаба семь лет, с 1926 по 1933 год. После его ухода армии не везло с

профессиональными руководителями. За Милном последовал Монтгомери-Массингберд, занимавший этот пост в самое важное для армейского строительства время, с 1933 по 1936 год. Его назначение, с моей точки зрения, было серьезной ошибкой, при нем армия напоминала корабль без руля и ветрил. По праву на этом месте должен был бы находиться Джон Барнет-Стюарт, самый блистательный генерал нашей армии того времени. Для меня так и осталось загадкой, почему этого выдающегося полководца с быстрым и ясным умом в 1933 году не назначили начальником Имперского генерального штаба вместо Монтгомери-Массингберда. Если бы штаб возглавлял он, армия была бы лучше подготовлена к войне в 1939 году.

В 1936 году Монтгомери-Массингберда сменил Деверелл, однако у него не сложились отношения с военным министром Хор-Белишем, и через полтора года его сместили; он бы, несомненно, добился каких-то результатов, если бы оставался на этом посту. Но Хор-Белиш предпочел Горта, который абсолютно не соответствовал этому посту, но оставался начальником Имперского генерального штаба до начала войны в сентябре 1939 года.

В итоге наша армия в 1939 году вступила во Вторую мировую войну великолепно организованной и оснащенной для боев 1914 года и имея во главе не отвечающих требованиям современности офицеров.

Воистину, действия британских политиков в период между войнами поразительны. Мне всегда казалось, что политический [35] лидер должен хорошо разбираться в людях и выдвигать на высшие государственные посты достойных людей. В мирное время политик имеет возможность судить о людях по их характеру, способностям, настойчивости в достижении поставленной цели, и так далее. Тогда, между войнами, они выбирали скверно по всем критериям, если вообще понимали, на какие критерии следует ориентироваться.

Я окончил штабной колледж в декабре 1920 года. Должно быть, с хорошими результатами, хотя достоверно мне об этом не известно, поскольку никто мне их не объявлял, как бы странно это ни показалось. Так или иначе, меня направили начальником оперативно-разведывательного отдела штаба бригады в 17-ю пехотную бригаду в Корке, и я сразу снова попал на войну — против шинфейнеров[7] в Южной Ирландии. Во многих отношениях эта война была куда страшнее большой войны, закончившейся в 1918 году. Она превратилась в массовое убийство, в котором в итоге военные стали весьма искусны и более чем успешно держали свои позиции. Однако война такого

рода развращает офицеров и солдат, потому что она ведет к снижению их представлений о порядочности и благородстве, и я был очень рад, когда она закончилась.

В этот период в армии начал действовать топор Геддеса[8], и следовало доложить о профессиональном соответствии каждого офицера. Возможность избавиться от непригодных была эффективно использована на низшем уровне, однако на высшем многие «мертвые деревья» остались нетронутыми. Теперь, пройдя через две мировые войны, я полагаю, что по окончании любой кампании необходимо «использовать гербициды» именно на высшем уровне: это позволяет продвинуться проявившим себя в боевых условиях первоклассным молодым офицерам. После войны 1914–1918 годов этого не случилось. Я использовал свое положение и проследил, чтобы это было сделано, когда закончилась война 1939–1945 годов. [36]

С 1922 года, по завершении борьбы с шинфейнерами, до января 1926-го, когда меня послали инструктором в штабной колледж, я занимал разные штабные должности в Англии.

Это были годы напряженного труда и интенсивной учебы. Я служил под руководством опытных и доброжелательных генералов, поощрявших мою инициативу и предоставлявших мне свободу реализовывать свои идеи; среди них генерал сэр Чарльз Гарингтон и бригадный генерал Том Холлонд, оба умелые наставники. В этом отношении мне повезло, поскольку, несомненно, могло быть и совсем наоборот. Они сформировали во мне высокое чувство долга, научили тому, что дисциплина, требуемая от солдата, в офицере становится преданностью. Полагаю, что именно в это время я заслужил репутацию офицера, серьезно изучающего свою профессию, и меня перевели в штабной колледж. Я был доволен, поскольку назначение в Кэмберли казалось мне определенным признанием и некоторым шагом вверх по служебной лестнице. Теперь я в этом сомневаюсь, но тогда все представлялось мне именно так.

В жизни каждому из нас выпадает серьезный шанс, некоторые не осознают всего значения момента и упускают его. Другие, сосредоточенные и увлеченные, хватаются за возможность обеими руками и используют ее в полной мере; причем достойные люди всегда проявляют щепетильность в выборе средств достижения своей цели, они не наступают на головы тем, кто оказывается на их пути.

В моем случае мой шанс виделся мне в возможности три года посвятить напряженной учебе; к тому времени я уже понимал, что преподаватель учится много больше своих студентов. К тому же эти три года пройдут в совместной работе с уже преподающими

там одними из лучших офицеров нашей армии Бруком (теперь лорд Алан Брук), Пейджетом, Франклином и другими. Обучая, я буду учиться сам; я чувствовал, что мне нужны знания как основа, которая в будущем позволит мне уверенно справляться с более значительными делами.

Мне придется быстро пробежать последующие несколько лет моей жизни в армии, поскольку они не представляют особого интереса для этой книги воспоминаний. Как искры устремляются только вверх, так и я всегда говорил, что думаю, причем самым [37] непререкаемым тоном. И часто расплачивался за эту привычку. Однако в 1930 году военное министерство выбрало меня для создания нового учебника по подготовке пехотинцев. Это было серьезным официальным признанием, и я решил сделать будущую книгу в виде полного курса по военным действиям для офицеров пехоты. Работу должна была одобрить комиссия военного министерства, на заседании которой разгорелся яростный спор; я не мог принять многие из их поправок к моей доктрине пехотной войны. Мы читали весь учебник, главу за главой. Тогда я предложил распустить комиссию и дать мне возможность закончить работу, как я ее понимаю; на том и согласились. Я сделал окончательный вариант, в котором оставил без внимания все внесенные комиссией замечания. После опубликования книгу сочли превосходной, особенно сам ее автор.

Здесь я должен отклониться в сторону, чтобы поговорить о куда более важных вещах, чем моя военная карьера, и рассказать о коротком десятилетии моей женатой жизни.

Во время работы в штабном колледже в Кэмберли я влюбился. Мы поженились с Бетти Карвер 27 июля 1927 года. 18 августа 1928-го у нас родился сын Дэвид. 19 октября 1937 года моя жена умерла. Я хотел бы рассказать всю историю.

В январе 1926 года я отправился в Швейцарию провести отпуск перед тем, как приступить к работе в штабном колледже, что должно было произойти в конце месяца. Мне исполнилось тридцать восемь лет, и я был закоренелый холостяк. Женщины никогда меня не интересовали, да и знакомых я имел совсем немного. Меня не увлекали светская жизнь и званые обеды. Моя жизнь практически целиком была посвящена профессии, я работал с утра до ночи, иногда занимаясь спортом во второй половине дня. Говорят, один вульгарный офицер как-то сказал: армия мне жена, и я не испытываю потребности в другой! Каким бы странным ни казалось мое поведение, я хотел овладеть своей профессией и настойчиво стремился к поставленной цели. Я был уверен, что моей стране предстоит новая война, и, насмотревшись

разного на предыдущей, я решил, что, когда труба призовет в следующий раз, по крайней мере, лично я буду готов и обучен. Иногда у меня возникало своего рода предчувствие, что труба прозвучит обязательно, именно для меня, и в своих утренних [38] и вечерних молитвах я обычно просил дать мне сил выдержать предстоящее испытание.

В Швейцарии, в Ленке в Бернских Альпах, я познакомился с миссис Карвер и двумя ее сыновьями, одиннадцати и двенадцати лет. Я всегда любил детей и с удовольствием помогал им, наверное, потому, что сам был несчастлив в детстве. Мы скоро подружились и с мальчиками, и с их матерью, и отпуск проходил весело. Той же зимой я приобрел еще одного знакомого — сэра Эдварда Кроу; наше знакомство продолжилось, и теперь он один из моих самых дорогих друзей, хотя по возрасту и значительно старше меня.

В январе 1927 года я решил снова поехать в Ленк с сэром Эдвардом Кроу, его семьей и их друзьями. Миссис Карвер со своими мальчиками тоже была там. Ее муж погиб на Галлиполи в 1915 году, и мальчики воспитывались в ненависти к войне и ко всему, что имеет отношение к военным. На этот раз мы много общались с Бетти Карвер, и к концу отпуска я влюбился — в первый и единственный раз в жизни. Мне ответили взаимностью, несмотря на то что я был военным, и мы обвенчались в Чисвикской приходской церкви 27 июля 1927 года. Началось время безмерного счастья, раньше мне казались невозможными такая любовь и такая нежность. Мы всегда были вместе, разлучались только дважды. В первый раз, когда меня с моим батальоном отправили в Палестину в январе 1931 года, а она последовала за мной позже; и во второй раз, когда я отослал ее и Дэвида домой из Кветты после землетрясения в мае 1935 года. В обоих случаях разлука была недолгой. Моя жена родила Дэвида в сорок лет, и здоровье ее потом уже оставалось некрепким; но она всегда излучала энергию и счастье и никогда не болела.

Она была прекрасной «офицершей», когда я командовал 1-м батальоном моего полка в Палестине и Египте. Я навсегда запомнил, как позабавил ее один случай. Чтобы солдатам было легче превозмогать египетскую жару, я всячески поощрял любые хобби, одним из которых были голуби; мы и сами держали несколько птиц. Однажды наш квартирмейстер обвинил одного капрала в том, что тот украл у него голубя; капрал отвергал обвинение и утверждал, что голубь принадлежит ему. Мне пришлось проводить разбирательство. Я спросил у обеих сторон, квартирмейстера [39] и капрала, всегда ли голубь, получив возможность, летит именно в свою голубятню; они подтвердили

сей факт. Тогда я приказал в течение суток держать птицу в батальонном помещении для суточного наряда. В десять часов следующего дня я выпустил голубя; об инциденте слышал весь батальон, и примерно 800 человек вышли на удобные позиции посмотреть, что же произойдет. Голубь несколько минут кружил над казармами, а потом полетел прямо в мою голубятню и остался там! Результат признали обе стороны, и квартирмейстер снял свое обвинение.

Весной 1934 года мой батальон размещался в Пуне на юге Индии; оттуда, присвоив мне звание полковника, меня перевели в штабной колледж в Кветте на должность главного инструктора. Там мы счастливо прожили три года, исключая время землетрясения в мае 1935 года, а затем я принял командование 9-й пехотной бригадой в Портсмуте. По прибытии в Англию у нас было два месяца отпуска. Дэвид находился в подготовительной школе в Хиндхеде, и мы с женой отправились на автомобиле в Озерную область на севере Англии навестить друзей. Она казалась слабее, чем обычно, и быстро уставала, но всегда оставалась жизнерадостной и счастливой. После поездки, в конце августа, мне нужно было ехать с бригадой в лагеря в Солсбери, и я отправил Бетти и Дэвида отдохнуть у моря до окончания его школьных каникул.

Однажды на пляже какое-то насекомое укусило Бетти в ступню. Она не могла сказать, что это было за насекомое, и нам так и не удалось этого выяснить. Ночью нога начала опухать и болеть, позвали доктора, тот немедленно отправил ее в местную сельскую больницу и вызвал меня. Состояние ее ухудшалось, боль усиливалась; наконец наступил момент, когда боль стала слишком сильной, ей постоянно делали уколы, и она редко приходила в сознание. К этому времени я въехал в наш дом в Портсмуте; у Дэвида начались занятия в школе в Хиндхеде. Я использовал каждую возможность, чтобы быть с Бетти; временами ей становилось полегче, а иногда совсем плохо. Меня часто вызывали ночью, и я ехал на автомобиле в Бернхэм-он-Си, так что выучил на дороге каждый поворот. Яд медленно поднимался по ноге. Наступил день, когда доктора сочли, что единственным выходом из положения является ампутация; я согласился и получил надежду. Но операция не [40] принесла облегчения, ничто не могло остановить дальнейшего продвижения яда, нам оставалось только ждать. Доктора делали все возможное, уход был обеспечен наилучший, однако сепсис остановить не удалось. Бетти скончалась 19 октября 1937 года на моих руках. Во время болезни я часто читал ей, преимущественно из Библии. Последнее, что она услышала, за несколько минут до смерти, был

23-й псалом.

Я похоронил ее на кладбище в Бернхэм-он-Си. Дэвида на погребении не было, я также ни разу не позволил ему увидеть мать страдающей и медленно умирающей. Это было выше моих сил. Ему исполнилось только девять, и в школе он чувствовал себя хорошо; после похорон я поехал к нему и сам все сказал. Возможно, это неправильно, но я поступил так, как подсказывало мне сердце.

Побыв немного с Дэвидом, я вернулся в Портсмут, в дом, который должен был стать нашим общим домом; много дней я провел там один, не желая никого видеть. Я был полностью раздавлен: начал раздумывать, чем же я заслужил столь страшный удар, и не находил ответа; душа в тоске восставала против такой очевидной несправедливости. Мне казалось, я нахожусь в кромешной тьме, силы покинули меня. У меня оставался Дэвид, но он был не со мной.

Постепенно я начал осознавать, что пути Господни неисповедимы и человек не должен жаловаться, как бы тяжелы сначала ни казались ему испытания. У меня есть обязательства по отношению к другим, например к моей бригаде. Я понял, что должен продолжать делать свою работу. Следовало подумать также и о Дэвиде; теперь на свете нас только двое, и его нужно регулярно навещать в школе и хорошо заботиться о нем в каникулы.

И через несколько недель я снова начал жить. Меня очень поддержал мой начальник оперативно-разведывательного отдела штаба бригады майор Ф. В. Симпсон; он был надежной опорой и взял на себя все, что мог. «Симбо» служил у меня начальником штаба, когда я после Дюнкерка принял корпус, и стал моим заместителем в Имперском генеральном штабе. Со временем он превратился в одного из самых компетентных и умелых штабных офицеров нашей армии, сейчас генерал сэр Фрэнк Симпсон в отставке. С помощью Симпсона и других друзей я восстановился. [41]

В раннем детстве воспитанием Дэвида практически полностью занималась мать, ему даже как будто не нравилось, если я вмешивался в этот процесс. Он был с характером, и мать всегда уступала ему. Помня о моем детстве, мы планировали, что я возьму на себя ведущую роль в его воспитании, когда он пойдет в школу. Наш план уже вступил в действие, но теперь его мать неожиданно умерла. Нам нужно было научиться жить вдвоем по-новому, прежние проблемы скоро перестали существовать, и он перенес на меня всю свою любовь. Несколько раз мы вместе весело проводили каникулы и стали близкими друзьями. Когда

Бетти умерла, ему было девять лет, мне — пятьдесят.

Мои друзья радовались, что я снова начал нормальную жизнь, а некоторые даже поговаривали о моей новой женитьбе. Они плохо понимали, о чем говорят. Я не верю, что человек может любить дважды, по крайней мере, так, как любил я.

Теперь я был одинок, исключая время школьных каникул, когда со мной был Дэвид, и я полностью погрузился в работу. Моя 9-я пехотная бригада стала лучшей в Англии, в учебных боях нам не мог противостоять никто. В 1937 и 1938 годах военное министерство выбирало нас для специальных учений и испытаний, в общем, мы часто находились на виду.

После окончания войны в 1918 году я работал совместно и под руководством очень квалифицированных офицеров в штабных колледжах Кэмберли и Кветты. Благодаря усердной работе и приобретенному опыту командования я в заметной степени овладел своей профессией; это придало мне уверенности в том, что я способен справиться с большинством задач, которые могут встать передо мной. По всей вероятности, я был слишком уверен в себе и не скрывал этого. Однако меня частенько ставили на место, что, без сомнения, было полезно; мне не давали слишком часто выходить из повиновения и стать излишне властным. Полагаю, что к моменту, когда я в 1937 году принял командование 3-й бригадой в Портсмуте, худшее было позади; я усвоил урок, и попутный ветер дул мне в паруса.

Я в основном жил один и научился концентрироваться. Эта способность сосредотачиваться и выделять главное из массы деталей теперь развилась во мне еще больше, вследствие страшного [42] одиночества, обрушившегося на меня после смерти жены. Я всего себя посвятил своей профессии.

В Портсмуте я нажил серьезные неприятности с военным министерством и в какой-то момент оказался в весьма затруднительном положении. Вот как это случилось. Средства моего гарнизона нуждались в существенном пополнении, чтобы обеспечить необходимые усовершенствования в области социального обеспечения семей военнослужащих. Поэтому я решил сдать футбольное поле организатору ярмарки на время августовских банковских каникул; он предложил мне 1000 фунтов, и в конце концов я договорился с ним на 1500. Муниципальный совет Портсмута, узнав о моем плане, отказал в проведении ярмарки в этом месте. Тогда я нанес неофициальный визит лорд-мэру Портсмута и, в случае если он обеспечит прохождение через совет моего замысла, предложил ему 500 фунтов из этих денег для какого-нибудь дорогого его сердцу проекта; лорд-мэр согласился. Я заключил сделку, получил 1500

фунтов, 500 передал лорд-мэру, а 1000 быстренько истратил на социальные нужды гарнизона. В это время слухи о моем предприятии дошли до военного министерства, и мне указали, что я нарушил правила сдачи в аренду принадлежащей министерству земли; там были готовы не придавать этому факту значения, если я немедленно сдам 1500 фунтов. Я ответил, что денег уже нет, и предоставил все квитанции. Разразился скандал. Из Солсбери ко мне приехал генерал-майор — начальник административно-хозяйственного управления Южного военного округа и объявил, что сей инцидент лишил меня всех шансов на продвижение по службе. Однако генерал Уэйвелл, командующий Южным военным округом, посмотрел на дело иначе; его даже позабавило, что я честно и открыто усовершенствовал гарнизонные удобства за счет военного министерства. Он поддержал меня и затеял по этому вопросу переписку между военным министерством и Солсбери. Папка с делом стала довольно пухлой. Потом меня неожиданно повысили, и я никогда больше ничего не слышал об этой папке. Но некоторое время я оставался притчей во языцех.

В октябре 1938 года, прослужив в Портсмуте немногим больше года, я был переведен в Палестину и получил под командование несколько армейских частей в Северной Палестине, которые [43] участвовали в подавлении арабского восстания; моей задачей было организовать из них новую, 8-ю дивизию со штабом в Хайфе. Такая работа меня очень привлекала, я получил уже генерал-майора, несмотря на свои проступки в Портсмуте. Однако перемещение в Палестину означало, что я оставляю Дэвида, и мне пришлось поручить заботы о мальчике моим добрым друзьям в Портсмуте. С этих пор у него началась невеселая жизнь, поскольку уже вскоре после моего отъезда из Палестины, в 1939 году, началась война. До 1948 года мне не удавалось снова создать для него дом. На личность и характер решающее влияние оказывают два фактора: наследственность и окружающая обстановка. У Дэвида, без сомнения, была прекрасная наследственность: долгая череда его предков служила либо церкви, либо государству и честно исполняла свой долг. А вот условия жизни мальчика после смерти матери оставляли желать лучшего. В течение нескольких лет он часто проводил каникулы в детских лагерях. Только когда я отправился в Африку в августе 1942 года, он наконец поселился у майора Рейнольдса и его жены в Хиндхеде, и эти достойные люди воспитывали его и помогали формировать характер, пока я был на войне. Майор Рейнольдс руководил школой в Хиндхеде, где учился Дэвид; он уже давно был нам надежным другом, а с

1942 по 1948 год здание его школы стало для меня с Дэвидом домом. Майор Рейнольдс умер в 1953-м. Многие мальчики обрели себя благодаря ему и его жене, и с его смертью страна лишилась настоящего человека. Я многим обязан им, как и Дэвид; они воспитывали его в сложные годы становления характера и заботились о нем, как о собственном сыне.

Зимой 1938–1939 годов, сражаясь в Палестине, я получил сообщение, что меня назначили командовать 3-й дивизией в Англии. Это была регулярная дивизия со штабом в районе Солсбери, и в нее входила 9-я пехотная бригада, которой я командовал в Портсмуте до того, как попал в Палестину. Я был искренне рад. 3-я дивизия являлась частью британских экспедиционных сил для отправки в континентальную Европу в случае войны. Тучи войны уже сгущались, в воздухе пахло дождем; было необходимо гарантировать, что наш военный зонтик находится в надлежащем состоянии, и эта задача пришлась мне по душе. Я должен был принять командование 3-й дивизией в августе 1939 года. [44]

Однако в мае 1939 года я неожиданно серьезно заболел. Меня на носилках доставили в военный госпиталь в Хайфе, и, поскольку у меня в легком обнаружили затемнение, все сочли, что это туберкулез. Лучше мне не становилось, и в конце концов я потребовал, чтобы меня отправили домой в Англию. Я был уверен, что, уехав из жаркого и влажного климата Хайфы, я обязательно поправлюсь. Меня отправили в Англию в сопровождении двух медицинских сестер и двух санитаров, поскольку я считался тяжелобольным. Так и было.

Морское путешествие поставило меня на ноги, и в Тилбери я сошел на берег в добром здравии. Направившись прямо в лондонский Миллбэнк-госпиталь, я запросил полное медицинское обследование; оно заняло три дня, и заключение гласило, что у меня все в порядке. Я поинтересовался затемнением в легком — оно исчезло.

После отпуска я отправился в военное министерство и спросил, могу ли я теперь приступить к командованию 3-й дивизией. Тучи войны уже висели совсем низко, и армия ждала мобилизации. Мне объяснили, что при мобилизации предполагавшиеся ранее назначения автоматически отменяются и все остаются на своих местах. Теперешний командир 3-й дивизии был выбран на должность губернатора колонии и в ближайшее время собирался выехать к новому месту службы, теперь же ему придется остаться в дивизии.

Тогда я сказал, что хотел бы вернуться в Палестину к своей 8-й дивизии; однако ответ был отрицательным, поскольку мою

дивизию уже принял новый командир. Мне объявили, что я перехожу в объединенный резерв генерал-майоров, ожидающих назначения. Это меня совсем не устраивало — Британия готовится к войне, а мне придется ждать места. Я допек военное министерство. В итоге того генерала все-таки отправили в колонию, он прекрасно соответствовал этой работе и стал великолепным губернатором. Я принял 3-ю дивизию за несколько дней до объявления войны. [45]

Глава четвертая. Англия вступает в войну в 1939 г

28 августа я принял командование 3-й дивизией. Частичная мобилизация уже началась, полную предполагалось объявить 1 сентября, в тот самый день, когда немецкие войска вторглись в Польшу, а Германии предъявили ультиматум.

В этой главе я сосредоточусь исключительно на действиях британских экспедиционных войск (БЭВ), посланных во Францию вскоре после объявления войны, в состав которых входила и моя дивизия. О происходившем в это время на других театрах военных действий, скажем, в Норвегии, я знаю только то, что слышал от кого-либо или читал.

Подробно переброска БЭВ через Английский канал во Францию в сентябре и октябре, первая военная зима, активные боевые действия, которые развернулись 10 мая 1940 года и закончились в июне, описаны майором Л. Ф. Эллисом в книге «Война во Франции и Фландрии 1939–1940 гг.», опубликованной Издательством Ее Величества в 1953 году. Это очень хорошая книга и прекрасно передает события того времени, но это толстый формат, перегруженный подробностями, которые не представляют интереса для широкой публики. Более того, автору по необходимости пришлось опустить некоторые существенные факторы, повлиявшие на исход кампании. Упомянув их, ему пришлось бы возложить ответственность за многое из того, что произошло, на плечи политического и военного руководства страны в предвоенные годы.

В сентябре 1939 года английская армия оказалась совершенно не готова к ведению современной войны в континентальной Европе. Долгое время в Англии считалось, что в случае новой войны с Германией ее участие в обороне Запада ограничится в основном действиями военно-морских и военно-воздушных [46] сил. Уму непостижимо, какой политик мог представить себе, что во время новой мировой войны Англии удастся избежать направления своей армии на континент на помощь французам.

В предвоенные годы в Англии какое-то время не проводилось никаких крупных военных учений. Впрочем, наша регулярная армия и не смогла бы проводить учения в обстановке, приближенной к боевой. Сухопутные войска не располагали адекватной системой связи, не имелось эффективной службы тыла, отсутствовала четкая структура высшего командования. Все

это пришлось создавать на ходу, уже отмобилизовавшись. Оставлял желать лучшего и транспорт: во время мобилизации автомобильный парк пополнялся за счет машин, реквизированных у гражданских фирм. Транспортные средства моей дивизии в значительной мере состояли из автобусов и грузовиков, реквизированных в городах по всей Англии. Практически все они нуждались в серьезном ремонте, вот почему, когда моя дивизия проследовала из порта высадки в район сосредоточения около границы Франции, на обочинах французских дорог осталось множество вышедших из строя автомобилей.

Основу противотанкового вооружения моей дивизии составляли орудия калибра 42 мм. На вооружении пехоты были противотанковые ружья калибра 20,32 мм. У французов срочно закупили орудия калибра 37 мм на ручных станинах. Каждый батальон получил несколько таких орудий. Помимо этого, в моей дивизии против танков могла использоваться часть дивизионной артиллерии — орудия калибра 94 мм.

Где-то во Франции имелась одна армейская танковая бригада, подчиненная непосредственно главнокомандующему. Лично я не видел ни одного танка этой бригады ни зимой, ни во время активных боевых действий в мае. А ведь именно мы, англичане, изобрели танк и впервые в 1916 году использовали его в бою.

К стыду, приходится признать, что мы послали нашу армию на эту самую современную войну с совершенно неадекватным вооружением и снаряжением, а потому должны винить только себя за те катастрофы, которые постигли нас на полях сражений в 1940 году, когда начались боевые действия.

Кто должен нести за это ответственность? По моему мнению, все сменявшие друг друга английские правительства в период [47] между мировыми войнами, а особенно те, что руководили страной с 1932 года, когда заговорили о необходимости перевооружения армии на современной основе. До 1938 года дальше обсуждений дело не шло, а в 1939 году реформа армии все еще продвигалась черепашьими темпами. Достаточно точно зная ситуацию, сложившуюся в дислоцировавшейся во Франции английской полевой армии, а особенно в моей дивизии, я крайне удивился, прочитав в газете в один из октябрьских дней 1939 г. речь, произнесенную в парламенте министром обороны (Хор-Белишем), в которой он объявил о развертывании во Франции британских экспедиционных войск. Он заверил парламент и народ Великобритании, что только что отправленная во Францию армия подготовлена «по последнему слову техники, превзойти

которое невозможно. Наша армия вооружена не хуже, если не лучше, любой другой армии».

Теперь обратимся к структуре командования и управления боевыми действиями. В конечном счете именно это является решающим фактором, от которого зависит все, при условии, что войска соответствующим образом вооружены и обучены. Учитывая быстротечность операций, несовершенная организация командования в современной войне вполне может привести к поражению.

Вероятно, наиболее значительными начальниками в министерстве накануне войны были следующие. Начальник Имперского генерального штаба (НИГШ) лорд Горт, кадровый командующий английской армией. Слово «имперский» добавили к названию этой должности в 1909 году. Сейчас оно утратило первоначальное значение. Начальник оперативного и разведывательного управления (генерал-майор Генри Паунелл), который отвечал за все планирование боевых действий и получение разведданных, на основе которых оно осуществлялось. В те дни один генерал-майор возглавлял оба направления, и оперативное, и разведывательное. Теперь они разделены, и каждое возглавляется генералом. Начальник управления территориальной армии (генерал-майор Дуглас Браунригг). В марте 1939 года правительство без консультаций с НИГШ и даже не поставив его в известность, удвоило численность нашей армии. Горт, который тогда занимал пост НИГШ, сказал мне, что узнал об этом из утренней газеты. [48]

Все три офицера в день объявления войны были переведены из министерства в БЭВ, Горт занял должность командующего БЭВ, Паунелл — начальника штаба, Браунригг — генерал-адъютанта.

Просто невероятно, что такое могли допустить. Но это произошло. Насколько мне известно, таким же образом военное министерство обезглавили и в 1914 году.

В армии всегда считалось само собой разумеющимся, что начальник Олдершота[9] автоматически становится командующим любой английской армией, отправляемой за рубеж в военное время, и, соответственно, правительство проводило такое назначение. В сентябре 1939 г. Олдершотом командовал генерал Дилл, и мы все были уверены и надеялись, что его назначат командующим БЭВ. Но говорили, будто командование БЭВ в случае войны обещано генералу Айронсайду в компенсацию за то, что его в свое время обошли, отдав должность НИГШ Горту. В то время он занимал пост генерал-инспектора войск на заморских территориях, которого в настоящее время не существует. До меня доходили слухи, что Дилл даже перебрался в

Кэмберли и за несколько дней до объявления войны начал формировать свой штаб в зданиях военной академии Сандхерст. Эти два кандидата, Дилл и Айронсайд, должно быть, сильно удивились, когда должность командующего получил третий кандидат, Горт, тогдашний НИГШ. На этом сюрпризы не закончились — Горта на этом посту заменили Айронсайдом. В мае 1940 г. его с этой должности сняли.

А теперь давайте посмотрим, что представляли собой командующий БЭВ и его штаб. Горт был замечательным человеком, верным другом, искренним в словах и делах, не способным на низость или интриганство. Он мог служить идеальным примером прекрасного войскового офицера: знал все, что только можно, о солдате, его обмундировании и обуви, тактике подразделений на поле боя. Самым высоким его постом в войсках было командование пехотной бригадой. Он был человеком недалекого ума и не придавал значения организации работы [49] тыла. Все его мысли занимало само ведение боя, и особенно действия передового охранения на ничейной земле.

Горт расположил свой штаб в Абарке и его окрестностях. Штабы различных родов войск и служб заняли тринадцать деревень на территории площадью около пятидесяти квадратных миль. Для координации их работы пришлось создавать громоздкую и неповоротливую систему коммуникаций. На поиски того или иного человека уходила масса времени, и с управлением войсками с самого начала стали возникать трудности.

Я всегда придерживался мнения, что назначение Горта командующим БЭВ в сентябре 1939 г. было ошибкой. Эта должность была ему не по плечу. Достаточно прочитать директиву от 3 сентября 1939 года, подписанную министром обороны Хор-Белишем, чтобы понять, что от него ожидали. Эта директива представляет собой достаточно внятное пояснение относительно организации командования, и выполнить поставленные в ней сложные задачи мог только человек большего интеллектуального потенциала, чем Горт. Более того, от него требовали невозможного: его штаб должен был выполнять не только функции генерального штаба, но и непосредственно управлять приданными ему боевыми подразделениями и тыловыми службами. Ниже приводятся эти директивы главнокомандующему.

ИНСТРУКЦИИ КОМАНДУЮЩЕМУ АНГЛИЙСКИМИ ЭКСПЕДИЦИОННЫМИ ВОЙСКАМИ 1. Задача войск, находящихся под вашим командованием, — сотрудничать с нашими союзниками в нанесении поражения нашему общему врагу. 2. Вы будете непосредственно подчиняться французскому

командующему Северо-Восточного театра боевых действий. Для достижения общей цели вы должны беспрекословно выполнять любые его указания. Но при этом, если вам покажется, что отданный им приказ ставит английский экспедиционный корпус под угрозу, между правительствами Франции и Англии достигнута договоренность о том, что вы имеете право обратиться к правительству Англии, прежде чем выполнять этот приказ. [50] И хотя обе стороны выражают надежду, что необходимость для такого обращения будет возникать редко, если вообще возникнет, без колебаний воспользуйтесь этим правом, если сочтете, что без этого не обойтись. 3. Вначале войска под вашим командованием будут состоять из двух корпусов по две дивизии в каждом, штаба командующего, корпусных и армейских служб связи и тыла, а также авиационной группы в составе двух бомбардировочных, одной истребительной и шести эскадрилий общевойсковой поддержки. 4. Правительство Англии выражает желание, чтобы войска под вашим командованием располагались, насколько это возможно, компактно. Если в какой-то момент французский командующий Северо-Восточным театром военных действий сочтет необходимым перебросить какую-то английскую часть в район, отстоящий от места сосредоточения главных сил БЭВ, следует исходить из того, что такая раздробленность может быть только временной, и эта войсковая часть должна быть как можно скорее возвращена в район сосредоточения главных британских сил. 5. Если вышеуказанная авиационная группа будет находиться под вашим командованием, то группа ударной авиации передового базирования, которая также будет действовать с территории Франции, является отдельным соединением в непосредственном подчинении командующему бомбардировочной авиацией королевских ВВС в Соединенном Королевстве. Военное министерство берет на себя материально-техническое обеспечение этой авиационной группы и доставку всего необходимого с общевойсковых тыловых баз до станций снабжения, и это входит в вашу, как командующего экспедиционными войсками, сферу ответственности. При этом на ваши войска не возлагается защита аэродромов или станций снабжения ударной авиации передового базирования. Эту задачу взяла на себя французская сторона. Если же возникнет ситуация, которая потребует от вас взять на себя защиту ударной авиации, вы получите указания из военного министерства. 6. Понятно, что вам может потребоваться более активная воздушная поддержка, чем та, которую может обеспечить приданная вам авиационная группа. Дополнительная поддержка [51] может потребоваться для защиты ваших войск от атак авиации противника, для прикрытия

с воздуха действий наземных войск, для обеспечения тактического превосходства в воздухе в какие-то конкретные моменты. В случае необходимости вам следует обращаться за такой поддержкой к командующему ударной авиацией передового базирования. Лесли Хор-Белиш 3/9/39.

Прочитав эту директиву, следует взглянуть на схему командования союзных войск во Франции, приведенную на следующей странице.

Верховным главнокомандующим был генерал Гамелен. БЭВ, как показано на схеме, входили в 1-ю группу армий, которой командовал генерал Бийотт. Но, согласно директиве министра обороны Хор-Белиша, прямым начальником Горта был генерал Жорж. Отсюда и возможность неразберихи, которая в полной мере проявила себя на Северо-Восточном фронте.

Боевые действия начались 10 мая 1940 года, и уже на следующий день на фронте от Лонгви до моря сложилась следующая расстановка сил (с юга на север):

1-я группа армий генерала Бийотта:

2-я французская армия

9-я французская армия

1-я французская армия

Эти армии держали фронт на север по линии Лонгви — Седан — Вавр. Участок фронта Арденны — Маас занимали 2-я и 9-я армии, укомплектованные наименее боеспособными дивизиями. 1-я армия, занимавшая позиции рядом с БЭВ, наоборот, состояла в основном из вполне боеспособных дивизий.

БЭВ

Не подчинялись генералу Бийотту и получали приказы непосредственно от генерала Жоржа. Моя 3-я дивизия располагалась на левом фланге БЭВ. Левее находилась бельгийская армия. [53]

Бельгийская армия

Действовала независимо, под командованием короля Бельгии

7-я французская армия (генерал Жиро)

Входила в 1-ю армейскую группу и по замыслу генерала Жоржа находилась в резерве за его левым флангом. Такое решение Жоржа было правильным. Но Гамелен решил иначе. Он приказал семи дивизиям этой армии выдвинуться через Бельгию в направлении Антверпена, чтобы поддержать бельгийские и голландские войска. Дивизии понесли тяжелые потери и остались без боеприпасов. 7-я армия ничего не добилась, да, наверное, и не могла добиться в сложившейся ситуации. Ее наступление было едва ли не самой большой ошибкой Гамелена, потому что дестабилизировало весь Северо-Восточный фронт. Возможно, все

было бы не так уж плохо, если бы 7-ю армию оставили в резерве за левым флангом.

Кроме несовершенной структуры командования, ситуацию усугубляло состояние системы связи, отнюдь не способствовавшее упрощению управления войсками. Со дня объявления войны французы настаивали на такой высокой степени радиомолчания, что радисты либо вообще не выходили в эфир, либо ограничивались короткими сообщениями, и, разумеется, не использовались мощные радиопередатчики. В результате радиосвязь в БЭВ не стала эффективным средством коммуникации, а за пределами БЭВ ее практически не существовало. В результате внутренняя связь в войсках союзников практически полностью осуществлялась по гражданским телефонным линиям, что всегда грозило утечкой информации.

Более того, с момента высадки во Франции в 1939 г. и до начала боевых действий в мае 1940 г. штаб БЭВ ни разу не проводил учений, войсковых или штабных. Это объясняли необходимостью радиомолчания, однако ничего не мешало проводить штабные учения на макете местности. Это привело к тому, что в БЭВ полностью отсутствовали общее понимание стратегии и тактической доктрины. Из-за возникающих расхождений во мнениях не находили компромиссных решений, не чувствовалось твердой руки высшего руководства в осуществлении единой линии. [54]

12 мая была достигнута договоренность о том, что координацию действий БЭВ и бельгийской армии возьмет на себя генерал Бийотт, который будет действовать от имени генерала Жоржа. Однако эта координация так и не превратилась в эффективное управление всеми участвовавшими в войне войсками. А в условиях боевых действий этот фактор имеет решающее значение. Генерал Бийотт выбыл из строя 21 мая, получив серьезные травмы в автомобильной аварии, и умер двумя днями позже. И уже никто не координировал действия бельгийских, французских и английских войск. Лишь тремя днями позже на место Бийотта назначили генерала Бланшара из 1-й французской армии, но было уже слишком поздно.

Основным каналом связи оставался обычный проводной телефон, дополнявшийся связными офицерами и личными встречами командующих или штабных офицеров. 16 мая наступление немецких войск началось с того, что отряды диверсантов перерезали телефонные провода, оборвав связь между штабами Верховного главнокомандующего генерала Гамелена и Северо-Восточного фронта (генерал Жорж). В тот же день прекратилась вся прямая связь между генералом Жоржем и

1-й группой армий (генерал Бийотт). С 17 марта Горт лишился телефонной связи со штабами бельгийской армии, которая располагалась на левом фланге от вверенных ему войск, 1-й французской армии, стоявшей справа, и Северо-Восточного фронта (генерал Жорж), находящегося у него в тылу. У трех командующих не осталось других средств непосредственного общения, кроме личных встреч.

План Горта состоял в следующем: при начале боевых действий выдвинуться вперед с мобильным штабом, оставив главный штаб в Аррасе. Но по мере развития событий все больше офицеров говорили, что их место в передовом штабе, который раздувался на глазах, так что от этого варианта пришлось отказаться. Поэтому окончательный вариант предполагал лишь создание выдвинутого далеко вперед небольшого командного пункта. Из-за системы связи, неадекватной стоящим перед ней задачам, командный пункт можно было разместить лишь в тех местах, где на поверхность выходили кабели международной телефонной связи, таких мест было очень немного, и расположены они были на [55] значительном расстоянии друг от друга. Связь эта, само собой, также не обеспечивала необходимых секретности и надежности. А те несколько радиостанций, которыми располагали войска, не могли справиться с потоком информации. Да и размеры командного пункта росли и росли.

Наконец, никуда не годилась и организация разведки. 15 мая у французов, занимавших позиции справа от БЭВ, возникли серьезные проблемы. Немцы осуществили прорыв на участке фронта 9-й французской армии, а у штаба командующего БЭВ не было связного офицера в штабе этой армии, какой, к примеру, был в 1-й французской армии, чьи позиции примыкали непосредственно к позициям с БЭВ. Так или иначе, но Горт получил подробную информацию о прорыве фронта с запозданием. Не вызывает сомнений, что его штаб (разведка) не получал от французов оперативной информации о ситуации, складывающейся как с французскими, так и немецкими войсками. И тогда было принято поразительное решение. 16 мая Горт вызвал начальника разведки (генерал-майора Мейсона-Макферлана) и поручил ему с небольшими силами защиту правого фланга позиций БЭВ с тыла. Генерал взял с собой старшего штабного офицера своего отдела (подполковника Джерадда Темплера). Как следствие, генерал Горт часто оставался без оперативной информации о противнике. В целом, распределение обязанностей между штабом и командным пунктом было плохо продумано с самого начала, весь план такой организации штабной работы свидетельствовал о

непрофессиональном подходе его разработчиков.

Сказанного вполне достаточно, чтобы показать, что с точки зрения командования и управления войсками, противостоящими немцам во Франции в мае 1940 года, битва была, практически проиграна, еще не начавшись. Все было сшито на живую нитку.

Кто должен нести главную ответственность? Очевидно, генерал Гамелен. Он занимал пост главнокомандующего и, следовательно, отвечал за всю кампанию. Он ничего не сделал для того, чтобы кардинально изменить ситуацию в лучшую сторону. Но я также виню и британский генеральный штаб. Он не имел права посылать английскую армию на фронт при такой несовершенной [56] системе управления войсками. Ясно, что в значительной мере виноваты Горт и его начальник штаба. Зная о наличии серьезных проблем в высших эшелонах командования, они просто обязаны были более профессионально организовать работу своего штаба. Я никогда не был высокого мнения о штабных работниках. Впрочем, для подчиненных это обычное явление!

Сектор моей дивизии располагался к югу от Лилля. Передо мной ставилась задача соорудить оборонительные позиции, которые стали бы продолжением линии Мажино за пределами бельгийской границы. До 10 мая Бельгия оставалась строго нейтральной страной. Помимо создания оборонительных, я готовил дивизию к активным боевым действиям, зная, что рано или поздно дело до этого дойдет. Происходящее вызывало у меня глубокое негодование. Франция и Англия ничего не предпринимали, когда Германия проглатывала Польшу. Мы ничего не предпринимали, глядя, как немецкая армия перемещается на Запад, исключительно с тем, чтобы потом атаковать нас. Мы терпеливо ждали, когда же это случится. И все это время лишь изредка бомбили Германию листовками. Если это называлось войной, то я такой войны не понимал.

Я хорошо помню приезд Невилла Чемберлена в мою дивизию. Это случилось 16 декабря 1939 года. После обеда он отвел меня в сторону и сказал тихим голосом, чтобы никто не услышал: «Я не думаю, что у немцев есть намерение атаковать нас. А вы?»

Я не стал скрывать, что, по моему разумению, наступление начнется, как только они сочтут, что время пришло. Но сейчас стоит зима, и нам надо готовиться к тому, что с приходом тепла начнутся тяжелые бои.

3-я дивизия, несомненно, с пользой использовала первую военную зиму и постоянно проводила боевые учения. Если бы немецкая армия нанесла удар по бельгийцам, мы должны были выдвинуться вперед и занять сектор по обе стороны Лёвена за

рекой Диль. Я готовил дивизию к выполнению этой задачи, перемещая войска на такое же расстояние на запад, отходя в глубь Франции. Мы научились совершать длинные ночные переходы и в темноте занимать и оборудовать оборонительные позиции, чтобы к утру во всеоружии встретить атакующего [57] противника. Я чувствовал, что нам придется сделать это, и так оно и получилось.

Моим корпусным командиром был генерал Брук (ныне лорд Алан Брук). Мы вместе преподавали в штабном колледже, и я хорошо его знал. Я питал и питаю к нему чувства глубокого уважения и восхищения. Считаю его лучшим солдатом, которым могла бы гордиться любая страна. Я никогда не беспокоил его по мелочам и, насколько помню, ни разу не задавал ему вопросов, получив приказ даже в самой сложной оперативной обстановке. Собственно, вопросов и не возникало, потому что его приказы и указания отличала предельная четкость. Он никогда не контролировал меня в том, как именно я выполняю его приказы. Несколько раз он выругал меня в щекотливых ситуациях, всегда поддерживал, когда другие ополчались на меня. Временами он был недоволен мной и выговаривал мне, но я никогда не обижался, потому что знал, что получил по заслугам.

Зимой 1940 года по приказу штаба БЭВ каждая дивизия по очереди посылала пехотные бригады в Саар, где шли боевые действия. Наши войска занимали позиции на линии Мажино и вели позиционные бои с немцами, занимающими линию Зигфрида. Я отправился туда в январе 1940 г., чтобы проинспектировать одну из моих бригад, и провел там несколько дней, изучая обстановку. Тогда я впервые за время войны увидел французскую армию в действии, и увиденное столь обескуражило меня, что по возвращении я поспешил доложить командиру моего корпуса о моих опасениях относительно боеспособности французской армии и о том, чем это нам может грозить в будущем! Брук побывал там до меня и пришел к тому же заключению.

Чаще всего на линии Мажино слышались слова: «Они не пройдут» или «Мы им покажем».

Но царящие там настроения не вызвали у меня уверенности в том, что так оно и будет. Брук и я договорились не сообщать подчиненным о наших выводах. Я, однако, уверен, что он переговорил с Гортом.

Той зимой у меня возникли серьезные неприятности. Произошло следующее. После нескольких месяцев во Франции, большую тревогу у меня вызвали венерические заболевания в 3-й дивизии. Для того чтобы справиться с этой бедой, я обратился

[58] за помощью к врачам и даже священникам. Но все усилия не давали результата, и число заболевших только росло. Наконец я решил написать конфиденциальное письмо командирам всех подразделений дивизии, в котором предельно откровенно проанализировал проблему и высказал идеи относительно ее решения. К сожалению, копия моего письма попала в руки старшего капеллана в штабе БЭВ, и командующему (Горту) доложили о моих действиях. Мои взгляды на решение проблемы сочли неправильными и неприемлемыми. В штабе потребовали моей крови. Но командир корпуса (Брук) спас меня, настояв на том, что сам разберется со мной. Он и разобрался, устроив мне «разбор полетов». Среди прочего отметил, что не в восторге от моего литературного слога. Тем не менее мне удалось добиться требуемого результата: с эпидемией венерических заболеваний было покончено.

Я не собираюсь описывать в подробностях операции 3-й дивизии в ходе боевых действий, начавшихся 10 мая 1940 года. Но некоторые эпизоды небезынтересны. Первая задача, поставленная перед нами, соответствовала моим ожиданиям: выдвинуться вперед и занять сектор на реке Диль по обе стороны Лёвена. Дивизия идеальным образом выполнила этот маневр. Сектор на реке Диль занимала бельгийская дивизия, которая в тот момент еще не вошла в соприкосновение с немецкими силами. Бельгийские солдаты, проснувшись утром 11 мая, обнаружили, что на их позиции вышла английская дивизия. Мы прибыли ночью и без шума, так что бельгийцы наше прибытие проспали, возможно, потому, что немцев поблизости не было. Я поехал к бельгийскому генералу и попросил его отвести свою дивизию, чтобы мы могли занять линию обороны. Он отказался, заявив, что такого приказа не получал. Более того, по его убеждению, только бельгийцы могли защищать древний город Лёвен. Немцы приближались, и бельгийские войска, стоявшие перед нами на канале Альберта начали быстро отступать. В секторе оказалось слишком много войск, поэтому я отвел свою дивизию назад, на позиции позади бельгийской дивизии. Я решил, что наилучший способ убрать бельгийцев в тыл, а самим выдвинуться вперед — это прибегнуть к лести. Я сказал бельгийскому генералу, что в секторе должен быть только один командир, причем [59] командовать должен именно тот генерал, чья дивизия стоит на передовой. А потому я готов выполнять его приказы. Как же он обрадовался! Эта новость дошла до штаба БЭВ и вызвала бурю негодования. Ко мне прибыл командир корпуса. Я объяснил ему, что беспокоиться нечего, поскольку бельгийцы вскорости отойдут и командиром сектора стану я. Когда немцы

приблизились, и их артиллерия начала обстреливать позиции бельгийцев, мне не составило труда уговорить их генерала поменять наши дивизии местами. Бельгийцы покинули передовую, а вскоре и вовсе отошли к северу, где соединились с основными силами бельгийской армии.

Именно во время этой кампании у меня выработалась привычка ложиться спать рано, сразу после ужина. Практически весь день я проводил в войсках, виделся со всеми подчиненными командирами, узнавал об их проблемах, принимал решения и отдавал устные приказы. В штаб дивизии я всегда возвращался к пяти часам, проводил совещание со штабными офицерами, отдавал приказы на ночь и на следующий день. Потом ужинал и ложился спать. Подчиненные знали, что будить меня можно лишь в случае чрезвычайных обстоятельств. Я прекрасно помню, как разозлился и вышел из себя, когда среди ночи меня разбудили и сказали, что немцы вошли в Лёвен. Дежурный по штабу очень удивился, когда я ответил: «Уходите и не тревожьте меня. Скажите командиру бригады в Лёвене, чтобы он вышвырнул их оттуда». После чего я опять заснул.

История отступления БЭВ, отчаянная борьба за выживание и эвакуация из Дюнкерка и прилегающего к нему побережья, рассказывалась многократно. Моя дивизия делала все, что от нее требовали. Она напоминала корабль, плывущий под парусами по бурному морю: без труда маневрирует и легко повинуется малейшему повороту руля. Такой была моя 3-я дивизия. В ней не было слабых звеньев. Всех командиров, пригодность которых вызывала у меня сомнения, я заменил за шесть месяцев подготовки к боевым действиям. Дивизия была как остро отточенный стальной клинок. Я ею очень гордился.

Думаю, что самую трудную операцию нам пришлось проводить 27 мая, когда я отдал приказ о передислокации дивизии на левый фланг английских войск, чтобы ликвидировать брешь между 5-й дивизией и бельгийцами. Дивизии предстояло [60] провести ночной марш-бросок в двух километрах от позиций 5-й дивизии, где ожесточенный бой шел весь день и еще продолжался. Если бы этот маневр предложил курсант штабного колледжа, его, конечно же, сочли бы сумасшедшим. Но шла война, и приходилось идти на риск. Маневр удался, и к рассвету 28 мая мы закрыли брешь. Каково же было мое удивление, когда на рассвете того же дня я узнал, что в полночь король Бельгии сдался немцам вместе со своей армией, то есть соответствующие документы подписывались в момент, когда мои войска выходили на отведенные им позиции. Положение было пиковое! Вместо бельгийской армии на моем левом фланге образовалась пустота,

и мне пришлось немало поломать голову над тем, как выйти из этой непростой ситуации.

Во время боевых действий серьезно обострилась проблема с продовольствием, и все БЭВ получали только половинные рационы. В принципе на нас это не отражалось. Гражданское население, в своем большинстве, уходило, побросав свои фермы, так что мы забирали то, что находили на них, оставляя справку о конфискации мэрам, если удавалось их разыскать. В мясе дефицита не было, потому что моя служба тыла обычно реквизировала крупный рогатый скот и перегоняла его по мере перемещения дивизии: «мясной паек на копытах».

Перед тем как передислоцироваться на плацдарм у Дюнкерка, штаб 3-й дивизии располагался на территории аббатства Святого Сикста в Вествлетерене в Бельгии. Тогда я еще возил с собой кое-какие вещи и некоторые интересные бумаги: они не были секретными, но утратить их мне не хотелось. К тому же у меня была отличная корзинка для пикника. Я спросил аббата, брата М. Рафаэля Оэ, не присмотрит ли он за моими вещами: может быть, зарыть их в саду? Он согласился взять небольшую коробку и мою корзинку для пикника и искусно замуровал их в стену монастыря. Я сказал ему, что мы вернемся в Бельгию и я заеду за своими вещами. Когда в сентябре 1944 года мы освободили Бельгию, аббат написал мне, что мои вещи меня ждут. Всю войну они пролежали в тайнике, и немцы их не нашли. Я буду вечно благодарен аббату и его монахам за доброту, проявленную ими в те дни. Они не знали, какому подвергают себя риску; не знал тогда об этом и я. Теперь мне [61] ясно, что не следовало просить их прятать мои вещи, которые, по правде говоря, представляли для меня лишь сентиментальную ценность.

Последняя остановка в Ла-Панне

Штаб БЭВ прибыл в Ла-Панне 28 мая и оставался там до эвакуации. Местечко это выбрали по одной причине: там уходил под воду телефонный кабель в Англию. То есть до самого конца можно было нормально поговорить по телефону с Дувром и Лондоном. Моя 3-я дивизия заняла позиции на левом фланге Дюнкеркского плацдарма в ночь с 29 на 30 мая. Мы обороняли канал между Фюрне и Ньёпором. Мой штаб расположился среди песчаных дюн на окраине Ла-Панне. Штаб командующего, вернее, то, что он него осталось, занял дом на набережной. Теперь он состоял из самого Горта и нескольких офицеров.

Утром 30 мая Брук приехал в мой штаб в дюнах и сообщил мне, что ему приказано вернуться в Англию. Он был очень расстроен. Мы были большими друзьями, и я сделал все, что в моих силах, чтобы успокоить его, сказал, что очень важно как

можно скорее вывезти с плацдарма наших лучших генералов, поскольку впереди еще не один год войны. И даже если мы все погибнем, его необходимо спасти. Потом он сказал мне, что я должен взять на себя командование 2-м корпусом. Меня это удивило, потому что в корпусе я был младшим генерал-майором. Тем же вечером Брук отбыл в Англию.

Лорд Горт провел последнее совещание в своем штабе на набережной во второй половине того же дня, 30 мая. Я присутствовал на нем, потому что возглавил 2-й корпус. С 10 мая, когда начались боевые действия, я увидел лорда Горта впервые. Мой штаб находился рядом, я пришел первым и поговорил с ним до того, как началось совещание. Он сидел в столовой и имел удрученный вид, хотя и пытался казаться веселым, как всегда. Встретил он меня типичной для него фразой: «Позаботьтесь о том, чтобы этой ночью передовую надежно прикрыли боевые дозоры».

На совещании он зачитал нам телеграмму с последними инструкциями, полученными от правительства. И вот что нам предлагалось: [62]

«Продолжать защищать существующий периметр для того, чтобы обеспечить максимальную эвакуацию, которая в настоящий момент идет успешно. Каждые три часа докладывать текущую обстановку из Ла-Панне. Если мы сможем по-прежнему поддерживать с вами связь, то пошлем вам приказ эвакуироваться в Англию с теми офицерами, которых вы сочтете необходимым взять с собой, в момент, когда мы посчитаем, что под вашим командованием остались столь незначительные силы, что руководство ими может быть передано командиру корпуса. Вам следует сейчас назначить такого командира. Если связь будет прервана, передайте командование и возвращайтесь, как оговорено, когда состав вверенных вам войск сократится до трех дивизий. Это согласуется с военными нормами и не нанесет урона вашей чести. С политической точки зрения было бы непростительной ошибкой позволить противнику захватить вас в плен, когда под вашим командованием останутся только незначительные силы. Назначенному вами командующему корпусом вменяется в обязанность обеспечить взаимодействие с французскими войсками и эвакуацию из Дюнкерка или с побережья. Однако если, по его мнению, нанести противнику адекватный урон не удастся, он имеет право, после консультаций со старшим французским командиром, официально капитулировать, чтобы избежать бессмысленных потерь».

Принято считать, что на этом последнем совещании Горт объявил, что после его отъезда войсками будет командовать

генерал-майор Г. Р. Л. Дж. Александер. Это не так. Более того, генерал Александер на том совещании даже не присутствовал. Опишу, что там действительно произошло.

На совещании присутствовали два командира корпусов, генерал-лейтенант М. Дж. Г. Баркер, командир 1-го корпуса, и я, только что принявший 2-й корпус. Баркер стал командиром 1-го корпуса после возвращения генерала Дилла в Англию в апреле: его назначили заместителем начальника Имперского генерального штаба.

План Горта основывался на телеграмме военного министерства, и он приказал мне эвакуировать 2-й корпус следующей ночью, с 31 мая на 1 июня, а 1-й корпус получил приказ прикрывать наш отход. Горт проинформировал Баркера, что в случае [63] крайней необходимости тот имеет право сдаться немцам вместе с остатками своего корпуса. На том совещание и закончилось. Я остался после ухода остальных и попросил Горта уделить мне несколько минут для разговора наедине. Затем я сказал ему, что Баркер находится в таком состоянии, что было бы неверно доверять ему командование остающимися войсками. В той ситуации требовалась выдержка и ясный ум, потому что при удачном раскладе оставалась возможность эвакуировать 1-й корпус, избежав капитуляции. У него такой человек есть, генерал Александер, командир 1-й дивизии в корпусе Баркера. А самого Баркера следовало незамедлительно отправить в Англию, назначив Александера командиром 1-го корпуса. Я очень хорошо знал Горта, поэтому говорил прямо, решительно, настаивая на том, что именно так и следует поступить.

Горт медлить не стал. Баркера отослали в Англию, и больше я никогда его не видел. Александер принял командование 1-м корпусом. Теперь обоими корпусами командовали генерал-майоры. Мы встретились на следующий день в Ла-Панне, чтобы обсудить ситуацию. И оба были уверены, что все закончится хорошо. Так и вышло. «Алекс», действуя со свойственными ему выдержкой и уверенностью, сумел эвакуировать всех в Англию.

Вечером 30 мая я провел совещание с командирами дивизий 2-го корпуса и приказал им следующей ночью, 31 мая, обеспечить эвакуацию с побережья. В тот вечер в Ла-Панне сложилась неприятная обстановка. Снаряды рвались недалеко от дома, где я проводил совещание. Я также приказал, что те подразделения, которые не смогут эвакуироваться с побережья, должны берегом дойти до Дюнкерка и погрузиться на корабли в гавани.

Следующей ночью я вывел 2-й корпус. Ситуация на побережье была не из лучших. Некоторые из построенных нами импровизированных пристаней начали разрушаться, так что

многим пришло добираться пешком до Дюнкерка. Когда мы находились на берегу, моего адъютанта ранило в голову осколком снаряда. Я крепко отругал его за то, что он стоял без стальной каски, совершенно забыв, что и сам не надел ее, на что он мне тут же и указал. Это был Чарльз Суини из Ольстерского стрелкового полка. Он прослужил со мной всю войну и погиб в самом ее конце, в Германии. Я очень любил этого обаятельного ирландского [64] парня. После того как эвакуация с побережья закончилась, мы сами пешком отправились в Дюнкерк, который находился в пяти или шести милях, вместе с бригадным генералом Ритчи (теперь генерал, сэр Нейл Ритчи) и моим ординарцем. Добравшись туда на заре, поднялись на борт эсминца, который прибыл в Дувр 1 июня.

Лорд Горт

Я уже писал, что назначение лорда Горта командующим БЭВ было ошибкой. Я никогда не менял свою точку зрения, придерживаюсь ее и теперь.

Прежде всего нужно понять, что кампания 1940 года во Франции и Фландрии была проиграна Уайтхоллом за многие годы до ее начала, и рассуждать об этом просто не имеет смысла, Конечно, кто-то может добавить: «И Парижем». Поэтому ситуация требовала наличия в английской армии двух почти суперменов: одного — на должности начальника Имперского генштаба, второго — командующего БЭВ. Назначения же получили Айронсайд и Горт, по моему мнению, для этих должностей они не подходили. Более того, их назначили уже после объявления войны, это было ужасно.

Перед Гортом стояла практически неразрешимая задача. Конечно, он смело взялся за ее решение и старался как мог решить ее, но, как мы видели, не сделал многого из того, что следовало сделать. Я бы сказал, что он недостаточно взвешенно подошел к комплектованию своего штаба, остановил свой выбор не на самых достойных. Ему не хватало дальновидности, но то, что он видел, он видел очень ясно. Когда немцы перешли в наступление на позиции английской и французских армий, которое развивалось с катастрофической быстротой, он сразу понял, к чему это приведет: французы будут разбиты, и он должен будет вернуть в Англию максимально большую часть БЭВ. Планы эвакуации из Дюнкерка его штаб, насколько мне известно, начал разрабатывать примерно 21 мая. После этого Горт более не колебался. Стоял как скала, не позволял сбить себя с пути, который полагал единственно правильным. Когда генерала Бийотта 21 мая не стало и прекратилась координация действий [65] с французами, Горт принимал решения, исходя не из

конкретных приказов, а из своего видения ситуации, не нарушая при этом духа союзнического соглашения. Со временем его действия все более руководствовались еще одним фактором: ответственностью перед правительством Его Величества за безопасность БЭВ, находящихся под его командованием. И в последний момент он отправил Баркера в Англию и назначил Александера командиром 1-го корпуса и ответственным за завершение эвакуации.

Именно потому, что Горт видел ясно, пусть и не так дальновидно, как хотелось бы, нам всем удалось вырваться из Дюнкерка. Более способный человек, возможно, мог бы избрать другой план действий, скажем, попытаться отойти к реке Сомма, поддерживая контакт с французами. Сделай он это, и солдаты и офицеры БЭВ в конце концов оказались бы во Французской Северной Африке без оружия и снаряжения.

Горт ясно понимал, что должен по меньшей мере вернуть весь контингент БЭВ в Англию, причем с личным оружием. За это я выставляю ему высший балл и надеюсь, что история поступит так же. Он спас солдат и офицеров БЭВ. Спасенные, они смогли вновь пойти в бой. Что они и сделали небезуспешно, в чем немцы смогли убедиться. [66]

Глава пятая. После Дюнкерка: армия в Англии

Я прибыл в Лондон вечером 1 июня и наутро пошел в военное министерство, чтобы доложить о своем приезде начальнику Имперского генерального штаба Джеку Диллу, моему давнему другу.

Подавленный последними событиями, он спросил: «Вы отдаете себе отчет, что впервые за тысячу лет нашей стране угрожает вторжение вражеских войск?»

Я хорошо выспался в отеле, а потому, напротив, пребывал в радужном настроении и рассмеялся в ответ. Дилл рассердился и пожелал знать, что смешного я нашел в его словах. Я ответил, что английский народ никогда не поверит в угрозу вторжения, видя, какие никчемные генералы занимают некоторые посты в войсках метрополии, и привел примеры. Он не мог не согласиться, но пожурил меня за подобные высказывания в подобный момент, когда на страну градом сыпятся неудачи, добавив, что они только подрывают уверенность в победе. Я возразил, что такой откровенный разговор один на один в его кабинете не может принести вреда. И вновь он согласился. На следующий день я получил от него письмо с рекомендацией нигде и никому такого не говорить и, конечно же, подчинился. Однако ни на что не годные генералы один за другим покинули занимаемые ими посты.

Хотя Дюнкерк я покидал командиром корпуса, в Англии я попросил разрешения (и получил его) вернуться в мою 3-ю дивизию, чтобы реорганизовать ее и подготовить к грядущим боям.

Офицеры и солдаты БЭВ теперь находились в Англии, за исключением тех храбрецов, которые пожертвовали собой, чтобы большинство смогло покинуть континент. Если не считать личного оружия, наше вооружение и снаряжение практически целиком осталось во Франции. [67]

Транспорта и вооружения в Англии хватало лишь для полного оснащения одной дивизии. Было принято решение передать все 3-й дивизии с тем, чтобы подготовить ее к возвращению через Ла-Манш в зону боевых действий для поддержки небольшого контингента английских войск, который продолжал сражаться вместе с французской армией. Это была большая честь, хотя не думаю, чтобы кто-нибудь из нас сомневался в исходе нашего второго пришествия во Францию.

Однако новым командующим БЭВ намеревались назначить Брука, а под его руководством 3-я дивизия без колебаний пошла бы куда угодно.

На переформирование дивизию направили в Сомерсет. Мы получили новое вооружение и к середине июня были готовы вновь пересечь Английский канал. Но 17 июня Франция капитулировала.

После этого моя дивизия получила приказ передислоцироваться на южное побережье. Нам поручили оборону сектора, включающего Брайтон и территорию, расположенную к западу от него, с задачей подготовиться к отражению вторжения, которое на тот момент считалось неизбежным. Мы направились в район дислокации и свалились на головы тамошнего населения, как лавина. Рыли окопы в садах, расположенных на самом берегу вилл, в самых живописных местах устанавливали пулеметные гнезда, короче, выполняли свою работу так, как привыкли выполнять ее в чрезвычайных обстоятельствах. Конечно же, поднялась буря протестов. Мэры, члены совета графства, землевладельцы приходили ко мне с требованием прекратить фортификационные работы. Я отказывался и объяснял, что они крайне необходимы, потому что мы готовимся защищать южное побережье от немцев.

Главная проблема Англии в первые дни после падения Франции состояла в том, что люди пока не осознавали того, что произошло и что может произойти в будущем. Тот факт, что БЭВ удалось вырваться из Дюнкерка, многими рассматривался как великая победа английского оружия. Помню, какое негодование испытывал я и многие, мне подобные, глядя на английских солдат, которые расхаживали по Лондону и другим местам с цветастыми нарукавными нашивками «Дюнкерк». Они считали себя героями, и гражданское население думало так же. Страна [68] не желала понять, что английская армия потерпела в Дюнкерке сокрушительное поражение и нашему дому-острову грозит смертельная опасность. Люди не понимали необходимости принятия срочных мер. Черчиллю еще только предстояло донести эту мысль до нации словами, которые прогремели как гром и прозвучали как призывной псалм. Англичане не утратили своего духа, но понадобился Уинстон Черчилль, чтобы разбудить его.

Тем летом 1940 года на южном побережье, около Брайтона, я впервые встретился с Уинстоном Черчиллем и его женой. За время войны мы стали добрыми друзьями, и сегодня я полагаю его первым из своих друзей. Прежде чем продолжить свой рассказ, мне хотелось бы описать нашу первую встречу, поскольку мыслями я часто возвращаюсь к ней, и мы с ним часто ее

вспоминали.

Штаб моей дивизии располагался около Стейнинга, севернее Данунсов. Мне сказали, что премьер-министр хочет побывать в моей дивизии во второй половине дня 2 июля. Он собирался приехать на автомобиле и закончить инспекцию в Брайтоне, чтобы вечером сесть там на поезд и вернуться в Лондон. В те дни я был невысокого мнения о политиках, полагая их виновниками наших бед. Но мне хотелось увидеть политика, который многие годы перед войной говорил правительству за правительством, что нас ожидает; его не слушали, а теперь прогнозы сбылись.

Он прибыл с миссис Черчилль. Его сопровождали несколько человек, в том числе Дункан Сандис. Я так и не узнал, что подумал обо мне Черчилль в тот день, но он произвел на меня неизгладимое впечатление. Я показал ему все, что успел. Мы посетили Лансинг — колледж, в котором разместился Королевский ольстерский полк, я провел для него небольшое учение: один из батальонов атаковал небольшой аэродром на побережье, ранее «захваченный» немцами. Он был в восторге, особое впечатление на него произвели действия взвода, вооруженного автоматами «брен». Потом мы проехали по побережью и прибыли в Брайтон примерно в половине восьмого вечера. Он предложил мне поужинать с ним и его сопровождающими в отеле «Ройал Альбион», и во время ужина мы успели поговорить о многом. Он спросил, что я буду пить, и я ответил, что воду. Его это удивило. [69]

Я объяснил, что не пью и не курю, а потому здоров на все сто процентов. Он тут же ответил, что и пьет, и курит, а здоров на все двести. Эту историю часто передают, сильно приукрашивая, но то, что я рассказываю, — чистая правда. Из окна ресторана мы видели взвод солдат, которые готовили пулеметную позицию в павильоне на пирсе Брайтона, и он заметил, что во время учебы в школе заходил в этот павильон, чтобы посмотреть на состязание дрессированных блох. Потом мы коснулись моих проблем. Мне представлялось странным, что моя дивизия пребывает в инертности. Единственная полностью вооруженная дивизия в Англии, единственная дивизия, способная сражаться с врагом в любом месте, моя дивизия получила приказ зарываться в землю на южном побережье. Нашу задачу могли выполнить любые другие войска. Моей же дивизии следовало придать достаточное количество автобусов и держать ее в качестве мобильного резерва на случай быстрой контратакующей операции. Тогда почему меня лишили транспорта? В Англии тысячи автобусов. Часть могли бы выделить мне. Тогда моя дивизия могла бы отрабатывать такие контратакующие операции. Премьер-министр решил, что это

дельная мысль. Что подумали в военном министерстве, я не знаю. Но автобусы я получил.

В Уайтхолле принялись за разработку разных планов. Предлагались самые фантастичные варианты, но когда следовало принимать решение, кто их будет выполнять, ответ всегда был один: 3-я дивизия, поскольку других воинских соединений, готовых к боевым действиям, не имелось. Таким образом стратеги из Уайтхолла решили, что в первую очередь я должен готовить дивизию к захвату Азорских островов. Этот план прорабатывался очень тщательно. Изготовили модели островов, детально разработали операцию по их захвату.

Затем мне сказали, что захватить нужно будет не Азорские острова, а острова Зеленого Мыса. После того как немало сил было вложено в подготовку этой операции, мне предложили готовить планы по захвату городов Корк и Куинстаун в Южной Ирландии[10] [70] тем, чтобы использовать бухту в качестве военно-морской базы для борьбы с подлодками противника в Атлантике. Я уже однажды воевал в Южной Ирландии, в 1921 и 1922 годах, и хорошо понимал, что повторная попытка взять эти города отнюдь не увеселительная прогулка, да еще предпринятая силами всего одной дивизии.

Ни один из этих планов не дошел до стадии реализации, и я был уверен, что все бумаги, появившиеся на свет в результате нашей работы, легли в один из шкафов военного министерства с грифом «Дети войны». Я видел этот сейф. И не мог понять, как люди в здравом уме могли предположить, что в тот момент, когда Англия была почти беззащитной, премьер-министр позволит отправить за море единственную полностью экипированную и готовую к бою дивизию.

В июле 1940 года меня назначили командиром 5-го корпуса, и с этого момента я начал оказывать реальное влияние на подготовку армии к грядущим боям. Под этим я подразумеваю, что методы, отработанные в 5-м корпусе, потом распространялись и на другие воинские соединения, расквартированные за пределами Гэмпшира и Дорсета, где стояли его дивизии. В апреле 1941 года меня перевели командиром 12-го корпуса в Кент, где ожидалось вторжение немцев. В декабре 1941 года я получил повышение и стал командиром Юго-Восточной армии, расквартированной в графствах Кент, Сюррей и Суссекс. Вот так идеи и доктрина войны и методы подготовки к ней, разработанные на западе, в Дорсете, постепенно распространились по югу Англии до устья Темзы.

Давайте рассмотрим эти идеи. Это важно, потому что эту же доктрину я проводил в жизнь и в Африке в 1942 году, на Сицилии

и в Италии в 1943 году, в Нормандии в 1944 году. В сущности, сделанное мной на различных должностях в Англии за два года после Дюнкерка и стало основой наших успехов на долгом пути из Аламейна в Берлин.

По мере того как шло время и накапливался мой командный опыт, я получал возможность реализовывать на учениях и подтверждать свои идеи, а потому оказался готов к тому, чтобы в августе 1942 году принять командование 8-й армией. Эти два года я служил под командованием превосходных офицеров, которые [71] многому меня научили. Став командиром 5-го корпуса, я оказался в непосредственном подчинении у генерала Окинлека, который руководил Южным сектором. Не помню, чтобы мы хоть в чем-то приходили к единому мнению. Но его вскорости отправили главнокомандующим в Индию, и далее я служил под началом сначала Александера, а потом Пейджета, при этом Брук командовал войсками метрополии или возглавлял Генеральный штаб. Эти трое были близкими друзьями, и я высоко ставил их и как мужчин, и как солдат.

Прежде всего я занялся подготовкой солдат и офицеров, физической и моральной. Армия в Англии находилась в плохой боевой форме, и надлежало привести ее в должное состояние. Я часто вспоминал «Сказки земли и моря» Киплинга.

Я отдал приказ по 5-му корпусу о проведении усиленной подготовки солдат и офицеров к будущим боевым действиям. Занятия должны были проводиться невзирая на погодные климатические условия: в дождь, снег, лед или грязь, при ярком солнце и под обложными облаками, в любое время дня и ночи, с тем чтобы воевать лучше немцев. Если они хорошо воевали только в хорошую погоду и в дневное время, а мы сумели бы воевать с одинаковым успехом при любой погоде и в любое время суток, тогда мы смогли бы побить их. Все занятия в каждом отдельном подразделении рассматривались как подготовка к масштабным учениям, которые проводились в обстановке, максимально приближенной к боевой. Учения на уровне дивизии и выше должны были подготовить командиров, штабы и войска к ведению боевых действий непрерывно и с одинаковым напряжением в течение длительного времени, и все службы обеспечения хорошо представляли себе, что должны делать в любое время суток, чтобы вся «машина» работала как часы.

Командиры и штабные офицеры всех уровней, которые не выдерживали такого напряжения или уставали, выпалывались, как сорняки, и заменялись без всякой жалости.

Тотальная война требовала тотальной готовности на всех уровнях, от высокого до самого низкого. Как оно всегда

случается, по завершении боевых действий растет объем бумаг, и штабные офицеры и писари основное время проводили за столами. [72]

Я отдал приказ, согласно которому в каждом штабе весь личный состав, офицеры и рядовые, раз в неделю прекращали работу и совершали семимильную пробежку. Приказ распространялся на всех военнослужащих моложе сорока лет, без исключения. Те, кто не хотел бежать все семь миль, могли часть дистанции пройти быстрым шагом, но должны были преодолеть всю дистанцию. Конечно, были недовольные, но приказ выполняли все, даже те, кому перевалило за сорок. В конце концов некоторым даже понравилось. Помню, как один пожилой полный полковник обратился к врачу и сказал, что семимильная пробежка просто его убьет. Врач привел его ко мне и порекомендовал сделать для полковника исключение. Я спросил, действительно ли он думает, что умрет, пробежав или пройдя семь миль. Он ответил, что да, и я увидел в его глазах искорку надежды. Я сказал ему, если он думает о смерти, то будет лучше, если он умрет, готовясь к бою, пока не составит труда подобрать замену, потому что ситуация значительно осложняется, если офицер умирает после начала боя, когда наваливается масса других проблем. Поскольку он действительно не блещет здоровьем, я бы предпочел, чтобы он все-таки отправился на пробежку и умер на дистанции. Он начал бегать и, насколько мне известно, по сей день жив и здоров.

Настоятельно необходимо было освободиться от «мертвого балласта», который сковывал инициативу способных и знающих свое дело молодых офицеров. У нас были пожилые отставные офицеры, призванные из запаса; хватало и некомпетентных кадровых офицеров от майора и выше, которые в жизни не нюхали пороха и не хотели нюхать. От них следовало отделаться, и этот труд я взял на себя. Я побывал в каждой части и познакомился со всеми старшими офицерами и со многими младшими. Один за другим некомпетентные и ленивые были отсеяны.

Борьба разгорелась по поводу жен. По традиции жены и семьи офицеров следовали за частями, а потому жили в городах и деревнях на побережье, то есть там, где в любой момент могло начаться вторжение. Я приказал всем женам и членам семей немедленно уехать. Им не разрешалось жить в зоне оперативных действий дивизий, которые готовились к отражению вторжения. Я объяснил мои требования следующими соображениями. [73]

Вторжение считается вероятным, и мы все готовимся к тому, чтобы встретить врага и нанести ему поражение. Если жена

офицера или его семья будут находиться с ним или рядом с расположением его части, то после начала боя у офицера возникнет искушение сначала позаботиться о своих близких, а уж потом выполнять боевую задачу. Под артобстрелом и бомбардировкой он будет постоянно тревожиться за их безопасность, и эти мысли будут отвлекать его от главной задачи разбить немцев. Мне говорили, что хорошему офицеру в такой ситуации и в голову не придет вспоминать о жене и детях: все его мысли будут на поле боя. Я ответил, что не верю в это. Что бы там ни говорили, человек по природе своей слаб, и я не хочу позволить офицеру поддаться соблазну и пренебречь своим долгом. На карте — будущее Англии, более того, всей цивилизации. Я устраню соблазн, и тогда не останется сомнений. Кроме того, поскольку солдаты не могут иметь при себе семей, офицерам также следует обходиться без них. Жены должны уехать. И они уехали.

Особенно важно было разобраться с составом. Офицерам и солдатам предстояло привить чувство ответственности, а потому среди командиров всех уровней не было места для слабых офицеров, неподготовленных для этого, и некомпетентных необходимо было заменить.

Что касается штабного состава, то здесь нужно было добиться абсолютной исполнительской дисциплины и высокого уровня профессионализма. Вообще во всей британской армии определенно чувствовалась необходимость повысить физическую и моральную подготовку личного состава и профессионализм в деле управления боем.

Прежде всего требовалось иметь на всех уровнях командиров, которые знают свое дело и, несмотря на все сложности, проявляют решимость добиться поставленной цели в условиях тех очень трудных дней. Если говорить обо мне, то я придавал большое значение поощрению молодежи на всех уровнях.

Конечно, приходилось принимать меры к тому, чтобы избежать возникновения ряда опасных ситуаций. Существовала известная опасность, что штабные офицеры вновь станут противопоставлять себя строевым, как уже случалось в войне 1914–1918 годов. Могла возникнуть опасность того, что тыловые органы и части службы [74] тыла сочтут себя за «слабый пол» и решат, что боевые действия не их дело. Я же считал, что сражение — дело общее, и всем нужно проходить к нему подготовку. Такова была моя философия, и я неустанно проповедовал ее.

Существовала опасность, что те немногие боевые части, которые имелись в армии на территории Англии, могли подумать, что и страна, и британская армия «отвоевались»

(выражение, которое, насколько я понимаю, пошло именно с того времени) и немцы непобедимы.

Наконец, была угроза, что, пройдя через чистилище сравнительно суровой Дюнкеркской кампании, ее участники вернутся в лоно своих семей и будут уделять слишком много внимания личным удобствам и удовольствиям. В связи с этим я установил, что жены и семьи офицеров и солдат не могут пребывать вместе с ними и что военнослужащие будут получать увольнительные в установленном порядке и посещать своих близких так часто, как это будет возможно. И что тренировки должны быть напряженными и трудными, а по их окончании личный состав должны ждать хорошее жилье и хорошая еда, удобные постели и возможность вымыться горячей водой.

Пусть медленно, но неуклонно в находившейся в Англии армии крепло чувство долга, солдаты и офицеры начали осознавать положение и понимать, для чего предпринимаются такие усилия. Постепенно мы восстанавливали утраченную после Дюнкерка боеспособность.

Некоторые из организованных и проведенных мною учений были сложнее и труднее тех, что ранее проводились в Англии. Учения эти проходили и в зимние холода, и в летнюю жару. Когда офицеры и солдаты выбивались из сил, а командиры и штабисты уставали, им вдруг ставились новые оперативные задачи, вытекающие из переменившейся ситуации в направлениях, которые они меньше всего ожидали. Мне особенно хорошо помнятся одни учения, которые проводились в Юго-Восточной армии весной 1942 года. Они назывались «Операция «Тигр» и были последними, которые я провел перед отъездом в Африку в том же году. В ходе тех учений я впервые встретился с генералом Эйзенхауэром (он был в чине генерал-майора), которого вместе с несколькими другими генералами прислали из США, [75] чтобы посмотреть, как у нас идут дела. Он расписался в моей книге автографов. И поставил дату: 27 мая 1942 года.

Я не мог согласиться с общепринятым подходом к проблеме обороны Англии и отказывался опираться на него в секторе моего корпуса, а потом и в Юго-Восточной армии. Общепринятая доктрина предполагала жесткую борьбу за каждый дюйм побережья, а основу обороны составляли бетонные доты и протянувшаяся вдоль берега линия траншеи.

Такая оборона не имела глубины и предполагала мало войск для контратаки. Оборонительные рубежи строили и по всей территории Англии, но мой вопрос, имеются ли войска для их защиты, внятного ответа не получал. Таких войск не было.

Я придерживался другого подхода. Оттянув войска от

побережья, я держал их в тылу компактными группами, готовыми в любой момент атаковать высадившегося противника. Морская переправа не может не сказаться на боеспособности его войск. Непосредственно после высадки они еще не сразу обретут нужную физическую форму. Именно в этот момент нам следовало нанести удар и сбросить противника в море.

На самом побережье я оставлял лишь заслон из легковооруженных подразделений, обеспеченных хорошей связью и достаточной огневой мощью, чтобы замедлить высадку противника.

Всей душой я противился тому, чтобы армия зарывалась в землю и у солдат и офицеров вырабатывалась психология линии Мажино. В этом варианте ни о каких наступательных действиях не могло быть и речи, а прорыв линейной обороны в одном месте заканчивался ее полным развалом. Моя же идея обороны заключалась в том, что она должна походить на паутину. Где бы немцы ни высадились, везде их встречали бы свежие, обученные, готовые к бою войска, которые сначала накрыли бы их мощным артиллерийским огнем, а потом атаковали.

Я возражал и против политики «выжженной земли», которую придумали в Уайтхолле. Если немцы, говорили там, начнут продвигаться в глубь острова к Лондону, мы, отступая, будем все за собой сжигать и поднимать на воздух. Я говорил, что и мы не будем отступать, и немцы не будут продвигаться в глубь острова. И уверенность в нашей способности победить немцев крепла, [76] во всяком случае, в той части Англии, которую защищали вверенные мне войска.

По существу, я задался целью создать войска, проникнутые наступательным боевым духом и заразительным оптимизмом, которые свойственны физически здоровым условиям жизни. Инспектируя ту или иную часть, я обычно приказывал солдатам снять каски. Не для того, как думали иные, чтобы посмотреть, должным ли образом они подстрижены. Я хотел убедиться, горят ли их глаза боевым задором.

В 1942 году организация рейдов на береговую часть материка, занятую врагом, входила в задачи Объединенного оперативного штаба, который возглавлял адмирал Маунтбэттен. В апреле 1942 года его штаб начал разрабатывать план рейда на Дьеп. Меня назначили ответственным за армейскую часть операции, поскольку тогда я командовал Юго-Восточной армией, части которой и должны были высадиться в Дьепе. Приказ готовиться к высадке получила 2-я канадская дивизия, после чего начались интенсивные учения. Войска погрузили на корабли 2 и 3 июля, высадку на территорию Франции наметили на 4-е или на

один из последующих дней. Поднявшиеся на борт кораблей войска получили полный инструктаж, после чего доступ на корабли закрыли для всех. Погодные условия не позволили провести операцию в ночь на 4 июля и оставались неблагоприятными до 8 июля, последнего срока для ее начала. Войскам было приказано покинуть корабли и разъехаться по лагерям и квартирам. Все участники готовящейся операции знали задачи рейда и связанные с ним детали, и резонно было считать, что все это стало предметом пересудов по их квартирам и во всех пабах на юге Англии. В подготовке операции участвовали почти пять тысяч канадских солдат и много моряков и летчиков. Как только вся группировка покинула корабли и рассредоточилась, я посчитал, что операция отменяется и занялся другими делами.

Однако Объединенный оперативный штаб придерживался иной точки зрения. Они решили вернуться к этому плану и провести операцию в более поздние сроки и в конце июля получили одобрение Британского комитета начальников штабов. Известие об этом меня очень огорчило, я полагал, что в сложившейся ситуации будет невозможно обеспечить секретность операции. [77]

Я написал генералу Пейджету, командующему вооруженными силами метрополии, выразив свою озабоченность и предложил «раз и навсегда» отказаться от рейда на Дьеп. А высадку десанта на материке, если уж в этом оставалась необходимость, провести в другом месте. Моим советом пренебрегли. 10 августа я покинул Англию, чтобы принять командование 8-й армией в африканской пустыне.

Рейд провели 19 августа, а мы узнали об этом ночью, когда премьер-министр находился вместе со мной в штабе 8-й армии.

Канадцы и участвовавшие в операции коммандос сражались великолепно. Так же, как и флот. Но канадцы понесли большие потери. В официальной истории канадской армии об этой операции написано следующее:

«В Дьепе, в бою, продолжавшемся только девять часов, участвовало менее 5000 человек, в плен попало больше канадцев, чем за все одиннадцать месяцев последующей кампании в Северо-Западной Европе или за двадцать месяцев боевых действий в Италии. Убитых было еще больше: 56 офицеров и 851 рядовой. По всем категориям потери канадцев составили 3369 человек».

Из этого числа почти две тысячи пришлось на пленных. В первоначальный план были внесены некоторые изменения. Наиболее существенными были: первое — воздушный десант заменили морской пехотой (коммандос); второе — отменили предварительную бомбардировку оборонительных укреплений с

воздуха. Я не согласился бы ни с одним из этих изменений. Отряды коммандос, если уж их использовать, то по-моему как дополнение к воздушному десанту, а не вместо него. А бомбардировка немецкой обороны перед самой высадкой десанта на берег (что и было сделано в Нормандии в 1944 году) в значительной степени деморализовала бы противника.

Мне кажется, что в рейде на Дьеп было слишком много начальников, каждый отдавал приказы и не было одного оперативного командира, который полностью отвечал бы за ее проведение от начала и до конца, в сущности не имелось командующего всеми экспедиционными силами. Вне всякого сомнения, полученные уроки сослужили немалую службу при подготовке к высадке в Нормандии 6 июля 1944 года. Но цену за эти уроки, убитыми и пленными, мы заплатили высокую. Я думаю, мы смогли бы получить [78] необходимую информацию, опыт, не потеряв так много отважных канадских солдат и офицеров.

В начале августа 1942 года в Шотландии намечалось проводить широкомасштабные учения, и генерал Пейджет, тогда командующий армией метрополии, пригласил меня поехать туда вместе с ним и понаблюдать за ними. Я обрадовался возможности увидеть, как готовятся другие войска, и поехал на север вместе с Пейджетом на «Рапире», спецпоезде командующего (в 1944 году «Рапира» стала моим спецпоездом). Но остаться на учениях до конца мне не удалось. События начали развиваться с калейдоскопической быстротой. На второй день мне позвонили из военного министерства и приказали немедленно возвращаться в Лондон, чтобы принять у генерала Александера 1-ю армию и под началом генерала Эйзенхауэра готовить войска к высадке в Северной Африке, намеченной на ноябрь 1942 года. Мне также сообщили, что Александер уже отбыл в Египет командовать войсками на Ближнем Востоке, а подробности предстояло узнать у бригадного генерала, который встретит меня в Лондоне. Я тут же вернулся в Лондон, встретился с бригадным генералом, который не произвел на меня впечатления, и направился в военное министерство. Там со мной поделились еще кое-какими подробностями и сказали, что прежде всего я должен убедить Эйзенхауэра составить план операции. Время шло, а комитет начальников штабов не мог заставить Эйзенхауэра представить им этот план. Мне все это не очень понравилось: до большой операции оставалось три месяца, а ее план еще не подготовлен. С Эйзенхауэром я был почти не знаком, имел дело с очень немногими американскими солдатами и не представлял, как Эйзенхауэр воспримет мои методы. Приближался критический

этап всей войны, предстояло свершиться великим событиям. Я не сомневался, что смогу успешно провести и эту, и любую другую операцию при условии, что мне позволят воспользоваться идеями и методами, которые стали моим военным кредо и, по моему глубокому убеждению, могли принести победу в борьбе с немцами. Я вернулся в мою штаб-квартиру в Рейгейте, надеясь, что все будет хорошо. Как бы там ни было, я провел в Англии два года, пришла пора двигаться дальше.

Наутро (8 августа), в семь часов, когда я брился, позвонили из военного министерства и сообщили, что приказ о моем назначении [79] командующим 1-й армией и участии в операции «Факел» отменен: я должен немедленно готовиться к отлету в Египет, чтобы принять командование находящейся в пустыне 8-й армией.

Александер уже находился в Египте, и мне предстояло служить под его началом. Тем же утром, чуть позднее, мне сказали, что командиром 8-й армии назначили Готта, но он был убит, и мне предстоит занять его место.

Вот так, вместо высадки в Северной Африке под руководством практически незнакомого мне командующего, я попал под начало командующего, которого прекрасно знал, и возглавил армию, сражающуюся с немецкими и итальянскими частями, которыми командовал Роммель. О его успехах ходили легенды, и меня это только подзадоривало. Я чувствовал в себе силы выполнить задачи, которые ставились передо мной, и победить Роммеля.

Конечно, я никогда не воевал в пустыне, и мне в подчинение попадали очень опытные генералы, которые воевали там долгое время. Однако Роммель, похоже, постоянно брал над ними верх, и мне хотелось нанести ему поражение.

Особенно меня порадовало, что моим главнокомандующим будет Александер. Я знал, что с ним мы всегда найдем общий язык.

Так что к отъезду в Африку я готовился с легким сердцем и уверенностью в себе. Тревожился я только за моего сына Дэвида. Когда он родился, я записал его в Харроу, школу, где учился мой отец. Но когда в 1942 году пришла пора отправлять его в частную школу, я изменил свое решение. Харроу находился слишком близко от Лондона, и мальчикам часто приходилось ночевать в бомбоубежище. Поэтому я послал его в Винчестер. Мои друзья предлагали отправить его в Канаду, с их сыновьями, но я отклонил их приглашение. Мне хотелось, чтобы он оставался в Англии. В те дни он поехал к друзьям на летние каникулы. Решение я принял очень быстро и написал письмо майору

Рейнольду, директору подготовительной школы, где учился Дэвид, в котором попросил майора и его супругу позаботиться о Дэвиде, взять в свою семью и присматривать за ним до моего возвращения с фронта. Я улетел в Африку, не получив ответа, но знал, что беспокоиться нечего. Они, конечно же, согласились и относились [80] к Дэвиду как к собственному сыну. Попрощаться с ним не удалось.

Сборы много времени не заняли, вещей у меня оставалось мало. Все остальное сгорело при немецкой бомбардировке Портсмута в январе 1941 года. Теперь мне предоставлялась возможность поквитаться с немцами.

Сэр Уинстон Черчилль в своих мемуарах «Поворот судьбы» (книга 2-я, глава 3-я) написал о моем отъезде следующее:

«Монтгомери выехал на аэродром с Истмеем, который таким образом получил час или чуть больше, чтобы рассказать ему о подоплеке всех этих неожиданных перемен. Об этом разговоре рассказывают такую историю, увы, не подтвержденную. Монтгомери говорил о трудностях и опасностях, которые сопровождали карьеру солдата. Он отдал своей профессии всю жизнь, долгие годы провел за учебой, во многом ограничивая себя. Но вот фортуна улыбнулась ему, замаячил успех, началось продвижение по службе, открылись новые возможности, он получил высокую командную должность. Он одержал победу, прославился на весь мир, его имя было у всех на устах. Потом удача изменила ему. В мгновение ока достижения всей жизни пошли насмарку, и, возможно, совсем не потому, что он допустил какую-то ошибку, и он попал в бесконечный список генералов-неудачников. «Напрасно вы столь пессимистичны, — возразил Истмей. — На Ближнем Востоке собирается отличная армия. Вполне возможно, что вас не ждет поражение. — Что? — воскликнул Монтгомери, выпрямившись на сиденье. — О чем это вы? Я же говорил о Роммеле!»

Увы, не подтвержденная история! Я не виделся с Истмеем в течение многих недель до отъезда в Африку, и он не ехал со мной в аэропорт.

Я вылетел из Англии поздним вечером 10 августа и прибыл в Гибралтар на рассвете следующего дня. В Гибралтаре мы провели весь день и вечером 11 августа отправились в Каир. Все это время я размышлял о проблемах, которые ждали меня в Африке, и пусть в общих чертах, но решил, с чего надо начинать. [81]

Глава шестая. Моя командная доктрина

Я покидал Англию, чтобы повести в бой крупное войсковое соединение. Труду и опыту многих лет службы предстояло пройти проверку практикой. Но я еще не объяснил принципов моей командной доктрины, которые сложились у меня за последние годы и которые я излагал еще в 1934 году, будучи старшим преподавателем штабного колледжа в Кветте. В последующие годы они получили дальнейшее развитие. Я абсолютно уверен, что именно эти принципы явились решающим фактором в достигнутых мною успехах.

Хотя моя командная доктрина требует достаточно подробных объяснений, в принципе их можно свести к одному слову: лидерство.

В своих мемуарах Гарри Трумэн говорит, что из курса истории он почерпнул следующее: «Лидер — это человек, который обладает способностью заставить других людей делать то, что им делать не хочется, и при этом испытывать удовольствие».

Лидерство, возможно, слишком сложный феномен, чтобы вместить его в столь короткое определение. С другой стороны, слово это часто используют несколько вольно, не понимая его полного значения. Я даю такое определение лидерства: «Способность и воля сплачивать мужчин и женщин во имя достижения общей цели, и личность, способная вызывать к себе доверие».

Одной только этой способности мало, лидер должен обладать желанием и волей использовать ее. Это значит, что его лидерство основывается на правде и особенностях его личности: лидеру нельзя лгать о целях и ему нужно обладать сильным характером.

Не все понимают необходимость правды. Лидер обязан говорить своим подчиненным правду. Если он этого не делает, вскоре они узнают, что он обманывал их, и перестанут ему доверять. Сам я не всегда говорил солдатам на войне всю правду. В этом не [82] было необходимости, к тому же это ставило бы под угрозу сохранив тайны.

Я сообщал им все, что они должны были знать для успешного выполнения поставленной перед ними задачи. Но при этом я всегда говорил им только правду, и они это знали. Тем самым вырабатывалось и крепло взаимное доверие. Хороший военный лидер подчиняет себе ход событий. Стоит раз позволить

событиям оказаться сильнее его, и он тут же перестает быть лидером.

Когда все сказано и сделано, лидер должен активно влиять на ход событий, что в значительной степени зависит от его личности — от «жара», который он способен источать, пламени, которое в нем горит, магнетизма, который притягивает сердца тех, кто окружает его. Лично я хотел бы знать о лидере следующее:

Куда он идет?

Пойдет ли он до конца?

Есть ли у него для этого способности и нужные данные, включая знания, опыт и мужество? Будет ли он принимать решения, беря на себя полную ответственность, готов ли при необходимости идти на риск?

Будет ли он в этом случае делиться властью и пойдет ли на децентрализацию управления и командования, предварительно выстроив систему организации с конкретными центрами принятия решений, обеспечивающими быструю и эффективную реализацию?

Исключительную роль играет проблема «решения» задуманного плана. Нынешняя тенденция — избегать принятия решения, тянуть время в надежде, что все образуется само собой. У военного лидера нет других вариантов, кроме как проявлять решительность в бою и демонстрировать спокойствие в критических ситуациях. Этими принципами неплохо руководствоваться и политическому лидеру.

Я придерживаюсь мнения, что лидер должен знать, чего он хочет. Он должен отчетливо сформулировать свою цель, а затем сосредоточиться на ее достижении, он должен донести до каждого, чего он хочет и что составляет основу его стратегии. Он должен обеспечить твердое руководство и дать четкие указания. От него требуется создание того, что я называю «атмосферой», и в этой атмосфере будут жить и работать подчиненные ему командиры. [83]

Я знавал командующих, которые полагали, что их миссия заканчивается с составлением плана операции и отдачей приказов и что на ход сражения они могут влиять лишь резервами. Трудно представить себе большее заблуждение. Современное сражение может очень быстро принять совершенно неожиданный оборот. Для того чтобы обеспечить успех, командующий должен с самого начала крепко держать в руках управление своей военной машиной, и только так его войска смогут сохранить сбалансированность и слаженность в своих действиях и в полной мере реализуют свой боевой потенциал. Жесткий контроль не означает вмешательства сверху или

подавления инициативы подчиненных, в сущности, именно инициатива подчиненных в конечном итоге приносит победу в сражении. Строгий контроль необходим для того, чтобы самостоятельные решения подчиненных командиров, принятые в конкретные моменты сражения, не мешали реализации общего замысла операции. Она должна развиваться в рамках предопределенной схемы. Если от этого отойти, результатом станет компромисс между индивидуальными представлениями подчиненных о том, как должна развиваться операция, либо операция будет развиваться в зависимости от ситуаций, возникающих как следствие второстепенных действий, и пойдет в русле отхода от принятого плана. Третья альтернатива — переход инициативы к противнику. Общий план операции никогда не должен быть настолько жестким, чтобы командующий не мог менять его в зависимости от складывающейся тактической обстановки; но никому другому не позволительно менять его по своему усмотрению, а особенно — противнику.

Очень важно понимать смысл «совещаний» во время активных боевых действий. Обдумав операцию, обсудив ее со своим штабом, лично посещая подчиненных, командир должен понять, что он хочет и есть ли возможность осуществить задуманное. Если совещание с подчиненными необходимо, то лишь для того, чтобы отдать приказы. Командующий никогда не должен приглашать их к себе на такое совещание, наоборот, приезжать к ним. Тогда никто не будет оглядываться на тылы. Сбор подчиненных для обмена идеями — признак слабости командующего.

Ошибаются те, кто думает, что с отдачей приказа командующему уже нечего делать. Необходимо проследить, чтобы он выполнялся [84] согласно задуманному вами. Определившись в общих чертах с планом операции и решив, как он его будет выполнять, командующий должен лично составить исходный вариант боевого приказа или директивы, не перепоручая это своему штабу. Затем штаб и подчиненные командиры начинают детальную проработку плана, руководствуясь при этом письменными указаниями командующего. Таким образом ошибки сводятся к минимуму. Таким был мой метод начиная с тех дней, когда я командовал батальоном.

Ни один лидер, каким бы великим он ни был, не сможет удержать свои позиции, не одерживая побед. Сражения решают все. Как же выиграть битву?

В книге сэра Уинстона Черчилля о герцоге Мальборо мы находим следующие слова:

«Успех командира не является результатом следования правилам или моделям. Он заключается в абсолютно новой оценке доминирующих в данный момент времени факторов ситуации, а также всех участвующих в ней сил. Каждая крупная военная операция уникальна. Что требуется от командира, так это глубокое понимание происходящего. И ничто так не ускорит провала, как попытка имитировать планы героев прошлого, подгоняя их к новым условиям».

В сражении искусство командования состоит в том, чтобы понимать, что нет двух одинаковых ситуаций; к каждой нужно подходить как к совершенно новой задаче, при решении которой будет абсолютно новый ответ.

Я всегда придерживался мнения, что армия — не просто некое количество собранных в одном месте людей с таким-то количеством танков, орудий, пулеметов и т. д. и что сила армии — не просто сумма ее составляющих. Реальная сила армии есть и должна быть намного больше этой суммы. Дополнительную мощь ей придают моральное состояние, боевой дух, взаимная уверенность друг в друге командиров и подчиненных (в первую очередь это касается высшего командования), чувство товарищества и многие другие неуловимые духовные факторы. [85]

Сырье, с которым приходится иметь дело генералу — люди. То же самое справедливо и для гражданской жизни. Мне кажется, менеджеры больших промышленных концернов не всегда отдают себе в этом отчет, им кажется, что сырье — это железная руда, хлопок или каучук, — не люди, а товар. В разговорах с ними я с этим не соглашался и утверждал, что их главное сырье — люди. Многие генералы тоже недопонимали этого важного момента, не осознавали всего, что стоит за ним, и это одна из причин того, что некоторые из них не имели успеха.

В бою армия должна быть крепка как сталь, и сделать ее такой можно, но точно как сталь она приобретает свои лучшие качества только после большой подготовки и при условии, что ее состав должным образом подобран и обработан. В отличие от стали армия — исключительно хрупкий инструмент, который очень легко повредить; главная ее составляющая — люди, и, чтобы хорошо управлять армией, нужно понимать человеческую природу. В людях таится огромная эмоциональная энергия, она рвется наружу, и нужно использовать ее для достижения поставленной цели и давать таким образом выход, который согревает сердца и будоражит воображение. Если командир относится к человеческому фактору холодно и безлично, он не добьется ничего. Но если вам удается завоевать доверие и

преданность ваших солдат, если они чувствуют, что вы заботитесь об их интересах и безопасности, тогда вы становитесь обладателем бесценных активов, и самые великие достижения будут вам по плечу.

Моральный дух солдат — важнейший из факторов на войне, а победа в бою — лучший способ укрепления их морального духа во время военных действий. Хороший генерал тот, кто выигрывает сражения с минимальными потерями, но сохраняя высоким моральный дух и при больших потерях, если сражение выиграно и солдаты знают, что жертвы принесены не зря и что о всех раненых позаботились, а тела всех павших собраны и достойно преданы земле.

Некоторые думают, что моральный дух английского солдата будет наиболее высок, если обеспечить его всем необходимым довольствием, окружив клубами, столовыми и т. д. Я не согласен. Мой личный опыт говорит о том, что они более всего нацелены на победу, когда их просят держаться в самых суровых условиях. [86]

Солдаты, дислоцированные в каком-нибудь отдаленном уголке пустыни, вынужденные заниматься обустройством своего быта, меньше жалуются на скуку, чем те, кто окружен всяческими удовольствиями. Создание общества всеобщего благоденствия в Англии после Второй мировой войны привело многих к мысли, что, кроме социального обеспечения и личного процветания, человеку больше ничего и не нужно. Это не так. Если человек стремится к процветанию, он должен на него заработать или обходиться без него. Он не должен получать его, только лишь голосуя. При правильном руководстве английский солдат скорее откликается на трудности, которые ему предлагают преодолеть, чем на благотворительные подачки. Не хлебом единым жив человек. Солдат должен всегда находиться в высокой боевой готовности, все время быть энергичным и целеустремленным. Он сделает все, о чем вы его попросите, если вашими стараниями ему будут бесперебойно поступать письма из дома, газеты и, что довольно любопытно, у него всегда будет чай. Он также хочет знать, что происходит в зоне боевых действий и какую задачу вы ставите перед ним. Он тревожится, если его родной город бомбили, а он не может получить никаких известий о своей девушке или жене и детях. Это одна из причин, по которым так важна бесперебойная доставка писем и газет. На войне солдату уготована самая тяжелая доля. Он готов терпеть все лишения, если знает, что и вы живете примерно в таких же условиях. Ему нравится видеть, что командующий регулярно бывает на передовой, что с ним разговаривают. Его замечают. Он должен

знать, что вы действительно заботитесь о нем, помните о его интересах и стараетесь делать все, что в ваших силах, чтобы максимально облегчить условия его жизни.

Очень важно понимать, что нет одинаковых людей. Шахтеры из Дарэма и Ньюкасла, уроженцы центральных графств Англии, кокни, фермеры с запада, шотландцы, жители Уэльса — все они отличаются друг от друга. Некоторые хороши в ночном бою, другие предпочитают сражаться днем. Одни хороши в скоротечной, мобильной стычке, другие лучше приспособлены к длительному позиционному бою. Точно так же разнятся и дивизии. В войне 1914–1918 годов, если для наступления требовались десять дивизий, штаб обычно останавливал свой выбор на тех, которые [87] находились под рукой. Но каждая дивизия имеет свои индивидуальные особенности, которые командующему необходимо знать, чтобы использовать ее именно в том виде боя, где она может проявить себя наилучшим образом. Убедившись в существовании таких различий, я начал подбирать войска для выполнения той или иной задачи, изучал условия предстоящего сражения и старался использовать те дивизии, которые в наибольшей степени подходили для этих условий.

Это правило распространяется и на генералов: они тоже разные. Некоторые прекрасно ориентируются в быстром маневренном бою, другие лучше всего проявляют себя в позиционной войне. Я очень много внимания уделял человеческому фактору. В общем плане операции подбирал под конкретные задачи генерала и соединения, которые могли справиться с ними лучше других. В результате каждое сражение было наполовину выиграно до его начала, потому что по своим морально-боевым качествам мои войска на каждом конкретном участке были лучше, чем у противника, который не придерживался такой философии.

Следующий момент, тоже связанный с человеческим фактором, — это подбор командиров. Наверное, треть моего рабочего времени уходила на анализ их индивидуальных особенностей. В отношениях с подчиненными важную роль играют справедливость и объективность, а также тщательная оценка человеческих качеств. Я сам назначал командиров вплоть до уровня батальона, а то и роты. Единственными критериями отбора были личные качества, способность вести за собой людей, умение доводить порученное дело до конца. Я считал своей обязанностью лично знать всех командиров и настаивал на том, что командовать должны только самые достойные. Если выбор хороших старших командиров сделан, им следует доверять и всячески их поддерживать. Любой командир имеет право на

помощь и поддержку своего непосредственного начальника. Иногда он не получает ее, и такую возможность необходимо принимать во внимание, если человек не справляется с порученным заданием. Если же, получив всю помощь, на которую можно рассчитывать, человек все равно проваливает дело, он должен уйти. Бытует мнение, что офицера, получающего более высокую должность, нет нужды учить выполнению его новых обязанностей. Это серьезная ошибка. Между бригадой [88] и дивизией — дистанция огромного размера, как и между дивизией и корпусом. Когда офицер получал повышение, на новой должности он нуждался в совете и помощи, и я считал своим долгом проследить, чтобы он получал и первое, и второе.

Каждый офицер имеет свой «потолок» служебного положения, выше которого его нельзя поднимать, особенно в военное время. Есть офицеры, которые могут прекрасно воевать под руководством первоклассного начальника, но как они проявят себя, оказавшись в роли лидера? Одно дело быть просто советником, не неся реальной ответственности, и совсем другое — стать главным, брать на себя окончательное решение. Хороший командир батальона не всегда может стать хорошим командиром бригады, а хороший командир дивизии — успешно возглавить корпус. Определение «потолка» младших офицеров — одна из серьезнейших проблем, которую командующий обязательно должен решить, и я уделял этому вопросу немало времени. Такая же проблема возникает и на гражданской службе.

Совершенно ясно, что в основе моего подхода лежит принцип: на войне главное — человек. Командиры всех уровней должны обладать лидерскими качествами, должны уметь проявлять инициативу, стремиться довести дело до конца, обладать силой воли и способностями, которые вызывают доверие у подчиненных. А главное, их должны отличать высокий моральный дух, твердость и решительность, позволяющие успешно воевать в ситуациях, когда исход сражения далеко не ясен. Возможно, одно из главных достоинств командира — способность вселять уверенность в выполнимости предлагаемого плана или операции, даже — и особенно — в случаях, когда он внутренне не уверен, что все сложится как задумывалось. Таким образом, командующий армией должен хорошо «читать» людей и уметь в нужный момент поставить на нужное место того, кто справится с поставленной задачей лучше других.

Чтобы руководствоваться такими принципами в отношениях с подчиненными, вам прежде всего необходимо следовать им самому. Сражение, в конце концов, это поединок сил воли, вашей и вражеского командующего. Если вы дадите слабину в тот

момент, когда чаша весов колеблется, ваш противник, скорее всего, одержит победу. [89]

Старшему командиру жизненно важно не погрязнуть в мелких деталях, и я всегда старался их не касаться. Проводил много часов, размышляя об общих проблемах и обдумывая главные вопросы. В сражении командующий должен думать только о том, как победить врага. Если он увлечется мелочами, то потеряет перспективу, не будет видеть ситуацию в целом, что для командующего самое важное. Увлекаясь второстепенными проблемами, которые оказывают малое влияние на исход всего сражения, он перестает быть опорой для своего штаба. Ни один командующий, который целыми днями решает мелкие вопросы и не имеет времени спокойно посидеть и подумать, не сможет подготовить надежный план крупного сражения или эффективно провести крупномасштабную операцию.

Этот принцип в равной степени применим и к гражданской жизни, особенно к управлению государством. Я часто думаю, что его не понимают и не используют как многие члены кабинета министров, так и другие государственные чиновники. На могилах многих политиков, занимавших высокие государственные посты, вполне можно было бы написать следующую эпитафию:

«Здесь покоится человек, умерший от изнурения, вызванного увлеченностью деталями. У него не было времени подумать, потому что он постоянно читал документы. Он видел каждое дерево, а не лес в целом».

На оперативном уровне командующий должен составить генеральный план кампании, которую он хочет провести, причем он всегда должен думать и планировать два сражения: ближайшее и следующее за ним, с тем чтобы победа в первой битве стала трамплином для второй. Ему следует стремиться к тому, чтобы читать мысли своего оппонента, предугадывать его реакцию на свои шаги и не позволять нарушать запланированный ход событий. Командующий должен всегда сохранять ясность ума и уметь выделять из массы факторов главные, оказывающие основное влияние на общую ситуацию. Для этого ему необходима умеренность во всем: нельзя много пить, много курить, вечерами засиживаться допоздна. В любой момент дня и ночи у него должна быть кристально чистая голова. Лично я не курю и не употребляю алкоголь просто потому, что не люблю ни табак, ни спиртное. В этом мне повезло, и я уверен, что без них человек только [90] здоровее. В принципе же я считаю, что чрезмерное курение и потребление спиртного туманят ум. Когда на кону стоят жизни людей, допускать такого нельзя, но, однако, это случается сплошь и рядом. Сражения выигрывает только тот, кто

пребывает в полном здравии и кипит энергией.

План операций всегда должен создаваться самим командующим, а не навязываться ему штабом, обстоятельствами или противником. Он должен соотносить желательный стратегический замысел с тактическими возможностями, которые диктуются имеющимися в его распоряжении силами. Если этого не делать, шансы на победу невелики. Что зависит от удачи? Что по определению невозможно? Обычно это вопросы не из легких. После составления плана операции его необходимо детально проработать до ее начала. Детальную проработку должен выполнять штаб. Командующему следует отстраниться от этой работы и использовать это время для продумывания операции в целом, следить за тем, чтобы основные моменты и краеугольные положения общего плана не утонули под множеством частных вопросов, которые обычно поднимает штаб. Для того чтобы успешно выполнить эту работу, требуется компетентный начальник штаба. Пятьдесят лет тому назад генерал мог сам руководить штабом. Сегодня не может. Не стоит даже и пытаться. Мой совет любому командующему — первым делом подобрать хорошего начальника штаба. Мне это удавалось.

Командующий должен решить, как он будет вести сражение, до того, как оно начнется. Он должен решить, как использовать имеющиеся в его распоряжении боевые ресурсы, с тем чтобы сражение развивалось так, как он задумывал. Противник должен с самого начала танцевать под его дудку, а не наоборот. Чтобы добиться этого, расположение войск должно быть настолько сбалансированным, чтобы командующий мог вводить их в бой исключительно в рамках реализации собственного плана сражения, а не для того, чтобы отвечать на удары противника. Сбалансированное расположение войск — важный элемент моей военной философии. Другой столь же важный элемент — «группирование», когда каждая часть, задействованная в своем тактическом сражении, наилучшим образом подготовлена для выполнения поставленной задачи. Умение группировать войска перед началом [91] сражения и перегруппировывать их по ходу боя в результате изменения тактической ситуации — один из важнейших критериев полководческого искусства.

Командующий должен самым тщательным образом подготовить тактический план и потом со всей жесткостью добиваться его беспрекословного исполнения вплоть до победы. Перед сражением командующий армией должен собрать всех командиров до уровня подполковника и обрисовать им стоящую перед армией задачу, свои намерения, свой план, а также объяснить, как он собирается вести это сражение, и добиться

того, чтобы оно развивалось в нужном ему направлении. Это совершенно необходимый этап подготовки сражения. Если в армии каждый командир знает, чего от него хотят, он будет сражаться умнее, и в результате в действиях всех соединений возникнет необходимая слаженность. Командиры соединений должны, в нужный момент и с обеспечением секретности, донести до полковых офицеров и солдат ту часть информации, которая потребуется им для выполнения полученного задания. Каждый солдат, прежде чем вступить в бой, обязан знать, как его маленькая битва встраивается в общую картину сражения и как его личный успех отразится на ходе всей битвы.

Таким образом, вся армия, идущая в бой, знает, к чему стремиться и как добиваться поставленной цели. И когда войска видят, что сражение развивается точно по намеченному плану, их моральный дух и вера в командование многократно возрастают, а это залог побед в грядущих битвах.

До начала сражения войска необходимо привести в состояние яростного воодушевления. Они должны рваться в бой и излучать заразительный оптимизм, источник которого — отменное физическое и душевное состояние. Они должны войти в сражение с горящими глазами и желанием убить врага. Для достижения этого эффекта особая роль принадлежит живому слову, обращению командующего к войскам. Простая речь, услышанная из его уст, гораздо действеннее любого письменного приказа.

Оперативное командование в сражении должно быть прямым и личным, осуществляться посредством посещения нижестоящих штабов и отдачей устных приказов. Командующий должен приучать подчиненных и свой штаб работать по устным [92] приказам. От тех, кто не умеет действовать по кратким и ясным устным приказам, а требует письменных распоряжений, нужно избавляться. В армии и так слишком много бумаг, которые мало кто читает.

Разумеется, командующий должен знать, как отдавать устные приказы своим подчиненным. Двоих одинаковых людей нет, каждый требует индивидуального подхода. Реакция одних отличается от реакции других. Кому-то достаточно самых общих указаний, другие хотят услышать детальное объяснение. Постепенно складывается доверие между командующим и подчиненными, и тогда в их отношениях больше не возникнет осложнений или недопонимания.

Командование должно быть прямым и личным. В этом плане во время сражения очень полезны связные. Я всегда использовал их еще со времени командования пехотной бригадой.

Важно понимать, что сражения прежде всего выигрываются в

сердцах солдат. Когда Британия вступает в войну, ряды ее вооруженных сил пополняются призывниками, которые не являются профессиональными солдатами, матросами, летчиками и никогда не хотели таковыми быть. Необходимо отдавать себе отчет в том, что эти люди очень отличаются от солдат и матросов времен Англо-бурской войны и даже войны 1914 г. Сегодня молодой человек читает газеты. Он ходит в кино и видит, как живут и ведут себя люди в других странах; у него есть радиоприемник и телевизор; его взгляд на мир гораздо шире, и он может оценивать окружающий его мир более полно, чем в Викторианскую эпоху. Он каждый день получает информацию и оценивает ее.

Он может думать, может анализировать и определенно готов критиковать. Он хочет знать, что происходит, что вы от него хотите — и почему, и когда. Он хочет знать, что делается для наилучшей защиты его интересов, хочет быть абсолютно уверен, что под вашим командованием ему ничего не грозит.

Если военный лидер все это понимает и действует соответственно, он сможет без труда завоевать доверие людей. Британский солдат очень уважает настоящего лидера. Если он признает вас таковым, то готов следовать за вами куда угодно.

Наконец, я не верю, что ныне командующий сможет вдохновить огромные армии, или соединения, или даже отдельных людей [93] на великие победы, если он не крепок в своей религиозной вере. Он должен это признавать и вести свои войска, вдохновляя их своей верой. Он должен всегда держать руку на духовном пульсе своих армий, должен быть уверен, что духовная цель, вдохновляющая их, правильна, справедлива и понятна каждому. Если этого нет, командующий не может рассчитывать на длительный успех. Ибо любое лидерство, я в этом уверен, базируется на духовной составляющей, способности вести людей за собой. Это духовное качество может быть использовано как во благо, так и во зло. В прошлом во многих случаях оно использовалось и в личных целях, частично или целиком во зло, но в любом случае итог был плачевным. Лидерство, в основе которого лежит зло, пусть временно и успешное, всегда несет в себе семена собственного разрушения.

Вышеизложенное — лишь краткое объяснение очень обширной темы. И я, разумеется, понимаю, что объяснение это выглядит весьма категорично. Но я старался изложить, насколько возможно кратко, все то, что считаю для себя самым существенным. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы читатель мог понять, с какими мыслями я прибыл в Каир утром 12 августа 1942 года. [94]

Глава седьмая. 8-я армия

Мои размышления во время перелета в Египет

Я вез с собой военную доктрину, которую только что изложил. Вопрос состоял в том, как применить ее на практике.

Характером местности Северная Африка отличалась от привычного мне пейзажа. Меня всегда интересовала взаимосвязь между географией и стратегией, точнее, географическими особенностями местности и тактикой боевых действий. Как я понимал, нашей целью являлся Триполи, большой порт, расположенный к западу от Александрии. Между ними находилось несколько портовых городков, такие как Тобрук, Бенгази и еще несколько более мелких. Между Аламейном и Триполи лежала по большей части равнинная пустыня, и я обратил особое внимание на три характерные особенности этой территории.

Во-первых, на дорогу с твердым покрытием, мощенную щебнем или гудронированную, которая тянулась вдоль побережья до самого Триполи. Дорога служила основной магистралью как для снабжения войск всем необходимым, так и для продвижения самих войск.

Во-вторых, на Джебел-Акдар (Зеленые горы), холмистый район, расположенный между Тобруком и Бенгази, который иногда называют Киренаикский «выступ», а чаще — просто Джебел.

Этот, несомненно, важный стратегический район в предыдущих операциях оставляли без внимания. Хотя мне сразу стало ясно: если хорошенько укрепить его и укомплектовать войсковой группой, подготовленной для наступления в южном направлении, он становился важным оборонительным рубежом, который противник не смог бы игнорировать, строя свои наступательные планы.

В-третьих, район Агейла, который немцы обычно называли Мерса-Брега, характеризующийся сыпучими песками и пересыхающими [95] соляными озерами, начинающийся у южной оконечности залива Большой Сирт и уходящий на многие мили в глубь материка. Через это море песков тянулись лишь несколько проселочных дорог, и пока Роммель контролировал эту территорию, он мог либо сдерживать наше наступление, либо атаковать нас в любое удобное ему время. Мы пытались выдвинуться в этот район в феврале 1941 года и еще раз, в начале 1942 года, но закрепиться там нашим войскам не удалось, и с марта 1941 года его занимала армия Роммеля.

Анализ характера местности привел меня к выводу, что в своих планах я должен ориентироваться на четыре важные топографические особенности: прибрежная дорога к Триполи, порты на побережье, районы Джебел, между Тобруком и Бенгази, и Агейла. Из Гибралтара в Каир я летел именно над этой территорией: прямой перелет грозил немалыми опасностями для самолета, летевшего без прикрытия истребителей, и ночью мы сделали большой крюк, ушли к югу, чтобы уже утром пролететь над Нилом много южнее Каира.

Далее я задумался о том, как в условиях данной местности наилучшим образом использовать имеющиеся в моем распоряжении силы.

Из того, что я слышал и читал об армии Роммеля, она состояла из войск, занимающих оборонительные позиции в стратегически важных районах, и мобильных подразделений, которые использовались для наступления и контратак. Оборонительные позиции занимали в основном итальянцы, с малым количеством бронетехники. Мобильные подразделения состояли из немцев, и бронетехники у них хватало. Ударной силой являлась бронетанковая армия, в которую входили 15-я и 21-я бронетанковые дивизии и 90-я пехотная дивизия.

Я пришел к выводу, что в 8-й армии нужно создавать свою бронетанковую армию, корпус с большим количеством бронетехники, хорошо оснащенный и подготовленный. Он предназначался не для ведения позиционной войны, а для нанесения атакующих ударов. Из-за отсутствия такого воинского соединения мы не могли добиться ощутимых и долговременных успехов. Поэтому формирование такого корпуса, в составе трех или четырех дивизий, становилось для меня приоритетной задачей. [96]

Не следовало забывать и про моральный климат в армии. Как мне стало известно, войска пали духом и потеряли веру в командование. Такое положение следовало незамедлительно исправить, но конкретные меры я мог наметить лишь после детального ознакомления с обстановкой.

Эти и многие другие мысли роились у меня в голове во время полета, но к моменту приземления в Египте я понял, что еще рано искать ответы на мучавшие меня вопросы. Решил, что они придут сами по мере того, как я буду входить в курс дела.

Я не стремился к встрече с Окинлеком. Я кое-что слышал о методах его командования и знал, что служить под его началом мне будет нелегко. Я также считал, что он плохо разбирается в людях. Хороший командующий никогда не назначил бы генерала Корбетта начальником штаба английских войск на Ближнем

Востоке. А предложение генерала Окинлека назначить Корбетта командующим 8-й армией вообще не лезет ни в какие ворота.

Опять же никто в здравом уме не отправил бы Ритчи сменить Каннингэма на посту командующего 8-й армией. У Ритчи не было ни опыта, ни знаний для такой должности, и в результате его пришлось смещать. Позже, после того как Ритчи приобрел необходимый опыт, командуя дивизией и корпусом, он прекрасно проявил себя в боевых действиях в Северо-Западной Европе. Но в тот момент, когда его назначили командиром 8-й армии, такая задача была ему не по плечу.

5 августа 1942 года премьер-министр (мистер Черчилль) встретился с генералом Окинлеком в штабе 8-й армии в пустыне. Черчилль направлялся в Москву. Генерал Окинлек взял на себя командование 8-й армией после того, как он освободил от этой должности Ритчи. При этом он оставался командующим британскими войсками на Ближнем Востоке. Премьер-министра сопровождал НИГШ (генерал Брук). После анализа сложившейся ситуации Окинлеку указали, что он не может одновременно командовать 8-й армией и всеми английскими войсками на Ближнем Востоке. Ему предложили вернуться в штаб британских войск в Каире, а 8-ю армию передать другому. Окинлек согласился с предложением Брука назначить меня командиром 8-й армии. [97]

В то время в Каире находился фельдмаршал Смэтс, и в тот же день вопрос о кандидатуре командующего 8-й армией обсуждался с ним. Премьер-министр и Смэтс отдавали предпочтение генералу Готту, который прославился боями в пустыне. На Ближнем Востоке считали, что лучшего командующего 8-й армией не найти.

6 августа премьер-министр отправил в комитет обороны проект предполагаемых им изменений. В частности, он намеревался вывести войска, расквартированные в Персии и Ираке, из ближневосточной группы войск, заменить Окинлека на Александера и назначить Готта командующим 8-й армией. Однако 7 августа самолет, в котором летел Готт, сбили, и он погиб. На следующий день мне приказали взять на себя командование 8-й армией. В тот же день бригадный генерал Джейкоб (ныне сэр Йан Джейкоб) в штабе 8-й армии передал генералу Окинлеку письмо премьер-министра, в котором сообщалось, что тот освобожден от должности командующего. 9 августа Александер прилетел в Каир и встретился с Окинлеком, который приехал из пустыни, временно передав командование 8-й армией генералу Рамсдену, командиру 30-го корпуса.

Теперь мне совершенно ясно, что на тот момент назначение

генерала Готта командующим 8-й армией было бы ошибкой. Я никогда не встречался с ним. Без сомнения, он — прекрасный офицер и добился значительных успехов в войне в пустыне. Но, по свидетельствам очевидцев, он совершенно вымотался и нуждался в отдыхе. Он и сам это понимал. Вот что он сказал одному из наших общих друзей: «Я страшно устал. К тому же мы использовали все, что могли, но ничего не добились. Для выполнения этой работы требуется свежая голова. Дело-то старое, но взглянуть на него нужно незамыленным глазом. Если они поручат это дело мне, я попробую с ним справиться. Но, думаю, тут нужен новый человек, они должны прислать кого-нибудь из Англии».

Мой самолет приземлился на аэродроме под Каиром рано утром 12 августа. Меня встретили и отвезли в отель «Мена-Хаус», неподалеку от Великой пирамиды. Там же один из номеров занимал генерал Окинлек. Я принял ванну, позавтракал, а потом меня отвезли в Каир, в штаб британских войск на Ближнем Востоке. [98] Я прибыл туда в начале одиннадцатого, меня сразу пригласили к кабинет к Окинлеку. Стояла сильная жара, а на мне была та же форма, что и в Англии. Я послал моего адъютанта купить мне обмундирование для пустыни.

Окинлек прошел со мной в комнату, где висели карты районов боевых действий, и, закрыв за нами дверь, спросил, известно ли мне, что он уходит. Я ответил утвердительно. Затем он изложил мне свой оперативный план. Строился он на стремлении любой ценой сохранить 8-ю армию, не позволить уничтожить ее в сражении. В случае наступления Роммеля, которое ожидалось в самом скором времени, предлагалось отвести 8-ю армию к дельте Нила. Если бы пришлось сдать дельту и Каир, 8-я армия должна была отступать или на юг, вверх по течению Нила, или в Палестину.

Я в изумлении выслушивал его планы. Задал один или два вопроса, но быстро понял, что его раздражает любое предложение по изменению стратегии, которую он для себя уже наметил. Так что я решил молчать.

Потом он сказал, что завтра я должен поехать в пустыню и провести два следующих дня в штабе 8-й армии, чтобы войти в курс дела и познакомиться с обстановкой. Он все еще командовал 8-й армией, и Рамсден лишь временно замещал его на этом посту. Я не мог вступить в должность командующего до 15 августа: в этот день он передавал дела Александеру и хотел совместить оба этих события. В случае наступления противника или какого-то другого кризиса он намеревался незамедлительно прибыть в штаб 8-й армии и взять командование на себя. Все это выглядело более

чем странно, и я покинул его кабинет, как только позволили приличия.

Тут же направился на поиски Александера и скоро нашел его в штабе, спокойного, уверенного в себе, обаятельного — такого же, как и всегда.

Я хочу сразу же подчеркнуть, чтобы ни у кого не осталось ни малейших сомнений: мне решительно повезло в том, что моим командующим стал Алекс. У меня просто не могло бы быть лучшего командующего. Мы с ним совершенно разные, но мне он нравился, и я уважал его как человека. В дальнейшем я еще не раз буду говорить о нем. [99]

Я сразу изложил ему план создания резервного корпуса для 8-й армии, с большим количеством бронетехники, как у Роммеля. Он согласился, но он еще не был главнокомандующим ближневосточным сектором. Не имело смысла обсуждать мои планы с Окинлеком или его начальником штаба: оба покидали свои должности, поэтому я решил переговорить с заместителем начальника штаба, генерал-майором Джоном Хардингом (теперь фельдмаршалом и лордом). Он учился у меня в штабном колледже в Кэмберли, и я был самого высокого мнения о его способностях. Он не знал, что я и Александер делали в Каире, вот я ему и рассказал. Затем познакомил со своим планом и спросил, сможет ли он сформировать нужный мне корпус из мелких бронетанковых подразделений, разбросанных по Египту. 3 сентября в Суэце ожидалось прибытие из Америки трехсот новеньких танков «шерман», которые могли составить основу бронетанковых дивизий. Хардинг пообещал обдумать вопрос, и мы договорились о новой встрече в шесть вечера. Я пообещал привести с собой Александера. После разговора с Хардингом мы с Александером пошли обедать в отель «Шефердс», где и обсудили сложившуюся на Ближнем Востоке ситуацию. Я изложил ему свои идеи и заручился его согласием на их реализацию в 8-й армии. Остаток дня я провел, покупая одежду, подходящую для августовской жары в пустыне. Это было просто необходимо, потому что, проведя целый день в привычной для Англии форме, едва не изжарился в ней! Мне предложили провести ночь в английском посольстве в Каире, с тем чтобы на следующий день в девять утра бригадный генерал из штаба 8-й армии встретил меня на перекрестке дорог к западу от Александрии и отвез в штаб.

В шесть вечера Александер и я вернулись в штаб ближневосточной группировки на встречу с Хардингом. Он сказал, что сможет создать нужное нам войсковое соединение. Речь шла о 10-м корпусе, состоящем из 18-й, 8-й и 10-й бронетанковых дивизий (каждая включала по одной

бронетанковой и пехотной бригаде и дивизионные части поддержки) и новозеландской дивизии в составе двух пехотных и одной бронетанковой бригад.

Это был прекрасный вариант, и мы попросили его немедленно заняться формированием 10-го корпуса. [100]

В тот день предстояло завершить еще одно дело — найти второго адъютанта. Одного, капитана Спунера из Королевского Норфолкского полка, я привез с собой из Англии. Ни он, ни я не воевали прежде в Египте, вот мне и потребовался второй адъютант, хорошо знающий особенности жизни в пустыне. Мне рассказали, что Готт недавно взял в адъютанты молодого офицера из 11-го гусарского полка. Он не летел с Готтом в самолете, который сбили, и сейчас находился в Каире. Я решил, что именно он может мне подойти. Пригласил его к себе. Его звали Джон Постон, он окончил школу в Харроу перед самым началом войны. Он видел, что я — генерал-лейтенант, знал, что мне нужен адъютант, но никогда обо мне не слышал и понятия не имел, что я делаю в Египте. Я сказал ему следующее: «Моя фамилия — Монтгомери. Этим утром я прилетел из Англии, а завтра уезжаю командовать 8-й армией. Никогда раньше я в пустыне не был, и мне нужен адъютант, который поедет со мной и поможет мне обустроить свой быт. Хотите стать моим адъютантом и поехать со мной?»

Он явно удивился: я поделился с ним секретной информацией, известной очень немногим.

Ответил не сразу, какое-то время лишь смотрел на меня. В глазах стояла печаль; совсем недавно он служил у Готта, которого на Ближнем Востоке знали все, а молодые офицеры считали своим кумиром. А теперь он погиб. Я молчал, ожидая ответа: смотрел в серые глаза.

Наконец ответ последовал: «Да, сэр. Я хотел бы поехать с Вами».

Лучшего выбора я сделать не мог. Мы вместе прошли долгий путь, от Аламейна до Эльбы, сражаясь на территории десяти стран. Я души в нем не чаял. Его убили в Германии, в последнюю неделю войны. До победы было уже рукой подать, и он, который прошел столь долгий путь и так отважно сражался, отдал свою юную жизнь ради того, чтобы другие могли насладиться победой.

В пять утра 13 августа я покинул британское посольство на автомобиле и поехал в пустыню.

С бригадным генералом (теперь генерал-майором сэром Фрэнсисом) Фредди де Гинганом мы были давними друзьями. Впервые встретились в Йорке, где я служил майором, а он — новоиспеченным вторым лейтенантом. Потом встречались [101] в

Египте в 1932 и 1933 годах, в Кветте в 1935 и 1939 годах, когда он был кем-то вроде военного помощника у Хор-Белиша, министра обороны. Де Гингана отличал цепкий и развитый ум, и в прошлом я всегда считал его исключительно одаренным молодым офицером. Вот он-то и ждал меня на перекрестке дорог под Александрией, там, где идущее из Каира шоссе поворачивало на запад. Я нашел его похудевшим и встревоженным: вероятно, на его плечи легла слишком большая нагрузка. Я сразу понял, что прежде всего необходимо восстановить доверительные отношения, которые связывали нас в прошлом. Поэтому уговорил его сесть в мой автомобиль, а потом завел разговор о наших прежних встречах, вспомнил несколько забавных эпизодов. Постепенно он расслабился, и лишь после этого я перешел к делу: «Фредди, друг мой, у меня такое впечатление, что вы тут попали в передрягу. Расскажите мне об этом».

Он протянул мне составленное для меня донесение с изложением обстановки и наиболее важных данных. Я его даже не взял.

— Фредди, что с вами? Вы же знаете, я не читаю никаких бумаг, если есть человек, который может мне все рассказать. Уберите этот документ и облегчите душу.

Он рассмеялся, и я тут же понял, что сейчас получу первоклассный и самый откровенный обзор сложившейся ситуации и причин, которые к ней привели. Мы придвинулись друг к другу, разложив на коленях карту, и он доложил мне об оперативной обстановке, сообщил последние разведданные о противнике, представил генералов, командующих разными секторами, пересказал приказы Окинлека относительно будущих действий, высказал собственные взгляды на нынешнее положение дел. Я не мешал ему выговориться. Иногда задавал вопрос, чтобы прояснить тот или иной момент. Когда он закончил, на несколько мгновений в салоне автомобиля повисла тишина, а потом я спросил насчет боевого духа офицеров и солдат. Не очень высокий, ответил он, добавив, что 8-я армия нуждается в командующем с ясным умом и твердой рукой: есть слишком много неопределенности, и вся ситуация, по его разумению, трактуется неправильно. Я не стал требовать от него разъяснений, понимал, что он пытается хранить лояльность прежнему командующему. [102]

Время летело быстро, мы уже свернули с шоссе, проложенного вдоль побережья, и ехали на юг, по проселку, уходящему в пустыню. Теперь мы молчали, и я думал преимущественно о де Гингане, не сомневаясь, что он думает обо мне и своем будущем.

Масштабы стоящей передо мной задачи вырисовывались все очевиднее. Я уже понял, что не смогу справиться с ней в одиночку. Мне требовался помощник, человек с ясным и острым умом, который не боялся бы брать ответственность на себя, мог заниматься текущими вопросами, предоставляя мне возможность сосредоточиться на главном, то есть начальник штаба, который будет заниматься всей мелочовкой, обязательной при подготовке любой операции. Я понимал, стоит мне увязнуть в трясине рутинных, повседневных дел, и я провалюсь, точно так же, как провалились те, кто ранее командовал 8-й армией.

Может, Фредди де Гинган и был тем человеком?

Мы с ним отличались друг от друга, как небо и земля: он был взвинченным, легко возбудимым, в обычной жизни любил вино, азартные игры, хорошую еду. Наши различия имели значение? Я быстро решил, что нет. Более того, они давали преимущество.

Я всегда полагал, что два схожих друг с другом человека не составят первоклассной команды. Он был на четырнадцать лет моложе, но в прошлом мы дружили, и сейчас, когда я смотрел на него, худого и взъерошенного, прежние симпатии возвращались. Умом его природа не обделила, он отличался потрясающей работоспособностью. Кроме того, он знал меня и мои методы работы, а этот фактор имел немаловажное значение. Но, если я делал на него ставку, его следовало наделить и соответствующими полномочиями, назначить начальником всего штаба, а не только одного из его отделов.

Однако в британской армии штаб не замыкался на своем начальнике: у командующего было несколько старших штабных офицеров, которые подчинялись только ему. Он же и координировал их деятельность. В моей ситуации такое было просто невозможно. Как я мог координировать работу штаба в ходе боевых действий в пустыне? Именно это пытались делать другие, а в результате упускали из виду главное — стратегию, по уши увязая в деталях. Отсюда и их неудачи. [103]

Еще до прибытия в штаб 8-й армии я пришел к выводу, что де Гинган именно тот человек, который мне и нужен. Решил назначить его начальником штаба, чтобы вдвоем мы решили поставленную перед нами задачу. Но в автомобиле я ему ничего не сказал. Подумал, что лучше подождать и объявить об этом перед всеми штабистами, чтобы разом поднять его в их глазах и показать разницу, которую вносило в работу штаба это новое назначение.

Мне не пришлось раскаиваться в своем выборе. Фредди де Гинган и я были вместе оставшуюся часть войны. Куда бы меня ни направляли, он следовал за мной в должности начальника штаба,

мы прошли плечом к плечу от Аламейна до Берлина. По ходу войны его потенциал постоянно возрастал, и я все более убеждался в том, что с де Гинганом мне очень повезло. Он был блестящим начальником штаба, и я сомневаюсь, что в британской армии с ним мог бы кто-то сравниться, что до, что после. Но здесь я, наверное, пристрастен.

И пока меня трясло на проселочной дороге, я пришел к заключению, что нахожусь в чрезвычайно выигрышном положении. Надо мной находился Александер, верный друг и союзник. Я мог рассчитывать, что он окажет мне всемерную поддержку и сделает все, что я попрошу, при условии, что мои требования не будут выходить за пределы разумного и мне будет сопутствовать успех. А снизу я мог опереться на де Гингана, моего преданного начальника штаба. Теперь оставалось только подобрать умелых и надежных командиров вверенных мне войсковых соединений.

Окрыленный такими мыслями, я пребывал в прекрасном настроении, когда около одиннадцати утра мы прибыли в штаб 8-й армии. Но картина, которая открылась моим глазам, могла деморализовать любого. Штаб представлял собой жалкое зрелище: несколько грузовиков, никаких палаток, вся работа выполнялась в кузовах грузовиков или на открытом воздухе под палящим солнцем. И везде роились мухи. Я спросил, где обычно спал генерал Окинлек, и мне ответили, что на земле, около своего автомобиля. Палатки в 8-й армии были запрещены: все сотрудники штаба должны были испытывать массу неудобств, чтобы их быт ничем не отличался от быта солдат. Все офицерские [104] столовые находились под открытым небом и, естественно, привлекали мух со всего Египта. В столовой для старших офицеров, которую я унаследовал, над столом натянули противомоскитную сетку, но она не защищала от солнца, а выгнать мух, каким-то образом попавших под нее, не представлялось возможным. Я спросил, где находится штаб военно-воздушных сил, и мне ответили, что он в глубоком тылу, на морском побережье, неподалеку от города Бург-эль-Араб. Армия и ВВС, похоже, участвовали в двух отдельных битвах, не наладив тесных личных контактов, которые имели первостепенное значение. В общем, в штабе армии царила тягостная и мрачная атмосфера.

Меня встретил генерал-лейтенант Рамсден, исполняющий обязанности командующего армией. Я знал его еще с тех времен, когда он командовал Гэмпширским полком в моей 8-й дивизии, расквартированной в Палестине в 1938–1939 годах. Тогда он зарекомендовал себя отличным командиром, но в последующие

годы я с ним ни разу не виделся. Он доложил мне обстановку. Я задал встречные вопросы относительно планов отхода в случае наступления Роммеля. Какие-то планы существовали, но уж очень неопределенные. Во всей цепочке командования чувствовалась неуверенность, постоянный контакт со штабом действующей в пустыне военной авиации не поддерживался.

Стало ясно: командование не контролирует ситуацию, что грозит опасными последствиями. Я решил действовать немедленно, хотя мне и приказали ничего не предпринимать до 15 августа, дня, когда генерал Окинлек намеревался передать мне 8-ю армию, а я приехал в штаб 13 августа. Я знал, что консультироваться со штабом ближневосточной группировки бесполезно, а потому взял всю ответственность на себя. Сказал генералу Рамсдену, что он должен незамедлительно возвращаться в свой корпус. Он удивился, потому что ранее его назначили исполняющим обязанности командующего армией, но уехал. Потом я прервался на обед, в компании мух и под палящим солнцем. Во время обеда я о многом передумал, а после него отправил телеграмму в штаб ближневосточной группировки, в которой сообщил, что с двух часов пополудни 13 августа беру на себя командование 8-й армией. Тем самым я нарушал указание вышестоящего [105] командира, но пути назад не было. Отправив телеграмму, я первым делом отменил все приказы об отступлении.

И издал новый, в котором указал, что в случае атаки противника отступления не будет: мы будем сражаться на тех позициях, которые занимаем, и, если не удержим их живыми, останемся на них мертвыми. Я помнил выбитую в камне надпись, которую видел в Греции, когда побывал там вместе с супругой в 1933 году. Ее сделали греки в Фермопилах, чтобы почтить память тех, кто погиб там более 2000 лет тому назад. Перевод этой надписи широко известен:

Путник, пойди возвести спартанцам,

Что здесь, не отступив от их заветов, мы полегли.

Мы, если бы возникла такая необходимость, собирались поступить так же.

Я подумал, что на текущий момент сделал все, что мог, и следующий мой шаг — знакомство с территорией и подчиненными командирами. После чего быстро покинул штаб армии на случай, если Каир попытается воспрепятствовать моему самовольному захвату поста командующего 8-й армией. Но перед отъездом я велел де Гингану собрать личный состав штаба в шесть вечера, чтобы я мог со всеми поговорить. Я уже встретился с Рамстедом, который командовал 30-м корпусом, занимающим

позиции на северном фланге, и теперь поехал на южный фланг, в штаб 13-го корпуса, чтобы встретиться с его командующим, генералом Фрейбергом. Ранее он командовал новозеландской дивизией, но после гибели Готта возглавил весь 13-й корпус.

В штаб 13-го корпуса я ехал на заднем сиденье автомобиля и по пути изучал карту. Впереди, рядом с водителем, сидел офицер из штаба армии, чья задача состояла в том, чтобы довезти меня до штаба 13-го корпуса. В какой-то момент автомобиль остановился, и я спросил моего проводника, знает ли он, где мы находимся. Он ответил, что нет: мы заблудились.

Я обратил внимание, что мы находимся на участке пустыни, огороженном колючей проволокой. Спросил, что это означает, и он ответил, что мы заехали на минное поле. Мне это совершенно не понравилось, и я велел водителю задним ходом возвращаться [106] по нашим следам. К тому времени, когда мы выехали с минного поля, мой проводник сориентировался, и мы уже без проблем добрались до штаба 13-го корпуса.

У меня состоялся продуктивный разговор сначала с Фрейбергом, а потом и с Моршедом, командиром 9-й австралийской дивизии. Они были прекрасными офицерами, и я говорю это не только потому, что они полностью одобрили изложенные мною идеи.

Я вернулся в штаб армии довольно поздно и увидел, что личный состав меня ждет. Де Гинган собрал их в нескольких ярдах от фургона, который стал моим офисом. Часы показывали половину седьмого, и в вечерней прохладе я обратился к моему новому штабу.

Я представился и сказал, что хотел увидеть их всех и объяснить сложившуюся ситуацию. Сказал, что некоторые приказы уже отданы, о чем им, само собой, известно, и за ними последуют новые. Приказ «Ни шагу назад» предполагал кардинальное изменение стратегического курса, а они должны хорошо понимать, каким теперь будет этот курс, потому что именно на их плечи ложилась основная работа по его реализации. Если мы собирались сражаться на тех позициях, которые занимали, требовалось создавать эшелонированную оборону. Весь транспорт следовало отправить в тыл. Боеприпасы, продукты питания и воду сосредоточить в районе передовой. Нам требовалось пополнение, чтобы реализовать приказ «Ни шагу назад». В дельте Нила находилось достаточное количество войск. Они готовились к обороне той территории, но защищать египетские города надо было здесь, в Аламейне. Две новые дивизии прибывали из Англии с тем, чтобы оборонять дельту Нила. Я намеревался перебросить их в 8-ю армию.

А потом, из отдельных подразделений, разбросанных по всему Египту, я собирался сформировать новый, 10-й корпус, с большим количеством бронетехники. Этому корпусу я наметил ту же роль, что выполнял у Роммеля Африканский корпус: не оборонять какой-то участок фронта, а выполнять роль мобильного ударного соединения. Я сообщил штабистам, что формирование 10-го корпуса уже началось.

Я сказал, что положу конец ведению боевых действий бригадами и подвижными отрядами, дроблению дивизий на отдельные [107] подразделения, разбросанные по всей пустыне. Отныне все дивизии будет сражаться именно как дивизии.

Я сказал, что мне не нравится атмосфера в штабе армии. Да и откуда мог взяться высокий моральный дух, если штаб располагался в таком отвратительном месте и люди жили без элементарных удобств.

Я сказал, что штаб должен переехать на побережье, где мы сможем усердно работать, мыться и быть счастливы.

Я сказал, что Александер дал мне короткий и четкий приказ: уничтожить Роммеля и его армию. Я понимал, что наступление Роммеля может начаться в самое ближайшее время. Если бы его войска перешли в наступление через день-другой, возможно, нам не удалось бы удержаться на занимаемых нами позициях. Через неделю наши шансы резко возрастут. А если бы мы получали две недели, то Роммель ничего бы не смог с нами поделать. Я не сомневался, что мы отразим его атаку и ударим сами. Но я не собирался начинать наше наступление, полностью не завершив подготовку к нему. А уж тогда мы наверняка вышвырнем Роммеля из Африки.

Я сказал, что работа предстоит огромная и мы не можем справиться с ней здесь, в этих ужасных условиях. Следовало как можно скорее перебазировать штаб на морское побережье, поближе к штабу летчиков, и вместе с ними разработать план нашего наступления. Приказ, запрещающий установку палаток, я отменил, оставалось только завезти палатки и мебель для столовой, чтобы не испытывать лишних неудобств.

Наконец, я объяснил свои методы работы, в том числе мою нелюбовь к бумагам и мелким подробностям. Я назначил де Гингана начальником штаба 8-й армии и сказал, что каждый приказ, отданный им, должен восприниматься как мой приказ и исполняться немедленно. Он пользуется моим полным доверием, и весь личный состав штаба переходит в его подчинение.

Мою речь выслушали в абсолютной тишине. Ни единый звук не прерывал ее. И мои слова, безусловно, произвели сильное впечатление и вдохнули надежду в моих слушателей. Личному

составу штаба стало ясно: с неопределенностью покончено. Но многие, конечно, подумали, что у меня слишком белые колени, подразумевая под этим отсутствие опыта войны в пустыне. [108]

В общем, мой первый день в пустыне прошел удачно, пусть и выдался долгим и утомительным. Я многого добился, но предстояло сделать гораздо больше. Я знал, что должен проявлять осторожность еще один день, поскольку Окинлек отбывал из Египта только 15 августа, а в штабе ближневосточной группировки меня воспринимали как неприятную новую метлу. До сих пор они хранили молчание по поводу моих действий, возможно, потому, что их поставили в известность лишь о нескольких моих приказах, и я еще ни о чем их не просил. Я точно знал, с утра 15 августа, после вступления Александера в должность командующего, все пойдет как по маслу. Он бы полностью нас поддержал и оказал бы всяческое содействие во всех наших начинаниях. И по совету де Гингана я не обращался в штаб группировки ни с какими просьбами, хотя в связи с изменением стратегии у меня и накопилось немало вопросов. В подобных ситуациях де Гинган всегда давал мне дельные советы. Впоследствии он не раз и не два удерживал меня от опрометчивых поступков. Мы хотели добиться многого, но прежде всего нам требовались разведывательные данные, на основе которых я мог строить планы конкретных действий.

В тот вечер у нас с де Гинганом состоялся очень плодотворный разговор. Теперь, получив значительные полномочия, он хотел знать мои взгляды по некоторым ключевым вопросам. Я намеревался провести весь последующий день, да и еще несколько дней вне штаба; он хотел, чтобы по вечерам я обязательно уделял ему какое-то время. В тот вечер я улегся спать очень усталым, но точно знал, что мы на пути к успеху. Боюсь, заснул я с озорной улыбкой на устах: я отдавал приказы по армии, которой командовал кто-то другой!

Вскоре после рассвета меня разбудил офицер, чтобы доложить оперативную сводку. Я страшно разозлился и сказал ему, что никто и никогда не должен приходить ко мне с такими бумажками; меня не волнуют действия боевых дозоров и прочие мелочи. Он долго извинялся, сказав в свое оправдание, что Окинлек требовал, чтобы его будили рано и сообщали о текущей ситуации.

Я ответил, что я — не Окинлек и, если что-то пойдет не так, докладывать об этом мне должен начальник штаба. Если же все [109] в порядке, я не хочу, чтобы меня беспокоили. Дежурный офицер очень расстроился. Поэтому я пригласил его выпить со мной чашечку чаю, мы с ним поговорили по душам, и он ушел

успокоенный. Начальник штаба выпустил новый приказ по утренним оперативным сводкам, и больше мне спать не мешали.

После разговора с де Гинганом мне стало ясно, что наступление Роммеля — дело ближайшего будущего: слишком многое указывало на это. Он собирался предпринять последнюю попытку захватить Каир и Александрию и закрепиться в дельте Нила. Не вызывало сомнений, что главный удар он нанесет на северном или на южном фланге с последующим выходом его ударных войск в тыл 8-й армии.

Он не мог оставить 8-ю армию за спиной и продвигаться к самым лакомым регионам Египта. Сначала требовалось уничтожить 8-ю армию, а уж потом никто не смог бы помешать ему захватить эти самые регионы.

Как только замысел противника стал понятен, я определился и с основными положениями своего плана.

Северный фланг на участке 30-го корпуса следовало укрепить мощными минными полями и проволочными заграждениями, с тем чтобы удерживать этот участок фронта минимальным количеством войск. Моего приезда туда пока не требовалось. Южный фланг требовал значительно большего внимания. Именно туда я и поехал. Мне также требовался новый командир 13-го корпуса: на место погибшего Готта еще никого не назначили.

Я провел целый день, изучая стыки участков ответственности разных корпусов и южный фланг, и сразу отметил стратегическое значение двух доминирующих районов: горных хребтов Рувейсат и Алам-Хальфа. Важность обоих не вызывала у меня сомнений, однако ключом к Аламейну был Алам-Хальфа. Этот хребет находился в нескольких километрах за линией Аламейна и к юго-востоку от Рувейсата. Из-за отсутствия свободных войск оборонительных позиций на Алам-Хальфе не было.

Я много размышлял о том, что слышал о танковых сражениях в пустыне, и у меня сложилось впечатление, что Роммелю нравились атаки наших танков. Он располагал свою бронетехнику позади противотанкового заслона, уничтожал значительную часть наших танков, после чего переходил в атаку, и поле [110] боя обычно оставалось за ним. Я решил, что этого больше не повторится, если Роммель нанесет удар до того, как мы сами начнем полномасштабное наступление. Я не собирался посылать наши танки на его противотанковые орудия. Принял решение, что мы будем твердо стоять в Аламейне и на хребтах Рувейсат и Алам-Хальфа и позволим войскам Роммеля обломать зубы о наши оборонительные рубежи. Я хотел втянуть Роммеля в позиционное сражение, чтобы его танки пошли в атаку на нашу бронетехнику, зарытую в песок на западных склонах хребта Алам-Хальфа.

В этот день, находясь на южном фланге, я встретился с генералом, который командовал 7-й бронетанковой дивизией, знаменитыми «Крысами пустыни». Мы обсудили скорое наступление Роммеля, и он сказал, что у него только один вопрос: кто поведет танки в бой? Генерал полагал, что это право оставят за ним. Я ответил, что танки в бой не пойдут. Они будут стоять на стационарной позиции, с тем чтобы теперь уже Роммель попытался взломать противотанковый рубеж. Такая идея не приходила ему в голову, и он приложил немало усилий, чтобы отговорить меня от нее.

Когда в тот вечер я вернулся в расположение штаба, у меня уже сложился план укрепления наших позиций в Аламейне. Я решил сделать эти позиции настолько мощными, чтобы мы могли готовиться к большому наступлению, не волнуясь о том, начнет Роммель свою атаку или нет. Разведывательная информация свидетельствовала о том, что наступление Роммеля начнется в конце месяца, в период полнолуния. Я хотел начать готовиться к битве при Аламейне раньше и продолжать эти приготовления независимо от того, что предпринял бы Роммель.

Для этого нам требовалось быть сильными, «сбалансировать» войска таким образом, чтобы удары или маневры противника не требовали от нас какой-либо перегруппировки. Именно такую цель я ставил перед собой: отражать наступления Роммеля, не прекращая приготовлений с собственному наступлению.

Я обсудил эту проблему с де Гинганом, и мы решили обратиться в штаб ближневосточной группировки с просьбой немедленно прислать в 8-ю армию 44-ю дивизию, чтобы она заняла позиции на Алам-Хальфе. После того как целая дивизия оседлала бы этот [111] горный хребет, зарывшись в землю и располагая достаточным количеством бронетехники, которую никто не собирался посылать в безрассудные атаки, я мог не беспокоиться за этот участок фронта. Я попросил направить на укрепление 8-й армии и другую дивизию, 51-ю, части которой уже начали прибывать в Суэц. Детали тактического плана мне хотелось переложить на командира 13-го корпуса. Но на тот момент эта должность оставалась вакантной. Я решил попросить Александера незамедлительно вызвать из Англии генерала Хоррокса и назначить его командиром 13-го корпуса. Хоррокс в свое время командовал батальоном в моей 3-й дивизии. Когда я получил под свое начало корпус, то назначил его сначала командиром бригады, а потом и дивизии. Теперь я хотел, чтобы в моей армии он командовал корпусом. Знал, что лучшего человека мне не найти, так оно и вышло: он на все сто процентов подходил для выполнения той задачи, которую предстояло решать 13-му

корпусу.

Так что к 15 августа, дню, когда Окинлек приказал мне взять на себя командование 8-й армией, я уже командовал ею два дня, и мы активно двигались в правильном направлении. Более того, решительно взяв в свои руки бразды правления, мы сразу добились подъема боевого духа. И это было едва ли не самым важным достижением, поскольку высокий боевой дух бойца — одна из главных составляющих успеха армии.

С первого дня мы начали подготовку к сражению, которое получило известность как битва при Аламейне. Время поджимало, и я уже знал, что в сентябре от меня потребуют наступательных действий. Но прежде чем перейти к основным моментам подготовки и проведения того сражения, мы должны коротко остановиться на битве у Алам-Хальфы. Именно там отрабатывалась модель оборонительного сражения, и полученные результаты, с поправкой на другие условия, были успешно использованы в Аламейне. По моему разумению, без Алам-Хальфы нам бы не удалось добиться в Аламейне столь блестящих результатов.

Премьер-министр вновь посетил 8-ю армию 19 августа, по пути из Москвы. Я показал ему позиции наших частей, рассказал о планах отражения ожидаемого наступления Роммеля, а также поделился мыслями о нашем наступлении. Он остался на ночь в моей новой штаб-квартире на морском побережье неподалеку [112] от Бург-эль-Араба, куда мы только что перебрались. Перед обедом он искупался в Средиземном море. Купального костюма у него не было, и мне пришлось приложить определенные усилия, чтобы держать прессу на приличном расстоянии, когда он входил в воду в рубашке. Его заинтересовала группа солдат, и он спросил, отчего у них всех такие забавные белые купальные трусы. Мне пришлось объяснить, что в 8-й армии купальных принадлежностей нет ни у кого. Весь день солдаты ходили в шортах и часто без рубашек, отчего их тела стали коричневыми. Так что издалека за белые купальные трусы он принял незагорелые участки кожи, которые обычно находились под форменными шортами! Мы отлично провели вечер в столовой для старших офицеров, а де Гинган сумел даже достать для премьер-министра пристойное вино и выдержанный коньяк.

Когда на следующий день премьер-министр уезжал из расположения 8-й армии, я попросил его сделать запись в моей книге для автографов. Он написал следующее, с учетом того, что я принял командование 8-й армией 13 августа, в годовщину битвы при Бленхейме:

«Пусть годовщина битвы при Бленхейме, знаменующая

приход в 8-ю армию нового командующего, принесет ему и его войскам удачу, которую они, без сомнения, заслуживают. Уинстон Черчилль 20 августа 1942 года». [113]

Глава восьмая. Сражение у Алам-Хальфы

31 августа — 6 сентября 1942 г.

В дополнение к плану, который я в общих чертах изложил выше, я довел до сознания личного состава 8-й армии, что не намерен терпеть «нытье». Этим термином я определял тот вид нарушения дисциплины, когда командиры ссылались на самые разные причины, помешавшие им выполнить поставленную перед ними задачу. В 8-й армии существовала тенденция подвергать сомнению приказы вышестоящих командиров. Каждый полагал, что разбирается в том или ином конкретном вопросе лучше своего начальника, и зачастую требовалось приложить немало усилий, чтобы добиться желаемого результата. Я твердо решил положить конец такому положению вещей. Приказы более не служили «основой для дискуссий». Их следовало неукоснительно выполнять.

Что мне теперь требовалось, так это сражение, которое прошло бы в полном соответствии с моими идеями, а не с теми, что исповедовали прежние командиры, воевавшие в пустыне. Более того, оно должно было завершиться нашей победой и пройти перед нашим наступлением, чтобы восстановить утерянное доверие к командованию офицеров и солдат. Только так обеспечивался высокий боевой дух, без которого невозможно одерживать победы в жестоких битвах. Вера в командование во многом определяла успех кампании.

Я получил под свое начало отличных бойцов, и мне не потребовалось много времени, чтобы это понять. 8-я армия состояла из закаленных боями дивизий. Но офицеры и солдаты не понимали, что происходит наверху, и это подрывало их уверенность в своих силах. «Храбрые, но растерянные» — так охарактеризовал их премьер-министр. [114]

Неуверенность вкупе с нытьем, от которого не удалось полностью избавиться (оно являлось одной из причин неуверенности), могли привести к опасным последствиям, а искоренить их могло лишь удачное сражение: сражение, в котором Роммель был бы разгромлен у всех на глазах, да еще с минимальными для 8-й армии потерями.

Сам я атаковать не мог, так что приходилось ждать, пока Роммель предоставит мне такую возможность. Однако для того чтобы использовать ее с максимальной пользой, требовалось правильно смоделировать его наступление и заранее определить,

где и как мы нанесем ему поражение. Выяснилось, что эта задача не из сложных.

Моя разведка не сомневалась, что прорыв наших позиций будет осуществляться на южном фланге, после чего, повернув налево, бронетанковые соединения Роммеля двинутся к хребтам Алам-Хальфа и Рувейсат. Я согласился с этим прогнозом, и он стал основой всех моих планов. Мы достаточно четко представляли себе время, когда начнется наступление, направление главного удара и мощность группировки, которая его нанесет.

Я решил максимально укрепить оборону Алам-Хальфы силами 44-й дивизии и разместить наши танки южнее западной оконечности хребта. Убедившись, что главный удар наносится по Алам-Хальфе, я намеревался переместить танки на территорию между западными склонами хребта и позициями новозеландской дивизии на линии Аламейна. Я был так уверен, что этот маневр бронетехники понадобится, что приказал провести его генеральную репетицию, и, когда мы его действительно провели, 1 сентября, 400 танков заняли указанные им позиции и зарылись в землю за заслоном из противотанковых орудий калибра 57 мм. Был издан очень жесткий приказ, запрещающий бронетехнике атаковать противника. Упор делался на то, чтобы танки Роммеля взламывали нашу оборону, неся при этом тяжелые потери.

У меня не вызывало сомнений, что Роммель не смог бы просто обойти мои силы и двинуться на восток, к Каиру. Мои четыреста танков пошли бы следом, и армия Роммеля, зажатая со всех сторон, была бы полностью уничтожена. [115]

Тогда же я решил, что край южного фланга следует сделать мобильным: 7-й танковой дивизии предлагалось оборонять широкий участок фронта с тем, чтобы организованно отступить под натиском превосходящих сил Роммеля. А после поворота этих сил влево, к горному хребту Алам-Хальфа, 7-я дивизия должна была наносить контратакующие удары с востока и юга. Генерал Хорроксуже прибыл из Англии, принял командование 13-м корпусом, так что за левый фланг я мог не беспокоиться, знал, что детали плана будут проработаны на самом высоком уровне. Я настаивал на том, чтобы в этом сражении его 13-й корпус и особенно 7-я бронетанковая дивизия понесли минимальные потери. Этим частям отводилась заметная роль в нашем грядущем октябрьском наступлении, и я поделился с генералом Хорроксом моими идеями относительно этого наступления. Конечно же, он воспринял их с присущим ему энтузиазмом.

Приведенная схема служит наглядной иллюстрацией этого сражения. Наступление Роммеля развивалось именно так, как и предполагали солдаты и офицеры 8-й армии. Мы сражались в точном соответствии с моим планом. Как только ударная группировка Роммеля наткнулась на мощные оборонительные позиции новозеландской дивизии на востоке, ее продвижение вперед сразу же застопорилось. Мы получили возможность обстреливать ее со всех направлений, а авиация начала бомбить с воздуха. Эффективность наших действий оказалась столь высока, что через несколько дней, понеся значительные потери в танках и бронетранспортерах, противнику пришлось задуматься об отступлении.

Наиболее существенным фактором, вынудившим Роммеля отдать приказ об отступлении, стали действия наших летчиков под командованием маршала авиации Конингема. Сухопутные войска и военно-воздушные силы действовали по единому плану, координируя свои усилия, наши штабы находились рядом. Когда я прибыл в пустыню, у меня сложилось впечатление, что эти два рода войск воюют независимо друг от друга, и командование 8-й армии не понимает истинного предназначения военной авиации. Это сражение снова сблизило нас, и в дальнейшем мы поддерживали самое тесное взаимодействие. [116]

Важным фактором общего успеха стало и решение Теддера послать «Веллингтоны» на бомбежку Тобрука в самый разгар сражения. Тем самым Роммель лишился возможности быстро пополнять запасы горючего и боеприпасов. Именно это заставило

его отдать приказ об отступлении. Его войска уже понесли большие потери, а недостаток бензина не позволил ему перегруппировать силы и нанести новый удар. Теддер обрубил ему хвост.

Когда разработка плана оборонительных действий была закончена и началась его реализация, я получил возможность сосредоточиться на обдумывании нашего наступления.

Войска Роммеля атаковали ночью 31 августа. Я лег в обычное время и крепко спал, когда вскоре после полуночи началось наступление немцев. Де Гинган рассказывает о той ночи свою версию. Он решил разбудить меня и доложить новости. Я вроде бы проснулся, сказал: «Прекрасно, лучше быть не может» — и снова заснул. Встал, как всегда, позавтракал в обычное время. Я этого не помню, но готов ему поверить. Я твердо знал, если все будут исполнять полученные приказы, мы должны выиграть эту битву. От меня требовалось только одно: контролировать, чтобы в этом бою, первом, который вела 8-я армия под моим командованием, все действовали в строгом соответствии с разработанным мною планом.

Когда мне стало ясно, что войска Роммеля сильно потрепаны, я отдал приказ нанести удар на юго-восток с участка фронта новозеландской дивизии, с тем чтобы закрыть брешь, которая образовалась на нашем фронте в ходе немецкого наступления. Противник отреагировал тут же и очень активно: начал отступать в сторону наших минных полей, через которые немцы уже прошли, наступая. Мы оставили их в покое, я посчитал, что на том сражение и окончено. Более того, меня очень устраивало, что основные силы Роммеля сосредоточены на южном фланге нашего фронта, поскольку я предполагал наносить главный удар в ходе предстоящего наступления на северном фланге. Я помню, как Хоррокс оспоривал мое решение, говоря, что врагу досталась не только заминированная нами территория, но и несколько командных высот, с которых просматривается расположение наших войск. Я ответил, что он должен заняться созданием [117] новых минных полей для своего корпуса. Что же касается командных высот, вроде Хаймеймата, меня устраивало, что они остались за Роммелем. Он мог наблюдать за тем, как мы готовим наступление на южном фланге: там все делалось для введения противника в заблуждение.

Меня иногда критиковали за то, что я не воспользовался отступлением Роммеля и не отдал приказа о немедленном наступлении 8-й армии. Я не сделал этого по двум причинам. Во-первых, меня не устраивал уровень подготовки солдат и офицеров, не было создано и необходимых материально-

технических резервов. Требовалось время, чтобы довести до нужного уровня и то, и другое. Во-вторых, мне не хотелось заставлять Роммеля отступать на прежние позиции в Агейле. Если мы собирались выполнить порученное нам дело, следовало заставить его остаться, как говорится, в чистом поле, дать ему бой и разбить наголову. Ранее такого с ним не случалось. Он часто отступал, но всегда по организационным причинам. Не вызывало сомнений, что нам выгодно навязать ему сражение, когда мы будем к нему готовы, причем его войска будут находиться достаточно далеко от своих баз снабжения, тогда как мы — рядом со своими базами. Именно так и сложилась бы ситуация, если он оставался в Аламейне.

Таким образом, битва у Алам-Хальфы закончилась именно так, как мы хотели. Действия 13-го корпуса на южном фланге заслуживали всяческих похвал. Хоррокс провел этот бой в полном соответствии с разработанным планом, показав себя блестящим тактиком. Он рассказывает историю о том, как я, когда все закончилось, сначала похвалил его, а потом начал объяснять, что он сделал неправильно и как нужно командовать корпусом в бою.

В 1955 году я с интересом прочитал книгу фон Меллентина «Танковые сражения». Автор во время описываемых событий служил в штабе Роммеля. Вот что он пишет о сражении у Алам-Хальфы: «…Поворотный пункт войны в пустыне, первое в долгом перечне поражений на всех фронтах, которые в конечном итоге привели к капитуляции Германии».

Конечно же, из этого сражения нами были извлечены важные уроки. Это была «армейская» операция. Сила 8-й армии основывалась на четком плане действий ее соединений и жестком [118] контроле происходящего со стороны штаба армии. Солдаты и офицеры на собственном опыте убедились, сколь необходимо наличие одного, и только одного, руководящего центра, который и определяет их судьбу. Это сражение наглядно доказало им, что я могу быть таким центром.

8-я армия в основном состояла из гражданских лиц, надевших военную форму, а не из профессиональных солдат. И все они, до последнего, были такими гражданскими, которые читали газеты. И у меня сложилось мнение, что для управления этими людьми требуется не только руководящий разум, но и некий символ, другими словами, не только командир, но и талисман, приносящий удачу. И начал сознательно работать над этой второй составляющей. Я не сомневался, что будет очень даже неплохо, если они будут узнавать меня, знать, что вот тот самый человек, который ведет их в бой. Подчиняться обезличенному командующему трудно. Я чувствовал, что они все

должны знать, каков я из себя. Этот анализ может показаться излишне академичным, проделанным в тиши кабинета. Но таким он, собственно, и был, и я не вижу в этом ничего зазорного. Действительно, пришлось искать наилучший способ руководить этими людьми, добиваться от них наибольшей отдачи, создать из них эффективную и сплоченную команду, способную решать задачи, которые я намеревался перед ними ставить; а задачи эти, я знал, будут очень непростыми. Но с готовностью признаю, что находиться в центре внимания подчиненных мне было очень даже приятно. Я не только старался им что-то дать, в данном случае ощущение общности, единого целого, но сам приобретал столь необходимый опыт, видя, что мне удается все лучше узнавать и чувствовать их, я наблюдал, как растет их боевой дух и физически ощущал нарастающую любовь ко мне. Я начинал сражение у Алам-Хальфы в австралийской шляпе прежде всего потому, что лучшего головного убора для пустыни просто не найти, но скоро меня начали по ней узнавать — во всяком случае, за пределами участка фронта, который занимали австралийцы. Позднее, как читателям, возможно, известно, я сменил шляпу на черный берет, опять же прежде всего из практических соображений.

А две кокарды на берете появились в общем-то случайно, но я быстро отметил их функциональную значимость, и шутка [119] танкистов одного из бронетанковых полков, которые вручили мне этот берет, превратилась в отличие, по которому меня узнавали в пустыне. Я вскоре понял, что прибытие на тот или иной участок фронта двухкокардового берета подстегивало солдат и офицеров: они знали, что я здесь, что я лично интересуюсь их делами, что не сижу в глубоком тылу, издавая приказы. Берет оказался куда эффективнее любого парадного мундира. Он стал, если хотите, моим фирменным знаком. И к тому же в нем было очень удобно.

Вновь отмечу, что сражение у Алам-Хальфы стало свидетельством отказа от прежней доктрины, согласно которой любое наступление Роммеля мы встречали контратакой своих танков. Имея недостаточно подготовленный личный состав и вооружение невысокого уровня, следовало выбирать и соответствующую тактику. Я отказался от соблазна сразу же развить наш успех, потому что такие поспешные действия шли вразрез с моими долговременными планами.

И наконец, следует отметить, что успешная битва, прошедшая именно так, как и предрекало высшее командование, вызывает подъем боевого духа. Как я и обещал, мы победили с минимальными потерями. В данном случае подъем боевого духа имел огромное значение. За мои несколько дней пребывания в пустыне мы избавились от неопределенности, осуществляя

жесткое руководство из штаба армии и объявив о реорганизации, которая приведет к победе в войне в пустыне. Все это, конечно же, вызвало у личного состава чувство облегчения. Однако сомнения все равно оставались: выглядит все неплохо, звучит неплохо, но даст ли результат? Было, конечно, огромное желание приложить все силы, чтобы результат был, с каждым новым днем росла уверенность в успехе. Но именно Алам-Хальфа заставила армию поверить в мои методы, если хотите, мои пророчества, заложила прочный фундамент победы в Аламейне.

В общем, в сражении у Алам-Хальфы я достиг всего, чего хотел. Помимо восстановления боевого духа, 8-я армия прошла первое серьезное испытание при новом командующем. Командиры, штабы, войска, начиная с меня и заканчивая последним солдатом, сработали как единое целое и в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами добились успеха. [120]

Когда сражение закончилось, в письме одному из моих друзей, оставшихся в Англии, я написал следующее: «Моя первая встреча с Роммелем ожидалась с интересом. К счастью, я успел восстановить порядок и подготовить план действий, так что разобраться с ним труда не составило. Я чувствую, что мы выиграли партию, в которой он сделал первый ход. В следующей партии первым придется ходить мне, при счете один — ноль в мою пользу».

Мы возобновили подготовку к битве при Аламейне, но некоторые вопросы потребовали незамедлительного решения, и пришлось, не откладывая, заняться ими.

При подготовке 8-й армии к грядущим сражениям я решил сосредоточиться на трех ключевых моментах: лидерстве, оснащении и подготовке. Во всем ощущался дефицит. Ситуация с оснащением находилась под контролем. Я знал — Александер проследит, чтобы мы получили все необходимое. Подготовке личного состава уделялось самое пристальное внимание. Я очень быстро понял: хотя в 8-й армии служат отличные парни, их подготовка оставляет желать лучшего. Сражались они много, учились воевать мало. Мы только что одержали серьезную победу, до добились ее в позиционном сражении. Я не мог бросить войска в полномасштабное наступление без серьезной боевой подготовки. Я помню, какой испытал шок, когда, посетив одну из частей, спросил ее командира, учит ли он своих людей ведению боевых действий и как это делается. Командир без запинки ответил, что возложил эту задачу на своего заместителя. Позже я подошел к этому заместителю и сказал: «Как я понимаю, вы отвечаете за обучение офицеров вашей части. Расскажите мне,

как проводятся занятия». Он ответил, что он никаких занятий не проводил, это дело командира части. Я тут же приказал найти этой части нового командира, поскольку никакая подготовка офицерского состава не велась.

В высших эшелонах командования мне хотелось иметь трех первоклассных командиров корпусов. В 13-м корпусе такой командир у меня был, Хоррокс, который оправдал возлагаемые на него надежды в битве у Алам-Хальфы. Я решил снять Рамсдена с 30-го корпуса и попросил прислать генерал-майора сэра Оливера Лиза, который тогда возглавлял гвардейскую бронетанковую [121] дивизию, расквартированную в Англии. Он тут же прилетел, и я ни разу не разочаровался в своем выборе: Лиз прекрасно проявил себя и в Аламейне, и в тунисской кампании, и на Сицилии. После длительных консультаций с Александером я согласился отдать 10-й корпус, мои элитные части, сформированные по подобию Бронетанковой армии Роммеля, в руки Ламсдена. Ранее он командовал 1-й бронетанковой дивизией, сражавшейся в пустыне, и на Ближнем Востоке о нем отзывались очень высоко. Я плохо его знал, а потому не мог относиться к нему с полным доверием, однако прислушался к совету других. Я уже перетащил из Англии двух новых командующих корпусами и не хотел, чтобы 8-я армия думала, что ни один из ее старших офицеров не достоин повышения. Я также счел необходимым поставить нового командира во главе 7-й бронетанковой дивизии и попросил назначить на эту должность Хардинга из штаба ближневосточной группировки в Каире.

Для успешного начала и развития нашего наступления прежде всего требовалось пробить брешь в оборонительных рубежах Роммеля, а потому следовало уделить особое внимание артподготовке. Я пришел к выводу, что моему штабу необходим новый начальник артиллерии. Когда я сказал об этом одному старшему офицеру штаба ближневосточной группировки в Каире, тот ответил, что мой нынешний начальник артиллерии — милейший человек да к тому же чемпион по гольфу. Я согласился с тем, что он очень мил, но добавил, что играем мы вовсе не в гольф. И попросил прислать из Англии бригадного генерала Киркмана, которого считал лучшим артиллеристом британской армии (теперь он генерал сэр Сидни Киркман и руководит гражданской обороной в министерстве внутренних дел).

Мне также требовался первоклассный главный капеллан. После долгих поисков мы остановили свой выбор на Хьюзе, который служил главным капелланом дивизии. Я никогда не сожалел о принятом решении. Хьюз оставался со мной до конца войны. Потом он стал главным капелланом сухопутных войск,

первым армейским капелланом, занявшим столь высокий пост. Сегодня он викарий в Рипоне. Он был идеальным армейским падре и стал одним из моих ближайших друзей. Он рассказывает забавные истории о нашей первой встрече. [122]

Мое административно-хозяйственное управление возглавлял бригадир Робертсон, теперь генерал сэр Брайан Робертсон, председатель комитета по транспорту Великобритании. Я хорошо его знал с той поры, когда он учился у меня в штабном колледже в Кэмберли. Он был исключительно одаренным офицером, и я никогда не беспокоился за порученный ему участок работы. Он подобрал себе компетентного помощника, подполковника Майлса Грэма, теперь генерал-майора сэра Майлса Грэма. Когда Робертсон ушел от меня, получив повышение по службе, Грэм занял его место и оставался со мной до конца войны.

Еще необходимо упомянуть Белчема. Когда я возглавил армию, он работал в оперативном отделе штаба. Блестящий офицер, он какое-то время работал в штабе бригады, потом командовал танковым полком, но в конце концов вернулся в штаб армии и до конца войны возглавлял оперативный отдел.

Наконец у меня дошли руки и до разведывательного отдела штаба армии. Я нашел там майора Королевского гвардейского драгунского полка по фамилии Уильямс (теперь бригадный генерал Э. Т. Уильямс, ректор Роудс-Хаус, Оксфорд). Он был профессором в Оксфорде и отличался блистательным умом. Как мы увидим ниже, именно разговор с ним натолкнул меня на идею, которая позволила нам одержать победу в битве при Аламейне. Тогда он не был начальником разведывательного отдела, но я твердо решил, что он им станет. Уильямс также прошел со мной всю войну.

Изучив положение с командным составом и внеся необходимые коррективы, я пришел к выводу, что собрал команду, которая без труда может решить любые поставленные перед ней задачи. Некоторые из этих людей оставались в моем штабе до конца войны, в частности де Гинган, Грэм, Хьюз, Белчем и Уильямс.

В военное время, если командующему, который добивается успеха на полях сражений, удается создать надежную команду, он просто обязан брать с собой основных ее членов при новом назначении. Вышеупомянутые пять офицеров отправились со мной в 21-ю группу армий после того, как меня перевели туда из 8-й армии. У меня не было времени, чтобы создать новую команду при подготовке высадки в Нормандии.

Зная, что нас ждет впереди, я после завершения сражения при Алам-Хальфе прикрепил к стене моего фургона три цитаты. [123]

Они оставались там во время долгого путешествия из Аламейна в Берлин и теперь по-прежнему висят на том же месте: фургон стоит рядом с моим домом в Гэмпшире. Вот они:

Молитва сэра Френсиса Дрейка, вознесенная в утро атаки на Кадис 1587 года О, Господь, когда Ты допускаешь своих слуг приниматься за большое дело, дай нам также знать, что это не начало, а продолжение прежнего, и так будет, пока не закончим мы свое дело во славу Твою. Джеймс Грэм, маркиз Монтроз 1612–1650 Тот либо слишком опасается судьбы Иль мало думает, Кто не рискует ставить все на карту — Все выиграть или проиграть. Шекспир, «Генрих V», действие IV, картина I О, Бог сражений! Закали сердца моих солдат. [124]

Глава девятая. Битва при Аламейне

23 октября — 4 ноября 1942 г.

Сражение при Алам-Хальфе помешало нашим приготовлениям к наступлению и отодвинуло его на более поздний срок. Однако и польза от него была огромная. До Алам-Хальфы в войсках уже зрело понимание, что все приказы надо исполнять, потому что там почувствовали крепкую руку командования. По той же причине наблюдался и общий подъем боевого духа. Думаю, в глубине души солдаты и офицеры понимали: если мы потерпим поражение у Алам-Хальфы, то, скорее всего, потеряем Египет. Им часто говорили, что все будет так-то и так-то, но теперь они хотели, чтобы им не только что-то пообещали, но и показали. У Алам-Хальфы им и пообещали, и показали, и после этого сражения 8-я армия поверила в то, что при новом командовании она уже никогда не потерпит поражения.

После сражения у Алам-Хальфы у нас была сложная задача. Мы стояли лицом к лицу с основными силами Роммеля между морем и впадиной Каттара на участке протяженностью примерно 45 миль. Враг укрепил свои оборонительные порядки на беспрецедентном для войны в пустыне уровне. Оборона армии Роммеля держалась, в том числе и на мощных минных полях. Открытых флангов не было. И от 8-й армии, переходящей в наступление, требовалось:

первое — пробить брешь в оборонительных порядках противника;

второе — вывести через нее на оперативный простор в тылу врага 10-й корпус с его танками и моторизированной пехотой;

третье — развить наступление и уничтожить армию Роммеля. [125]

Задача была неимоверно сложной. Как мы могли обеспечить элемент внезапности?

Казалось невозможным скрыть от врага тот факт, что мы намерены перейти в наступление. Я решил сделать упор на тактическую внезапность, постараться скрыть от противника те участки фронта, где мы нанесем главный удар, и точное время начала наступления. Это потребовало создания специального плана по введению противника в заблуждение, и ниже я расскажу о предпринятых нами мерах.

Далее, мне хотелось начать наступление в период полнолуния. Наличие у противника мощных минных полей требовало, чтобы войска видели, что они делают. Период

убывающей луны меня не устраивал, поскольку я предполагал, что для прорыва обороны нам потребуется как минимум неделя изнурительных боев. Так что речь могла идти только о периоде растущей луны. Выходило, что в каждый из месяцев мы могли начать операцию лишь в узком, в несколько дней, временном диапазоне. Из-за задержки, вызванной подготовкой к отражению наступления Роммеля, в сентябре мы не успели провести подготовку, гарантирующую достижение успеха. А я считал, что неудач быть больше не должно. Солдаты и офицеры 8-й армии вели суровую жизнь. На их долю выпадало слишком мало радостей, но они с этим мирились. Им хотелось лишь одного — успеха в боевых действиях, и я дал себе слово, что на этот раз они получат его в полной мере. Народ Британии тоже жаждал успеха. Слишком долго он видел только неудачи или, в лучшем случае, частичные успехи. Но для того чтобы одержать серьезную победу требовалось время. Время, чтобы получить в достаточном количестве новое вооружение, обучить личный состав пользоваться им, провести учения, отрабатывая те маневры, которые следовало выполнять в ходе реальных боевых действий. По прибытии я обещал 8-й армии, что не начну наступления, не убедившись, что мы полностью к нему готовы. И мы не могли завершить подготовку раньше октября. Период полнолуния начинался 24 октября. Я решил начать наступление 23-го и сообщил об этом Александеру. Уайтхолл отреагировал немедленно. Александер получил указание премьер-министра начать наступление в сентябре, чтобы согласовать его с наступлениями русских и намеченной на начало ноября [126] высадкой войск союзников на западной части северного побережья Африки (операция «Факел»). Александер приехал ко мне, чтобы обсудить ответ. Я сказал, что к сентябрьскому полнолунию мы не успеем завершить подготовку и наступление захлебнется: если же мы подождем октября, я гарантировал полный успех. С моей точки зрения сентябрьское наступление было безумием. Следовало ли идти на такой шаг? Александер полностью меня поддержал, как, впрочем, и всегда, и в ответе содержались нужные мне строки. В личной беседе я сказал Александеру о своем обещании солдатам не начинать наступление раньше октября. Поэтому, если бы Уайтхолл продолжал настаивать на сентябрьском наступлении, им бы пришлось искать другого командующего. Но мои акции после Алам-Хальфы были очень высоки. О переносе наступления на сентябрь речь больше не заходила.

План наступления

Ходят слухи, что планы наступления в Аламейне и

последующих операций в Африке готовились Александером и штабом ближневосточной группировки, а я их просто выполнял. Это неправда. Наступление в Аламейне и последующие операции разрабатывались штабом 8-й армии. Я постоянно держал Александера в курсе всех наших дел. Он не вдавался в подробности наших планов, не предлагал собственных, абсолютно доверял мне и моему штабу. Узнав, что мы хотим, всячески нас поддерживал, никогда не отказывал ни в каких просьбах, без этой щедрой и постоянной поддержки мы бы не смогли выполнить поставленных перед нами задач. С моей точки зрения, он был идеальным командующим ближневосточной группировкой. Мне он доверял.

Первоначальный план операции был подготовлен в первые дни сентября, сразу же по окончании битвы у Алам-Хальфы. По этому плану предполагалось одновременно атаковать противника на обоих флангах. Главный удар наносился силами 30-го корпуса (Лиз) на северном фланге. Я планировал пробить два коридора сквозь минные поля и оборонительные рубежи противника. 10-му корпусу (Ламсден) надлежало пройти по этим коридорам и, выйдя в тыл немецкой армии, перерезать пути [127] снабжения. Бронетехнике Роммеля пришлось бы атаковать, и я надеялся, что при этом она будет уничтожена. Коридор пришлось бы пробивать через линию обороны, глубина которой, с учетом минных полей, составляла пять миль.

На юге 13-му корпусу (Хоррокс) поручалось прорывать оборону противника в тесном контакте с 7-й бронетанковой дивизией, с тем чтобы не дать противнику снять свою бронетехнику с этого направления и таким образом облегчить 10-му корпусу выход на оперативный простор на севере.

13-й корпус не должен был понести тяжелых потерь, а 7-я бронетанковая дивизия сохранила бы большую часть своих танков и смогла бы участвовать в мобильных операциях после прорыва вражеской обороны. Как еще будет отмечено, мой план отличался от традиционной тактики войны в пустыне, когда главное наступление организовывалось на южном фланге или том, что находился в глубине материка, с последующим разворотом прорвавшейся группировки и выходом к морю. Я исходил из того, что при атаке на южном фланге войскам остается только одно направление движения — на север. Тот факт, что именно эта тактика выбиралась всеми предыдущими командующими, убедил меня в необходимости найти другой вариант. Я планировал нанести удар не на левом, не на правом флангах, а чуть правее центра. В этом случае после прорыва я мог направить войска как вправо, так и влево, в зависимости от складывающейся ситуации.

Это решение не вызвало энтузиазма в штабе ближневосточной группировки, и на моего начальника штаба оказывалось немалое давление с тем, чтобы он переубедил меня. Александер в этом споре не участвовал. Он понимал смысл моих предложений и полностью их поддерживал.

Я внимательно наблюдал за боевой подготовкой войск, и мне становилось все очевиднее, что 8-я армия не обучена воевать. Собственно, на обучении никто никогда и не настаивал. Большинство командиров продвигались по служебной лестнице благодаря личным заслугам или потому, что более подходящих просто не было. Многие из них уже занимали должности, которым не соответствовали, и лишь единицы могли обучать подчиненных. К концу сентября у меня возникли серьезные сомнения [128] в том, что эти войска способны решить поставленную задачу. План я предлагал простой, но, возможно, слишком честолюбивый. Мне стало понятно, что, если я не проявлю предусмотрительности, дивизии и другие части получат задачи, которые не смогут выполнить в силу своей необученности. С момента своего формирования 8-я армия потеряла убитыми и ранеными 80 000 человек, а на подготовку пополнения выделялось слишком мало времени.

Осознав это, я принял быстрое решение. 6 октября, когда до начала сражения оставалось чуть больше двух недель, я изменил план операции. Мой первоначальный план основывался на уничтожении бронетанковых соединений Роммеля; предполагалось, что оставшуюся часть его армии можно будет взять голыми руками. План этот лежал в русле общепринятой в то время военной стратегии. Я решил действовать в обратном порядке, радикально изменив концепцию сражения. Модифицированным планом предлагалось сдерживать танки противника и параллельно методично уничтожать его пехотные дивизии, которые, собственно, и держали оборонительные рубежи. После того как пехота будет «раздавлена», выходом наших войск во фланги и тыл бронетехника противника будет отрезана от баз снабжения. Эти операции можно было организовать, опираясь на ряд надежных баз, и их реализация не выходила за пределы возможностей 8-й армии. Я, разумеется, не рассчитывал, что танки противника будут бездействовать, наблюдая на разгромом пехотных дивизий: наверняка не обошлось бы без мощных контратак. Но меня этот вариант как раз и устраивал, поскольку лучший способ уничтожить танки противника — заставить их атаковать хорошо укрепленные позиции. Я намеревался расположить свои танки вне зоны активных боевых действий по уничтожению пехоты противника.

Тем самым я обращал наличие минных полей противника в свою пользу, поскольку они препятствовали движению танков. Оставалось только закрыть своей закопанной в землю бронетехникой проходы в минных полях, и тогда танки Роммеля не смогли бы помешать уничтожению его пехоты. Успех всей операции зависел главным образом от того, сумеет ли 30-й корпус пробить коридоры в оборонительных порядках противника и обеспечить тем самым [129] выход бронетанковых дивизий 10-го корпуса на оперативный простор. Я не сомневался: если удастся без особой задержки провести через созданные коридоры бронетехнику, сражение будет выиграно. Сможем ли мы это сделать? Чтобы гарантировать успех, я намеревался бросить в коридоры бронированные дивизии 10-го корпуса непосредственно на плечах пехотных дивизий 30-го корпуса, до того как знал бы наверняка, что коридоры свободны. Более того, я приказал: если через день после начала наступления, 24 октября, коридоры не будут свободны, бронетанковым дивизиям придется самим пробиваться за западную границу минных полей. Этот приказ не вызвал энтузиазма в танковых частях, но я собирался проследить, чтобы он был в точности выполнен.

Ниже будет показано, как из-за нерешительности некоторых старших командиров в выполнении этого приказа мы едва не проиграли сражение.

В главе восьмой я упоминал о майоре Уильямсе из разведотдела, который поразил меня своими исключительными способностями. Все, кто прослужил со мной до конца войны, знали его как Билла Уильямса. В одной из наших бесед в те дни он обратил мое внимание, что позиции, которые занимали противостоящие нам немецкие и итальянские войска, напоминали корсет. Если итальянские войска стояли на передовой, то немецкая пехота и десантники располагались между ними, а иногда и сзади, поскольку, если доходило до серьезного боя, надежность итальянских солдат оставляла желать лучшего. Идея Билла Уильямса состояла в том, чтобы четко определить участки фронта, которые занимают немцы, и прорываться на чисто итальянских участках. Этот блестящий анализ и великолепная идея стали основой общего плана по уничтожению пехоты противника и проложили дорогу к победе при Аламейне.

Дезинформационный план

Разрабатывая и вводя в действие дезинформационный план, мы ставили перед собой две цели:

а) как можно дольше скрывать от противника наше намерение начать наступление; [130]

б) когда скрыть намерение станет невозможным, не позволить противнику определить место, время и направление нашего главного удара.

Для того чтобы скрыть наши истинные намерения и передвижения войск на севере, мы создавали видимость активной подготовки наступления на юге.

Дезинформационный план претворялся в жизнь в масштабе армии. Огромное внимание придавалось мельчайшим деталям, потому что любая неточность могла сорвать весь замысел. Чтобы проделать всю эту гигантскую работу в очень сжатые сроки, потребовалось тщательное планирование плюс использование значительных людских и транспортных ресурсов. Было налажено массовое производство муляжей, подготовлены специалисты, в операции участвовали многие сотни автомобилей. Благодаря всем этим компонентам план полностью удался, за что соответствующие службы заслуживают огромной благодарности.

Одним из элементов «визуальной дезинформации» стало создание и постоянное поддержание высокой плотности транспортных средств на северном фланге, который занимал 30-й корпус. К 1 октября там установили все необходимые муляжи грузовиков, хранилищ боеприпасов, орудий, и так далее. Ночью, за день перед наступлением, когда дивизии уже сосредотачивались для атаки, на место муляжей установили настоящую технику. Сами муляжи отвезли в тыл, где установили на место настоящей техники, для того чтобы на фотографиях, которые делали самолеты противника, ничего не изменилось. Всю эту работу координировал Чарльз Ричардсон, очень одаренный офицер организационного отдела штаба 8-й армии (теперь генерал-майор Ч. Л. Ричардсон, с недавнего времени начальник Колледжа военных наук).

Подготовка наступления потребовала создания крупных складов в северном секторе. К примеру, один из них разместили около станции Аламейн, на нем сосредоточилось около шестисот тонн продовольствия, 2000 тонн горюче-смазочных материалов, 420 тонн инженерного имущества. Мы принимали особые меры для того, чтобы противник не узнал о существовании и местонахождении таких складов. Вот и этот сверху выглядел ничем не примечательным местом. Фотоснимки фиксировали лишь [131] несколько ям да окопов. Маскировочными средствами склады удалось полностью скрыть. Эта часть операции по праву считалась триумфом армейских маскировщиков.

Еще одним примером дезинформации стала прокладка ложного трубопровода к южному флангу, призванного убедить противника, что главный удар будет наноситься именно оттуда.

Его начали прокладывать в конце сентября и темп работ указывал на то, что трубопровод войдет в строй к первым числам ноября. Всего успели уложить двадцать миль трубопровода, от источника воды в Бар-Сади до точки, расположенной в четырех милях восточнее Самакет-Габалла. Траншею для трубопровода рыли обычным способом. Трубы изготовили из пустых бочек из-под бензина. Вдоль трубопровода построили три ложные насосные станции. Две из них снабдили наземными резервуарами. Работы начались 26 сентября и были завершены 22 октября. Проводил их один взвод 578-й роты.

Принимались, разумеется, и другие меры, в частности, противник получал доступ к ложным «секретным» сведениям, но я ограничиваюсь примерами визуальной дезинформации, в которой важнейшую роль играла маскировка. Весь план получил кодовое имя «Бертрам», и те, кто его реализовывал, заслуживают высшей похвалы, ибо он удался.

Королевским военно-воздушным силам предстояло сыграть в этой битве огромную роль. Командующий авиацией стремился к тому, чтобы постепенно добиться превосходства над немецкими истребителями, с тем чтобы к 23 октября превосходство это стало полным. В тот день королевским ВВС предстояло нанести мощные бомбовые удары по аэродромам противника, с тем чтобы уничтожить его авиацию, и прежде всего лишить Роммеля воздушной разведки. А в час начала наступления предполагалось направить бомбардировщики против артиллерии противника. То есть я полагал, что к рассвету у ВВС не будет других задач, кроме как помогать нашим сухопутным войскам в сражении с немцами, поскольку наше господство в воздухе стало бы абсолютным.

Я издал очень строгие приказы в части морального состояния, физической готовности и решительности командования. Привожу их ниже. [132]

ПРИКАЗ О МОРАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ ОТ 14 СЕНТЯБРЯ Сражение, к которому мы готовимся, будет нелегким и потребует огромных усилий. Если мы победим, то наша победа положит конец войне в Северной Африке; останутся только операции по «зачистке» отдельных районов. Это будет поворотный пункт всей войны. Поэтому мы не можем рисковать нашей победой. Боевой дух — на войне важнейший фактор. Мы должны максимально поднять боевой дух наших солдат. Наша задача — разжечь их энтузиазм, они должны идти в бой, держа хвост пистолетом, горя желанием одержать победу. В нашей духовной готовности не должно быть слабых звеньев. Но духовная готовность не выдержит тяжелых условий и напряжения битвы, если войска не готовы к ней и физически. Сражение может продолжаться много

дней, и его исход будет зависеть от того, кто будет лучше наносить и держать удары, преодолевать подъемы и спуски, выдерживать постоянное напряжение боя. Я не убежден, что наши солдаты действительно крепкие и выносливые. Они загорели до черноты и прекрасно выглядят, но они редко ходят пешком и многие недели вели практически неподвижный образ жизни. Поэтому крайне важно в течение ближайших месяцев улучшить физическую форму солдат и офицеров. Обычного здоровья недостаточно, они должны стать крепкими и выносливыми. ПРИКАЗ О РЕШИТЕЛЬНОСТИ КОМАНДОВАНИЯ ОТ 6 ОКТЯБРЯ Это сражение будет долгим и упорным. Наши войска не должны думать, что противник сдастся только потому, что у нас хорошие танки и мощная артиллерия. Противник не сдастся, поэтому нас ждут жестокие бои. Пехота должна быть готова к тому, чтобы сражаться и убивать на протяжении длительного периода. Очень важно донести до всех офицеров, что решительность командира жизненно важна в этом сражении, как и в любом другом. [133] В этой войне слишком много наших солдат и офицеров попадали в плен живыми и невредимыми. Мы должны внушить нашим офицерам, сержантам и рядовым, что в том случае, если их отрежут от основных частей или окружат и им может показаться, что надежды на спасение нет, они все равно должны организовать круговую оборону и держаться до последнего. Тем самым они многократно усложнят проблемы противника, будут способствовать успеху наших общих действий и избавят себя от пребывания в лагере для военнопленных до конца войны. Ситуация не будет безнадежной, пока сердца наполнены отвагой, а руки держат оружие, для которого есть патроны. Вышесказанное должно быть немедленно доведено до всех офицеров и рядовых и стать руководством к действию в любом бою. ПРИКАЗ ПО СОБЛЮДЕНИЮ РЕЖИМА СЕКРЕТНОСТИ У меня не вызывало сомнений, что мы не можем проинформировать наши войска о готовящемся наступлении, пока мы не отменим все увольнительные и не сосредоточим личный состав в пустыне. Но я не хотел провоцировать слухи в Александрии и Каире официальным приказом о запрете увольнительных. Поэтому я отдал приказ, регламентирующий знакомство солдат и офицеров с планом операции.

Бригадные генералы и командиры частей инженерных войск 28 сентября

Командиры частей 10 октября

Командиры рот, батарей и т. д. 17 октября

Остальные офицеры и солдаты 21 октября

С 21 октября прекращались все поездки офицеров и солдат в

Александрию и другие города за покупками и с любой иной целью.

С 21 октября командиры всех подразделений перестали отпускать подчиненных в увольнительные, не издавая письменных приказов. Предлог для отказа приводился следующий: есть информация о том, что противник в период полнолуния может перейти [134] в наступление, а потому все солдаты и офицеры должны быть на местах.

Из этого правила было только одно исключение. Я приказал ничего не сообщать о дне наступления частям, находящимся на самых передовых позициях, которые могли быть атакованы врагом, чтобы попавшие в плен ничего не могли рассказать. То же самое относилось и к подразделениям, высылавшим разведывательные патрули на ничейную землю. Все остальные знали, что наше наступление начнется утром 23 октября, дня «Д».

Войсковые соединения, участвовавшие в сражении

Ниже приведен перечень войсковых соединений, находившихся на боевых позициях в начале сражения:

10-й корпус

1-я бронетанковая дивизия 8-я бронетанковая дивизия 10-я бронетанковая дивизия

13-й корпус

7-я бронетанковая дивизия

44-я дивизия

50-я дивизия

30-й корпус

9-я австралийская дивизия

51-я дивизия

2-я новозеландская дивизия

1-я южноафриканская дивизия

4-я индийская дивизия

Дополнительные формирования:

1-я греческая бригада

1-я боевая французская бригада

2-я боевая французская бригада [135]

Боевая французская воздушная колонна

9-я бронетанковая бригада

23-я бронетанковая бригада (танки «Валентайн»)

Последнее перед сражением обращение к старшему командному составу

Предстоящее сражение было «армейской» операцией, которая проводилась по армейскому плану под жестким контролем штаба армии. А потому каждому командиру до уровня подполковника следовало знать подробности моего плана, а также как я намерен

вести сражение и какова его личная роль в общем плане. Только в этом случае достигалось четкое взаимодействие всех частей и подразделений. Вот почему я собирал всех командиров и выступал перед ними в следующие дни:

19 октября — в 13-м и 30-м корпусах;

20 октября — в 10-м корпусе.

Я до сих пор храню конспекты, которыми пользовался при подготовке этих трех выступлений, писал их сам, карандашом. Я привожу их в книге. Я рискнул сказать: «Вся операция продлится примерно 12 дней». Записи показывают, что сначала я написал 10, а потом изменил это число на 12. Счел, что 12 дней — более реальный срок. Пункт 2 ясно указывает, что я не смог правильно написать фамилию Роммель.

Конспективные записи, которые я использовал, обращаясь ко всем старшим офицерам перед сражением в аламейне (кодовое название операции «Лайтфут (Lightfoot)»).

«Обращение к офицерам — «Лайтфут» 1. Экскурс в прошлое, к августу. Цель моего назначения; мои планы по ее реализации; создание 10-го корпуса. Командный состав — вооружение — боевая подготовка. 2. Нарушение планов Роммеллем 31 августа. 3. Основные положения плана армейской операции «Лайтфут», подготовленного к 14 сентября. Уничтожение бронетехники противника. [136] 4. Ситуация на начало октября. Неподготовленная армия. Постепенное осознание, что я должен пересмотреть план с учетом возможностей моих войск. Новый план; «перемалывание пехоты». Пересмотр общепринятых методов. 5. Ключевые моменты армейского плана. Три этапа: а) 30-й корпус прорывает оборонительные рубежи; 10-й корпус проходит через пробитый коридор; 13-й корпус прорывает оборонительные рубежи: борьба за позицию и получение тактического преимущества; б) ожесточенные бои и операции «перемалывания»; в) окончательный разгром противника. 6. Противник: Его слабость, малая численность; недостаточные запасы горючего, боеприпасов, продовольствия. Боевой дух высокий, за исключением, возможно, итальянцев 7. Мы: Огромное превосходство в артиллерии, танках, людях. Можем втянуться в длительное сражение и сделаем это. 832 орудия калибра 25 фунтов. 753 орудия калибра 6 фунтов. 500 орудий калибра 2 фунта. 1200 танков (470 тяжелых). Боевой дух на высшем уровне. 8. Общие принципы сражения: Методично продвигаться вперед, уничтожать противника часть за частью, постепенно и уверенно. Подбивать танки и убивать немцев. Противник не может выдержать длительное сражение, мы — можем. Мы должны постоянно наседать на противника; ни один командир не должен

ослаблять давление на противника. Готовность к ожесточенным боям в течение недели. Вся операция займет примерно 10 дней. Не ждать скорых впечатляющих результатов. 9. Действовать, обеспечив надежный тыл. Быстро перегруппировываться в связи с изменением цели. [137] Поддерживать наступательный порыв. Не ослаблять давления. Если постоянно следовать этим принципам, победа обязательно будет за нами. 10. Боевой дух, средства его поддержания. Обращения к личному составу. Каждый солдат в армии — сражающийся солдат. Несражающихся нет. Все обучены убивать немцев. Мое обращение к войскам. 11. Ставки в сражении. 12. Личный состав должен помнить, что говорить в случае попадания в плен: звание, фамилию и личный номер».

И наконец, я издал личное послание офицерам и солдатам 8-й армии, которое привожу ниже:

«8-я армия Личное послание командующего армией 1. Когда я принял командование 8-й армией, я сказал, что передо мной поставлена цель — уничтожить Роммеля и его армию, и это будет сделано, как только мы будем готовы к сражению. 2. Теперь мы готовы. Сражение, которое мы начинаем, станет одним из решающих сражений истории. Оно будет поворотным пунктом всей войны. Весь мир будет наблюдать за нами, с тревогой следя за тем, кто берет верх. Мы можем дать миру ответ уже сейчас. Верх возьмем мы. 3. У нас первоклассное вооружение; хорошие танки; хорошие противотанковые орудия; в достатке артиллерии и боеприпасов; и нас поддерживает лучшая авиация мира. От каждого из нас, каждого офицера и солдата требуется только одно: пойти в бой с решимостью довести его до конца, с готовностью сражаться и убивать и в итоге победить. 4. Чем скорее мы одержим победу в битве, которая станет поворотным пунктом этой войны, тем раньше вернемся домой к нашим семьям. [138] 5. Поэтому пусть каждый офицер и солдат идет в бой с отвагой в сердце, с решимостью исполнять свой долг до последнего вздоха. И ПУСТЬ НИКТО НЕ СДАЕТСЯ В ПЛЕН, ПОКА ОН НЕ РАНЕН И МОЖЕТ СРАЖАТЬСЯ. Помолимся Господу, чтобы в этой битве он даровал нам победу. Б. Л. Монгтомери, генерал-лейтенант, командующий 8-й армией Ближневосточная группировка 23.10.42».

Утром 23 октября я провел короткую встречу с военными корреспондентами, а во второй половине дня отправился на свой командный пункт, который расположил неподалеку от штаба 30-го корпуса. Вечером почитал книгу и лег спать. Вечером, в 9.40, тысяча орудий начала артподготовку, и 8-я армия, имея в составе 1200 танков, перешла в наступление. Я крепко спал в своем фургоне: в тот момент я ничего не мог сделать, но знал, что

понадоблюсь позже. В каждом сражении возникает критическая ситуация, когда все висит на волоске, и я полагал, что должен отдыхать, если есть такая возможность. Как выяснилось, я поступил мудро: мое вмешательство понадобилось раньше, чем я ожидал.

История сражения рассказана мною в книге «От Аламейна до реки Сангро» и генералом де Гинганом в его книге «Операция «Победа». Здесь моя цель — остановиться на моих действиях в некоторых критических моментах сражения. Всю войну я вел подробный дневник, и основа нижеизложенного — мои каждодневные дневниковые записи.

Суббота, 24 октября

Наступление началось 23 октября в соответствии с изложенным выше планом. Весь район представлял собой огромное минное поле, и к восьми утра 24 октября не удалось полностью расчистить два коридора для прохода бронетанковых дивизий 10-го корпуса. Я ожидал, что бронетанковые дивизии, в соответствии с отданными мною приказами, будут сами прорываться [139] на оперативный простор. Но чувствовалось, что танкистам делать этого не хочется, и по прошествии утра у меня сложилось ощущение, что 10-й корпус ведет себя крайне пассивно. Его командование не проявляло особого рвения, не гнало своих подчиненных в бой из-за боязни больших танковых потерь: по сообщениям из 10-го корпуса выходило, что все противотанковые орудия противника — калибра 88 мм (немецкие зенитки действительно использовались в качестве противотанковых орудий, и весьма эффективно). Командир 10-го корпуса не проявлял воли и решительности, которые необходимы именно в тот момент, когда ситуация развивается не лучшим образом, и в бронетанковых дивизиях не ощущалось наступательного порыва. К такого рода сражениям они не привыкли. Мне стало ясно, что я должен незамедлительно вмешаться и активизировать действия дивизий; им явно требовалась твердая рука. Поэтому я вызвал Ламсдена и сказал ему, что он должен «подстегнуть» командиров своих бронетанковых дивизий, а если они и после этого будут топтаться на месте, то я заменю их на более энергичных людей, способных в точности выполнить мой приказ. Эта накачка дала немедленный результат в одной из бронетанковых дивизий. К шести вечера одна из бригад 1-й бронетанковой дивизии вырвалась по северному коридору на оперативный простор. Там ее атаковала немецкая 15-я бронетанковая дивизия, чего я, собственно, и хотел.

Южнее новозеландская дивизия начала продвижение на юго-

запад в рамках операций по «перемалыванию». Далее к югу 13-й корпус действовал согласно плану.

Воскресенье, 25 октября

Я всегда считал, что именно на этот день пришелся настоящий кризис в сражении. В половине третьего утра 10-й корпус доложил, что продвижение 10-й бронетанковой бригады по южному коридору на участке 30-го корпуса не такое быстрое, как хотелось бы, из-за минных полей и других сложностей. Командир дивизии доложил, что не доволен развитием ситуации и что, даже если ему и удастся прорваться, то его танки окажутся в очень неудобной позиции у отрогов Митерийского хребта. Его дивизия не обучена и не готова к выполнению столь сложного [140] задания; он хотел остаться на тех позициях, которые занимал в этот момент. Ламсден склонялся к тому, чтобы согласиться с ним. В северном коридоре 1-я бронетанковая дивизия прорвалась через оборонительные рубежи и теперь подвергалась яростным атакам танков противника. Происходило именно то, что доктор прописал, поскольку пока именно я и был тем самым доктором. Де Гинган справедливо рассудил, что мне необходимо встретиться с командирами двух корпусов, с частями которых произошла заминка, и взять ситуацию под контроль. Он назначил совещание на половину четвертого утра на моем командном пункте, а потом разбудил меня и доложил о принятом решении. Я его одобрил. Лиз и Ламсден прибыли вовремя, и я попросил каждого объяснить ситуацию. Атмосферу этого совещания де Гинган очень красочно описал в своей книге «Операция «Победа».

Я узнал, что в 10-й бронетанковой дивизии одна из танковых бригад уже миновала оборонительные рубежи, и существовала надежда, что к рассвету это сделают и другие бригады. Однако командир дивизии хотел вернуться за минные поля и отказаться от добытого преимущества, объясняя это тем, что при дальнейшем продвижении вперед его дивизия может оказаться в невыгодном положении и понести тяжелые потери. Ламсден с ним согласился, спросил, не мог бы я лично поговорить с командиром дивизии по телефону. Я это сделал немедленно и, к своему ужасу, выяснил, что он находится в 16 000 ярдах (примерно в 10 милях) позади передовой танковой бригады. Безапелляционным тоном я приказал ему незамедлительно отправляться в гущу событий и самому возглавить атаку; он должен вести свою дивизию в бой, находясь впереди, а не сзади[11].

Я сказал командирам обоих корпусов, что мои приказы остаются неизменными; не должно быть никаких отклонений и от

моего плана. Я попросил Ламсдена задержаться после того, как отпустил остальных, и откровенно поговорил с ним. Сказал, что бронетанковые дивизии обязательно должны прорваться через минные поля, чтобы получить свободу маневра, и промедление [141] и недостаток решительности в настоящий момент могут оказаться роковыми. Если он сам или командир 10-й бронетанковой дивизии этого не понимают, то я назначу других, которые поймут.

К. восьми утра вся моя бронетехника вышла на оперативный простор, и мы заняли позиции, которые я рассчитывал занять к восьми утра, но сутками раньше.

В полдень я провел еще одно совещание с командирами корпусов в штабе 2-й новозеландской дивизии. Уже стало ясно, что дальнейшее продвижение на юго-восток новозеландской дивизии чревато большими потерями, и я решил немедленно его остановить. Вместо этого я приказал, чтобы операции по «перемалыванию» перенесли на участок фронта, контролируемый 9-й австралийской дивизией, продвигающейся на север, к побережью. Новым направлением удара, развернутым на 180 градусов, я надеялся застичь противника врасплох.

Среда, 28 октября

Тяжелые бои продолжались три предыдущих дня, и, глядя на цифры потерь, я начал осознавать, что должен проявить осторожность. Я знал, что завершающий удар будет наноситься на участке фронта, контролируемом 30-м корпусом, но где именно, еще не определился. Теперь же пришла пора завершать подготовку к этому удару. Я решил прекратить наступление на южном фланге (13-й корпус) и перейти к обороне, не вести там никаких активных действий, ограничившись боевыми дозорами, расширить дивизионные фронты, чтобы вывести в резерв дивизии, необходимые мне для завершающего удара, новозеландскую дивизию я уже вывел в резерв.

Теперь вся бронетанковая армия Роммеля находилась против северного коридора, и я знал, что там позиции противника не прорвать. Поэтому я приказал и там перейти к обороне, а 1-ю бронетанковую дивизию вывел в резерв.

Я также решил, что с этого момента могу использовать в боях на северном фланге только 30-й корпус. И вывел в резерв штаб 10-го корпуса, чтобы он подготовился к прорыву.

Я приказал активизировать действия 9-й австралийской дивизии в направлении побережья. Я намеревался нанести завершающий удар вдоль протянувшегося вдоль побережья шоссе. [142]

Четверг, 29 октября

Утром мне стало совершенно очевидно, что немецкие части армии Роммеля практически полностью сосредоточены на северном участке фронта. Действия 1-й бронетанковой дивизии в северном коридоре и операции 9-й австралийской дивизии к северу от побережья убедили Роммеля, что мы пытаемся прорваться на севере вдоль побережья, к чему я в тот период и стремился.

Но мы практически выполнили рекомендации Билла Уильямса. Оттянули немецкие части вправо, и теперь они перестали играть роль армирующих спиц в итальянском «корсете». Теперь немцы воевали на севере, итальянцы держали фронт на юге, а линия раздела находилась чуть севернее нашего первоначального северного коридора.

Я без промедления изменил мой план и решил нанести завершающий удар по линии раздела, но захватывая в основном итальянский фронт. Это решение я принял в одиннадцать утра 29 октября.

Оставалось ответить только на один вопрос: когда наносить этот удар?

Я знал, что операция «Факел» (войска отправлялись из Англии) предполагала высадку десанта в районе Оран-Касабланка 8 ноября. Понимал, что наша победа над врагом, разгром его армии, станет самой действенной помощью операции «Факел». Не говоря уже о том, что мне хотелось войти в Триполи первым! Но в значительно большей степени время завершающего удара определялось необходимостью захвата аэродрома в Мартубе, с тем чтобы обеспечить воздушное прикрытие нашему, возможно, последнему конвою на Мальту, где ощущался недостаток продовольствия и почти не осталось горючего для самолетов. Конвой, согласно планам, выходил из Александрии в середине ноября.

Я решил, что в ночь с 30 на 31 октября 9-я австралийская дивизия нанесет удар в северном направлении, с тем чтобы выйти к морю; это заставит противника уделять пристальное внимание северу. Потом, следующей ночью, с 31 октября на 1 ноября, я намеревался пробить брешь во вражеском фронте чуть севернее нашего первоначального северного коридора. [143]

И брешь эту предстояло пробивать 2-й новозеландской дивизии, усиленной 9-й бронетанковой и двумя пехотными бригадами. Эту операцию я решил поручить командованию 30-го корпуса. А через брешь намеревался направить бронетанковые дивизии 10-го корпуса.

Все необходимые дивизии и бригады мы уже вывели в резерв, где они отдыхали и пополнялись.

Фактически я предлагал нанести мощный удар справа, а следующей ночью — нокаутирующий слева. Эта операция получила название «Суперчардж (Supercharge)».

Утром на моем командном пункте появились Александер и Кейзи, министр по делам Ближнего Востока. Мне было совершенно ясно, что мое решение оттянуть войска в резерв 27 и 28 октября, с тем чтобы подготовить их к решающему удару, вызвало замешательство Уайтхолла. Кейзи отправили на Ближний Восток с тем, чтобы выяснить на месте, что происходит. Уайтхолл думал, что я сдаюсь, тогда как я собирался праздновать победу.

Я рассказал ему о своем плане и заверил, что я убежден в успехе. Де Гинган поговорил с ним очень откровенно и предложил порекомендовать Уайтхоллу не путаться под ногами. Я так и не узнал, что Кейзи сообщил в Лондон по результатам своего визита, потому что не мог отвлечься от операции «Суперчардж». Впрочем, я не сомневался, что начальник Имперского генерального штаба (генерал Брук) разберется в моих намерениях.

Пятница, 30 октября

Утро я провел над составлением приказа по операции «Суперчардж». Такие приказы я всегда писал сам, не передоверяя эту работу штабу. План всей операции всегда должен писать тот, кто ее проводит. А вот детальную проработку плана, естественно, обеспечивал штаб. Этот порядок хорошо понимали в 8-й армии (а потом, после успешного завершения операций в Средиземноморье, и в 21-й группе армий).

Вот что я написал: [144]

ОПЕРАЦИЯ «СУПЕРЧАРДЖ» План действий 8-й армии Совершенно секретно 30 октября 1942 г. 1. Операция «Суперчардж» начнется в ночь с 31 октября на 1 ноября. Цели операции: а) уничтожить бронетанковые силы противника; б) вынудить противника сражаться на оперативном просторе и, таким образом, заставить его постоянно расходовать топливо; в) перерезать пути снабжения противника и не допускать подвоза горючего, боеприпасов и т. д.; г) выбить противника с передовых посадочных площадок и аэродромов; д) сочетанием (а), (б), (в) и (г) разделить единую армию противника на отдельные части. Боевое задание 30-му корпусу 2. Атаковать ночью с передовых позиций между 297-м и 301-м северными квадратами координатной сетки. Атаковать с целью продвижения на запад на расстояние 4000 ярдов. 3. По достижении поставленной цели танковым и пехотным патрулям продвигаться дальше на запад с тем, чтобы прикрыть выход на оперативный простор

бронетанковых дивизий и облегчить их развертывание. 4. Надежно оборонять фланги образованного коридора, его восточные края соединить в единое целое с ныне занимаемыми позициями. 5. Всю территорию коридора очистить от мин, организовать на ней свободное передвижение войск, надежно оборонять и прочно удерживать в качестве плацдарма для дальнейшего продвижения вперед. Операции 10-го корпуса 6. 10-й корпус выходит на оперативный простор по коридору, пробитому в обороне противника 30-м корпусом. 7. Бронемашинам, первоначально силами двух полков, пройти через коридор до рассвета 1 ноября, а потом развивать наступление на северо-запад, запад, юго-запад и юг. [145] Задача бронемашин — решительно наступать по путям снабжения противника, уничтожая все, что встречается на пути, препятствовать доставке на передовую пополнения, боеприпасов, горючего, воды и так далее, не допускать отхода в тыл войсковых частей с передовой. Бронемашины должны быть готовы к самостоятельным действиям в течение нескольких дней, их задача — мертвой хваткой удерживать свой район, максимально используя горючее и прочие ресурсы противника. 8. 10-му корпусу в качестве первого этапа операции выйти на рубеж: точка 46 в квадрате 858399 — Телль-эль-Аккакир в квадрате 860297. В дальнейшем боевые действия корпуса должны быть направлены на: а) уничтожение бронетанковых сил противника; б) создание полного хаоса в тыловых районах противника. 9. Основное направление продвижения 10-го корпуса, при условии выполнения задачи, указанной в пункте 8 (а), — северо-запад, к станции Газал, с тем чтобы выйти в тыл войскам противника в районе Сиди-Рахман и отрезать их там. 10. Продвижение вперед 10-го корпуса надо спланировать по времени так, чтобы завершить первый этап операции до восхода солнца, а в дальнейшем реализовывать задачи следующего этапа. 11. Следует ясно и четко понимать: если 30-му корпусу не удастся олнить задачи, указанные в пп. 2 и 3, бронетанковые дивизии 10-го корпуса должны с боем выйти на рубеж первого этапа. 10-й и 30-й корпуса 12. 30-й корпус должен держать новозеландскую дивизию в постоянной готовности для выдвижения на рубеж, на который 10-й корпус должен выйти на первом этапе операции, с тем, чтобы освободить 10-й корпус для дальнейших наступательных операций против бронетехники противника или продвижения на северо-запад в сторону станции Газал. 13. В течение всей операции 10-й и 30-й корпуса должны тесно взаимодействовать и поддерживать постоянный контакт. 14. Эта операция будет успешной лишь в том случае, если ее результатом станет полное раздробление армии противника с

последующим ее окончательным разгромом. [146] И она обязательно будет успешной. Особенно важным элементом являются решимость командования; абсолютная вера в правильность плана операции и ее успех не менее важны; сомневающихся быть не должно; риск только приветствуется; нытье не допускается. Я призываю каждого командира сохранить решимость до конца операции, отважно вести в бой вверенные ему части, вселять оптимизм и наступательный порыв в своих подчиненных. «Суперчардж» принесет нам победу. 13-й корпус 15. 13-й корпус должен предпринять на южном фланге все необходимые меры до или после наступления темноты 31 октября, чтобы у противника создалось впечатление, что наступление начнется именно на этом фланге. 16. Войска должны быть готовы к немедленным действиям в тот самый момент, когда противник начнет давать слабину. Армейские резервы 17. 7-я бронетанковая дивизия (без 4-й легкой танковой бригады). 131-я пехотная бригада (Королевская). Эти два соединения будут находиться в армейском резерве, готовые действовать по обстановке. Боевые действия Королевских ВВС 18. ВВС играют важнейшую роль в нанесении противнику морального и материального ущерба. Интенсивность налетов должна увеличиваться, начиная с завтрашнего дня, с тем чтобы достигнуть максимума в момент начала операции «Суперчардж». Заключение 19. Из разведывательных данных нам известно, что состояние противника оставляет желать лучшего и положение у него критическое. Продолжающиеся наступательные операции 8-й армии и ВВС привели его в такое состояние, что еще одного сильного удара хватит, чтобы окончательно сокрушить нашего врага. [147] Первая часть этого удара — наступление 9-й австралийской дивизии, начинающееся этой ночью на северном фланге; успех в этой операции откроет прекрасные перспективы для успеха всей операции «Суперчардж». Сама операция «Суперчардж», начинающаяся завтра, в ночь с 31 октября на 1 ноября, будет второй частью этого сокрушающего удара, от которого, по моему мнению, противник уже не сможет оправиться.

Суббота, 31 октября

Мне стало ясно, что организационные проблемы, связанные с операцией «Суперчардж», столь велики, что она может провалиться, если начнется в эту ночь. Поэтому я решил отложить операцию на 24 часа и нанести удар в ночь с 1 на 2 ноября. Эта задержка могла сыграть на руку врагу. Чтобы не дать противнику воспользоваться нашей медлительностью, я увеличил глубину прорыва на 2000 ярдов, до шести тысяч, приказав

подвергнуть всю эту территорию мощным бомбардировкам.

Следует отметить, что в высших эшелонах власти возникли сомнения в успехе операции «Суперчардж», и там уже начали шептаться насчет последствий ее провала. Я эти сомнения не разделял и доводил до всех свое мнение.

Понедельник, 2 ноября

В час ночи началась операция «Суперчардж», и наши войска перешли в наступление на участке в 4000 ярдов и продвинулись на глубину 6000 ярдов. Наступление завершилось успехом, и мы, прорвав оборонительные рубежи противника, вышли в открытую пустыню. К сумеркам мы взяли уже 1500 пленных.

Вторник, 3 ноября

Появились признаки близкого отступления противника; мы его практически разгромили.

Среда, 4 ноября

В два часа ночи я приказал нанести два мощных удара по «петлям», которые не давали распахнуться двери нашего наступления: узлам обороны, на которых противник пытался помешать [148] нам расширить брешь в своей обороне. Эти удары решили исход сражения.

Бронетехника миновала рубежи обороны к рассвету, и скоро танковые дивизии оказались в открытой пустыне, на оперативном просторе, который уже не ограничивали минные поля. Там они могли свободно маневрировать и эффективно действовать как против отступающих колонн, так и тыловых объектов противника.

И бронетехника покатила на запад, по ходу сминая возможные рубежи обороны противника.

На юге итальянским дивизиям, противостоящим 13-му корпусу, не осталось ничего другого, как сдаться. Они не могли отступить, потому что немцы забрали весь их транспорт. Я приказал Хорроксу заняться ими, а сам полностью сосредоточил внимание на преследовании тех частей Роммеля, которые отходили на запад.

Важность штабной информационной службы

Это структура для перехвата сообщений, оправленных передовыми частями, и передачи их в штабы корпуса и армии. Для краткости мы назвали ее «службой Джей». Впервые она была задействована в этом сражении. Создал ее исключительно одаренный офицер моего штаба Хью Мейнуэринг. К сожалению, в начале ноября, выполняя разведывательную миссию, он попал в плен, и мне пришлось ставить во главе «службы Джей» другого офицера.

Радиоприемники, настроенные на волну дивизий, бригад и танковых соединений «ловили» передаваемые сообщения и в свою

очередь отправляли их в штабы. Тем самым значительно сокращалось время между передачей информации передовым подразделением и ее получением в штабе корпуса и армии. «Джей» дает возможность командующему оценить боевой дух подчиненных ему частей, а иногда, хотя это и не основная цель этой службы, выявить очевидные нарушения режима секретности.

Общий же эффект — укрепление единства армии, превращение ее в единое целое. Беспроводная связь соединяла людей, [149] занятых одним делом. Она приблизила штаб к сражающимся войскам, положила конец его отчужденности.

Тут следует напомнить, что в 1918 году я разработал систему быстрой доставки в штаб дивизии точной информации о ходе сражения, которая имела особо важное значение. Уже тогда я использовал офицеров с радиопередатчиками. «Служба Джей», созданная Хью Мейнуэрингом, стала значительным шагом вперед в сравнении с моими давними попытками быстро обеспечить штаб достоверной информацией.

Некоторые уроки

Из любого сражения всегда можно извлечь массу уроков. В британской армии есть привычка увязать в деталях, отчего мы часто упускаем из виду основные, фундаментальные моменты, на которых базируются эти детали.

Это сражение можно разделить на три этапа, и каждый из них характеризовался соответствующими боевыми действиями.

Первый этап: втягивание в бой.

Это битва за позицию или за тактическое преимущество. В конце этого этапа наши войска должны располагаться таким образом, чтобы незамедлительно переходить ко второму этапу. Добившись на этом этапе того самого тактического преимущества.

Второй этап: «собачья свалка» (ближний бой).

Я использую это выражение для обозначения того, что следует после этапа втягивания, — это тяжелое и кровавое действо. Во время ближнего боя мы должны настолько измотать противника, чтобы завершающий удар привел к полному разгрому его армии.

Третий этап: прорыв.

Его мы добились нанесением удара страшной силы в точно выбранное место. Во время «собачьей свалки» противника убедили, что прорыв будет совершаться на севере, практически вдоль прибрежного шоссе. Противник адекватно отреагировал на эту угрозу, сосредоточив на севере немецкие войска, чтобы отразить ее, оставив итальянцев на южном фланге. А мы потом нанесли удар в стык между немцами и итальянцами, чуть сместив

его на итальянский сектор. [150]

Решительное руководство войсками важно на всех командирских уровнях. Но прежде всего твердая рука должна чувствоваться в высших эшелонах.

Генералы, которые впадают в уныние, если ситуация развивается не так хорошо, как хотелось бы, которым не хватает настойчивости в достижении цели, решительности, ясности ума и морально-волевых качеств, чтобы довести свой план до успешного завершения, на фронте бесполезны. Даже хуже чем бесполезны: они опасны, потому что любой признак неуверенности или нерешительности тут же передается подчиненным именно в тот момент, когда ситуация находится в неустойчивом равновесии. Ни одно сражение не проиграно, пока генерал, командующий одной из сторон, не признает своего поражения. Если бы я не проявил твердости и не настаивал на безусловном исполнении моего плана, мы бы не победили в Аламейне.

Если противник вступает в бой и терпит поражение, все козыри оказываются у вас в руках. Судьба Роммеля была предопределена сражением у Алам-Хальфы. Как отметил фон Меллентин, оно стало поворотным пунктом войны в пустыне. Затем Роммеля разгромили у Аламейна. Ранее его еще никогда не побеждали, хотя ему часто приходилось отступать, «чтобы пополнить запасы топлива». Теперь он потерпел сокрушительное поражение. И победа союзников в Африке уже не вызывала сомнений, при условии, что нам удастся избежать ошибок. [151]

Глава десятая. От Аламейна до Туниса

5 ноября 1942 г. — 7 мая 1943 г.

Преследование до Агейлы

Преследование противника по-настоящему началось 5 ноября с 10-м корпусом (Ламсден) в авангарде. Я оставил 30-й корпус (Лиз) для перегруппировки западнее района прорыва. 13-й корпус (Хоррокс) получил задание очистить поле боя под Аламейном, собрать все наше и трофейное имущество. В его задачу входило также отправить на пункт сбора всех пленных итальянцев; их было много, они сдавались толпами под предводительством генералов, шедших с чемоданами в руках.

Моим главным объектом наступления был Триполи; его занятие всегда считалось целью 8-й армии. Но, к сожалению, операции по взятию этого города получили известность как «Бенгазийский гандикап». Один офицер в разговоре со мной выразился так: «Мы привыкли выступать на Бенгази к Рождеству и возвращаться в Египет вскоре после наступления Нового года».

Я решил покончить с таким положением вещей. Египет требовалось надежно защитить до конца войны. Эту проблему я долго обдумывал, и, когда преследование началось, мне было ясно, что для выполнения данной задачи требуется:

а) захватить плацдарм у Агейлы и надежно закрыть подходы к нему с запада;

б) разместить в Джебеле около Мекили бронетанковый корпус, готовый действовать в южном направлении против любых сил противника, которым удастся прорваться через агейлский плацдарм и двинуться на Египет;

в) убедить командира авиационного соединения разместить самолеты на аэродромах Мартубы и к югу от Бенгази. [152]

Размещение авиации на мартубских аэродромах представляло собой не только долговременный план; это было срочной необходимостью, так как 16 ноября из Александрии должен был отправиться конвой на Мальту. Этот остров находился в очень тяжелом положении из-за острой нехватки продовольствия и топлива; было крайне необходимо, чтобы конвой дошел до него, а он мог не дойти, если авиация не обеспечит прикрытие истребителями, когда он будет проходить в дневное время узкий пролив между Критом и Киренаикой.

К 15 ноября авиация была размещена на аэродромах Мартубы и сопровождала конвой по пути следования.

Для подготовки этих операций я согласовал с командиром авиационного соединения (Конингем) следующий детальный план. Мы станем использовать авиацию как подвижное боевое средство дальнего действия, выполняющее свою задачу в тесном взаимодействии с полками бронемашин; эскадрильи истребителей будут передвигаться на передовые аэродромы, как только получат от этих полков доклад об отсутствии противника, и значительно опережать основные силы. Эта тактика даст возможность подвергать обстрелу и изнурять отступающего противника, а наши войска будут хорошо прикрыты с воздуха.

Я не думал, что у нас будут серьезные сражения, пока мы не подойдем к Агейле. Роммель наверняка отступит к этому плацдарму и там попытается нас остановить; его путь снабжения сократится, тогда как наши будут длинными. Под Аламейном положение дел было противоположным.

Поэтому я планировал предоставить 10-му корпусу вести преследование до Джебеля, остановиться там и выдвинуть незначительные силы к Бенгази и Агедабии. Считал, что Ламсден проведет эти операции удовлетворительно. После этого я двину 30-й корпус на занятие агейлского плацдарма и продвижение к Триполи. Кроме того, я решил, когда 30-й корпус обоснуется в Джебеле, отдать его под командование Хорроксу, а Ламсдена отправить в Англию. Я пришел к выводу, что командовать корпусом в большом сражении Ламсден не способен. С другой стороны, он хороший преподаватель и в этом качестве будет в Англии полезен. Я принял решение затребовать из Англии Демпси, [153] чтобы он принял 13-й корпус от Хорракса. Тогда у меня будет три надежных командира корпуса — Лиз, Хорракс и Демпси; они все уже служили под моим началом, Лиз и Демпси были у меня слушателями в штабном колледже. Александер одобрил все эти меры.

Я дал Ламсдену четкие указания относительно проведения операций в ходе преследования противника до Агейлы и строго следил за тем, чтобы генеральный план не «испортили» подчиненные мне командиры, имеющие расходящиеся с ним соображения. В прошлом корпусные и дивизионные генералы имели свои соображения по поводу операций в пустыне и не любили строгого контроля сверху; это одна из причин того, что мы едва не потеряли Египет. Поэтому я дал ясно понять, что на сей раз все будут выполнять мои приказания; я пообещал солдатам полный успех и был твердо настроен его достичь.

Вскоре после начала преследования я едва не оказался в плену. Мы выслали вперед разведгруппу, чтобы выбрать место для моего штаба в районе Мерса-Марту; в нее входили Хью

Мейнуэринг и мой пасынок Дик Карвер. На подходе к Мерса-Марту группа двинулась по дороге, ведущей к так называемой Бухте контрабандистов, находящейся чуть восточнее города. Там еще находился противник; к тому времени его должны были окружить, однако, как будет ясно из дальнейшего, наши войска, продвигавшиеся по пустыне, задержал сильный дождь. Разведгруппа попала в плен. Я с небольшим сопровождением двигался в арьергарде передовых подразделений и собирался свернуть на дорогу к бухте. Но в эту минуту в нескольких сотнях ярдов впереди вспыхнул ожесточенный бой; мы наткнулись на арьергард противника, пытавшийся задержать нас, пока его основные силы уходили из Мерса-Марту. Если б я поехал по той дороге, то, возможно, наткнулся бы на противника — и тогда определенно не писал бы теперь эту книгу.

Другие — более важные — операции шли успешно. Сильный дождь дважды спасал войска Роммеля от полного разгрома. Первый раз это случилось 6 и 7 ноября, три наши дивизии «увязли» в пустыне, и не было возможности даже доставить горючее; эта [154] задержка спасла войска Роммеля от полного окружения в Мерса-Марту. Второй раз, 15, 16 и 17 ноября, проливной дождь остановил продвижение наших войск к Агедабии с целью отрезать противника, пока он не достиг агейлского плацдарма.

Однако я изо всех сил «подгонял» 8-ю армию, и следующие цифры покажут, как быстро мы продвигались:

5 ноября — начало преследования от Аламейна;

11 ноября — достигнут Соллум (270 миль);

12 ноября — достигнут Тобрук (360 миль);

17 ноября — достигнут Мсус (560 миль).

Было очень неплохо продвинуться на 560 миль за тринадцать дней; но вскоре у меня стало вызывать беспокойство тыловое обеспечение. Чтобы получить наибольшую пользу от размещения авиации на киренаикском выступе возле Мартубы, ей требовалась возможность действовать в полную силу на путях снабжения Роммеля по Средиземному морю, по порту Триполи и на коммуникациях противника между Триполи и Агейлой.

Большой тоннаж для одной только авиации. Но если Роммель намерен остановиться и принять бой у Агейлы, нам нужно нарастить резервы продовольствия, горючего и боеприпасов перед тем, как атаковать. Однако при более широком взгляде понятно, что авиацию нужно обеспечить всем необходимым; это боевое средство дальнего действия, и ее успех косвенным образом весьма облегчит армии выполнение ее задачи.

12 ноября, когда мы изгнали войска противника из Египта, я

издал следующее обращение к 8-й армии:

«1. 23 октября, когда мы начали битву за Египет, я сказал, что мы с треском выбьем немцев с итальянцами из Северной Африки. Мы превосходно начали, и сегодня, 12 ноября, на египетской территории не осталось немецких и итальянских солдат, за исключением пленных. За три недели мы полностью разгромили немецкую и итальянскую армии и вытеснили из Египта их спасающиеся бегством остатки, сами продвинулись почти на триста миль к границе и за ее пределы. [155] 2. Следующие формирования противника перестали существовать как боеспособные войска: Танковые войска 15-я танковая дивизия 21-я танковая дивизия 90-я дивизия легких танков 16-я дивизия легких танков 10-й итальянский корпус дивизия «Брешия» дивизия «Павия» дивизия «Фольгоре» 20-й итальянский корпус пехотная дивизия «Ариете» пехотная дивизия «Литторио» пехотная дивизия «Триест» 21-й итальянский корпус дивизия «Тренто» дивизия «Болонья» В плен взято 36 тысяч человек, в том числе девять генералов. Количество уничтоженных и захваченных танков, пушек, противотанковых орудий, автомобилей, самолетов и т. д. так велико, что противник совершенно ослаблен. 3. Это замечательный результат, и я хочу, во-первых, поблагодарить вас всех за то, как вы откликнулись на мой призыв и сплотились для выполнения своей задачи. Я считаю, что наша замечательная победа достигнута прежде всего благодаря высоким боевым качествам солдат Империи, а потом уже всем моим усилиям. 4. Во-вторых, я знаю, вы все понимаете, какую значительную помощь оказали нам Королевские ВВС. Мы не смогли бы добиться победы без их замечательной помощи и взаимодействия. Я горячо поблагодарил Королевские ВВС от вашего имени. 5. Наша задача еще не до конца выполнена; немцы выбиты из Египта, но кое-какие их войска остались в Северной Африке. На западе, в Ливии, нам предстоит добрая охота; и наши головные войска уже там, готовые начать. Теперь, достигнув Бенгази и продвинувшись дальше, мы уже не отступим. 6. Вперед, и доброй охоты всем вам. Как всегда во время преследования, кому-то приходится начинать позже; но мы все примем участие в ней до ее завершения. Б. Л. Монтгомери, генерал, командующий 8-й армией». [156]

По подписи под этим обращением видно, что я был уже полным генералом, хотя прибыл в пустыню 13 августа генерал-лейтенантом. Меня повысили в звании за «выдающиеся боевые заслуги» после сражения под Аламейном и наградили орденом Бани.

Когда наши легкие войска продвигались вперед южнее Бенгази, произошел любопытный случай. Я ехал следом за

передними бронемашинами, проводившими рекогносцировку; со мной было небольшое сопровождение. Мы опередили истребители, прикрывавшие нас сверху, и время от времени самолеты противника обстреливали дорогу на бреющем полете; место было небезопасное, и, пожалуй, мне там находиться не следовало.

Неожиданно я увидел догонявший нас грузовик, везший большую лодку; рядом с водителем сидел старшина ВМС, в лодке — несколько матросов.

Я остановил грузовик и обратился к старшине:

— Почему вы здесь? Понимаете, что находитесь среди передовых подразделений 8-й армии, что вы со своей лодкой возглавляете продвижение вперед? В настоящее время это очень опасная местность, а вы безоружны. Немедленно развернитесь и поезжайте обратно.

Старшина очень расстроился. Он получил приказ устроить «заправочный пункт» возле небольшой бухточки значительно севернее Мерса-Брега; небольшое судно должно было доставлять к этому пункту горючее, чтобы передние полки бронемашин могли заправляться; это был самый простой способ обеспечивать их маслом и топливом. Старшина объяснил это мне, умоляюще глядя, будто спаниель, просящийся на охоту за кроликами.

Потом он сказал:

— Не отправляйте меня обратно, сэр. Если бронемашины не получат горючего, они будут вынуждены остановиться, и вы упустите немцев. Можно я поеду дальше с вами? Тогда я буду в полной безопасности.

Этот старшина наверняка изучал психологию! Надо сказать, я ничего не знал об этих маленьких заправочных пунктах для бронемашин; этот превосходный план составили в штабе. Я взял моряков с собой и сопроводил до нужной бухты, где первый и заправился [157] у них горючим. Этого старшину я вспоминал часто; он работал в торговом флоте и состоял в дополнительном добровольном резерве ВМС; этот человек обладал высочайшим чувством долга, и Британия ни в коем случае не будет проигрывать войны, пока военно-морской флот может располагать такими людьми.

Сражение у Агейлы: 13–17 декабря 1942 года

С приближением к агейлскому плацдарму я ощутил у солдат 8-й армии некоторое беспокойство. Многие уже побывали там дважды, и оба раза Роммель, подготовясь, выступал на открытую местность и отбрасывал их назад. Поэтому я решил, что этим плацдармом нужно овладеть быстро; от долгого промедления боевой дух мог упасть. Атаковать этот плацдарм было трудно.

Я принял решение применить блеф и маневр и взбудоражить Роммеля до такой степени, чтобы он решил, что потеряет все свои войска, если примет бой. Ему придется беспокоиться о моральном состоянии своих солдат; после поражения под Аламейном они прошли в непрерывном отступлении больше тысячи миль; их вытесняли со всех рубежей, на которых они пытались закрепиться; их постоянно расстреливали с воздуха. Все это должно было снизить боевой дух войск Роммеля, настроить их на оборону, подумывать о рубежах, к которым можно отойти — как некогда обстояло дело с 8-й армией.

Учитывая сильную пересеченность местности на юге и трудность лобовой атаки, было явно предпочтительнее маневром заставить Роммеля оставить агейлский плацдарм и потом атаковать его на более ровной местности на западе; учитывая возможное падение боевого духа его войск, я считал, что это удастся, если действовать без промедления.

В первый эшелон на место 10-го корпуса выдвинулся 30-й; в последнюю неделю ноября я вместе с Лизом произвел рекогносцировку и отдал ему приказы, оставив все детали на его усмотрение. Главной задачей было продвижение Фрейберга с его новозеландцами мимо южного фланга противника к позиции севернее Марады и действия оттуда против арьергарда Роммеля; [158] одновременно с этим должна была начаться лобовая атака 51-й (шотландской) дивизии и 7-й бронетанковой. Начало операции я назначил на 15 декабря. Этот план представлен на схеме. Потом я решил вылететь в Каир для обсуждения с Александером дальнейших планов; кроме того, мне хотелось пополнить гардероб и привести себя в порядок после почти четырехмесячного пребывания в пустыне. В Каире я замечательно провел субботу и воскресенье, остановясь в британском посольстве. До прилета в Каир я понятия не имел, что неожиданно стал в некотором роде «знаменитостью»; мое появление на воскресной вечерней службе в соборе Святого Георгия, где я читал отрывки из Библии, вызвало немалое возбуждение. Я с удивлением обнаружил себя знаменитым, и было бы нелепо отрицать, что это было весьма приятно.

Когда вернулся в свой штаб, расположенный чуть восточнее Бенгази, я узнал, что приготовления к наступлению на агейлский плацдарм идут полным ходом. Как я и ожидал, противник занервничал и стал отводить итальянские войска к Буэрату — на следующий укрепленный оборонительный рубеж. Поэтому я решил ускорить намеченное наступление на два дня.

Все пошло замечательно. Противник стал отступать, едва мы начали лобовую атаку; однако новозеландцы к 15 декабря вышли

ему в тыл, и вся танковая армия Роммеля оказалась между новозеландской дивизией и 7-й бронетанковой, мощно продвигавшейся вперед. Немцы разбились на маленькие группы и прорывались через бреши в растянутой позиции новозеландцев; 16 декабря весь день шел ожесточеный, беспорядочный бой, солдат с обеих сторон то брали в плен, то отбивали. В конце концов немецкая танковая армия прорвалась на запад, но понесла тяжелые потери от новозеландцев и атак с воздуха. Я приказал новозеландской дивизии остановиться для перегруппировки в Нофилии и преследовал армию Роммеля легкими войсками до хорошо укрепленных буэратских позиций.

Сражение у Агейлы завершилось; мы надежно держали в руках этот плацдарм.

В Джебеле возле Мекили у меня стоял 10-й корпус (Хоррокс) с большим количеством бронетехники. Авиация, размещенная на аэродромах Мартубы и тех, что находились южнее [159] Бенгази возле Агедабии, оказывала мощную поддержку нашим операциям.

Наша цель была достигнута.

Я перенес свой передовой штаб вперед, к Марбл-Арч, поближе к аэродромам Мердумы и штаб-квартире 30-го корпуса. Оттуда было удобно руководить рекогносцировкой буэратского рубежа и разрабатывать план наступления на Триполи.

Рождество 1942 года в пустыне

Теперь мы глубоко продвинулись в Триполитанию и находились более чем в тысяче двухстах милях от Аламейна, откуда начали наступать. Роммель и его войска Оси потерпели сокрушительное поражение. Египет находился в безопасности до конца войны.

Я решил, что 8-я армия нуждается в передышке, чтобы собраться с духом и подготовиться к последнему броску на Триполи. Офицеры и солдаты, вне всякого сомнения, заслужили отдых, и я решил им его предоставить. Объявил, что армия остается на месте, никаких наступательных операций до Рождества проводиться не будет и мы проведем этот день наилучшим образом, какой возможен в условиях пустыни. Было очень холодно. Мы заказали в Египте индеек, сливовые пудинги, пиво, штаб сосредоточился на том, чтобы заказ поступил вовремя, — и добился цели.

Я издал нижеследующее обращение к 8-й армии:

«1. 8-я армия изгнала противника со знаменитого агейлского плацдарма и теперь вступает в Триполитанию. То, чего мы добились с 23 октября, когда началось сражение под Аламейном, замечательно. Перед началом того сражения я обратился к вам с воззванием, в котором сказал: «Помолимся, чтобы Господь

могучий в битве даровал нам победу». Он это сделал, и знаю, вы согласитесь со мной, когда я скажу, что мы должны не забывать благодарить Его за Его великие милости. 2. Наступило Рождество, и все мы думаем о своих семьях и друзьях в родной стране. [160] Я хочу пожелать вам всего наилучшего и надеюсь, что 1943 год будет счастливым для каждого из вас. 3. Я получил поздравление с Рождеством из Гулля в Йоркшире, самое приятное из всех, какие получал. К сожалению, ответить на него я не могу, потому что поздравитель не указал своего адреса. Но буду дорожить им всю жизнь. Оно предназначено также и вам, в нем говорится вот что: «Уважаемый сэр. Желаю вам и вашим ребятам из 8-й армии самого счастливого Рождества. Крепкого здоровья. Удачи. И по Божьей милости победы в 1943 году. Не давайте им передышки, Монти. Наилучшие пожелания от йоркширской девушки, у которой парень в 8-й армии». 4. Мог ли я поздравить вас лучше, чем эта йоркширская девушка? Я бы хотел сказать ей, что мы всеми силами будем стараться «не давать им передышки». 5. Удачи вам! И, как сказал Крошка Тим в «Рождественском хорале» Диккенса, «Боже, благослови всех нас, каждого из нас».

Потом я обнаружил, что неточно процитировал Крошку Тима. Но эта неточность оказалась кстати!

Мне доставило радость то Рождество в пустыне; думаю, и всем нам. Нами владело сознание, что мы кое-чего достигли. Переправа через агейлское болото была наведена, и мы расположились на отдых всей армией за теми некогда грозными позициями, куда до сих пор проникали только наши передовые дозоры. Мы добились успеха, и боевой дух был высоким.

Де Гингана со мной не было. Он нес громадное бремя с тех пор, как ранним утром 13 августа мы встретились на перекрестке возле Александрии, и слег во время подготовки к сражению у Агейлы. Я отправил его на отдых в Каир; де Гинган был помолвлен, и я сказал, что ему следует жениться до возвращения, — он так и сделал. На его место я временно взял Бобби Эрскина (теперь он полный генерал сэр Джордж Эрскин), [161] бывшего начальником штаба у Лиза в 30-м корпусе, и он исполнял обязанности де Гингана, пока тот не вернулся.

У меня гостил Дункан Сэндис, зять премьер-министра, и, возвратясь в Каир, он прислал нам к Рождеству бутылку портвейна. Джон Постон, мой адъютант, велел дежурному по столовой подогреть бутылку перед тем, как подать ее на стол. Дежурный переусердствовал и вскипятил портвейн; из бутылки шел пар, когда он поставил ее передо мной к рождественскому ужину!

Вскоре после этого я услышал об одном случае, который

часто вспоминаю. Он произошел в рождественскую ночь в сержантской столовой одного подразделения. Произносились тосты. Несколько молодых сержантов полагали, что мы скоро будем в Триполи, и пили за этот день и окончание наших трудов. Многим, несшим службу в пустыне, Триполи представлялся концом пути; взяв его, мы выполним свою часть дела, и можно будет расслабиться. Один старый, испытанный в боях старшина, участник многих сражений, понаблюдал за их весельем, а потом встал, чтобы произнести речь. Старшина пользовался большим уважением, и, когда он поднялся, все притихли. Говорил он очень спокойно, описал, что было достигнуто и что еще предстояло сделать. Закончил он такими словами:

— Кое-кто из вас думает, что со взятием Триполи нашим трудам придет конец. Нет. Мы пошли воевать в тридцать девятом году, чтобы победить Гитлера и все, что с ним связано. Впереди еще долгая борьба; когда изгоним войска Оси из Африки, мы должны будем перенести войну в Европу и наконец в Германию. Только разбив немцев в Европе, мы сможем вернуться к нашим семьям достойными солдатами.

Напомню, что 1-я армия (Андерсон) высадилась в Алжире 8 ноября и продвигалась с боями к Бизерте и Тунису.

Взяв их, она должна была двинуться на Триполи. В высших сферах много думали о том, какая армия окажется там раньше: 1-я или 8-я. Мысль о том, что Триполи возьмем не мы, приводила в ярость офицеров и солдат 8-й армии. Три года перед ними стояла эта цель, и на сей раз они твердо были намерены не оплошать. [162]

В сочельник, 24 декабря 1942 года, я сделал в дневнике такую запись:

«Итак, первый этап этой замечательной кампании завершается. Мы вытеснили противника из Египта, из Киренаики, за границу Триполитании. Следующий этап может оказаться самым трудным. Военная обстановка в Африке теперь не такая четкая, как в октябре и ноябре; мы уже в Триполитании, за 1200 миль от исходного пункта. Наши боевые действия и боевые действия в Тунисе приближаются друг к другу и требуют координации. Начинают примешиваться личные интересы. Нам нужно все очень четко продумать; нужно четко определить цель и неуклонно к ней идти; пускаться в авантюры, которые не помогают ее достигнуть, нельзя. Нам очень нужно объединенное командование; вести операции на театре боевых действий с комитетом невозможно. Лично я считаю, что самый быстрый путь овладеть Триполи — это наступать на него 8-й армии с приданной ей авиацией, и нужно сделать все необходимое для

этого».

Операции 1-й армии, вне всякого сомнения, облегчали нам задачу.

Однако неослабное продвижение вперед 8-й армии в конце концов спасло 1-ю от серьезной катастрофы.

Вскоре после Рождества я получил от солдата 8-й армии нижеследующее письмо. Написанное рядовым, оно меня очень обрадовало.

«S-13056697, рядовой Д. Глейстер, 1-й отдел штаба тыла 8-й армии 23 декабря 1942 года Генералу сэру Бернарду Л. Монтгомери, кавалеру орденов Бани и «За боевые заслуги», командующему 8-й армией. Сэр, может быть, рядовому солдату писать личное письмо командующему армией очень необычно, хотя уставом это не запрещено. Но письмо это, в сущности, не личное — оно написано от [163] имени тысяч солдат 8-й армии. К 21 октября я прослужил два с половиной года, особо ни о чем не задумываясь. Я считал, что успехи армии зависят главным образом от офицеров, а от рядовых многого не ожидается. Но 21 октября помощник начальника квартирмейстерского отдела неофициально собрал нас и прочел Ваше обращение к нам. Наверняка подобного обращения с доверием к солдатам и уверенностью в них еще никогда не зачитывали войскам. Это обращение установило некую связь, и впервые за время службы я ощутил, что являюсь частицей некоего целого — действующей армии, выполняющей свою задачу, настолько трудную, что даже моя работа писаря занимает определенное место в огромном плане. Из разговоров с солдатами в этом и других подразделениях я знаю, что Ваше обращение — человека к людям — возымело огромное воздействие на их дух. Своим человеческим, личным обращением Вы добились гораздо большего, чем каким-либо приказом по войскам. От себя лично благодарю Вас, сэр, за это новое чувство. Вы внушили нам гордость за принадлежность к 8-й армии. А теперь Вы прислали нам рождественское обращение, которое своей доброжелательностью и упоминанием о доме должно дойти до сердца каждого из нас. Поскольку обстоятельства не позволяют высказаться армии в целом, я вновь от имени тысяч солдат, находящихся здесь, в Ливии, — от имени всего этого громадного братства — искренне благодарю Вас. В заключение позвольте пожелать Вам счастливого Рождества и блестящих успехов в 1943 году. Да благословит Вас Бог, сэр, и пусть Он всегда направляет Вас. Ваш покорный слуга Джеффри Глейстер, рядовой». [164]

Наступление на Триполи: 15–23 января 1943 года

Отступив от Агейлы, противник отошел к буэратской позиции

и начал готовить там оборонительную линию. В моем плане действий против него было два основных пункта:

1. Я не хотел, чтобы противник отступил оттуда: хотел, чтобы он остался там и сражался. В таком случае он мог быть уничтожен, потому что позицию можно было обойти с южного фланга. Поэтому я буду держать основную часть наших атакующих дивизий по крайней мере в ста милях от линии фронта, пока мы не завершим тыловые мероприятия. В таком случае начало наступления примет форму встречного боя.

2. При наступлении на буэратскую позицию мне нужен такой план, чтобы мы могли двигаться прямо на Триполи, не позволяя противнику замедлить или остановить наше продвижение.

Главным во всей этой операции должна была быть быстрота, поскольку наибольшую сложность в достижении Триполи представляли собой тыловые проблемы. Я рассчитал, что мне необходимы горючее, боеприпасы, продовольствие и т. д. на десять дней боев. Мои войска базировались в Бенгази и Тобруке, на значительном удалении. Требовалась передышка, чтобы создать необходимые запасы; штаб доложил, что доставку необходимых грузов можно завершить к 14 января. Я решил атаковать 15-го. Я прекрасно понимал, что если мы не достигнем Триполи за десять дней, то, видимо, придется отступить — из-за отсутствия снабжения. По прибытии в Триполи будет жизненно важно поскорее открыть порт и привести его в работу на полную мощность; противнику нельзя было давать времени полностью вывести из строя портовое оборудование.

Поэтому я планировал завершить доставку грузов 14 января, 15-го рано утром атаковать противника значительными силами и пробиться к Триполи не позже чем через десять дней. В материально-техническом отношении это представляло значительный риск.

4 января на Средиземном море поднялся сильный шторм, вызвавший в Бенгази серьезные разрушения. Суда срывало [165] с якоря и носило по гавани; громадные валы уничтожили мол и прорвались во внутреннюю гавань; буксирам, лихтерам и причалам был нанесен большой ущерб.

Пропускная способность порта, доведенная до трех тысяч тонн в день, сразу же снизилась до тысячи. Шторм никак не прекращался, и всем судам пришлось покинуть гавань; Бенгази был практически выведен из строя как основной порт, и к 12 января его пропускная способность упала до четырехсот тонн в день.

Это стало хорошеньким «сюрпризом»! Мы сразу же оказались отброшенными обратно к Тобруку; по дороге от него до Триполи

тысяча миль. И, добравшись до Триполи, мы должны создать основательные запасы для дальнейших операций.

Генштаб в Каире встревожился и спрашивал, не придется ли мне изменить сроки и все замедлить.

Я счел, что существует лишь один способ действий — пробиваться к Триполи, не меняя расчетов времени. Для этого решил «ссадить» с машин три дивизии 10-го корпуса, стоявшие в Джебеле, и использовать весь их транспорт для переброски от Тобрука и Бенгази грузов, необходимых к 14 января. 10-му корпусу пришлось превратиться в грузоперевозчика 8-й армии.

Я вызвал Хорррокса и поручил это дело ему; он взялся за него с большим воодушевлением и организовал первоклассную транспортную службу. Мы уложились в свои сроки.

12 января я издал следующее обращение к армии:

«1. Передовые подразделения 8-й армии сейчас находятся всего в двухстах милях от Триполи. Противник стоит между нами и этим портом, надеясь остановить нас. 2. 8-я армия идет на Триполи. 3. Триполи — единственный город из заморских владений Италии, до сих пор остающийся в руках итальянцев. И мы отнимем его у них; заморских владений у итальянцев не будет. Противник попытается остановить нас. Но если каждый — солдат на передовой, офицер или военнослужащий, исполняющий свой долг в иной сфере, вложит все силы в предстоящее сражение — нас ничто не сможет остановить. Нас ничто не останавливало с 23 октября 1942 года, с битвы под Аламейном. Ничто не остановит и теперь. [166] Кое-кому сперва придется оставаться позади, но в конце концов мы все примем участие в преследовании. 4. Вперед на Триполи! Наши родные и друзья на родине придут в восторг, узнав, что мы взяли этот город».

Наступление началось 15 января. Все шло хорошо, и 19-го мы вышли к позиции Хомс-Тархуна, которую противник определенно собирался удержать. На оси прибрежной дороги через Хомс 51-я дивизия (шотландская) как будто выбилась из сил и выказывала недостаток инициативы и одушевления. В дневнике у меня 20 января записано вот что:

«Вызвал командира 51-й (шотландской) и сделал ему серьезный выговор; это возымело немедленный результат».

Передовые войска вошли в Триполи 23 января 1943 года в четыре часа утра, ровно через три месяца после начала сражения при Аламейне.

8-я армия в Триполи

Население Триполи встретило нас хорошо; в городе сохранялось спокойствие, паники не было. Я подъехал к окраине

города в девять утра 23 января и потребовал к себе главных итальянских чиновников для доклада. Отдал им распоряжения относительно города и потребовал сотрудничества, чтобы обеспечить благополучие населения. Бригадному генералу Лашу, моему заместителю по делам гражданского населения в Триполитании, я приказал как можно скорее взять на себя управление городом — действуя через итальянские власти. На первые сутки я установил строгий военный контроль, чтобы обеспечить высокий уровень дисциплины; были закрыты торговые предприятия, введен комендантский час и т. д.

Я предвидел определенные проблемы из-за близости своей армии к такому большому городу, как Триполи. Дворцы, виллы, квартиры были доступны офицерам. Меня самого спросили, собираюсь ли я жить в губернаторском дворце. Я отказался и расположил [167] свой штаб в полевых условиях, примерно в четырех милях от города. Нам предстояло много сражений, и я не хотел, чтобы 8-я армия «расслаблялась» или каким-то образом понижала боеспособность. Я запретил использовать дома, здания и т. п. для штабов и расквартирования войск; все должны были жить в полевых условиях, в пустыне, как уже много месяцев. Армия должна была сохранять стойкость и боеспособность.

Отдав эти приказы, я поехал в город с Лизом, мы сели под солнцем на морском берегу и пообедали бутербродами. Говорили, будучи большими друзьями, о прошлом и будущем. Наши адъютанты и сопровождающие военные полицейские расположились неподалеку и тоже принялись за обед. Я спросил Лиза, о чем они, по его мнению, говорят, после стольких месяцев монашеской жизни в пустыне; он считал, что они размышляют, есть ли в городе доступные женщины. Я не сомневался, что он прав. И решил как можно скорее отвести армию от Триполи.

Через два дня после занятия города мне доложили, что у гражданского населения положение с продовольствием ухудшается. Я немедленно издал следующий приказ:

«1. В Триполи сложное положение с продовольствием; очевидно, у населения вскоре кончатся продукты, и тогда кормить его придется армии. Эта обязанность явится серьезной обузой; именно этого хочется немцам. 2. Британская армия, военно-воздушные силы союзников и личный состав Королевского военно-морского флота в Триполи будут получать свою норму довольствия и не должны потреблять продовольствие гражданского населения. Противник будет успешно использовать в пропаганде тот факт, что он оставил в городе достаточно продовольствия и большую часть его съели британские войска. 3. Поэтому приказываю, чтобы никто из состава британских войск в

Триполитании, ни офицеры, ни сержанты и солдаты, не питались — не завтракали, не обедали и не ужинали — в отелях и ресторанах Триполи. 4. Единственным исключением могут быть чайные, если владельцы их смогут и захотят продавать военнослужащим чай и булочки. [168] 5. Офицеры, сержанты и солдаты, отправляясь в Триполи, должны иметь при себе продовольственные пайки. Ведутся приготовления к открытию клубов для офицеров, сержантов и солдат в Триполи, они будут находиться в ведении военно-торговой службы ВМС, ВВС и армии и откроются в ближайшее время; поставлять туда продовольствие, за исключением чая и булочек, будет невозможно. 6. Командиры должны довести до сведения офицеров, сержантов и солдат содержание третьего пункта данного приказа и основания для него. Заместителю командующего по делам гражданского населения принять меры, чтобы управляющие отелей и ресторанов получили указания не подавать еду личному составу британских войск».

3 и 4 февраля в Триполи находились с визитом премьер-министр и начальник Имперского генерального штаба, мы устроили для них парад шотландской и новозеландской дивизий, в котором приняли участие отдельные подразделения бронетанковых войск и службы снабжения и транспорта.

Уинстон Черчилль получил громадное впечатление и был глубоко взволнован, когда мимо него проходили войска: они выглядели здоровыми, бодрыми, отличались превосходной выправкой. Я очень гордился тем, что командую такими солдатами.

Я попросил его обратиться с речью к офицерам и солдатам моего штаба, и он сказал вот что:

«После победы под Аламейном вы каждую ночь разбиваете палатки на один дневной переход ближе к дому. В будущем, когда люди будут вас спрашивать, что вы делали в ходе Второй мировой войны, достаточно будет ответить: «Находился в рядах 8-й армии».

После занятия Триполи 23 января моей главной заботой стало открыть гавань и движение судов, чтобы ежедневно доставлять на берег необходимое количество грузов. Это являлось задачей ВМС, нелегкой для быстрого выполнения. Быстрота была жизненно важна; мой начальник инженерных войск принялся за работу вместе с моряками, мы оказывали помощь всеми своими [169] средствами. Это значительно ускорило дело; первое судно вошло в гавань 3 февраля, а первый конвой 9-го. Мне хотелось как можно скорее покончить с перевозками из Тобрука и Бенгази, снять с 10-го корпуса обязанность грузоперевозчика и снабжать 8-

ю армию с базы в Триполи.

Очередное серьезное сражение должно было произойти на Маретской линии; эта позиция была хорошо укреплена, и основной частью наступления должен был стать обход западного фланга противника. Эту задачу я собирался поручить новозеландцам и провел рекогносцировку перед Рождеством, после занятия агейлской позиции, то есть почти за три месяца до маретского сражения.

Тем временем нашей задачей было оттеснить противника к основной позиции, чтобы получить возможность провести там разведку. Кроме того, требовалось овладеть важными наземными центрами сообщения в Бен-Гардане, Фоум-Татахине и Меденине, рокадными дорогами и аэродромами возле Меденина.

Сперва я использовал для этой цели только 7-ю бронетанковую дивизию. Но когда положение со снабжением упростилось, я начал сосредотачивать силы в этом районе, отправив туда 51-ю (шотландскую) дивизию и еще одну танковую бригаду.

К концу февраля порт Триполи работал хорошо, и мы выгружали до трех с половиной тысяч тонн в день. Проблемы со снабжением остались позади, и я смог передвинуть к Триполи 10-й корпус из района Тобрук — Бенгази.

Должен упомянуть, что ко мне присоединился генерал Леклерк, пришедший из Центральной Африки с небольшими французскими силами. Он поступил под мое командование. За это попросил у меня продовольствия, горючего и обмундирования. Я снабдил его всем, так как рад был получить в помощники этого замечательного человека.

В соответствии с решениями, принятыми на состоявшейся в январе конференции в Касабланке, 8-я армия должна была поступить под начало генерала Эйзенхауэра для боевых действий в Тунисе; Александер стал заместителем главнокомандующего и должен был командовать сухопутными силами. Теддер стал главнокомандующим всеми военно-воздушными силами на [170] Средиземноморском театре военных действий. Это был хороший состав сил, и, если мы должным образом используем свои возможности, успешный исход операции в Тунисе был обеспечен. Мощь авиации в Тунисе, на Мальте и 8-й армии можно было объединить и целиком использовать для поддержки с воздуха любой операции.

Коннингем присоединился к Теддеру и стал командующим тактической авиацией, а Гарри Бродхерст принял командование над авиацией, действующей с 8-й армией.

Александер сказал мне, что, когда присоединился к генералу

Эйзенхауэру, нашел положение вещей в жутком беспорядке. 1-я армия подвергалась массированным атакам с южной части фронта, и казалось, там все идет под уклон. В общем, он обнаружил полную бездеятельность: ни стратегии, ни плана, на фронте неразбериха, резервов нет, никаких учений не проводится, силы не подтягиваются, так называемые лагеря для пополнения в отвратительном состоянии, и так далее. Американские войска вызывали разочарование; были физически и морально расслабленными и совершенно «зелеными». Обычная история: недостаток соответствующей подготовки в сочетании с отсутствием боевого опыта и чрезмерно высоким уровнем довольствия. Они набирались опыта, как в свое время приходилось и нам. Мы воевали уже давно, и ошибки наши в основном остались позади.

Александер трудился денно и нощно, приводя все в порядок. Но у него было несколько тревожных моментов, и 20 февраля он отправил мне настоящую мольбу о помощи, спрашивал, не могу ли я как-то ослабить нажим на американцев. Я пообещал сделать все, что в моих силах, — добавив, что если он и я в нужное время будем нажимать на Роммеля, то заставим его метаться «мокрой курицей» между нашими фронтами. В моем штабе назвали это сообщение сигналом «мокрая курица»!

Я ускорил ход событий, и к 26 февраля стало ясно, что наш нажим заставил Роммеля прекратить атаки против американцев. Это дало Александеру необходимое время, и 5 марта он написал мне, что кризис у пациента как будто миновал и он на пути к выздоровлению; но армия после подобной болезни испытывает большую слабость. Когда американцы усвоили свой урок и набрались [171] опыта, они оказались первоклассными войсками. На это ушло время; но они вошли в форму быстрее нас.

После того как Роммель оставил в покое 1-ю армию, я подумал, что теперь моя очередь подвергаться его атакам. Так и вышло. Мы заметили продвижение к нашему фронту. Я подтянул из Триполи новозеландскую дивизию и приготовился к удару, который наверняка должен был последовать. В то время мое положение было не особенно твердым, так как я пошел на определенный риск, ответив на мольбу Александера о помощи. Всякий отход расстроил бы наши приготовления к атаке на Маретскую линию, намеченную примерно на 19 марта. Однако на войне не всегда получается как хотелось бы; главное, обращать всякое неприятное стечение обстоятельств себе на пользу. Это сражение могло оказаться новой Алам-Хальфой, оборонительным сражением, которое поможет в будущем наступательному.

Вечером 5 марта все указывало на то, что противник на утро

предпримет атаку.

Сражение при Меденине: 6 марта 1943 года

Как и ожидалось, Роммель атаковал на рассвете тремя танковыми дивизиями; эта атака была отбита. Во второй половине дня он предпринял новую и был снова отброшен. Мы не потеряли ни единого танка; общие людские потери среди офицеров, сержантов и солдат составили сто тридцать человек. Противник потерял пятьдесят два танка, все были подбиты противотанковыми орудиями пехоты, кроме семи, уничтоженных дивизионом танков «Шерман».

Я вел сражение так же, как при Алам-Хальфе. Решил, что Роммель поведет атаку определенным образом, и подготовился отражать ее на выбранной мною позиции. От выступления навстречу его ударам я отказался.

Отступавшего Роммеля я преследовать не стал. Когда сражение завершилось, я продолжил подготовку к своему наступлению. Продлилась она всего день. Как Алам-Хальфа помогла при Аламейне, так и Меденин должен был помочь вести сражение при Марете. Те пятьдесят два танка, которые Роммель потерял под Меденином, представляли бы для него под Маретом большую ценность. [172]

Сражение при Марете: 20–27 марта 1943 года

Маретскую линию в Тунисе возвели французы как оборонительную позицию на случай нападения итальянцев из Триполитании. Она была очень мощной по природным условиям и дополнительно укреплена французами, а затем немцами. Восточный фланг ее упирался в море, а западный в горный массив Матмата. Отсечная позиция шла на северо-запад от Матматы к Эль-Хамме.

Местность к западу от матматских холмов представляла собой непроходимое «песчаное море», протянувшееся на много миль. Французы сказали мне, что любое обходное движение по этим пескам невозможно. Я решил, что лобовая атака столь укрепленной позиции вряд ли принесет успех, поскольку между матматскими холмами и морем было мало пространства для маневра. В основе моего плана лежало обходное движение западнее матматских холмов, синхронизированное с ограниченной лобовой атакой.

В таком случае возникал вопрос: можно ли найти путь через «песчаное море»?

Напомню, что я отправлял в этой район разведгруппы из-под Агейлы еще до Рождества. Группа дальнего действия в пустыне обнаружила проходимый маршрут, и план принял четкие очертания.

В целом он выглядел так:

1. 30-й корпус атакует восточный фланг тремя дивизиями. Это будет неослабный нажим на оборонительную линию возле моря. Цель его — оттянуть резервы противника к этой ее части.

2. Новозеландцы, мощно усиленные другими подразделениями, огибают западный фланг и прорываются за матматский массив.

3. 10-й корпус остается в резерве с двумя бронетанковыми дивизиями (1-й и 7-й), готовым двинуться на любой фланг, как того потребует необходимость. Он будет размещен так, чтобы защищать все мои важные объекты и прикрывать основные позиции.

4. Всю операцию поддерживают сосредоточенные, непрерывные действия ударных групп морской авиации. [173]

Новозеландцы выступали во фланговый обход силами в двадцать семь тысяч человек и двести танков. Незаметно для противника они сосредоточились на нашем южном фланге к рассвету 18 марта. В ночь с 17 на 18 марта мы провели на своем правом фланге несколько отвлекающих операций, чтобы ввести в заблуждение противника относительно места основного удара. Они прошли успешно, но в ходе их 21-я гвардейская бригада вышла к весьма протяженным минным полям, которые обороняли немцы: произошел рукопашный бой, в котором 6-й гренадерский батальон потерял двадцать четыре офицера и триста солдат. В ту ночь гвардейская бригада сражалась великолепно и внесла значительный вклад в окончательный успех, ждавший нас впереди.

Атака 30-го корпуса на правый фланг должна была начаться 20 марта в 22 часа 30 минут. Утром 20-го мне стало ясно, что противник обнаружил новозеландцев, замаскировавшихся на моем южном фланге; поэтому я приказал прекратить дальнейшие попытки укрыться, стремительно выступать к северу и приниматься за дело. Приказ был выполнен.

20 марта я издал следующее обращение к армии:

«1. 5 марта Роммель, обращаясь к своим войскам в горах напротив наших позиций, сказал, что если они не захватят Меденин и не заставят 8-ю армию отступить, то дни войск стран Оси в Северной Африке сочтены. На другой день, 6 марта, Роммель атаковал 8-ю армию. Ему следовало бы знать, что 8-я армия никогда не отступает, поэтому его атака могла закончиться только неудачей — как и вышло. 2. Теперь мы покажем Роммелю, что он был прав в заявлении, которое сделал своим войскам. Дни войск стран Оси в Северной Африке действительно сочтены. 8-я армия и Западные военно-воздушные силы, составляющие вместе

единую боевую машину, готовы к наступлению. Мы все знаем, что это означает; знает и противник. 3. В начинающемся сражении 8-я армия: а) уничтожит противника, стоящего перед нами на маретской позиции; [174] б) прорвется через ущелье Габес; в) затем будет продвигаться на север к Сфаксу, Суссу и, наконец, к Тунису. 4. Мы не остановимся и не ослабим напора, пока не возьмем Тунис, и противник либо прекратит сопротивление, либо будет сброшен в море. 5. Начинающаяся операция ознаменует собой завершение кампании в Северной Африке. Когда завяжется сражение, взоры всего мира будут обращены к 8-й армии, миллионы людей каждый день будут слушать радиоприемники — жадно надеясь услышать хорошие новости, много хороших новостей. Если каждый из нас исполнит свой долг и будет сражаться изо всех сил, тогда ничто не сможет остановить 8-ю армию. И ничто ее не остановит. 6. С верой в Бога и правоту нашего дела устремимся к победе. 7. Вперед на Тунис! Сбросим противника в море!»

Сражение при Марете описано многими авторами, и в обстоятельном пересказе нет нужды. Основные тактические действия можно резюмировать следующим образом:

(а) Сражение началось мощным ударом с нашего правого фланга.

(б) Когда наносился этот удар, крупные силы нашего левого фланга пошли во фланговый обход.

(в) Продвижение на правом фланге вначале шло успешно.

Угроза там стала настолько серьезной, что противнику пришлось стянуть все имеющиеся немецкие резервы. Они контратаковали, оттеснили нас, и мы оставили все занятые позиции. Нам пришлось отойти на те рубежи, с которых мы выступили два дня назад. Хорошо помню, что командир 30-го корпуса (Лиз) прибыл ко мне с этим сообщением 23 марта в два часа ночи. Любопытно отметить, что кризис в сражении при Аламейне тоже наступил в этом часу (25 октября). Лиз был очень расстроен. Я сказал ему: «Ничего, мы вытянули немецкие резервы; но вы должны связать их».

(г) Я немедленно решил стойко держаться на правом фланге, но при этом оказывать такой нажим, что немецкие резервы оставались [175] в этом районе. Кроме того, открыл новую ось наступления в центре на Матматские холмы, бросив в бой 4-ю индийскую дивизию.

(д) Затем отправил из своего резерва 1-ю бронетанковую дивизию для участия в обходном движении новозеландцев, которое набирало темп.

Словом, я решил развивать успех. Поручил штабу 10-го

корпуса (Хорроксс) возглавить обход слева, и, пока подкрепление двигалось к левому флангу, мы готовили молниеносную атаку, которая должна была начаться с его прибытием.

(е) Противник, видя, что происходит, попытался перебросить свои резервы для отражения нашего мощного продвижения слева. Но было поздно. Молниеносная атака началась через двадцать минут после того, как прибыла последняя машина 1-й бронетанковой дивизии, и сметала все на своем пути.

К девяти часам 28 марта мы полностью овладели знаменитой маретской линией, сражение продолжалось всего неделю. Вынужденные отступить на правом фланге, мы быстро оправились и нокаутировали противника «хуком слева».

Мы ни разу не теряли инициативы: без нее победить на войне невозможно. Противник в отчаянии был вынужден вводить в бой резервы по частям, как под Аламейном, а мы ввели свои одним сосредоточенным ударом на узком фронте.

Самым значительным эпизодом этого сражения явилась молниеносная атака средь бела дня 26 марта. Она началась в 4 часа, солнце светило в глаза противнику. В это время шла пыльная буря, и ветер тоже нес песок на него. Противник готовился к нашей обычной ночной атаке; вместо этого он подвергся яростному удару днем.

Эта атака была задумана просто; мы полагались на внезапность, на полное взаимодействие наземных и военно-воздушных сил, на готовность рисковать и нести потери.

В этой атаке авиация сыграла заметную роль, в небо поднялись двадцать две эскадрильи истребителей «Спитфайр», бомбардировщиков «китти» и штурмовиков «Харрикейн», действовали они в районе, недосягаемом для артиллерийского огня; они уничтожали там все транспортные средства, все, что появлялось [176] в поле зрения или двигалось. Блестящие, смелые действия летчиков совершенно ошеломили противника; его сопротивление было сломлено, и мы одержали победу. В этой атаке было взято две с половиной тысячи пленных, все немцы; наши потери составили всего шестьсот человек, и мы лишились только восьми летчиков.

Эта молниеносная атака явилась наиболее совершенным на то время образцом тесного взаимодействия наземных и военно-воздушных сил. Следует отметить, что в штабе тактических ВВС существовали серьезные опасения: Конингем считал, что риск слишком велик, и отправил офицера, чтобы остановить применение авиации таким образом. Но командир авиационного соединения (Гарри Бродхерст) решил пойти на этот риск и отказался прислушаться к эмиссару. Когда все завершилось

громадным успехом при весьма малых потерях, он получил множество поздравлений из штаба ВВС в Тунисе и даже из министерства авиации!

Конец войны в Африке

Было очевидно, что конец войны в Африке близок.

8-й армии оставалось только пройти через ущелье Габес и соединиться с американскими войсками; тогда остатки сил противника окажутся во все сужающемся кольце окружения.

6 апреля у нас произошел однодневный ожесточенный бой на линии Вади — Акарит, в котором мы взяли еще семь тысяч пленных. 8 апреля мы соединились с американскими войсками, двигавшимися на восток от Гафсы. Теперь мы брали около тысячи пленных в день, ни одна армия не может долгое время нести такие людские потери и оставаться боеспособной.

10 апреля мы взяли Сфакс.

В феврале ко мне в Триполи прибыл начальник штаба генерала Эйзенхауэра Беделл Смит, и мы с ним обсуждали, когда 8-я армия сможет соединиться с 1-й к северу от Габеса. Тогда я сказал, что буду в Сфаксе к 15 апреля. Беделл Смит сказал, что, если мне это удастся, генерал Эйзенхауэр даст мне все, что бы я ни попросил. Я ответил, что сдержу свое слово и хотел бы получить самолет для личного использования. Беделл Смит охотно согласился. [177]

Утром 10 апреля я отправил Эйзенхауэру сообщение с просьбой о самолете. 16-го прибыл «Б-17» («Летающая крепость»). Я стал весьма мобильным генералом. Впоследствии начальник Имперского генерального штаба Брук сурово отчитал меня за этот поступок. Сказал, что со стороны Беделла Смита это была шутка, и генерал Эйзенхауэр пришел в ярость, когда я потребовал самолет. Я объяснил, что в тот день в Триполи это заявление было отнюдь не шуточным. Видимо, Беделл Смит не сказал о нем Эйзенхауэру, и тот внезапно оказался перед необходимостью выполнять это условие. Брук добавил, что Королевские ВВС вполне могли предоставить мне самолет; могли, конечно, но не предоставили — несмотря на мои неоднократные просьбы. Эйзенхауэр сделал это немедленно. И он, человек замечательный и щедрый, устроил так, что самолет мне был предоставлен до конца войны; более того, он предоставил самолет и моему начальнику штаба. Эйзенхауэр понимал эту необходимость и действовал безотлагательно.

10 апреля я написал Александеру, что нужно решить, какая армия будет выполнять основную задачу в завершающей фазе военных действий в Тунисе. Рекомендовал использовать для этой цели 1-ю армию; равнина к западу от столицы Туниса была легко

проходима для бронетехники, тогда как на пути моей армии лежала труднопреодолимая гористая местность у Анфидавиля и Такруны. Александер согласился и попросил меня отправить 1-й армии бронетанковую дивизию и полк бронеавтомобилей; моей задачей будет оказывать постоянный нажим на противника и наводить его на мысль, что основную атаку будет проводить 8-я армия. Я разработал соответствующий план и атаковал позицию у Анфидавиля в ночь с 19 на 20 апреля. Наступать в горах у Такруны было сложно, однако мы продвинулись на три мили. Я совершил перегруппировку и составил план следующей атаки через неделю. Эти атаки мне не нравились, я считал, что основной удар нужно наносить на фронте 1-й армии, где местность не столь гористая и можно использовать танки.

Но ее первая попытка прорваться к Тунису окончилась неудачей. Она состоялась 23 апреля. 5-й корпус атаковал на участке трех дивизий, каждая была растянута по фронту на шесть миль [178] и была усилена тремя бригадами пехоты; это была скорее демонстрация, не имевшая никаких надежд на успех. 9-й корпус с двумя бронетанковыми дивизиями пытался прорваться где-то на другом участке. Я в то время слег с приступом тонзиллита и с гриппом и попросил Александера навестить меня, если сможет, в моей штаб-квартире возле Сусса. Он приехал 30 апреля. Я сказал, что необходимо перегруппировать обе армии, 1-ю и 8-ю, чтобы можно было наступать на Тунис максимальными силами в наиболее благоприятном районе.

Кроме того, я предложил передать 1-й армии 7-ю бронетанковую дивизию, 4-ю индийскую, 201-ю гвардейскую бригаду и дополнительную артиллерию с опытным корпусным командиром для руководства наступлением; я имел в виду Хоррокса.

Наконец, я сказал, что нужно завершить войну в Африке как можно быстрее. Мы должны были вторгнуться на Сицилию в июле, и предстояло сделать многое, чтобы подготовиться к этой сложной морской десантной операции. Александер полностью со мной согласился.

Хоррокс перешел в 1-ю армию и предпринял наступление корпусом на Тунис 6 мая; оно велось крупными силами в избранном месте и прорвало оборону противника к западу от Туниса. 7 мая Бизерта и Тунис были взяты, и противник оказался в окружении на полуострове Бон.

Первой вошла в Тунис наша 7-я бронетанковая дивизия. Она заслужила эту честь. Организованное сопротивление противника прекратилось 12 мая, мы взяли пленными около 248 тысяч человек.

Итак, война в Африке закончилась. Для немцев это явилось большой катастрофой; вся их живая сила, имущество, полевые склады, тяжелое вооружение и прочая боевая техника были захвачены. С чисто военной точки зрения попытку удержаться в Северной Африке после прорыва Маретской линии оправдать невозможно. Думаю, Гитлер отдал такой приказ по политическим соображениям. Предпринимать совершенно безнадежные военные действия исключительно по политическим мотивам опасно; в них иногда возникает необходимость, но обычно они кончаются катастрофически.

Вклад 8-й армии в окончательную победу в Северной Африке был огромен. Она вытеснила Роммеля с его армией из Египта, [179] из Киренаики, из Триполитании и затем помогла 1-й армии окончательно разбить немцев в Тунисе. Сделать это могли только первоклассные войска, и я понимал, какая честь и какая радость командовать такой великолепной армией в пору ее величайших побед.

В начале июня премьер-министр записал в моей книге автографов:

«Полное уничтожение и пленение всех войск противника в Тунисе, увенчавшееся взятием в плен 248 тысяч человек, означает триумфальное завершение великих подвигов, начавшихся сражением под Аламейном и вторжением в Северо-Западную Африку. Пусть будущее в полной мере пожнет плоды прошлых достижений и новых усилий. Уинстон С. Черчилль Алжир, 3 июня 1943 года».

Перед тем как закончить эту главу, я намерен упомянуть некоторые обстоятельства, сыгравшие в совокупности огромную роль в этой замечательной кампании. От Аламейна до Туниса около двух тысяч миль, а мы дошли до Триполи за три месяца, а до Туниса за шесть. Как это было сделано?

Прежде всего скажу, что солдаты не щадили ни сил, ни жизни. В августе сорок второго года я сказал им, что поведу их к победе. Ни отступлений, ни срывов не будет. Когда мы были готовы к наступлению, я всегда говорил им, какой цели нужно достичь, и мы ее достигали. Я приказал, чтобы прессе предоставляли все возможности выяснять, что происходит, и сообщать об этом. Мы шли от успеха к успеху; в 8-й армии развился дух крестоносцев, и солдаты поверили, что они непобедимы. Уверен, что к концу кампании они сделали бы все, к чему бы я ни призвал, они чувствовали, что все мы участники битвы, что каждый из них частичка единого целого и делает важное дело. Они безгранично доверяли мне. Чего еще может желать командир? Я боялся только одного — подвести этих

замечательных людей.

Далее, у меня был превосходный начальник штаба. Я уже упоминал о де Гингане. Его плодотворный мозг переполняли идеи, и он всегда справлялся с самыми трудными проблемами. [180]

Получив от меня общие очертания плана, он мог быстро разработать все штабные детали и сказать, осуществим ли он со штабной точки зрения, а если нет, то какие изменения нужно внести. Ответственность де Гинган брал на себя с готовностью. Я давал ему полную власть. Если он не мог связаться со мной, то принимал важные решения самостоятельно, и под сомнение я их никогда не ставил. Доверял я ему полностью; он, казалось, интуитивно знал, как я поступлю в той или иной обстановке, и всегда оказывался прав.

С таким начальником штаба я мог не заниматься деталями; это я оставлял ему. Командиру, занимающему высокий пост, прежде всего требуется хороший начальник штаба. Без де Гингана я вряд ли справился бы со своей частью общей задачи. Конечно, мне повезло, что он находился в Египте, когда я прибыл туда; но я полностью воспользовался этим везением; и, разумеется, находился он там не случайно.

Под началом де Гингана штаб 8-й армии стал великолепной командой. Я всегда искренне верил в ее молодость, пылкость, оптимизм, оригинальные мысли и готовность следовать за лидером. Наш штаб состоял в основном из молодых людей; многие не были профессиональными военными. Для того чтобы состоять в моем штабе, единственным требованием была способность делать свое дело; не имело значения, кадровый он военный или призван до окончания войны.

В пустыню я прибыл 13 августа 1942 года. Они были там ветеранами, но признали меня «своим» в тот же день (или на следующий!) и неустанно трудились для выполнения моих планов и идей. Де Гинган сплотил их в единую преданную команду.

По ходу кампании я осознал всю ценность разведслужбы. Главным источником наитий являлся Билл Уильямс; интеллектуально он значительно превосходил меня и всех членов штаба, но никогда этого не демонстрировал. Он видел расположение противника верно и полностью; мог просеять массу разрозненных сведений и сделать правильный вывод. Со временем он понял, как я работаю, и за десять минут сообщал именно то, что мне требовалось знать, не касаясь того, что мне в данное время было не нужно. Когда командир и начальник разведки достигают такого взаимопонимания, то вполне

очевидно, они не должны расставаться; [181] поэтому Билл Уильямс шел со мной до Берлина. Он был признан «своим» и пользовался доверием всей 8-й армии. Возможно, тут помогало то, что он носил на фуражке кокарду Королевского гвардейского драгунского полка, а не разведслужбы. Во время Второй мировой войны лучшими офицерами в службе разведки штаба были гражданские; их склад ума лучше всего подходил для такой работы, они были доками в сфере «доказательного права», обладали плодотворным умом и обширным воображением, и Билл Уильямс был лучшим из всех.

Затем я должен сказать о своей системе личного командования из тактического штаба, расположенного в районе боевых действий. Я разделил свой штаб на три эшелона:

тактический штаб;

основной штаб;

тыловой штаб.

Тактический был штабом, из которого я вел личное командование и контролировал ход сражения. Он был небольшим, весьма действенным и мобильным на собственном транспорте. Состоял он главным образом из связистов, шифровальщиков, охраны и очень маленького оперативного штаба, ведшего наблюдение за ходом битвы.

Основной являлся центром всей штабной организации. Я отдавал из тактического штаба устные приказы подчиненным мне командирам. Штабная работа по этим приказам велась в основном и тыловом. Начальник штаба и начальник тыла находились в основном. Последнему требовалось иметь в тыловом хорошего заместителя, и тут начал блистать своими способностями Майлз Грэхем. В конце концов, как я уже говорил, он сменил Брайена Робертсона, а «Рим» Лаймер стал заместителем Грэхема.

Тыловой был административным эшелоном штабной организации. В него входили адъютантский и квартирмейстерский отделы, службы и управления.

Мы приобрели большой опыт в развитии и использовании этого типа организации, и я перенес его в 21-ю армейскую группу, когда оставил командование 8-й армией. Ее можно использовать начиная от штаба армии и выше; для штаба корпуса она не годится, так как командир корпуса должен иметь при себе весь основной штаб, чтобы вести тактический бой. [182]

Командующий армией может добиться наилучших результатов, лишь работая в тактическом штабе. Если он не способен обрести такого мышления, то никогда не станет хорошим командующим.

И наконец должен упомянуть, что мне постоянно давали со всех сторон советы, как вести сражение, что делать дальше и т. д. Думаю, так было со всеми моими предшественниками по командованию 8-й армией, и, возможно, они принимали эти советы.

В середине ноября 1942 года я написал начальнику Имперского генерального штаба и привожу цитату из этого письма:

«На мой взгляд, одной из самых интересных особенностей в ведении боевых действий является то, что люди стараются поколебать твою уверенность в своих решениях, внушить, что твой план плох и тебе следует делать то-то и то-то. Если б я делал все, что мне предлагали, то до сих пор находился бы под Аламейном!»

Одним из важных уроков, которые я вынес из кампании в Африке, является необходимость решить, что ты хочешь сделать, а затем исполнить это. Нельзя отвлекаться от своей задачи на доброжелательные советы тех, кто не знает полностью всей оперативной обстановки и никакой ответственности не несет.

Меня с начала до конца поддерживал Александер. Он никогда не докучал мне, никогда не действовал на нервы, не советовал, что делать, и сразу же предоставлял мне все, о чем я просил, — терпеливо выслушав объяснения, почему я прошу то или другое. Но был достаточно великодушен, чтобы не требовать объяснений; он полностью мне доверял.

Меня с детства приучили быть изобретательным. Во время африканской кампании изобретательность мне пригодилась. Меня также приучили благодарить судьбу, и я, разумеется, благодарил ее. [183]

Глава одиннадцатая. Сицилийская кампания

10 июля — 17 августа 1943 г.

В январе 1943 года, когда страны Оси были изгнаны из Африки, поступил приказ провести операции для вывода Италии из войны. Было решено, что первым шагом станет захват Сицилии; операции было присвоено кодовое наименование «Эскимос».

18 апреля, когда 8-я армия еще вела бои в Тунисе, я сообщил Александеру, что, на мой взгляд, положение с планированием «Эскимоса» вызывает тревогу. Я понимал, что план этой операции создан в Лондоне, и по тому немногому, что мне удалось узнать, он не производил хорошего впечатления. Требовалось срочно увидеться с Эйзенхауэром и принять решения по нескольким важным вопросам. Эйзенхауэр сразу же согласился, и 19 апреля я вылетел в Алжир на недавно полученной «Летающей крепости».

Эйзенхауэр и Александер целиком согласились с моими предложениями, и в военное министерство была отправлена телеграмма с просьбой официально назначить де Гингана начальником штаба 8-й армии в звании генерал-майора.

В Каир я вылетел 23 апреля. В полете размышлял о будущем. Рядовой Глейстер назвал 8-ю армию «братством». Он был прав: мы представляли собой «братство по оружию». Мы делали что хотели. Одевались как хотели. Важны были успех и победы с минимальными потерями. Я был главой этого братства. Не давал спуску за ошибки, особенно за повлекшие гибель людей; не допускал отклонений от основ плана сражения. Но в том, что касается деталей, разрешал подчиненным командирам поступать по своему усмотрению. Пока мы не прорвались через ущелье Габес и не оказались на равнине в Тунисе, это была собственная война [184] 8-й армии; мы сами разрабатывали планы и намечали сроки в соответствии со стоявшими перед нами задачами. Александер позволял мне вести эту собственную войну, как я считал нужным, и во всем меня поддерживал; мы неизменно приносили ему успех, и он охотно оставался в стороне от принятия решений.

Но теперь положение вещей изменилось, мы соединились с основными силами в Северной Африке. Предстояло научиться приспосабливать свои методы ведения боевых действий, свое поведение к более широкому контексту — войне в целом, а это зачастую — а может, и всегда — означает компромисс. 8-й армии

теперь предстояло отправиться в Европу на кораблях ВМФ и там учиться воевать на закрытой местности. Пустыня, которую мы превосходно знали и преодолели, оставалась в прошлом. Мы все знали, что намечается открытие второго фронта в Европе, переправа через Ла-Манш и высадка десанта. Возможно, Сицилии предстояло стать в некотором смысле репетицией более серьезной операции, которая начнется в 1944 году.

Во всяком случае, чем больше я думал над этим, тем больше осознавал, что свободе, какой мы пользовались в пустыне, пришел конец. Нам предстояло научиться взаимодействовать с другими, и многие наши идеи и планы, возможно, будут отвергнуты ради общих интересов. И все же я твердо решил, что 8-я армия никогда не пойдет в бой, располагая скверным планом, что жизни офицеров и солдат не будут приноситься в жертву в ненадежных авантюрах. Я вел эту армию к победе по Африке две тысячи миль. Я обещал офицерам и солдатам, что оплошностей больше не будет. И перед отправлением на Сицилию мне нужно будет побывать во всех дивизиях и сказать солдатам, что я уверен: и там нас ждет успех.

От де Гингана я знал, что существует уже семь планов вторжения на Сицилию.

План № 1 представило Объединенное управление планирования в Лондоне в января 1943 года. По этому плану атакующие силы разделялись и десантировались во множестве мест, начиная от Катаньи на восточном побережье, за полуостровом Пакино на юге и в отдаленном пункте на западной оконечности острова. На такое рассеивание сил мы ни за что бы не согласились, но в то время мы пробивались к Триполи — и я даже не знал, что [185] следующим объектом наступления будет Сицилия. Этот план, видимо, был принят в принципе штабом Александера в Тунисе в апреле, и его штабисты разработали план № 2. Это был детальный план, включающий высадку десанта между Катаньей и Палермо в течение пяти дней. Этот план с некоторыми модификациями генерал Эйзенхауэр в конце концов представил Объединенному комитету начальников штабов в Вашингтоне в апреле 1943 года, я назову его планом № 3 — поскольку он был третьим, о котором я узнал.

До сих пор со мной никак не консультировались, хотя 8-й армии предстояло играть в этой операции значительную роль.

Дальнейшие детальные планы вторжения на Сицилию составляли различные специалисты, некоторые из них приезжали ко мне, к середине апреля число планов достигло семи. Такой способ подготовки операции мне не нравился; время уходило, требовался четкий план и в ближайшее время.

Во время полета в Каир я стал представлять будущее более отчетливо.

Очевидно, впереди нас ждали проблемы, и нам следовало быть осторожными, не навязывать всем наши методы действий в пустыне. Кроме того, нам требовалось постараться сохранить свое чувство юмора и — что очень важно — не получить обидное прозвище за нежелание сотрудничать. Нельзя было ныть. Но я твердо решил ни за что не соглашаться на компромисс по важным пунктам.

Де Гинган встретил меня в Каире, и на другой день мне представили план вторжения на Сицилию, предложенный наконец штабом Александера. Его можно назвать планом № 8. Флотским командиром, ответственным за высадку 8-й армии на Сицилии, был адмирал Рамсей, известный как Берти Рамсей. Он был замечательным человеком, знакомым мне с тех пор, как был командующим в Дувре, а я командовал Юго-Восточной армией. Впоследствии мы сотрудничали в Нормандии, и для меня стала громадной личной утратой его гибель в авиакатастрофе во Франции в начале 1945 года.

Выслушав изложение плана № 8, я сразу же решил, что он не годится. 8-й армии предстояло высадиться на юго-востоке острова по широкой дуге, протянувшейся от пункта немного южнее [186] Сиракуз к югу, вокруг полуострова Пакино, затем на запад, к Джеле, 7-й армии США — на самом северо-западе, по обе стороны Трапани. Такое рассредоточение сил явно основывалось на расчете, что мы встретим очень слабое сопротивление. У меня состоялся обстоятельный разговор на эту тему с Берти Рамсеем и с Лизом и Демпси, которым предстояло командовать у меня корпусами в сицилийской кампании.

Я решил отправить Александеру сообщение, что не могу принять план, предложенный 8-й армии, и предложил новый, по которому армия будет высаживаться в удобном районе между пунктом южнее Сиракуз и полуостровом Пакино.

Это был план № 9, у меня в штабе его назвали «Пасхальным», так как его разрабатывали на пасхальной неделе. Он и был в конце концов принят для 8-й армии. 24 апреля я отправил Александеру следующее сообщение:

«1. В настоящее время я нахожусь в Каире вместе со своими командирами корпусов и впервые получил возможность рассмотреть проблему, стоящую перед 8-й армией при вторжении на Сицилию. Вот мои соображения. 2. Я не мог отдавать все внимание данной проблеме до сегодняшнего дня, и это скверно отразилось на всей работе здесь. 3. Планирование до настоящего времени строилось на предположении, что сопротивление

противника будет слабым и Сицилию удастся захватить без труда. Со столь вопиющими ошибками я еще не сталкивался. Немцы и итальянцы хорошо сражались в Тунисе и так же будут сражаться на Сицилии. Если исходить из того, что сопротивление окажется слабым, и рассеять наши силы, как до сих пор предлагалось во всех планах, нас ждет неминуемое поражение. Мы должны готовиться к ожесточенному сопротивлению, по крайней мере со стороны немцев, и тяжелому бою вслед за высадкой первого десанта. 4. Я готов вести войну на Сицилии во главе 8-й армии, но должен попросить разрешения составить собственный план. Моя армия должна наносить удар так сосредоточенно, чтобы корпуса и дивизии могли взаимодействовать. Вся армия должна высадиться в районе между Сиракузами и полуостровом Пакино. Дальнейшие операции будут нацелены на захват аэродромов [187] и портов. Первым делом необходимо захватить плацдарм в удобном районе и затем вести с него боевые действия. 5. Времени у нас мало. Если медлить, пока высадка обсуждается в Лондоне и Вашингтоне, операция начаться в июле не сможет. Планирование никуда не годится, потому что каждый пытается предложить какое-то подобие плана, заведомо обреченное на неудачу. 6. Я отдал распоряжения, по которым 8-я армия будет составлять планы и действовать, исходя из задач, изложенных в пункте 4. 7. Адмирал Рамсей полностью со мной согласен, мы готовы совместно начать операцию и одержать победу. 8. Нам необходима непосредственная поддержка с воздуха, и мне нужны соединения ВВС, действовавшие со мной в Африке, с Бродхерстом, его штабом и опытными летчиками. 9. Должен недвусмысленно заявить, что изложенное выше решение — единственный возможный способ решить стоящую перед 8-й армией проблему с имеющимися в наличии средствами».

Надо отметить, что мой план для 8-й армии еще больше отдалял нас от американских десантов на северо-западе острова и не предусматривал высадки войск в заливе Джела для захвата аэродромов в этой местности. У меня имелись свои соображения относительно американских десантов, но я считал, что вести речь о них еще рано. Я ждал, что мое сообщение вызовет в Алжире немедленную реакцию, — и она последовала!

На другой день, 25 апреля, Рамсей получил «разнос» от командующего ВМС адмирала Каннингема, работавшего совместно с Александером. Рамсей несколько огорчился; но мы от души посмеялись над этим, и он согласился, что мне следует отправить Александеру следующее сообщение:

«До меня дошло, что Каннингем и Теддер поставили вас в известность, что совершенно не согласны с предложенным

планом высадки 8-й армии на Сицилию. Должен со всей настойчивостью заявить, что, если действовать по существующему плану, он потерпит неудачу. Какая бы ни была у меня репутация, я утверждаю, что план, предложенный мной и Рамсеем, принесет успех. Если [188] хотите, можем прилететь оба и объяснить его. Тем временем работа продолжается по нашему плану, так как времени у нас в обрез».

26 апреля я вылетел из Каира в свою штаб-квартиру в Тунисе. По прибытии у меня поднялась температура, и я слег у себя в доме-фургоне с гриппом и тонзиллитом.

Александер назначил на 29 апреля совещание в Алжире, на котором Рамсею и мне требовалось присутствовать. Я лежал в постели и телеграфировал в Каир, что вместо меня прибудет де Гинган. Его самолет совершил вынужденную посадку в Эль-Адеме, и моего начальника штаба отправили в госпиталь с сотрясением мозга. Тогда я попросил вылететь в Алжир Оливера Лиза, он добрался туда благополучно и своевременно.

Совещание окончилось безрезультатно. Теддер сказал, что, если изначальный плацдарм не будет включать в себя аэродромы в Комизо и Джеле, его ВВС не смогут действовать эффективно. После этого Каннингем сказал, что если ВВС не будут держать в отдалении авиацию противника, конвои не смогут выполнить поставленной задачи. Александеру не удалось добиться согласия между этими родами войск, и никакого решения принято не было.

Напоминаю, перед этим я сообщил Александеру телеграфом, что мне нужно увидеться с ним и обсудить необходимые меры для скорейшего завершения войны в Тунисе, дабы иметь возможность планировать сицилийскую кампанию. Он прибыл ко мне 30 апреля. Я все еще лежал. Когда разговор о военных действиях в Тунисе завершился, он рассказал мне о совещании в Алжире накануне. Я сказал, что необходимо что-то предпринять, и предложил провести полномасштабное совещание в Алжире 2 мая; к тому времени я буду в состоянии вылететь в Алжир и там изложить свои соображения. Александер согласился.

«Надпись на стене»

2 мая я прибыл в Алжир и узнал, что Александер не смог прилететь; туман и низкая облачность помешали ему вылететь. Я предложил устроить совещание без него, но Каннингем с Теддером не согласились; они были совершенно правы, так как по отношению к Александеру это оказалось бы непорядочно. [189]

Я стал ломать голову, как быть. И отправился повидать Беделла Смита, начальника штаба Эйзенхауэра. В кабинете его не было, и в конце концов я разыскал его в туалете. Мы там же

обсудили проблему. Смит очень расстроился; он сказал, что по политическим мотивам очень важно достичь окончательного решения и действовать. Я сказал, что гораздо важнее достичь его по военным соображениям и могу сразу же предложить ему решение проблемы; он попросил меня продолжать. Я сказал, что высадку американцев возле Палермо нужно отменить и бросить все американские силы на южный берег, по обе стороны залива Джела и на западную часть полуострова Пакино с целью завладеть аэродромами, которые наши ВВС считают очень важными. В таком случае 8-я армия и 7-я армия США будут высаживаться бок о бок, что приведет к слаженности всего вторжения.

Беделл Смит сказал, что в осуществлении моего предложения никаких трудностей не будет. Мы вышли из туалета, и он отправился посоветоваться с Эйзенхауэром, Эйзенхауэр одобрил мой план, но вполне резонно отказался обсуждать его со мной без Александера. ВВС понравился мой план. Отдел планирования штаба ВМС отнесся к нему с некоторым недоверием и усомнился, что американские войска можно будет в течение долгого времени снабжать по дорогам вдоль прибрежной полосы. На фронте их высадки и вблизи от него не было хорошего порта.

После этого я убедил Беделла Смита собрать совещание. Сказал, что оно может представлять собой штабное совещание, на котором я буду присутствовать со своим штабом; на другой день, когда прибудет Александер, штаб сможет предложить согласованный план ему и другим главнокомандующим.

Так и было сделано.

Я изложил свои соображения; их одобрили все. Теперь на моей стороне были Эйзенхауэр и его начальник штаба. Но Эйзенхауэр резонно отказался принимать решение, пока этот план не будет предложен ему Александером и другими главнокомандующими. Вот что я говорил на совещании в тот день, как записано в стенограмме:

«1. Я хорошо знаю, что многие считают меня назойливым человеком. Очень может быть, что так оно и есть. Я всеми силами [190] стараюсь не быть назойливым; однако я навидался стольких ошибок на этой войне, стольких катастроф, что отчаянно хочу не допускать их в будущем; а это зачастую означает быть очень назойливым. Если мы потерпим катастрофу на Сицилии, это будет ужасно. 2. Мы уже достигли критической стадии в планировании вторжения на Сицилию. Если в ближайшие дни не будет достигнуто никакого окончательного решения, то очень сомнительно, что мы сможем начать эту операцию в июле. Хочу представить вам эту проблему так, как она представляется мне,

командующему армией, которой предстоит высадиться на Сицилии и вести там нелегкое сражение. 3. Вот три самых значительных фактора: а) захват Сицилии будет прежде всего зависеть от эффективности операций сухопутных сил; б) сухопутные силы доставит туда военно-морской флот, и он должен иметь возможность поддерживать их во время высадки; в) вышеназванное окажется невозможно, если авиация не сможет эффективно действовать, а для этого необходимо овладеть в ближайшее время подходящими аэродромами, чтобы эскадрильи истребителей могли выдвинуться вперед, оттеснить авиацию противника и господствовать в воздухе. 4. Затем нам требуется уяснить, что сопротивление противника будет очень упорным; предстоит тяжелое, ожесточенное сражение; нужно готовиться к смертельной схватке. Ничего нового тут нет, у нас было немало таких боев; но существуют определенные правила ведения таких схваток, которые необходимо соблюдать; несоблюдение их ведет к поражению. Главное из этих правил заключается в том, что рассеянные действия сухопутных сил ведут к катастрофе. Они должны вестись сосредоточенно, чтобы корпуса и дивизии находились на расстоянии, позволяющем оказывать поддержку друг другу. 5. Затем нужно решить, как высаживать сухопутные силы, чтобы они могли вести боевые операции и получать снабжение. Район высадки должен быть досягаем для прикрытия истребителями с воздуха; необходимо быстро захватить хороший порт; нужно быстро захватить хорошие аэродромы для ВВС. [191] Величина изначального плацдарма, который вы сможете создать, ограничивается вашими ресурсами. При ограниченных ресурсах будет удачей, если на этом плацдарме окажутся хороший порт и все аэродромы, которые вам нужны; некоторые удастся захватить потом. Поэтому очень важно, чтобы при ограниченных ресурсах и упорном сопротивлении вы с самого начала действовали следующим образом: а) держались сосредоточенно; б) захватили удобный район, который будет служить основной базой для проведения операций; в) проводили начальные операции в радиусе надежного прикрытия истребителями с ваших аэродромов. 6. Я уже сказал, что величина плацдарма ограничивается вашими ресурсами. Теперь нам нужно четко уяснить, что изначальный плацдарм должен включать в себя жизненно важные объекты, без которых вся совместная операция закончится провалом. 7. Теперь давайте приложим перечисленные принципы к Сицилии — ее юго-восточной части. Лучший район для высадки 8-й армии находится между Сиракузами и Пакино. Он соответствует всем вышеизложенным условиям, за исключением одного. А это условие очень важно:

данный плацдарм не обеспечивает достаточного количества аэродромов для наших ВВС и не создает противнику препятствий для использования аэродромов, с которых он может оказывать противодействие нашим передвижениям по морю и всей операции. Эти аэродромы находятся в районе Комизо — Джела. Эти аэродромы должны, по требованию авиации, войти в изначальный плацдарм. В сущности, они представляют собой, как я уже сказал, «жизненно важные объекты, без которых вся совместная операция закончится провалом». 8. Теперь я должен заявить с полной определенностью, не оставляющей даже тени сомнения, что ни в коем случае не допущу «рассеивания» моей армии в данной операции. Считаю, что оно приведет к провалу, и высадка на Сицилии вместо [192] успеха вовлечет все союзные государства в тяжелейшую катастрофу; именно этого хотелось бы немцам, и это нанесет сокрушительный удар по боевому духу союзных войск во всем мире. Речь идет не просто о захвате какой-то береговой полосы, нескольких аэродромов или нескольких портов. Речь идет о наступлении на территории противника с целью захвата аэродромов, портов и так далее и в конце концов всего острова. 9. Существуют ли какие-то альтернативы? (а) Переместить захват плацдарма к северу, в район Катаньи и расположенных там аэродромов. Эту альтернативу можно отвергнуть сразу же, уже только по той причине, что данный район находится за пределами досягаемости истребителей с наших воздушных баз. (б) Переместить захват плацдарма на запад, к району залива Джела. В него входит нужный нам аэродром. Но там нет порта, и долгое время вести снабжение всех сил только по прибрежным дорогам будет невозможно. 10. Суть дела упирается в размер изначального плацдарма, который мы сможем создать. Факторы таковы: (а) Армия не должна рассеиваться, и нам нужен порт. (б) Плацдарм, который удовлетворит армию, НЕ МОЖЕТ включать в себя при имеющихся ресурсах некоторые аэродромы на западе, которые очень важны для ВВС. (в) Я понимаю, что с точки зрения ВВС сразу же надо не дать противнику использовать эти аэродромы, а затем быстро захватить их и использовать самим. В противном случае авиация не может гарантировать поддержки с воздуха после начальной стадии операции, то есть первых сорока восьми часов. 11. Поэтому совершенно очевидно, что эти аэродромы должны быть захвачены. Но для данной цели у нас нет войск. Для высадки в заливе Джела потребовались бы еще две дивизии. 12. Мы подошли к тому, чтобы сказать с полной определенностью, что нам нужны еще две дивизии для высадки в день начала операции в заливе Джела, для того чтобы вся операция была успешной.

[193] При наличии этих двух дивизий все условия армии, авиации и флота будут выполнены, и эта трудная операция завершится полным успехом. Без этих двух дивизий, как представляется — учитывая заявления ВВС, — нас может постигнуть катастрофа. 13. Я считаю, что решение проблемы — перенести действия войск США из района Палермо к заливу Джела. Тогда вторжение на Сицилию увенчается полным успехом».

Совещание окончилось, и к вечеру я возвратился в свою оперативную штаб-квартиру в Тунисе ждать развития событий.

На другой день, 3 мая, в полночь, я получил от Александера сообщение о том, что Эйзенхауэр одобрил мои предложения. Наконец мы смогли приняться за дело, имея окончательный план.

Я снова лег спать с ощущением, что сражаться с немцами легче, чем сражаться со своими по важнейшим проблемам, от которых зависело все. Мне стало любопытно, так ли планируют свои операции и немцы.

Однако мне не давали покоя еще два вопроса. Раз все заинтересованные стороны приняли план наступления, высадка британских и американских войск превращалась, по сути дела, в одну операцию. Каждая сторона будет полагаться на непосредственную поддержку другой в ходе боевых действий; снабжение тоже будет совместным. Время поджимало, и было ясно, что координацию, управление и контроль должен взять на себя один командующий армией с объединенным штабом. Я изложил эту точку зрения Александеру, и он согласился; Александер считал, что всей операцией должен руководить штаб одной армии. Он высказал это соображение генералу Эйзенхауэру, но тот воспротивился. Операцией предстояло руководить двум штабам, американскому и британскому, под общим командованием Александера.

Гораздо более важным был второй вопрос. Мы готовились начать новую кампанию на новом театре военных действий. Составители планов и все прочие сосредотачивались на том, где высаживаться; никто не думал о том, как эта кампания на Сицилии будет развертываться. Мы хотели быстро захватить остров и не [194] допустить эвакуации его гарнизона в Италию. Для этого требовалось разработать общий план, и я предложил следующий.

Обе армии, высадясь рядом на южном побережье, начинают быстрое продвижение на север и рассекают остров пополам. Оборонительный фланг должен быть развернут на запад, объединенные усилия обеих армий должны сосредоточиться на быстром продвижении к Мессине, чтобы предотвратить

эвакуацию противника через проливы. ВМС и ВВС должны совместно принять меры, чтобы ни одно подразделение противника не ушло морским путем.

Хотя Александер тогда согласился с этим замыслом развертывания кампании двумя армиями, с ролью в ней авиации и флота, кампания все-таки велась иначе. К тому времени, когда мы овладели всем островом, большая часть немецких войск вернулась в Италию.

Я отправляюсь в Англию

Окончательно сопротивление противника в Северной Африке прекратилось 12 мая.

13 мая фельдмаршал Мессе, итальянский командующий объединенными силами, сменивший Роммеля, сдался 8-й армии; в тот вечер он ужинал со мной перед отправкой в лагерь для военнопленных, и мы обсуждали разные стороны сражений, которые вели друг против друга.

Потом я решил отправиться в Англию на краткий отдых перед началом сицилийской кампании. Заодно хотел побывать в 1-й канадской дивизии, которая должна была отправиться к Сицилии прямо из Соединенного Королевства. Нам предстояло сражаться бок о бок, и требовалось ознакомиться с этим соединением заранее.

Я вылетел из Триполи 16 мая на своей «Летающей крепости», прибыл в Англию 17-го. Пребывание там доставило мне большую радость, особенно время, проведенное с Дэвидом.

Одно обстоятельство повергло меня в уныние. 19 мая в соборе Святого Патрика состоялся благодарственный молебен в связи с окончанием войны в Северной Африке; я находился в Лондоне, но меня не пригласили присутствовать. После службы мне [195] объяснили, что хотели сохранить в секрете мое пребывание в Англии. Однако, к моему приятному удивлению, за мной повсюду следовали толпы. Я понял, что, хотя популярен у многих людей, не особенно популярен в определенных кругах. Возможно, одно объяснялось другим.

Я возвращался в 8-ю армию через Алжир и 2 июня встретился там с премьер-министром и начальником Имперского генштаба; от Лондона до Алжира я долетел на «Летающей крепости» за один день в светлое время суток.

У меня создалось впечатление, что премьер-министр и начальник Генштаба прибыли в Алжир из Вашингтона, дабы обеспечить захват Сицилии быстрым продвижением и предельным развитием успеха; эта задача несколько расходилась с решениями, принятыми в Вашингтоне, поэтому они убедили генерала Маршалла отправиться вместе с ними. Премьер-министр

был решительно настроен вывести Италию из войны. Он много расспрашивал меня относительно плана вторжения на Сицилию. Я выразил уверенность в нашем плане и в нашей способности привести его в исполнение.

Естественно, это ведь был мой план! Кроме того, я подчеркнул необходимость общего плана, который будет гарантировать, что после высадки операции будут вестись должным образом.

Когда я был в Англии, мне сообщили, что в июне король собирается посетить войска в Северной Африке. Он прибыл в Африку 13 июня и 17-го приехал в Триполи, чтобы увидеть 8-ю армию, то есть ту ее часть, которая там находилась. Остановился он в нашем лагере на морском берегу, в нескольких милях от Триполи, и, думаю, был доволен этим визитом. Мы определенно были довольны его пребыванием с нами; он ободрял всех нас и находился в превосходной форме.

Я беспокоился о его безопасности, поскольку парашютисты противника еще действовали, и в Триполи было много итальянцев. Когда король находился в городе, я запретил всем жителям покидать дома; и один раз был открыт огонь по подозрительным типам, которые пытались вырваться на улицу.

В день своего прибытия, 19 июня, король в палатке-столовой возле аэродрома посвятил меня в рыцари. [196]

Мы высаживаемся на Сицилии

8 июня премьер-министр отправил мне телеграмму: «Мы желаем всего наилучшего вашей великолепной армии и полностью уверены в ней».

В этот же день я издал свое обычное обращение к 8-й армии.

Мы высадились на Сицилии 10 июня, за два часа до рассвета. История этой кампании часто излагалась, и я сам уже описал ее в книге «От Аламейна до реки Сангро».

После высадки я был вынужден принять нелегкое решение. Генерал Макнотон, командующий 1-й канадской армией (в Англии), прибыл на Мальту в середине июля с группой штабных офицеров и обратился с просьбой отправить его на Сицилию для встречи с канадскими войсками.

1-я канадская дивизия раньше не принимала участия в сражениях, ее офицеры и солдаты только начинали осваиваться. Гай Саймондс, командир дивизии, был молод и неопытен; он впервые командовал ею в боевых условиях.

Я решил, что канадцев следует оставить в покое, и не собирался докучать Саймондсу визитерами, когда он был с головой занят своей дивизией в напряженных операциях против первоклассных немецких войск. Однако для полной уверенности

я отправился к Саймондсу и спросил, хочет ли он, чтобы Макнотон прибыл на Сицилию. Саймондс, не раздумывая, ответил: «Ради бога, не пускайте его сюда». Тогда я отправил на Мальту сообщение с просьбой отложить визит. Когда кампания в Сицилии завершилась, я пригласил генерала Макнотона прибыть и увидеться с канадскими войсками, он остановился в моем тактическом штабе в Таормине. После этого я не встречался с ним, хотя после окончания войны много раз бывал в Канаде. Мне казалось, он так и не простил меня за то, что я не допустил его на Сицилию в июле 1943 года.

Канадцы в сицилийской кампании действовали великолепно. До нее они не участвовали в боевых действиях, но были очень хорошо обучены и быстро овладели приемами ведения боя, которые очень важны и сберегают множество жизней. Когда я отвел их в резерв для подготовки к вторжению в материковую Италию, они стали одной из испытанных в боях дивизий 8-й армии. [197]

После пустыни солдатам 8-й армии Сицилия пришлась по душе. Разгар лета; на деревьях росли лимоны и апельсины; вина было в изобилии; девушки относились к ним приветливо. Правда, было очень жарко, и досаждали комары; они даже представляли собой угрозу, поскольку были малярийными. Наша медицина по части профилактических мер, необходимых в подобных условиях, оставляла желать лучшего; от малярии мы несли почти такие же потери, как от боевых действий противника. К жаре мы все привыкли; но в пустыне было сухо, а на Сицилии влажно.

В тыловых районах солдаты снимали с себя всю одежду, какую возможно; кое-кто даже стал носить широкополые сицилийские соломенные шляпы. Мне хорошо памятен один случай, произошедший, когда я ехал в открытой машине к фронту. Я увидел ехавший навстречу грузовик, у водителя, как будто совершенно голого, на голове был шелковый цилиндр. Проезжая мимо, водитель высунулся из дверцы и широким, светским жестом снял шляпу, приветствуя меня. Я громко расхохотался. Однако, хотя не был особенно придирчив к тому, как одеты солдаты, поскольку они воевали хорошо и мы одерживали победы в сражениях, я сразу же решил, что должны существовать определенные рамки. И, возвратясь в штаб-квартиру, издал единственный за все время приказ относительно обмундирования, гласивший: «В 8-й армии цилиндров не носить».

На Сицилии я отказался от заслуженной в Сфаксе «Летающей крепости». Мы оставили позади большие аэродромы в Африке, а на Сицилии было мало таких, где мог уверенно приземляться большой самолет. Мы едва не разбились при посадке в тот день,

когда я прилетел в Палермо с визитом к генералу Паттону. Поэтому я обратился к Эйзенхауэру с просьбой заменить самолет, и он предоставил мне «дакоту» с джипом на борту — которая была гораздо пригоднее.

Думаю, все признают, что на Сицилии мы научились многому. В некоторых случаях, возможно, только тому, как нельзя делать то или другое. Но в целом этот опыт оказался очень ценен для нас всех: для высшего командования в штабе союзных войск на средиземноморском театре военных действий, для меня и моего штаба, для каждого офицера и солдата 8-й армии. Но кампания завершилась неудовлетворительно, [198] так как большая часть немецких войск переправилась с острова через Мессинский пролив в Италию, несмотря на наше полное превосходство на море и в воздухе. Впоследствии, когда мы вошли в Италию, это привело к серьезным осложнениям. Поэтому мне представляется, что имеет смысл вернуться к тем событиям и постараться понять свои просчеты.

Высадка большого десанта с моря требовала создания береговой системы поддержки, но у нас не было опыта в проведении операций такого масштаба. Тесное взаимодействие между родами войск и союзниками было совершенно необходимо.

Хотя приказ о вторжении на Сицилию был получен в Северной Африке в январе 1943 года, план операции был окончательно принят только в мае, за два месяца до ее начала. Вот основные причины этого промедления:

(а) Главнокомандующие и те, кому предстояло непосредственно руководить боевыми действиями, были заняты операциями в Северной Африке.

Планированием занимались специально созданные отделы планирования, принявшиеся за работу без руководства командиров.

Было составлено несколько планов; ни один из них не годился, поскольку люди в этих отделах были неопытны.

(б) Когда полевые командиры были готовы приступить к осуществлению плана, возникла необходимость внести в него серьезные изменения. Много времени и усилий было потрачено впустую.

(в) Штабы командующих и полевых командиров находились на большом удалении друг от друга. Для обсуждения планов командирам военно-морских и сухопутных сил Восточной тактической группы (8-й армии) приходилось летать из Каира в Алжир, расстояние между ними — больше двух тысяч миль. Это приводило к неизбежным промедлениям.

(г) Окончательные решения должен был принимать

главнокомандующий. Но он был очень занят политическими проблемами в Северной Африке и не мог отдавать все силы предстоящей кампании. [199]

Проблемы подготовки операции и портов погрузки были очень сложными. Войскам 8-й армии пришлось садиться на суда в следующих портах:

Хайфа, порты Канала, Александрия. Часть сил второго эшелона грузилась в Триполи. Ответственность за это нес Ближневосточный генштаб в Каире.

Сфакс, Сусс и Кайруан (воздушно-десантные войска). Ответственность за это нес штаб Верховного главнокомандующего в Алжире и штаб Александера.

Канадская дивизия и некоторые войска отправлялись из Соединенного Королевства. Ответственность несло военное министерство в Лондоне.

Распоряжения из Каира, Алжира и Лондона зачастую не совпадали или даже противоречили друг другу.

И главное — существовала неразбериха в планировании совместных действий сухопутных и военно-воздушных сил, особенно в отношении аэрофотосъемки. В штабе 8-й армии в Каире находился представитель главного штаба ВВС в Северной Африке. Но он не обладал ни административными полномочиями, ни опытом в проведении совместных операций. Он делал все что мог, однако ему приходилось подолгу ждать ответа на отправленные из Каира в Алжир письма, так как их приходилось передавать на Мальту. Командующий авиацией, который должен был планировать высадку войск и начальные стадии операции с моим штабом, находился на Мальте и был очень занят текущими операциями. Он и его штаб прекрасно разбирались в обороне островов и операциях на побережье; однако никакого опыта в поддержке с воздуха тактических боевых действий сухопутных сил у них не было. Опытом во взаимодействии с 8-й армий обладал командующий ВВС в пустыне (Бродхерст), но он сидел почти без дела в Триполи; участие в боях он стал принимать только после того, как мы овладели побережьем и его эскадрильи можно было перебросить на Сицилию.

Я никогда не перестану удивляться тому, как мой штаб справлялся со всеми этими тяжелейшими проблемами, многие из которых [200] даже не должны были возникать. Напомню, что де Гинган большую часть времени отсутствовал, оправляясь после авиакатастрофы возле Эль-Адема; но Белчем весьма умело его заменял и прекрасно справлялся с изматывающей работой.

Замысел трех подчиненных Эйзенхауэру главнокомандующих

(Александера, Каннингема и Теддера) предусматривал только высадку на остров и немедленный захват аэродромов и портов.

Как развиваться кампании после высадки и как в конце концов подавить сопротивление противника, решено не было. Общего плана, в сущности, не было. В результате действия двух союзных армий не были должным образом скоординированы. Армейские командиры сами решали, как действовать, а потом «ставили в известность» вышестоящее командование. 7-й армии США разрешили после высадки двигаться на запад, к Палермо. Поэтому оказалась упущена возможность направить главный удар на север, чтобы разделить остров на две части и подготовить окружение противника у Этны и захват Мессины.

В ходе операции быстро принимать решения было трудно. Штабы командующих находились на большом удалении друг от друга. Эйзенхауэр, главнокомандующий, был в Алжире; Александер, командующий сухопутными войсками — на Сицилии; Каннингем, командующий ВМС, — на Мальте; а штаб-квартира Теддера, командующего авиацией, находился в Тунисе. Когда дела шли плохо, они могли только обмениваться телеграммами; требовалось время, чтобы собирать их для принятия совместных решений.

Я как-то обсуждал эту кампанию с адмиралом Морисоном, американским военно-морским историком. Он, как и я, считает серьезным упущением то, что большинству немцев позволили переправиться в Италию.

Время имело решающее значение для развития успеха в Италии до наступления зимы. Для полного занятия Сицилии нам потребовалось около пяти недель, потери 8-й армии составили двенадцать тысяч человек. При тесной координации усилий сухопутных сил, авиации и флота мы, на мой взгляд, заняли бы остров быстрее и с меньшими потерями.

Когда кампания закончилась, Эйзенхауэр прибыл ко мне на Сицилию; мы всегда были рады его визитам, и он очаровывал [201] нас всех своим дружелюбием. Сопровождал его всего один адъютант, морской офицер капитан Батчер.

Я разместил свой командный пункт в Таормине, в красивом доме с видом на Мессинский пролив. Как-то за ужином зашел разговор о том, долго ли будет продолжаться война, и Эйзенхауэр высказал мнение, что она закончится до Рождества 1944 года. Мне было ясно, что она должна бы закончиться к этому времени. Но после того, с чем мы столкнулись в планировании и проведении сицилийской кампании, я понимал, что учиться нам нужно еще многому, и в глубине души считал, что союзники еще наделают столько ошибок, что война продолжится и в 1945 году.

Поэтому я спросил Эйзенхауэра, готов ли он заключить пари. Он ответил, что готов, капитан Батчер письменно оформил пари на сумму в пять фунтов, и мы подписали его 11 октября в Италии, во время его следующего визита.

За несколько дней до Рождества 1944 года, когда мы сражались у немецких границ, я отправил Айку сообщение, что он, судя по всему, должен мне пять фунтов. Эйзенхауэр ответил, что остается еще пять дней, и на войне никогда не знаешь, что может произойти.

26 декабря он выслал мне пять фунтов.

В тот вечер в Таормине мы много веселились, и помню, я позабавил Айка, рассказав ему, что окончательный план вторжения на Сицилию был предложен в алжирском туалете! [202]

Глава двенадцатая. Итальянская кампания

3 сентября — 31 декабря 1943 г.

Если планирование и проведение сицилийской кампании были скверными, то подготовка к вторжению в Италию и последующий ход кампании в этой стране были еще хуже.

Напоминаю, что очередной задачей после освобождения Северной Африки от войск стран Оси был вывод Италии из войны. Первым шагом являлся захват Сицилии, но планов дальнейших операций не существовало. Требовался общий план, охватывающий занятие Сицилии и использование этого острова в качестве трамплина для быстрого вторжения в Италию и развития успеха.

Мы собирались вторгнуться на европейский материк, не имея ясного представления о том, какие там проводить операции. Решение, где именно высаживаться в Италии, было окончательно принято только 17 августа, в тот день, когда сицилийская кампания была завершена. Что касается 8-й армии, я должен был перебросить ее через Мессинский пролив 30 августа, но конкретной «цели» не имел. 19 августа я потребовал, чтобы мне сказали, что я должен делать в Италии. Цель мне определили 20 августа, за десять дней до высадки на итальянское побережье.

Изначально предполагалось, что вторжение на материк будет осуществлять только 8-я армия на ширине фронта двух корпусов. В ее задачу входили:

операция «Устой» в районе Джойа-Тауро, на северной части «носка» итальянского сапога;

операция «Бэйтаун», прямой бросок через Мессинский пролив. [203]

К концу июля начали обдумывать третью операцию в районе Салерно; ее назвали «Лавина».

На мой взгляд, «Лавина» была задумана удачно; требовалось с самого начала полностью подготовиться к ней и сосредоточить все усилия на достижении успеха. Этого не было сделано.

17 августа было решено, что операция «Устой» проводиться не будет; мой 10-й корпус, на который возлагалось ее осуществление, переходил под начало 5-й армии США, которой предстояло проводить «Лавину».

Итак, к 17 августа было решено, что в материковую Италию вторгнутся две армии:

8-я армия, через Мессинский пролив — операция «Бэйтаун».

5-я армия США в Салерно — операция «Лавина».

И тут у нас возникли затруднения.

Для поддержки «Лавины» у «Бэйтауна» стали забирать десантные плавсредства. Я не мог продолжать планирование «Бэйтауна», так как при мне не было старшего морского офицера или компетентного отдела планирования морских операций. Я заявил протест и убедил Александера присоединить свой протест к моему; но это оказалось безрезультатно, и в конце концов проведение «Бэйтауна» так, как намечалось, стало невозможным.

19 августа я отправил Александеру следующую депешу:

«1. Мне приказано вторгнуться на европейский континент 30 августа. Я предполагаю, что противник окажет сопротивление, так как сведениями противоположного рода не располагаю. 2. Мне не обозначили «цели» операции. Должен ли я обезопасить пролив для ВМС и нанести отвлекающий удар для успеха «Лавины»? Если нет, пожалуйста, определите мою задачу. 3. Недостаток выделенных мне десантных плавучих средств и личного состава ВМС делает вторжение в Европу с любой задачей при сопротивлении противника совершенно невозможным. 4. Имевшие место промедления делают невозможным начало «Бэйтауна» 30 августа. [204] 5. Я согласен, что «Лавина» должна иметь преимущество в обеспечении, но нам нельзя начинать боевые действия в Европе с поражения на «носке сапога». 6. Мне нужны четкие указания относительно сроков и цели любой операции на другой стороне Мессинского пролива, данная цель должна быть достижима при выделенных мне десантных плавучих средствах и личном составе ВМС, учитывая противодействие противника высадке. 7. Можете Вы предоставить мне сведения о предполагаемой силе сопротивления противника?»

Эта депеша принесла немедленные результаты. 20 августа я получил от Александера сообщение с указанием цели операции «Бэйтаун», написанное его почерком на половинке листа бумаги, которая хранится у меня до сих пор.

«Ваша задача — создать плацдарм на «носке», чтобы обеспечить возможность нашим ВМС действовать на всем протяжении Мессинского пролива. В случае отступления противника с «носка» Вы будете преследовать его всеми возможными силами, памятуя о том, что чем больше сил противника сковываете на южной оконечности Италии, тем большее содействие оказываете «Лавине».

Есть смысл подвергнуть данную «цель» рассмотрению. Не было сделано даже попытки скоординировать мои операции с операциями 5-й армии, которой предстояла высадка в Салерно в

ночь с 9 на 10 сентября. Не было предусмотрено, что 8-я армия продвинется дальше косы Катандзаро, находящейся примерно в шестидесяти милях от Реджо. И наши ресурсы были соответствующим образом сокращены.

Что произошло в действительности, хорошо известно; высаживающиеся в Салерно войска очень скоро оказались в трудном положении; меня попросили продвигаться вперед на помощь 5-й армии, и у нас возникли проблемы со снабжением.

Эйзенхауэр назначил совещание своих главнокомандующих в Алжире 23 августа, и меня пригласили присутствовать. На совещании [205] меня попросили обрисовать в общих чертах мой план операции «Бэйтаун». Это я сделал. Сказал, что промедления, допущенные ВМС, лишили меня возможности начать операцию в ночь с 30 на 31 августа. Теперь я получил необходимые плавсредства и личный состав ВМС и мог бы начать ее в ночь со 2 на 3 сентября, однако флотское командование говорит, что самый ранний возможный срок — ночь с 4-го на 5-е.

Эйзенхауэр предложил Каннингему немедленно отправиться на Сицилию и все уладить, добавив, что мы должны поставить себе целью начать операцию в ночь со 2 на 3 сентября.

Каннингем тут же покинул совещание и вылетел на Сицилию. В результате его визита ВМС согласились начать операцию в ночь со 2-го на 3-е.

Покончив с этим, Эйзенхауэр сказал нам о ведущихся с итальянским правительством переговорах относительно перемирия. Итальянцы говорят, что по горло сыты войной. Создалось впечатление, что они готовы в определенный момент, если мы высадимся в материковой Италии, объединиться с нами и сражаться против немцев. Я заметил, что это похоже на самую большую хитрость в истории. Сказал, что итальянцы ни в коем случае не станут воевать должным образом против немцев; если попытаются, их разобьют наголову; самое большее, чего можно ожидать от итальянской армии, — это помощь в наших тыловых районах и отказ от оказания поддержки немцам в районах, которые заняты ими.

Однако, если положение вещей действительно было таким, казалось, я мог ожидать, что сопротивление, которое встретит операция «Бэйтаун», будет не очень сильным.

Генерал Марк Кларк (5-я армия США) объяснил свой план высадки в Салерно в ночь с 9 на 10 сентября. У немцев в Италии было около двадцати дивизий, и по меньшей мере четыре могли быстро сконцентрироваться для противостояния 5-й армии; я упомянул об этом, но все, будучи очень довольными тем, что итальянцы готовы выступить с нами против немцев, считали, что

обстановка будет благоприятной. Согласиться с этим я не мог. [206]

8-я армия высаживается в Европе

Я издал следующее личное обращение к армии, его зачитали солдатам и офицерам 2 сентября:

«1. Первой занятой нами частью итальянской территории стала Сицилия, теперь настало время перенести боевые действия в материковую Италию. 2. 8-й армии выпала огромная честь первой из союзных армий высадиться на европейском континенте. Мы покажем, что достойны этой чести. 3. Хочу сказать всем вам, солдатам 8-й армии, что я полностью уверен в успешном исходе предстоящих нам операций. У нас есть хороший план, и нам обеспечена гораздо более мощная поддержка с воздуха, чем когда бы то ни было раньше. У предстоящего сражения может быть лишь один исход: очередной успех. 4. Вперед к победе! Выведем Италию из войны! 5. Желаю удачи. И благослови Бог вас всех».

Я с нетерпением ожидал высадки на европейский материк 3 сентября, в четвертую годовщину начала этой войны. Мы вступали в пятый год военных действий, и поквитаться предстояло еще за многое. В мае 1940 года меня вместе со многими другими немцы столкнули в море у Дюнкерка. В мае 1943 года я имел огромное удовольствие участвовать в сталкивании немцев в море в Тунисе. В августе я вновь имел удовольствие участвовать в сталкивании их в море на Сицилии.

В общем, за Дюнкерк мы с немцами уже поквитались.

Я задавался вопросом: каково будет отношение итальянцев? На Сицилии странно было видеть итальянских солдат в форме и с оружием, несших полицейскую службу в местах посадки наших войск на суда, отправлявшиеся вторгаться в материковую часть их страны. И во время наступления на Сицилии штатские итальянцы сопровождали наши головные взводы, указывали места минных полей и таким образом спасли жизнь многим англичанам. [207]

О боевых действиях в Италии писали уже многие авторы, и со временем, несомненно, появится их официальная история. Но я понял, что официальные истории и сообщения почти неизбежно упускают взгляд на события «изнутри». Поэтому давайте рассмотрим итальянскую кампанию с точки зрения участника событий.

Высадка прошла успешно; сопротивление было слабым, и мы быстро оказались на берегу. Однако едва продвинулись немного к северу, начались осложнения; местность для ведения сдерживающих действий небольшими подразделениями в сочетании с расчетливым размещением минных полей была

идеальной, и немцы пользовались этим в полной мере.

5 сентября Александер прилетел в Реджо, я встретил его на аэродроме. Он сказал, что итальянцы 3 сентября подписали наши условия перемирия, но объявлено об этом пока не будет. Дальнейшие планы были следующими:

(а) 8 сентября в 18 часов Бадольо в Риме и Эйзенхауэр в Алжире объявят по радио, что Италия безоговорочно капитулировала.

(б) 8 сентября в 21 час американские воздушно-десантные войска высадятся возле Рима. В это время город займут находящиеся поблизости итальянские дивизии.

(в) Итальянские войска займут Таранто, Бриндизи, Бари и Неаполь.

(г) В 4.30 9 сентября союзные войска высадятся в следующем порядке:

5-я армия США — в Салерно для продвижения на Неаполь; 5-й британский корпус — в Таранто.

Александер был настроен весьма оптимистично и определенно собирался строить планы исходя из того, что итальянцы выполнят все вышесказанное. Я попросил его удалить находившихся с нами офицеров и затем высказал ему свои взгляды. Вот выдержка из записи, которую я сделал в ту ночь в своем дневнике:

«Я сказал ему, что, по-моему, немцы, узнав о происходящем, припугнут итальянцев. Боевой дух итальянской армии теперь [208] очень низок; она не решится противостоять немцам. Сказал, что ему следует внушить всем старшим командирам — наши планы нужно строить так, чтобы не имело значения, если итальянцы нас подведут, как наверняка и получится. Возможно, они будут вести против немцев партизанские действия, устраивать акты саботажа и обеспечат полный отказ местного населения от сотрудничества с немцами. Но сражаться против немцев они не будут. Силы немцев в Италии очень велики, наши очень малы. Нам необходимо действовать осторожно, не допускать никаких глупостей. Я упрашивал его быть осторожным; не открывать слишком много фронтов и не расточать наших ресурсов; принимать меры, чтобы при высадке в любом районе мы могли сосредоточить там значительные силы. Сказал, что немцы смогут подтянуть свои войска для противодействия «Лавине» быстрее, чем мы сосредоточим свои; что этой операции потребуется особое внимание. Немцами в Италии командует Роммель, а я много воевал с ним; у него двадцать дивизий, пять из них бронетанковые. Если высадка в Салерно окончится неудачей, нам предстоит тяжелое и долгое сражение. Нам

придется противостоять немцам одним, так как итальянцы делать этого не станут — во всяком случае, пока. Перед началом крупных операций на европейском материке нам необходимо иметь общий план и четко знать, как вести эти операции. О каком бы то ни было общем плане мне пока не сообщали, поэтому я должен предположить, что его не существует».

Обсудил я с Александером и фактор времени. Было очень важно выполнить свои задачи в Италии до наступления зимы. Кроме того, требовалась уверенность, что работа тыла будет соответствовать нашим усилиям на фронте; такой уверенности не было. Александер выслушал меня, но, думаю, вряд ли согласился.

Мы все знаем, что произошло. Немцы весьма результативно действовали против итальянских вооруженных сил на местах их дислокации; они все были разоружены.

Десанты в Салерно вскоре оказались в трудном положении, и в ночь с 13 на 14 сентября создалась критическая ситуация, [209] немцы крупными силами атаковали 36-ю дивизию США. Она участвовала в боях впервые, и немцы оказались в трех милях от берега и в двух милях от штаба армии. 14 сентября я получил от Александера призыв о помощи, просьбу выдвинуться вперед и создать угрозу немецким войскам, противостоящим 5-й армии. Я так и поступил, кроме того, отправил штабного офицера на встречу с генералом Кларком. 16 сентября передовые подразделения 8-й армии соединились с правым флангом 5-й армии США. Генерал Кларк написал мне очень любезное письмо, в котором поздравил нас «с умелым и быстрым продвижением 8-й армии на север».

Получить это поздравление было приятно, однако я не считал, что наше продвижение оказало серьезное влияние на положение дел в Салерно; думаю, генерал Кларк был уже хозяином положения там до соединения с нами. Но мы сделали все, что было в наших силах. За семнадцать дней мы прошли с боями триста миль по весьма пересеченной и удобной для обороны местности. Противник создал огромные проблемы, взрывая на нашем пути все мосты. Узкие, извилистые дороги были такими, что расстояние в десять миль по карте на местности составляло двадцать, а иногда и двадцать пять. Но, на мой взгляд, 5-я армия выполнила свою задачу без нашей помощи — хотя мы очень старались ее оказать.

Когда первая фаза операции завершилась соединением наших армий, я получил приказ перенести действия 8-й армии на восток, к адриатической стороне основного хребта Апеннин. Это потребовало переместить главный маршрут тылового снабжения из Калабрии в юго-восточные порты Италии, самыми важными из

которых были Таранто, Бриндизи и Бари. Предприятие это было крупным и заняло много времени. По завершении его мы начали продвижение на север, заняли Фоджу с ее аэродромами, Термоли и вели серьезные бои на рубежах рек Триньо и Сангро.

В конце октября погода начала портиться, на нас обрушились сильные дожди. Они не прекращались, и к 9 ноября вся местность оказалась полузатоплена, грязь была непролазной, ни одна машина не могла съехать с дороги, покрытой «шоколадным соусом». Наступил сезон дождей, на адриатическом побережье [210] стало влажно и холодно. Теперь мы дорого расплачивались за потерю времени на Сицилии.

В середине сентября у меня возникли небольшие осложнения с командующим 7-й итальянской армией генералом Риччио. Он был старшим итальянским командиром в моем районе боевых действий, а итальянская армия безоговорочно капитулировала перед союзниками. Мне было сказано, что итальянцы теперь стали военным союзником; я спросил, как совместить «безоговорочную капитуляцию» и «военное союзничество», но добиться ясного ответа не смог.

Итальянский генерал как будто тоже не знал этого; он делал упор на «военное союзничество» и хотел забыть все остальное. Он был склонен думать, что, раз он старший по званию генерал в южной Италии, 8-я армия должна перейти под его начало, так как мы теперь союзники. Я решил повидаться с ним, и вопрос решился быстро, безо всяких недоразумений. Я записал кое-что из того, что собирался сказать ему через переводчика, поскольку ни один из нас не говорил на языке другого. Привожу эти записи ниже, но при встрече с Риччио я сразу же решил исключить третий пункт; мне сразу же стало ясно, что человек он весьма порядочный и стремится оказывать всевозможную помощь.

«1. Я очень рад познакомиться с ним и уверен, что он искренне будет содействовать достижению победы над нашим общим врагом — Германией. 2. Нам еще не известны утвержденные правительствами точные условия итальянского сотрудничества. Но чтобы наше сотрудничество было успешным, важно, чтобы мы полностью прояснили наши общие позиции. Любое недоразумение будет лишь ставить преграду нашей быстрой победе над Германией. 3. Вооруженные силы Италии разбиты и безоговорочно капитулировали перед союзными державами. Мы не хотим причинять какое-то бесчестье итальянской армии или разоружать ее личный состав. Но упомянутое обстоятельство надо иметь в виду. 4. Командование в зоне действия наших армий и на линиях коммуникаций должно осуществляться по британским каналам — целиком и полностью,

какое бы положение ни сложилось. [211] 5. Соединения и части итальянской армии остаются под началом своих командиров. Приказы, касающиеся ее боевых действий, работ и общего порядка в гарнизонах и портах, будут сообщаться через британское командование. Все эти приказы должны исполняться незамедлительно, без обсуждения; лишь при этом условии наши боевые действия против немцев можно быстро развить до максимальной мощи. Все претензии относительно изменений и т. п. должны предъявляться британскому командованию; они встретят сочувственное рассмотрение и будут удовлетворены, если это не повредит общему ходу боевых действий. 6. В целом активные наступательные действия против немцев будут вести союзные британские и американские войска, покуда наши правительства не заключат иных соглашений. 7. Сотрудничество итальянской армии будет ограничиваться: а) обороной портов и коммуникационных линий; б) работой на коммуникационных линиях, дорогах и т. п.; в) предоставлением рабочей силы. Особенно важно, чтобы итальянская зенитная артиллерия была в состоянии полностью исполнять свою роль при обороне портов и коммуникационных линий. Подробные приказы об этом будут поступать через британское командование».

Беспорядок в снабжении

Я создал в 8-й армии весьма действенный и опытный штаб административных служб, сперва он действовал под началом Брайена Робертсона, теперь им командовал Майлс Грехем, Он весьма успешно сотрудничал с Генштабом на Ближнем Востоке в Каире, оба полностью доверяли друг другу. Войдя в Тунис, мы оказались подчинены штабу союзных войск. Его работники не имели ни собственных сведений, ни мужества и здравого смысла доверять сведениям, которые предоставляли им опытные, испытанные административные службы 8-й армии. Наши беспокойства начались вскоре после взятия Триполи; мы испытывали нехватку во многом, и, когда разгрузили первое судно, прибывшее к нам под покровительством штаба союзных войск, на нем оказалось десять тысяч мусорных ящиков! [212]

Мы высокомерно решили, что этот штаб нуждается в них больше, чем мы.

В штабе союзных войск не имели понятия, что одним из главных принципов успешного снабжения в ходе боевых действий является полное доверие к нижестоящему штабу и, по мере возможности, отправка без возражений всего, что требуют с фронта. Если этого доверия не существует, остается только удалить разгильдяев и поставить на их место способных людей. Во время боевых действий бессмысленно спорить, что нужно или

не нужно иметь в наличии войскам; время для таких споров наступает после сражения, а не до или во время его. Такую систему мы создали в 8-й армии и впоследствии в 21-й группе армий.

Разумеется, следует уточнить, что для этого начальнику вышестоящего штаба административных служб нужно знать своих сотрудников, знать характер и недостатки сотрудников нижестоящего штаба; добиться этого можно только регулярными визитами и установлением дружеских отношений с людьми во всех административных звеньях.

Штаб союзных войск в Алжире в этом смысле оставлял желать лучшего, и в результате нам пришлось столкнуться с громадными трудностями. На последних стадиях операций в Италии Робертсон стал начальником штаба административных служб у Александера и спокойно взял бразды правления в свои весьма надежные руки; после этого неразрешимых проблем у нас не возникало.

Основным недостатком было то, что мы начали большую кампанию, не имея заранее разработанного общего плана. Мы не подготовили заранее планов снабжения и мероприятий для поддержки боевых действий. В итоге административная машина не могла поспевать за все расширяющимися масштабами наших боевых действий. Напоминаю, что поставленная передо мной «цель» не предусматривала продвижения дальше «носка» итальянского сапога, то есть остановиться я должен был примерно в шестидесяти милях от места высадки. Но я быстро повел 8-ю армию дальше, на помощь 5-й американской армии под Салерно. Мой штаб предупредил меня, что при этом я иду на большой риск со снабжением. Совет был здравым; мое решение пренебречь им — тоже. Я пытался ослабить нажим противника на [213] 5-ю армию под Салерно, но оказался в трудном положении из-за того, что мои резервы истощились, а пополнения не поступало.

Потом мне потребовалось перенести главный маршрут тылового снабжения в порты «каблука» на юго-востоке Италии. Штаб союзных войск должен был предвидеть это, но не предвидел. В результате наши затруднения стали более серьезными.

4 октября на наших складах оставалась всего двадцать одна тонна горючего, и армия оказалась под угрозой лишиться подвижности. У нас было не на ходу более пятисот машин, им требовалась замена двигателей; вместо того чтобы устроить в Италии ремонтные базы с запасом моторов, машины приходилось отправлять на ремонт в Египет и потом возвращать.

Едва удалось предотвратить серьезный медицинский скандал; мы не могли вывезти своих больных и раненых из госпиталей и эвакуационных станций.

В порты на «каблуке» Италии начали приходить тяжело груженные конвои, чтобы разгрузить склады на Сицилии. Нам приходилось выгружать большие партии ненужных в данное время грузов, чтобы добраться до тех, которые были срочно необходимы.

Впоследствии, когда были заняты аэродромы возле Фоджи, появились большие запросы у стратегической авиации. Возникла и вскоре обострилась проблема первоочередности в снабжении сухопутных сил и ВВС. Если сухопутные войска должны были сохранять темп наступления, требовалось снабжать их всем необходимым для выполнения этой задачи. Или же поставить перед ними иную задачу. Было важно доставить в Италию боевые средства в достаточном количестве, чтобы мы могли выйти на намеченный рубеж хотя бы только для того, чтобы стратегические аэродромы оказались у нас в тылу. Очевидно, это был «римский рубеж», но я не мог ни от кого получить ясного подтверждения этому. Две армии с трудом двигались вперед по Италии без общего плана и с риском серьезных перебоев в снабжении.

Первая годовщина Аламейна

23 октября было первой годовщиной сражения под Аламейном. Я издал ежегодное обращение к офицерам и солдатам. Из всех дивизий 8-й армии там сражалась только новозеландская, и даже [214] в ней многие офицеры и солдаты не принимали участия в тех боях. Поэтому, кроме письменного приказа зачитать обращение войскам, я сделал фонограмму, переданную по Би-би-си.

В день этой годовщины я получил два письма, которые меня очень обрадовали, одно от моего начальника штаба, другое от югославского главнокомандующего маршала Тито.

Привожу их ниже.

«Штаб 8-й армии 23 октября 1943 года Мой дорогой генерал. В первую годовщину сражения под Аламейном хочу от имени всех членов Вашего штаба передать Вам искренние наилучшие пожелания в связи с этим значительным событием и выразить нашу благодарность за то, что весь прошедший год Вы руководили нами с такой мудростью, вдохновением и успехом. Мы смотрим в будущее с твердой верой в Ваше руководство. Ф. У. де Гинган, генерал-майор, начальник штаба». «Командующему 8-й британской армией генералу Монтгомери В первую годовщину славной битвы и блестящей победы под Аламейном примите, пожалуйста, генерал, вместе с офицерами и солдатами

доблестной 8-й армии мои самые сердечные поздравления. От имени Народно-освободительной армии Югославии выражаю радость, что в результате одержанных вами в Африке побед мы находимся теперь в двухстах километрах друг от друга, сражаясь против общего врага. Таким образом, с каждым днем союзные армии, ведущие войну против самого страшного врага, какого только знало человечество — агрессивного германского фашизма, — все теснее соединяются в единый фронт. Я уверен, что это братство по оружию, скрепленное кровью лучших сынов Великобритании и Югославии, не только приведет [215] к быстрой победе над отвратительным германским фашизмом, но и будет способствовать полному пониманию лично вами, вашими солдатами и всем британским народом стремлений народов Югославии. Во имя этих стремлений наши лучшие сыны пролили много крови. Мы стремимся к построению новой, свободной и истинно демократичной федеративной Югославии, основанной на братстве и равенстве всех народов нашей страны. Примите мои почтительные поздравления. Главнокомандующий Народно-освободительной армией и партизанскими отрядами Югославии Тито».

Дар небес

Когда наступила зима с постоянными дождями и непролазной грязью, я написал в военное министерство и попросил начальника Имперского генштаба прислать мне непромокаемый костюм, куртку и брюки из прорезиненной ткани. 8-ю армию должен был посетить епископ Саутуоркский для конфирмации перед Рождеством, и ему дали костюм для передачи мне. Я получил сообщение об этом из военного министерства.

Говорят, что нижеприведенные стихи были опубликованы в одной из английских газет; но я в этом не уверен; и кто написал их, не знаю.

«Из военного министерства В 8-ю армию Лично генералу Монтгомери. Читать как стихи.

Мы отправили почтою срочной
Штаны и куртку из ткани прочной
Тебе pour la guerre — на войну;
Они по воздуху придут моментально,
Доверены специально
Епископу Саутуоркскому аж самому. [216]
Чтобы ты в своих шароварах
Шагал от По до Пескары
Через грязь и канавы в строю
И думал, как это мило,

Что к твоим штанам приложила
Сама Церковь руку свою.
Их должно быть достаточно, чтобы
(За такую-то цену — еще бы)
Твой фланг в передряге прикрыть,
А также довольно быстро
(По выраженью премьер-министра)
Холодок в животе отвратить.
Согласно владельцам компаньи
(Братьям Мосс), так крепки их ткани,
Что они выдержат все равно,
Даже если ты вдруг споткнешься
И вверх задом перевернешься,
Как Гораций на Тибре давно.
И мы верим, что ты не устанешь,
И, когда перед Папой предстанешь,
Он проявит к тебе интерес
И благословит с особым вниманьем,
Узнав, что обмундированье
Тебе доставил Епископ с небес»[12].

Я покидаю 8-ю армию

24 декабря меня разбудили чуть свет и передали сообщение из военного министерства с приказом вернуться в Англию и сменить генерала Пейджета на должности командующего 21-й группой армий, которая готовилась открыть за Ла-Маншем «второй фронт». Хотя, конечно, грустно было покидать 8-ю армию, я, естественно, очень радовался, что меня избрали [217] для столь важной задачи: массированного вторжения за Ла-Манш, которое явится подлинным отмщением за Дюнкерк. Я испытывал и облегчение, и волнение: облегчение потому, что не был особенно доволен общим положением, создавшимся в Италии, и считал, что винить в нем мы должны только себя. Ни широкого замысла при открытии нового театра военных действий; ни общего плана; ни жесткого контроля за ходом операций; полнейший беспорядок в снабжении — все это, взятое вместе, привело к такому промедлению, что мы не смогли использовать изначальные преимущества, которых добились до наступления зимы.

Впрочем, меньше, чем за шесть месяцев мы:

а) заняли Сицилию;

б) вывели Италию из войны;

в) заперли итальянский флот на Мальте;

г) заняли примерно треть Италии, в том числе Неаполь и аэродромы возле Фоджи.

Результаты эти были впечатляющими, но мы добились их за счет итальянцев. Нашим главным противником была Германия; мы не смогли причинить серьезного ущерба этому противнику до начала зимних дождей, потому что не вели дело должным образом. Поэтому мне было не жаль покидать итальянский театр военных действий. Я был уверен, что когда мы откроем второй фронт в северо-западной Европе, то не совершим тех же ошибок, поскольку имел некоторое влияние в ответственных кругах.

Несколькими днями раньше генерала Эйзенхауэра назначили Верховным главнокомандующим вторым фронтом, и вся 8-я армия с волнением размышляла о том, кто будет при нем главнокомандующими и кто сменит его на средиземноморском театре военных действий. Наиболее вероятной кандидатурой являлся Джамбо Уилсон, главнокомандующий на Ближнем Востоке.

Во второй половине дня 24 декабря, в сочельник, новые назначения были объявлены в передаче Би-би-си, мы поймали ее в Италии: [218]

Уилсон сменяет Эйзенхауэра.

Александер остается на своей должности.

Я становлюсь главнокомандующим 21-й группой армий.

До этого я никому не говорил о сообщении, полученном в ранний час этого утра; сперва я хотел обсудить положение дел с де Гинганом, но он находился в отпуске и должен был вернуться в штаб вечером. Я знал, что сразу начнется крупный разговор о том, кого я возьму с собой в новый штаб в Англии, и хотел сразу внести ясность.

Я четко знал, кто необходим мне немедленно:

Де Гинган на должность начальника штаба;

Грехем на должность начальника штаба тыла;

Уильямс на должность начальника разведки;

Ричардс на должность консультанта по танковым операциям;

Хьюз на должность главного военного священника.

Кое-кого еще я хотел взять к себе впоследствии. Я немедленно запросил в военном министерстве разрешения вылететь в Англию вместе с этими пятью. Мне также хотелось, чтобы Белчем возглавил оперативное отделение штаба; кроме того, его присутствие было весьма желательно на тот случай, если де Гинган заболеет, что иногда случалось после продолжительной усердной работы и напряжения. Я заставлял его выкладываться; он и сам бы выкладывался без моего нажима. Белчем был вполне способен принять на себя обязанности начальника штаба в любое время. Только я не мог забрать с собой столь многих совершенно неожиданно, поскольку это было бы

несправедливо по отношению к моему преемнику; поэтому я не внес Белчема в первую заявку, решив перетащить его к себе попозже.

Де Гингана, Уильямса и Ричардса в военном министерстве утвердили сразу же. Грехема и Хьюза утвердить отказались. Я решил взять Грехема с собой в Англию с риском навлечь на себя гнев в Лондоне. Вызвать Хьюза и Белчема я хотел потом, когда улажу там дела. [219]

День Рождества я провел тихо в моем тактическом штабе, с офицерами и солдатами, которые воевали вместе со мной еще с Аламейна. Де Гингану я сообщил, что хочу его видеть, и он приехал во второй половине дня из Главного штаба. После чая я повел его в свой дом-фургон и сказал ему, что он должен вернуться со мной в Англию и стать у меня начальником штаба в 21-й группе армий; назвал и остальных, которые отправятся со мной. Де Гинган сказал, что очень рад. Мне было приятно это услышать; я никак не смог бы справиться с громадной предстоящей задачей без надежного начальника штаба, который был рядом со мной начиная с Аламейна.

Он знал меня и мои методы, а это было чрезвычайно важно.

Моим преемником назначили Оливера Лиза, он должен был прибыть 30 декабря. Я решил отбыть 31-го. 8-ю армию Лиз знал хорошо и не захотел бы долгой передачи дел.

27 декабря я вылетел в Алжир для встречи с Эйзенхауэром и Беделлом Смитом, который должен был отправиться с Эйзенхауэром его начальником штаба.

Эйзенхауэр сказал, что хочет, чтобы я принял полное руководство первым сражением на той стороне Ла-Манша, и что отдаст размещенные в Англии американские войска под мое командование при высадке и последующих операциях. Мы обсудили, какую командную систему я хотел бы установить и какие американские офицеры понадобятся мне в новом штабе группы армий. Я вернулся в свой тактический штаб в Италии под вечер 28-го.

Проблема прощального обращения к моей любимой 8-й армии заставила меня серьезно задуматься. Я только что издал рождественское обращение. Прощальное я писал 28 декабря в воздухе, возвращаясь из Алжира, и распорядился, чтобы его зачитали офицерам и солдатам 1 января 1944 года, когда меня здесь уже не будет. Написал я вот что:

«1. Должен с глубоким сожалением сообщать вам, что мне пришло время покинуть 8-ю армию. Я получил приказ принять командование над британскими армиями в Англии, которым предстоит сражаться под началом генерала Эйзенхауэра —

Верховного главнокомандующего. [220] 2. Трудно передать в полной мере, как тяжело для меня это расставание. Я оставляю офицеров и солдат, бывших моими товарищами на протяжении месяцев тяжелых и победоносных сражений, чье мужество и преданность долгу всегда наполняли меня восхищением. Чувствую, что среди воинов этой замечательной армии у меня много друзей. Не знаю, будете ли вы скучать по мне; но я буду скучать по вас так, что передать не могу, особенно мне будет недоставать личного общения и радостных приветствий, которыми мы обменивались при встречах на дороге. 3. Во всех сражениях, которые вместе вели, мы ни разу не терпели поражения; мы добивались успеха во всех своих предприятиях. Я знаю, что тут в большей мере сыграли роль преданность долгу и беззаветное единение всех офицеров и солдат, чем все, что я был в состоянии сделать. Но результатом стало полное взаимное доверие между нами, а взаимное доверие между командиром и его войсками представляет собой бесценную жемчужину. 4. Очень жаль мне расставаться и с ВВС в пустыне. Эта великолепная ударная авиационная группа сражалась вместе с 8-й армией на всем ее победоносном пути; каждый солдат армии с гордостью признает, что поддержка этой мощной авиагруппы являлась боевым средством первостепенного значения. Мы очень благодарны союзным военно-воздушным силам вообще и ВВС в пустыне в частности. 5. Что я могу сказать вам на прощание? Когда сердце переполнено, говорить нелегко. Но я скажу вам вот что. Вы сделали эту армию тем, что она представляет собой. Вы прославили ее на весь мир. Поэтому ВЫ должны поддерживать ее доброе имя и традиции. И я прошу вас служить при моем преемнике так же верно и преданно, как неизменно служили при мне. 6. И вот я говорю вам всем ДО СВИДАНЬЯ. Дай нам Бог скорее встретиться снова; дай нам Бог снова сражаться как товарищам по оружию на заключительных стадиях этой войны». [221]

Мне предстояла весьма нелегкая задача попрощаться с офицерами и солдатами 8-й армии, многие из которых сражались вместе со мной начиная с Аламейна. Я сказал, что сделаю это 30 декабря в Васто, где размещался мой Главный штаб. Де Гинган предложил воспользоваться для этой цели оперным театром; здание было слегка повреждено, но он считал его подходящим для данной цели. Я понимал, что для меня настанет очень трудная минута, когда я выйду на сцену. Так и оказалось. Я сказал де Гингану, что ему придется сопровождать меня; я сознавал, что мне понадобится стоящий рядом близкий и верный друг, готовый протянуть руку, если я дрогну.

Я пригласил присутствовать там своих командиров корпусов Демпси и Элфри, разумеется, Фрейберга, командира новозеландской дивизии, и Бродхерста, командовавшего авиацией в пустыне. В зале собралось множество людей.

Мне трудно рассказывать об этом событии. Вот его описание, взятое из книги Фредди де Гингана «Операция Победа»:

«Я приехал с ним в театр, грустный и сентиментально настроенный, как всегда в таких случаях. Мой командующий был очень сдержан, и я понимал, что это будет самой трудной операцией из всех, какие он проводил до сих пор. Мы вошли внутрь, и он сказал: «Фредди, показывайте, куда идти». Я повел его к ведущей на сцену лестнице. Он немедля поднялся и перед притихшим залом начал свое последнее обращение к офицерам армии, которую очень любил. Заговорил он очень негромко, извинясь на тот случай, если его подведет голос, потому что, как он сказал: «Это будет нелегко, но я буду стараться изо всех сил. Если у меня иногда будут возникать затруднения, надеюсь, вы поймете». Я почувствовал, как к горлу подступает комок, и было понятно, что все в зале прониклись его настроением. Затем он просто, неторопливо повел речь о своем предстоящем отъезде и поставленных перед ним задачах. Коснулся прошлого — успехов, которых мы вместе добились, соображений, которые считал важными и которыми руководствовался в командовании армией. Дал оценку создавшемуся положению и выразил всем благодарность за оказанную поддержку и за то, как они сражались. [222] Потом он попросил идти за новым командующим армией, Лизом, так же, как они шли за ним. Ни ораторского мастерства, ни фальшивых нот в его речи не было. Именно так и требовалось говорить, и я был очень тронут. Закончил он спокойно, прочтя последнее из своих многочисленных обращений к армии — прощальное обращение. Мы стали аплодировать, потом он вышел и медленно направился к своей машине. Я последовал за ним, чувствуя себя очень неловко, потому что на щеках у меня были слезы, а машина у нас была открытой. Мы поехали к Главному штабу, находившемуся всего в нескольких сотнях ярдов, туда были приглашены для разговора несколько старших командиров. Это была замечательная встреча старых друзей. Когда мой командующий обращался к этим немногим близким людям, мне невольно пришли на ум Наполеон и его маршалы, потому что здесь было то же взаимопонимание, рожденное и закаленное уважением друг к другу и успехами на поле боя. Потом Фрейберг, Демпси, Элфри и другие ушли, и у меня возникло ощущение, что происходит нечто ужасное — я покидаю эту замечательную семью. Но потом я

вспомнил, что покидаю ее вместе с тем, кто воодушевлял и вел нас, и, несмотря на грусть, почувствовал себя довольным судьбой».

В тот же вечер прибыл Оливер Лиз, и я передал ему дела.

На другое утро, 31 декабря, я вылетел на своей «дакоте» с аэродрома возле моего тактического штаба. Самолет был сильно нагружен, так как кроме меня и моих адъютантов в нем находились де Гинган, Грехем, Уильямс и Ричардс. На борту самолета были также пятеро солдат, много багажа и полные баки топлива. Взлетно-посадочная полоса была короткой, и я спросил летчика, сможем ли мы оторваться. Он ответил, что должны, но в самом конце; и мы оторвались от земли в самом конце дорожки.

Мы направлялись в Марракеш. Там находился премьер-министр, он приходил в себя после недавней болезни, мне предстояло провести с ним эту ночь, первый день нового года, и в ночь с 1 на 2 января 1944 года лететь в Англию.

Над Средиземным морем я вспоминал о прошлом и думал о будущем; особенно о своем пари с Эйзенхауэром и его уверенности, [223] что к Рождеству 1944 года война окончится. Я был уверен, что это возможно, но только если мы будем вести ее должным образом; а в этом я не был уверен.

В Марракеше в первый день нового года премьер-министр написал в моей тетради для автографов:

«Незабываемый марш 8-й армии от ворот Каира по африканскому побережью через Тунис, через Сицилию, привел ее неизменно победоносных солдат и их прославленного на весь мир командующего в глубь Италии, к воротам Рима. Театр боевых действий меняется и все больше расширяется. Выполнение громадной задачи дает место более громадной, в которой тот же неизменный боевой дух приведет всех настоящих солдат к полной и славной награде. Уинстон С. Черчилль». [224]

Глава тринадцатая. В Англии до дня высадки

2 января — 6 июня 1944 г.

Прилетев в Марракеш вечером 31 декабря, я нашел премьер-министра изучающим план операции «Оверлорд» — это было кодовое наименование вторжения в Нормандию. Он дал мне его прочесть и сказал, что хочет знать мое мнение. Я ответил, что его военным советником не являюсь; «Оверлорд», вполне очевидно, представлял собой морскую десантную операцию первостепенной важности, а я не видел плана и даже не говорил о нем с ответственными военно-морскими и авиационными командирами. Премьер-министр согласился, но сказал, что тем не менее просит меня изучить план и поделиться «первыми впечатлениями». Я ответил, что возьму план в постель и выскажу кое-какие впечатления утром; он знал, что я люблю ложиться рано.

Во второй половине дня в Марракеш прибыл Эйзенхауэр. Он собирался в США для разговора с президентом перед тем, как принять назначение Верховным главнокомандующим операцией «Оверлорд». Я виделся с ним в Алжире несколькими днями раньше; тогда он сказал мне, что имеет общее представление об этом плане и он ему не особенно нравится. Поручил мне быть его представителем в Лондоне, пока он сам не сможет прибыть туда; мне требовалось проанализировать и исправить план, чтобы он был готов к его прибытию в Англию примерно в середине января. Я ответил, что его начальнику штаба, Беделлу Смиту, нужно бы находиться со мной в Лондоне, потому что он гораздо лучше меня знает общую картину. И попросил его выдать Беделлу письменное уведомление, что я буду представителем Эйзенхауэра, пока он не прибудет сам. Все это мы в Алжире согласовали. У меня в Марракеше было время [225] лишь для краткого разговора с Эйзенхауэром, и он вылетел в США днем 1 января.

В канун Нового года у нас прошел веселый ужин с премьер-министром, его сотрудниками и миссис Черчилль. Там присутствовал лорд Бивербрук; ранее я с ним не встречался и слышал о нем не особенно похвальные отзывы. После первой встречи я не согласился с ними, потому что нашел его в высшей степени приятным человеком. Бивербрук принимал близко к сердцу основные интересы союзников вообще и британского народа в частности; прилагал все силы к тому, чтобы мы как

можно скорее одержали победу в этой войне.

Я понимал, что ужин затянется допоздна и что премьер-министр не станет ложиться до салюта в честь Нового года. Поэтому попросил разрешения пойти спать, едва ужин закончился, под предлогом, что мне нужно просмотреть план операции «Оверлорд». Над ним я провел немало времени и записал первые впечатления; их отпечатали перед завтраком, и я тут же понес их премьер-министру. Он еще лежал в постели и немедля прочел мои бумаги. Самыми важными в них, на мой взгляд, были первые четыре пункта:

«1. Необходимо четко уяснить нижеследующее: (а) Сегодня, 1 января 1944 года, я впервые увидел анализ обстановки и предложенный план, то есть соприкоснулся с проблемой. (б) Я еще не встречался с адмиралом Рамсеем и не имел возможности проконсультоваться с кем-то из командования ВМФ. (в) Я не мог посоветоваться с командующим ВВС или с кем-то из опытных офицеров. (г) Поэтому мои первоначальные замечания не могут представлять большой ценности. Это просто первые впечатления после краткого ознакомления с планом. 2. Первая высадка происходит на слишком узком фронте и ограничена слишком тесным районом действий. На двенадцатый день на изначальном плацдарме вслед за первыми частями высаживаются в общей сложности шестнадцать дивизий. Это приведет к ужасной неразберихе на берегу, [226] и развитие боевых действий на суше окажется весьма затруднено, а то и невозможно. Последующие дивизии вливаются на то же побережье. На двадцать четвертый день на этом побережье высаживаются в общей сложности двадцать четыре дивизии; контроль над побережьем будет очень затруднен; неразбериха усилится. Мое первое впечатление — представленный план непрактичен. 3. С чисто армейской точки зрения чрезвычайно важны следующие пункты: (а) Первоначальная высадка должна производиться на как можно более широком фронте. (б) Каждый корпус должен иметь возможность развивать операции со своих участков побережья, и другие корпуса не должны там высаживаться. (в) Британские и американские районы высадки должны быть раздельными. Условия пункта (а) должны соблюдаться в каждом случае. (г) После первой высадки операция должна проводиться так, чтобы захватить хорошие порты для британских и американских войск. У каждой стороны должен быть свой порт или группа портов. 4. Требуется план, содержащий следующие условия: (а) Одна британская армия высаживается на фронте двух, возможно, трех корпусов. Точно так же одна американская. (б) Последующие дивизии присоединяются к уже высадившимся корпусам. (в) В

операции используются все десантно-высадочные средства. После успешной высадки тут же используются все небронированные суда любых типов. (г) Воздушное сражение должно быть выиграно прежде, чем операция начнется. Затем нужно сосредоточиться на успехе сражения на суше, делая ставку на стремительность и мощь наших операций».

Мои замечания очень заинтересовали премьер-министра. Он сказал, что понимал изначально: в предложенном плане есть погрешности, однако начальники штабов соглашались с планом, и он был бессилен. Теперь план проанализировал [227] боевой командир, дал ему нужные сведения, и он за это признателен. Я попросил его вернуть мои записи, сказал, что они написаны без обсуждения плана с представителями других видов вооруженных сил и я не хочу начинать исполнение новой должности с осложнений с планировщиками в Лондоне. Но премьер-министр оставил их у себя, пообещав использовать лишь как дополнительные сведения. Впоследствии у меня создалось впечатление, что они могли из дополнительных перейти в основные.

Потом мы по предложению миссис Черчилль отправились за город на пикник. Я ехал в одной машине с премьер-министром и продолжал обсуждение операции «Оверлорд» и своих замечаний. Сказал, что одним из уроков, усвоенных мною на этой войне, является необходимость пораньше привлекать опытных боевых командиров к составлению планов на будущее; если это сделать с опозданием, изменить основные положения плана может оказаться невозможным. Во всех операциях, где я принимал участие, перемены в планах были необходимы, и времени для этого было мало, как, например, в операции «Эскимос» в мае 1943 года. Теперь и «Оверлорд» выглядит не особенно удачным.

Мы провели спокойный, приятный день под теплым зимним солнцем на марокканской природе, за оживленным разговором. Я хорошо узнал премьер-министра и миссис Черчилль за время их краткого визита в Марракеш, послужившего началом близкой дружбы с ними обоими.

В тот вечер после ужина я вылетел из Марракеша в Англию. Эйзенхауэр не позволил мне совершить это путешествие в моей двухмоторной «дакоте», хотя там были установлены дополнительные топливные баки. Поэтому я летел на четырехмоторном американском «С-54». Свой самолет я загрузил апельсинами и приказал летчику лететь в Англию. Он вылетел на следующий вечер. Я прилетел в Лондон 2 января.

Фредди де Гинган и другие члены штаба, которых я забрал из 8-й армии, прилетели в Лондон на сутки раньше меня. Штаб 21-й

группы армий располагался в школе Святого Павла в Западном Кенсингтоне, где я учился. Директорский кабинет стал моим. Хотя в школе я был старостой, капитаном первой команды регбистов, крикетистов и членом команды пловцов, в этот кабинет [228] тогда я не входил ни разу. Для этого мне потребовалось стать главнокомандующим. Многие жившие в этой части города люди писали мне письма с просьбой сменить адрес. Противник продолжал бомбежки, и мы понесли в штабе кое-какие потери. Жители считали, что причиной бомбежек является наше присутствие, но подтверждений этому выводу не было.

Наша столовая высшего командного состава располагалась в Латимер-Корт, многоквартирном доме напротив школы; в одной из квартир жил я. Я пригласил поселиться там адмирала Рамсея, морского главнокомандующего «Оверлорда», и взять с собой адмирала Кризи, его начальника штаба. Мы были веселой компанией и за ужином разговаривали на всевозможные темы. Дискуссии часто оканчивались заключением пари. Я предложил завести тетрадь, где будут записываться ставки, и обе стороны ставить подписи. Сейчас эта тетрадь у меня под рукой, она представляет немалый исторический интерес. Некоторые пари касаются политиков, других известных лиц и не подлежат опубликованию — во всяком случае, пока. Туда внесены и те пари, которые заключались во время нашего пребывания в 8-й армии. Сам я пари не предлагал, но готов был принять те, которые представлялись выигрышными; таким образом я приобрел немало денег, и благотворительные организации, к которым я проявлял интерес, от этого выгадали. Большая часть тех пари, которые я принимал, касались окончания войны. Я считал, что после того, как мы окончательно вывели Италию из войны, прочно обосновались в этой стране, с открытием второго фронта в Северо-Западной Европе мы сможем успешно завершить войну с Германией к концу 1944 года. Это мнение держалось у меня довольно долго. Но к осени 1943 года я насмотрелся на действия высшего руководства в ходе сицилийской и итальянской кампаний, и этот опыт не внушал мне уверенности. Считая, что союзники могли бы выиграть войну к концу 1944 года, я был почти уверен, что мы «напортачим» и не сделаем этого.

Мой начальник штаба де Гинган был первым оптимистом — безо всяких для того оснований. 4 марта 1943 года, когда мы еще сражались в Африке, он заключил со мной пари, что немецкая армия не будет вести согласованных действий к нижеуказанным срокам: [229]

1 января 1944 года — 5 фунтов 1 апреля 1944 года — 5 фунтов 1 апреля 1944 года — 5 против 15 1 февраля 1945 года —

15 против 5 20 марта 1945 года — 5 против 10.

Следующим был генерал Эйзенхауэр. Я уже упоминал о пари, заключенном 11 октября 1943 года в Италии, что «война с Германией закончится до Рождества 1944 года» на пять фунтов.

Ободренный уверенностью Эйзенхауэра, генерал Фрейберг предложил пари на десять фунтов 31 октября 1943 года в Италии, что «война окончится к 24 часам 31 октября 1944 года — Япония не в счет».

Все эти пари заключались в моей столовой в 8-й армии. Теперь сцена переместилась в Англию, в столовую 21-й группы армий. Когда я показал адмиралу Рамсею кое-какие из заключенных ранее пари, он сказал, что непременно поучаствует. 26 января 1944 года он заключил со мной пари на пять фунтов, что «война с Германией окончится к 1 января 1945 года».

Чтобы не отстать от своего главнокомандующего, адмирал Кризи заключил со мной пари в апреле 1944 года, за два месяца до высадки, что «организованное сопротивление немцев прекратится в 12 часам 1 декабря 1944 года».

Очередной жертвой стал генерал Крерар из Канадской армии. Поставить 1-ю канадскую армию во главе левого фланга британского фронта в Нормандии я смог только 23 июля, спустя шесть недель после высадки, накануне начала прорыва с этого плацдарма. Крерар опасался, что война окончится до того, как он сможет командовать канадской армией в сражении, и настойчиво добивался, чтобы я позволил ему принять командование. 24 июля он предложил мне пари, что «война с Германией окончится к 1 сентября 1944 года, то есть Германия к этой дате запросит перемирия».

Несколько любопытных пари я заключил с генералом Джорджем Паттоном, командующим 3-й американской армией. 1 июня 1944 года он предложил мне два пари, тексты которых я привожу полностью: [230]

«Генерал Паттон держит пари с генералом Монтгомери на сумму в сто фунтов, что вооруженные силы Британии будут вовлечены в новую войну в Европе не позже чем через десять лет после окончания ведущихся в настоящее время боевых действий». «Генерал Паттон держит пари с генералом Монтгомери на сумму в десять фунтов, что первые большие национальные бега после этой войны выиграет лошадь, принадлежащая американцу».

В одном из пари принял участие спикер палаты общин. Сэр Алан Герберт был моим другом и часто наведывался ко мне; всегда приезжал в военно-морской форме с погонами старшины. В феврале 1945 года он остался на ночь в моем тактическом штабе, и между А. П. Г. и подполковником Дони из моего личного

штаба зашел спор о пчелах. Дони утверждал, что трутень бесполый, А. П. Г. возражал. Они заключили пари, и я сказал, что его нужно представить на рассмотрение спикеру.

Ниже привожу его ответ:

«Палата общин Канцелярия спикера 28.02.45. Разумеется, я польщен Вашей верой в беспристрастность спикера. Но при этом думаю, что впервые со времен Кромвеля спикер получает задание от главнокомандующего! Однако сделаю, что смогу. ДОНИ ПРОТИВ А. П. Г. 1. Трутень определенно не бесполый — он самец. При роении множество самцов стремятся оплодотворить матку, и счастливчик, который это сделает, сразу же погибает. 2. «Лишенный сексуальности» не значит «бесполый». Сексуальность может быть латентной, и тогда несексуальным является это состояние; короче говоря, прилагательное «бесполый» определяет психическое состояние, а не природное. [231] 3. Я не помню точных условий пари, но мне представляется, что на основании сказанного выше (1 и 2) А. П. Г. выигрывает».

Я ничего не знаю о пчелах. Но решение спикера поддержал, и Дони пришлось расплачиваться.

Не все наше время уходило на заключение пари. Вскоре после возвращения в Англию мне стало ясно, что перед нами стоит задача огромной сложности. Я был назначен главнокомандующим сухопутными войсками в морской десантной операции такого масштаба, каких не предпринималось за всю историю войн. Большая часть войск и подчиненных штабов, хоть и была хорошо обучена, не имела боевого опыта. До начала операции оставалось всего пять месяцев.

Штаб 21-й группы армий был сформирован из членов Генштаба войск метрополии и существовал в таком составе почти четыре года. Он никогда не покидал Англии и не имел никакого боевого опыта. Многие старшие офицеры служили в нем давно и заскорузли в своих взглядах. В эту закоснелую «штабную атмосферу» было необходимо влить новую кровь, ввести старших штабных офицеров с боевым опытом, знающих мои методы, которые будут продолжать работу без всяких жалоб. Это было сделано, старшие офицеры, прибывшие со мной из Италии, сразу же заняли высшие должности и начали работу под началом де Гингана. Все эти меры оказались непопулярными, и в лондонских клубах раздавались грубые замечания, что «джентльмены ушли, а их места занимают музыканты и начинают кутеж».

Генерал Пейджет командовал 21-й группой армий до моего прибытия из Италии. Мы вместе учились в Сандхерсте и были близкими друзьями. Ему не могло понравиться, что его отстраняют от командования войсками, которые он превосходно

подготовил к началу боевых действий, и что быстро вносится очень много изменений. Хотя я не обсуждал с ним этих вопросов, мне всегда представлялось, что Пейджет рассматривает свою замену таким человеком, как я, с недавним боевым опытом, как неизбежную в данных обстоятельствах. Однако ему не понравилось, как это было сделано, потому что сперва он получил предложение перейти на сравнительно незначительную должность командующего [232] Гибралтаром. В конце концов его назначили командующим войсками на Ближнем Востоке вместо Уилсона.

Находящаяся тогда в Англии армия не имела боевого опыта и была подготовлена скорее теоретически, чем практически. Офицеры не знали боевых маневров, которые очень важны для младших командиров и сберегают много жизней. В конечном счете победа в сражении одерживается благодаря инициативе и мастерству полковых офицеров и солдат, без этих ценных качеств вы терпите поражение — каким бы хорошим ни было высшее командование. После завершения сицилийской кампании в Англию вернулись со средиземноморского театра военных действий весьма опытные подразделения. Меняя местами офицеров из этих подразделений с теми, которые не покидали Англии, я старался распространить имеющийся боевой опыт как можно шире. Это тоже не понравилось, но было принято с большей готовностью, когда я объяснил причину.

Другой серьезной проблемой, доставившей мне поначалу много неприятностей, был жесткий контроль военного министерства над делами армии в Соединенном Королевстве — гораздо более жесткий, чем над армией во время боевых действий. Я считал, что армии, входящие в 21-ю группу, уже, в сущности, являются боевыми и их требуется подготовить к тому, чтобы в ближайшем будущем бросить вызов опытным немецким войскам. Этим армиям, не имеющим боевого опыта, требовалось твердое руководство и быстрые решения, чтобы они могли успешно и победоносно воевать на европейском континенте; времени для сомнений, колебаний или ожиданий разрешения на небольшие, но весьма важные изменения в организации и принципиальных установках не было. Мы вышли за рамки учебника. Я сразу же энергично принялся за эту проблему. 13 января собрал всех генералов тех армий в Англии, которые подчинялись мне, на совещание в школе святого Павла. Там выступил перед ними, изложил свои взгляды на ведение боевых действий, разъяснил свои методы; словом, создал «атмосферу», в которой с тех пор мы будет работать, а потом сражаться. В последующей дискуссии выяснилось, что, если дивизии будут

вести боевые действия таким образом, как я описал, потребуются некоторые незначительные изменения в организации. Необходимость этих изменений признали все присутствующие [233] генералы; некоторые изменения уже предлагались военному министерству, но безрезультатно. Я сразу же одобрил необходимые изменения в организации и приказал проводить их немедленно.

На этом совещании присутствовали несколько офицеров из военного министерства; они явно видели во мне новую метлу, которая чисто метет, причем неприятную. И немедленно доложили о моих действиях своему начальству. Поднялась настоящая буря, и Брук сообщил мне, что военный министр, сэр Джеймс Григг, сурово осудил мое явное неуважение к власти военного министерства. Это вызвало у меня беспокойство, так как без полной поддержки министерства я не смог бы своевременно подготовить армии. Брук предложил Григгу пригласить меня на обед, чтобы у нас была возможность как следует поговорить; Григга я тогда знал не особенно хорошо и одобрил это предложение. На той встрече за обедом я объяснил, как много нужно сделать и как мало на это времени. Извинился за свою поспешность и попросил Григга положиться на мое суждение об оперативной необходимости того, что я сделал; если вновь проявлю поспешность, то буду вполне готов получить от него «разнос».

Этот разговор разрядил обстановку. С него началась дружба между нами, теперь Григг и его супруга — мои ближайшие друзья. Я считаю его лучшим военным министром на моей памяти.

Что касается замещения не соответствующих требованиям старших командиров, я попросил военное министерство лишь об одной замене: вызвать из Италии генерала Демпси, где он командовал корпусом в 8-й армии, и предоставить ему командование 2-й армией. Демпси командовал ею до конца войны и вполне оправдал мою уверенность в его способностях и мужестве.

Одновременно с этими хлопотами и переменами я с самого прибытия в Англию участвовал в целом ряде совещаний по «Оверлорду». К счастью, со мной был Беделл Смит и оказывал мне сильную поддержку.

О плане вторжения в Нормандию написано много, история его постепенного создания рассказана многими авторами. Я не хочу ее повторять. Поведу речь только о тех вопросах, которые тогда заботили меня больше всего, и объясню некоторые пункты, которые были наиболее важны для меня. [234]

До 1944 года в течение долгого времени планирующий штаб в Лондоне, созданный на союзной основе и подчиненный Объединенному комитету начальников штабов в Вашингтоне, изучал проблему возвращения союзных войск в Северо-Западную Европу. Главой этого планирующего штаба был генерал Фредди Морган, которого я хорошо знал; он часто жаловался мне, как трудно планировать должным образом без командира. Тем не менее он проделал хорошую работу и представил план «Оверлорда» в общих чертах, послуживший основой для дальнейшего планирования. Ему приходилось работать на основании сведений, поставляемых Объединенным комитетом начальников штабов относительно войск, которые будут в распоряжении; выбора у него не существовало. И рядом не было опытного боевого командира, способного наставлять и оказывать помощь.

Чем больше я изучал предложенный 21-й группе армий тактический план, основанный на плане Моргана, тем больше он мне не нравился. Фронт штурма был слишком узким; для контроля всего фронта использовался только один штаб корпуса, и район высадки вскоре оказался бы чрезмерно заполненным войсками.

Не планировалось высадки на восточном побережье полуострова Шербур, хотя быстрый захват порта Шербур для нас был очень важен. Мой подход к данной проблеме основывался на уроках, усвоенных в суровой школе боевых действий, из которых на первом плане для меня всегда были следующие.

Первый — важно соотносить то, что стратегически желательно, с тактическими возможностями находящихся в твоем распоряжении войск.

Второй — для этой цели необходимо до нанесения первого удара решить, как будет развиваться операция. Между одним и другим должна существовать прямая связь.

Третий — если фланги и тыл в безопасности, положение для ведения боевых действий хорошее.

Четвертый — в планировании операций очень важна простота. Как только вкрадываются сложности, успех оказывается под угрозой. [235]

Не существовало ясного представления, как будут развиваться операции после высадки на нормандское побережье. Мы собирались открыть новый театр военных действий в Европе. Перед нами стояла громадная проблема ведения наступательных сухопутных операций в Западной Европе с конечной целью сокрушить вооруженные силы противника и оккупировать Германию.

Поэтому прежде всего требовалось решить, как будут разворачиваться операции на суше, а затем вернуться к тому, как обеспечить высадку наилучшим для этого способом. Мы, казалось, поступали наоборот. Насколько нам было известно, в то время (январь 1944 года) во Франции находилось более пятидесяти немецких дивизий, некоторые из них, видимо шесть, были бронетанковыми. Билл Уильямс рассчитывал, что к вечеру дня высадки нам придется вести тяжелый бой против шести немецких дивизий. Рисковать было нельзя: если мы потерпим неудачу в Нормандии, война может затянуться на годы.

Нам требовалось молниеносно высадиться и захватить хороший плацдарм до того, как противник успеет подтянуть достаточные резервы, чтобы выбить нас. Мы должны будем быстро занимать пространство и закрепляться подальше от побережья. В это время авиация должна царить в воздухе и затруднять противнику переброску резервов по железной дороге и шоссе к занятому нами плацдарму.

Для первого удара нам требовалось по меньшей мере пять дивизий с дополнительными воздушно-десантными дивизиями, высаженными на флангах, чтобы обезопасить нас от флангового противодействия во время быстрого продвижения в глубь материка. Нам потребуется наращивать силы и иметь на берегу примерно восемь дивизий к вечеру дня высадки и двенадцать к вечеру следующего дня (включая воздушно-десантные). Мы должны будем поставить себе целью иметь на побережье к концу первой недели восемнадцать дивизий.

Все это будет громадным предприятием, и потребуется доставить дополнительные десантно-высадочные средства со средиземноморского театра; к тому же понадобятся транспортные самолеты для трех воздушно-десантных дивизий.

Эйзенхауэр назначил меня своим представителем, и я провел много совещаний с командующими флотом, авиацией и их штабами. [236] Во всей своей работе мы были убеждены, что надо прилагать все силы, чтобы «Оверлорд» привел к перелому в ходе войны в Европе. Все препятствия требовалось преодолевать, все неудобства переносить, все первоочередные запросы удовлетворять, идти на любой риск, чтобы наш удар оказался решающим. Позволить себе оплошать мы не могли.

Мы составили переработанный план, и сразу же стало ясно, что успех будет зависеть от того, можно ли будет свести операцию «Наковальня» к отвлекающему маневру и высвободившиеся таким образом десантно-высадочные средства использовать в «Оверлорде». Операция «Наковальня» предполагала высадку на юге Франции восточнее Тулона.

Союзные войска, американские и французские, должны были прибыть с итальянского театра. Это был замысел американцев, и, насколько мне известно, он не нравился никому из британских политических и военных властей. Американцы считали, что «Оверлорд» и «Наковальню» нужно рассматривать как единое целое, что «Наковальня» будет сдерживать силы противника на юге Франции и таким образом способствовать «Оверлорду». Французам он нравился, так как де Голль хотел, чтобы французскую землю освобождала французская армия под командованием француза. Сталину нравился тоже, думаю, потому, что это замедлило бы продвижение Александера на итальянском фронте и позволило бы русским достичь Вены раньше западных союзников.

Мне этот замысел не нравился, Черчиллю тоже.

Споры по поводу «Наковальни» тянулись до середины августа; продолжались они, даже когда мы завершали разгром немцев, оказавшихся в Фалезском котле.

По неизвестной мне причине эту операцию тогда переименовали в «Драгун».

Лично я с самого начала был против «Наковальни» и стоял за ее полную отмену по двум важным причинам. Во-первых, нам требовались десантно-высадочные средства для «Оверлорда»; во-вторых, она ослабляла итальянский фронт в то время, когда продвижение давало нам хорошую возможность достичь Вены раньше русских. (То, что это не удалось, имело далекоидущие последствия в «холодной войне», начавшейся в конце 1945 года.) [237]

В конце концов мы получили десантно-высадочные средства, необходимые для «Оверлорда», перенеся день высадки в Нормандии с 1 мая на начало июня и отложив «Наковальню» до августа. Но операция «Наковальня» (или «Драгун») началась 15 августа и, на мой взгляд, явилась одной из серьезных стратегических ошибок в той войне. Эйзенхауэр ожесточенно спорил о ней с премьер-министром в конце июля — начале августа. Он думал, что ему поможет в этом споре, если я скажу, что согласен с ним, и «Наковальню» нужно начинать, как планировалось, в августе.

К тому времени я готов был согласиться, так как было уже начало августа, все войска были собраны и подготовлены к отправке, остановить эту операцию и произвести полезную высадку где-то в другом месте было явно невозможно. Она чрезмерно расширяла фронт; замедляла продвижение на юг и таким образом привела к еще одной стратегической ошибке, когда мы приближались к границе Германии. Сейчас я жалею —

как часто жалел и раньше, — что неохотно дал согласие в тот день в начале августа. Но я хотел пойти навстречу Айку; я перечил ему в других делах и предвидел, что «другие дела» еще будут.

Эйзенхауэр одобрил исправленный план «Оверлорда» на совещании в Лондоне 21 января. Потом этот план постоянно совершенствовался, постепенно все детали уточнялись и занимали свое место в грандиозном общем замысле. Работа была очень трудной, и штабные офицеры выбивались из сил. Я тогда думал, что мой опытный штаб под руководством де Гингана играет главную роль в обеспечении того, чтобы возникающие проблемы решались практичным, реалистическим образом. Сомневаюсь, что в то время где-нибудь существовала лучшая, более опытная планирующая команда, чем де Гинган, Грехем, Белчем и Уильямс. На вошедшего в нее Герберта (ныне генерал-лейтенант сэр Отуэй Герберт) можно было всецело полагаться (он уже получил орден «За боевые заслуги» и был неутомимым тружеником). Циркулировало огромное количество бумаг, каждая с грифом «Секретно» или «Совершенно секретно». Хьюз, наш главный священник, спрашивал, помечать ли ему свои документы «Священно» и «Совершенно священно»! [238]

Дабы читатель мог полностью понять, что происходило потом в Нормандии, хочу именно сейчас привлечь его внимание к общей схеме проведения боевых операций после того, как мы высадимся на берег и твердо укрепимся, потому что нечеткость в этом отношении впоследствии привела к осложнениям.

Мы намеревались высаживаться одновременно чуть севернее устья Карантана и между этим районом и рекой Орн, чтобы создать там плацдарм для ведения дальнейших боевых действий, в который входили бы аэродромы и порт Шербур. В левую часть восточного фланга плацдарма должен был войти дорожный узел Кан.

Генерал Эйзенхауэр назначил меня командующим всеми сухопутными силами десанта. Первыми должны были высаживаться две армии — 2-я британская под командованием Демпси и 1-я американская под командованием Бредли. Затем еще две — 1-я канадская под командованием Крерара и 3-я американская под командованием Паттона. Важно понять, что после того, как мы надежно закрепимся в Нормандии, я собирался создать угрозу прорыва на восточном фланге, то есть в секторе Кана. Не ослабляя ее, я намеревался оттянуть туда основные резервы противника, прежде всего бронетанковые дивизии, и удерживать их там — используя для этой цели британские и канадские войска под командованием Демпси.

Когда противник сосредоточит свои силы на восточном фланге, я собирался перейти в наступление на западном — используя для этого американские войска под командованием Бредли. Наступление должно было вестись в южном направлении и затем разворачиваться широкой дугой на восток к Сене возле Парижа. Я надеялся, что Фалез окажется в центре этого громадного кольца. Целью его создания было отсечь все силы противника к югу от Сены, мосты через эту реку южнее Парижа должны были быть уничтожены нашими ВВС.

Вся наша работа была связана с этим основным планом, который я объяснял на множестве совещаний начиная с февраля. 7 апреля я собрал всех генералов четырех готовящихся к высадке армий в моем штабе в Лондоне и изложил свой план сперва в общих чертах, затем подробно. Командующие ВМС и ВВС тоже изложили в общих чертах свои планы. [239]

Имея согласованный план (так мне тогда представлялось!), я предоставил разработку его деталей де Гингану с его штабом и направил свои основные усилия на то, чтобы все вооружение было безотказным. Я уже изложил всем генералам свои взгляды на тактическую доктрину, и подготовка войск проводилась в соответствии с ними. Следующим важным пунктом была уверенность в высшем командовании всех и каждого. Я хотел видеть солдат и, что еще более важно, чтобы они видели меня; хотел говорить с ними, постараться обрести их доверие и уверенность во мне.

Я воспользовался специальным поездом под названием «Рапира», ездил на нем по Англии, Уэльсу и Шотландии, побывал во всех соединениях, которым предстояло принять участие в «Оверлорде». Мой метод инспекции отличался неофициальностью и был, полагаю, необычным; он явно удивлял многих генералов, мало знавших меня. Я проводил ежедневно два, а то и три строевых смотра, в каждом участвовало десять тысяч человек или больше. Их строили в каре, и я первым делом разговаривал лично с командирами подразделений. Потом приказывал повернуть построившихся солдат лицом внутрь и медленно проходил мимо шеренг, чтобы меня мог увидеть каждый солдат; солдаты все время стояли по стойке «вольно», чтобы иметь возможность подаваться вперед и поворачивать голову, при желании все время видеть меня, — большинство так и делало. Это инспектирование солдат мною и солдатами меня занимало много времени, но было весьма ценно для обеих сторон. Мне было очень важно снискать их доверие. И сначала надо было удовлетворить их любопытство. Когда осмотр заканчивался, я поднимался на капот джипа и спокойно, очень искренне обращался к офицерам и солдатам —

через громкоговоритель или нет, в зависимости от условий. Объяснял, что нам совершенно необходимо знать друг друга, какие задачи перед нами стоят и как мы совместно будем выполнять наше дело. Рассказывал им, каков немецкий солдат в бою и как его можно победить; говорил, что, если все мы будем уверены в плане и друг в друге, цели можно будет добиться. Я их командующий, и теперь мы как следует рассмотрели друг друга. В результате нашей встречи я проникся к ним полным доверием и, надеюсь, они ко мне тоже. [240]

К середине мая я посетил все соединения в Соединенном Королевстве. Меня видели почти все офицеры и солдаты, которым предстояло участвовать во вторжении в Нормандию, слышали мое обращение к ним. Я представал на смотр в общей сложности значительно более чем перед миллионом солдат. Таким образом я стремился обрести доверие тех, кто будет служить под моим началом, — британцев, канадцев, американцев, бельгийцев, поляков, французов, голландцев. Это было большое предприятие, но я не сомневаюсь, что оно принесло дивиденды. Реакцию британского солдата я превосходно понимал, потому что моя военная жизнь проходила рядом с ним. В американском солдате я не мог разобраться так досконально. Однако всякие опасения были бы излишни. Вскоре после высадки в Нормандии я получил от генерала Беделла Смита следующее письмо:

«Дорогой генерал. Я только что получил из весьма надежного и осведомленного источника донесение о настроении и моральном духе американских войск в Англии. Автор совершенно беспристрастен, в его донесении есть абзац, который, надеюсь, доставит Вам такое же громадное удовольствие, как и мне: «Доверие к высшему командованию совершенно небывалое. Буквально десятки готовящихся к высадке подразделений говорят о генерале Монтгомери с обожанием. И особенно нравится всем — даже больше его дружелюбия, искренности и простоты — слух (или, насколько я могу судить, миф) о том, что генерал «побывал во всех подразделениях, отправляющихся в Нормандию, и сказал, что больше любого из нас хочет побыстрее закончить войну и вернуться домой». Это оставило неизгладимое приятное впечатление». Это точная цитата. Проведя всю жизнь среди американских солдат, зная присущее им недоверие ко всему иностранному, я могу гораздо лучше Вас оценить, какого успеха добились Вы, вызвав у них такое отношение и доверие к себе. С совершенным почтением, Беделл».

Через несколько недель после моего приезда в Англию министерство снабжения попросило меня посетить предприятия

[241] в разных частях страны, производящие снаряжение для армии. Во многих случаях оно срочно требовалось для «Оверлорда», мужчины и женщины работали сверхурочно.

Во время этих визитов я много общался с гражданскими людьми, и на каждом заводе меня просили выступить перед рабочими. Я говорил им, что все мы представляем собой одну огромную армию, будь то солдат на фронте сражений или рабочий на внутреннем фронте; их работа так же важна, как наша. Нашей общей задачей было сплотить рабочих и солдат в единую команду, исполненную решимости уничтожить немецкое господство в Европе и во всем мире.

22 февраля я выступал на Юстонском вокзале перед представительным собранием железнодорожников со всей Англии. Там присутствовали секретари профсоюза, рабочие лидеры и служащие. Я говорил полтора часа, вел речь о предстоящих проблемах и о том, как они могут помочь в их решении. Сказал, что теперь мы добились успеха в войне и худшие дни позади, что мы все должны сосредоточиться на своей задаче и закончить войну. Когда я закончил обращение, профсоюзные секретари заверили меня в своей полной поддержке.

3 марта меня пригласили в лондонские доки, там я обращался примерно к шестнадцати тысячам докеров, стивидоров и матросов. Тема была та же самая — предстоит выполнить работу, и мы вместе ее выполним.

Во время этих визитов я общался со многими людьми, и у меня создалось впечатление, что люди устали от войны, измучены ею. Шахтеры, заводские рабочие, докеры, железнодорожники, домохозяйки — все напряженно работали больше четырех лет. Получить выходной было сложно. Светомаскировка создавала зловещую атмосферу. Мне больше, чем прежде, казалось необходимым закончить войну в Европе в 1944 году. Людям это было нужно, и я поклялся сделать все, что в моих силах, чтобы закончить войну с Германией к Рождеству; я был уверен, что это возможно, если мы не будем совершать ошибок.

Во время моих поездок по стране гражданские повсюду встречали меня восторженно. Люди, казалось, думали, что у меня есть некий волшебный рецепт победы и что я послан вести их к лучшему. Я чувствовал в этом опасность и понимал, что в политических кругах мою деятельность не одобрят. Так и вышло. [242]

Я получил намек, что эти визиты следует «отложить», — на что ответил, что меня попросили их предпринять некоторые

министерства на Уайтхолле.

Надо сказать, требовалось поднять дух у рабочего населения, воодушевить его. Дать ему новую тему для разговоров. Все полагали, что вторжение обернется кровавой баней с ужасающими потерями; я заверял людей, что этого не будет. Все это можно было сделать только при личных встречах, и мои визиты принесли в этом отношении пользу.

Национальный сберегательный комитет в это время обратился с воззванием ко всей стране собирать средства в рамках своих кампаний «Крылья для победы» и «Военно-морская неделя». Последнее обращение называлось «Салют солдату».

После невнимания общества к армии в мирные годы, окончившегося поражениями в начале войны, возрождения престижа армии пришлось ждать долго. Аламейн, победы в Африке, на Сицилии, в Италии восстановили веру общества в способность армии добиваться результатов. Британский народ теперь видел, что армия готовится отправиться на битву с английской земли. Это был момент огромной психологической важности. Кампания «Салют солдату» проводилась во всех городах и селах, комитеты создавались не только для сбора денег, но для демонстрации единства страны и армии в предстоящей битве. Кульминационным пунктом этой кампании стал званый обед в Мэншн-Хаус в Лондоне, на котором предстояло выступать военному министру (сэру Джеймсу Григгу) и мне. Я решил, что моя речь будет призывом к нации, чтобы вдохновить идущую сражаться армию величием ее дела. Это было мое первое публичное выступление не перед солдатами. Оно уже опубликовано, но я сознательно включаю его сюда, поскольку из него ясно, как я мыслил в марте 1944 года — готовясь к великому предприятию в Нормандии.

«Сегодня я хочу сказать вам о солдате — о бойцах, собравшихся со всех концов империи на зов долга. Для меня было великой честью командовать большой имперской армией в африканской и итальянской кампаниях. Люди Британской империи — прекрасные солдаты. В военном деле «человек» играет [243] решающую роль; думаю, в гражданской жизни должно быть то же самое. Предприниматель должен снискать доверие своих работников; вместе они составляют единую команду, а именно «командные действия» приводят к победам в сражениях и в итоге к победе в войне. НЕОБХОДИМОСТЬ ХОРОШЕГО ВООРУЖЕНИЯ Когда для сражения собираются крупные силы, совершенно ясно, что они должны быть как следует экипированы, снабжены наилучшим возможным оружием и снаряжением. Не нужно обращаться далеко в историю, дабы

увидеть, что происходит, когда этого НЕ ДЕЛАЕТСЯ. И в этом отношении нужно постоянно помнить, что мы, к нашему стыду, послали наших солдат на эту современную войну с совершенно не отвечающими требованиям снаряжением и оружием; нам нужно винить только себя за поражения в начале войны. Разумеется, мы не должны впредь допускать ничего подобного и не допустим. Мы можем показать нашу серьезность в этом отношении в ходе кампании «Салют солдату». ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР Но главное для успеха в сражении не просто предоставить армии танки, орудия и другое снаряжение. Конечно, нам нужны хорошие танки и хорошие пушки; но главное — это человек в танке и у орудия. Главное «человек», а не только машина. Танк и люди в нем представляют собой команду; лучший в мире танк бесполезен, если его экипаж плохо обучен и не обладает мужеством. Одним из главных факторов успеха в сражении является человеческий фактор. В распоряжении командира находится определенный человеческий материал; что он сможет сделать с этим материалом, целиком зависит от него. Если ваши люди обладают живым умом, если они стойки и смелы, хорошо обучены сражаться и убивать, если они рвутся в бой, обладают заразительным оптимизмом и наступательным пылом, который является результатом физического здоровья, и вы даете этим людям надлежащее оружие и снаряжение — для вас не существует ничего невозможного. [244] Вот два необходимых условия. Первое — такие люди должны верить в Бога и правильно понимать стоящие перед ними моральные проблемы. Второе — между командиром и войсками должно существовать взаимное доверие; каждый шаг, который вы предпримете для установления доверия, принесет очень хорошие результаты; снискав доверие своих людей, вы получаете бесценную жемчужину. Верный способ снискать доверие солдат — успех. Думаю, способам добиваться успеха нужно учиться всю жизнь. Полагаю, что изучение военных поражений, случавшихся в нашей истории, откроет нам, что к ним приводили, главным образом, следующие причины: неумелое командование, или плохая работа штаба, или пренебрежение человеческим фактором, иногда, возможно, и все три. Если вы скажете солдату, что вам нужно, и должным образом отправите его в бой, он всегда выполнит свою задачу — он никогда не подводил. Британским солдатом руководить легко; он ценит правильное руководство и немедленно на него откликается. Если вы снискали его доверие, он ни за что не подведет вас. Британцы — великолепные воины. И когда воины империи собираются на битву, окончательный результат не может вызывать сомнений. АРМИЯ В АНГЛИИ После Дюнкерка армия в нашей стране

переживала трудные времена. Она не участвовала в сражениях за морем, не испытала их возбуждения, не знает, как они ведутся. Тем не менее она сохранила свой дух и боеспособность. Хочу отдать должное моему предшественнику на должности командующего, генералу Пейджету, отдавшему все силы тому, чтобы армия в Англии была постоянно готова ответить на зов долга. Армию в Англии я нашел в превосходном состоянии боевой готовности. Верю, что когда она пойдет в сражение, то докажет, что у нас не бывало лучшей. [245] ВООДУШЕВЛЕНИЕ ВОЙСК ПЕРЕД ВТОРЖЕНИЕМ Я хочу попросить весь народ помочь в задаче воодушевления солдат нашей страны в это важное время. Влиять на армию, находящуюся среди чужого народа, легко; образ жизни и мыслей тех людей в основном значения не имеет; наши священники оказывают главное влияние на религиозные взгляды. Но когда армия находится среди своего народа — дело совсем другое. Она уважает и понимает людей, в окружении которых находится, эти люди постоянно вливают свои взгляды и мысли в восприимчивый ум солдат — в каждом доме, клубе, церкви, часовне, ресторане и так далее. Некоторые из этих мыслей враждебны сражениям и боевому духу. Священники уже не оказывают главного влияния на религиозные взгляды; они становятся лишь одним из элементов влияния — и не самым сильным. За морем я призывал священников помочь мне в моей задаче; и они превосходно отвечали на мой призыв. В 8-й армии воодушевление имело свои корни в моих обращениях к солдатам перед Аламейном: «Господь могучий в битве ниспошлет нам победу». Но сейчас мое преданное братство священников сталкивается с другой проблемой; требуется нечто большее — и совершенно непосильное им одним. Воодушевление армии требует воодушевления нации — всего населения, в чьих домах живут солдаты, которое представляет собой их отцов, матерей, братьев, сестер, друзей и так далее. Мы должны призвать нам на помощь весь народ, как партнера в сражении; только воодушевленная нация может дать в этих условиях воодушевленную армию. Совершенно необходимо понять: «прилив в делах, с которым мы достигаем успеха», настанет не в день перемирия или победы. Он настанет, когда наши люди пойдут сражаться за это великое дело. Прилив начнется тогда или никогда. Сейчас такое время, когда в народе должны появляться все благородные мысли, все высокие идеалы, все великие цели, которые находились под спудом в течение этих безрадостных лет. И тогда с подъемом жизненных сил нации люди ощутят себя орудием возрожденной [246] народной мощи. Особым торжеством наших усилий будет рост лучших качеств

всего народа, подобающих молитве: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его». Все это необходимо. От наших солдат требуется особая доблесть. Земля обетованная теперь не так уж далека; если понадобится, мы пойдем на любой риск, отдадим свою жизнь, чтобы ею могли наслаждаться другие. Из нации, посвятившей себя благородной цели, такие люди появятся в изобилии. И «Господь могучий в битве» будет с нашими армиями, и Его особое провидение будет помогать нам в битве. Суть прилива, который должен нахлынуть, совершенно ясна: это не личная причуда и не теория одного человека; это прилив, который нес нацию на протяжении всей ее истории. Он есть в обряде коронации наших короля и королевы. Национальная церковь вручила нашему королю Меч государства с алтаря Вестминстерского аббатства: «Этим мечом твори правосудие, пресекай рост зла». Теперь перед нами стоит задача использовать этот священный меч Его Величества в пробужденном духе нынешнего дня. Нет опасений, что этот исполненный решимости дух ослабеет, дрогнет или исчезнет в день победы. Все должны оказывать помощь, и национальная церковь должна вести их за собой. ЗАДАЧА АРМИИ Я уже почти закончил. Армия готовится исполнить свой долг, полностью сыграть свою роль в предстоящих событиях этого года. Каждый солдат знает, что армии для выполнения своей задачи необходима полная поддержка ВМФ и ВВС; знает и то, что поддержка будет оказана в полной мере. Хочу добавить к этому, что войска на фронте не могут выполнить свою задачу без полной поддержки внутреннего фронта. Мы представляем собой единую большую команду и готовимся принять участие в самом впечатляющем перетягивании каната, какое только видел мир. В первых натяжениях мы уступили, но сейчас уступать начинает противник; если мы победим в этом натяжении, победим в состязании. [247] Если кто-то из нас ослабеет, выпустит канат или упадет, это состязание мы проиграем. Можете вы представить себе в будущем такой разговор? — Что ты делал во время этой мировой войны? — Поначалу тянул канат изо всех сил, но вскоре потерял к этому интерес и выпустил его. Решил, что мне нужен отдых; и хотел более высокой платы. — И вы победили? — Нет, проиграли. Я выпустил канат, и мы проиграли состязание. Господи, прости меня; мы проиграли. Возможно ли, чтобы такой разговор можно было приписать нам, британцам? Нет, это невозможно; слава богу, невозможно. Так давайте все возьмемся за канат и поднатужимся. Долго ли продлится это натяжение? Никто не знает наверняка; может быть, год; может быть, дольше. Но это будет славная борьба; и мы выиграем. Женщины несут тяжкое

бремя этой войны; они хотят, чтобы мы победили в этом натяжении; они все нам уже помогают. Поэтому мы должны засучить рукава; это будет настоящая работа для настоящих мужчин. Теперь наша задача — пустить в ход священный меч Его Величества: «Этим мечом твори правосудие, пресекай рост зла». Единая команда всей империи доведет это дело до конца. Это настоящая работа для настоящих мужчин».

В феврале я начал позировать для портрета, который хотел оставить сыну, если погибну на войне. Обратился к художнику Огастесу Джону и условился об оплате. Вскоре мне стало трудно выбирать время для сеансов позирования, и наконец я вынужден был сказать, что больше не смогу приезжать к нему в мастерскую.

Художник попросил меня приехать еще раз, чтобы он сделал карандашный набросок, с которого он допишет портрет, — и я приехал.

26 февраля в мастерскую заглянул Бернард Шоу, чтобы побеседовать с художником, и оставался там до конца моего сеанса. Раньше я не встречался с Шоу и нашел его весьма занимательным [248] человеком с проницательным умом. В тот же вечер Шоу написал Огастесу Джону следующее письмо:

«26 февраля 1944 года Дорогой Огастес Джон! Сегодня днем мне пришлось говорить на всевозможные темы, чтобы развлечь Вашего натурщика и отвлечь его от мыслей о войне. Я видел одновременно вас обоих, двух знаменитых людей, и заметил поразительное несходство между вами. Вы крупный, рослый, белокурый, выглядели чуть ли не громадным по сравнению с тем весьма компактным мотком стальной проволоки, который, казалось, мог уместиться у Вас в кармане. Хороший портретист непременно воплощает в своей работе не только позирующего, но и самого себя; а поскольку себя, когда пишет, он видеть не может (как видел вас я), существует некоторая опасность, что в законченном портрете подменит собой натурщика. И в самом деле, Ваш портрет Б. Л. М. сразу же напомнил мне Ваш автопортрет из Лейстерской галереи. Он заполняет холст, создавая представление о крупном, рослом человеке. Он не смотрит на тебя, а Монти всегда производит своим взглядом сильное впечатление. Монти фокусирует все пространство в одной точке, словно увеличительное стекло; но на холсте пространства почти нет: Вы не оставили для него места. Сделайте вот что. Возьмите ту старую, пропитанную бензином тряпку, которой Вы стирали столько моих портретов (бывших шедеврами), и сотрите этот портрет начисто. Потом напишите маленькую фигуру, смотрящую прямо на зрителя сверху, как он смотрел на меня с помоста. Пишите его сидящим (с небольшим

передним планом), подавшись вперед, на небольшой табуретке, подобрав под нее ноги, испытующе смотрящего проницательным взглядом, глаза его незабываемы. Фон: простор африканской пустыни. Результат: картина, стоящая сто тысяч фунтов. Нынешний набросок стоит, по совести, не больше Вашего пропитания за то время, пока Вы работали над ним. Вы, собственно, не заинтересовались этим человеком. Отвечать не трудитесь. Просто воспользуйтесь этим советом или отвергните его, по своему усмотрению. [249] Какой нос! И какие глаза! Назовите картину «Бескрайние горизонты и один человек». Представьте себе солдата, настолько умного, что он пожелал позировать Вам и разговаривать со мной! Всегда Ваш, Дж. Б. Ш. «.

Очевидно, Шоу передумал и 27 февраля написал Огастесу Джону снова:

«Мой дорогой Джон! Наутро я понял, что часть моего вчерашнего письма следует отвергнуть как вспышку старческого волнения; с деловой точки зрения портрет в нынешнем виде будет таким, какого ожидают заказчики и который они вправе получить (много краски и позирующий во весь холст). Между нами, там тонкий, красивый, присущий Вам цветовой план, убирать который нельзя. Видимо, будет лучше всего завершить этот портрет для заказчиков, а затем написать картину для себя. Только, поскольку у него наверняка не будет больше времени Вам позировать, Вам нужно будет незаметно сделать набросок-другой из кресла, в котором я сидел. Хуже всего, что на восемьдесят восьмом году жизни я не могу быть уверен, говорю разумно или несу старческую чепуху. Решать это я должен предоставить Вам. Как всегда искренне Ваш, но старчески болтливый Дж. Бернард Шоу».

Когда портрет был дописан, мне он не понравился, так как я не нашел в нем сходства с собой. Я не знал, как положено поступать в подобных случаях, и обратился к Огастесу Джону с вопросом, принять ли мне доставленный холст. Вот его ответ:

«19 мая 1944 года Мой дорогой генерал. Хотя я не преуспел в том, чтобы угодить Вам, я вполне вознагражден тем, что имел честь писать Вас и познакомиться с Вами. Не думаю, что Вы правы, отвергая картину, которой восхищались [250] многие знатоки, но мне в голову не придет навязывать Вам ее против Вашей воли. Я наверняка упустил какие-то Ваши черты, которые хотели бы видеть на портрете многие. Еще один-два сеанса, видимо, позволили бы добиться большего сходства. Вложенное письмо говорит, что Вы с полковником Дони не одиноки в осуждении этой работы. Я глубоко благодарен Вам за то, что Вы уделили мне так много времени, будучи заняты гораздо более

важными делами. Спасибо за письмо. Искренне ваш, Огастес Джон».

Письмо, вложенное Огастесом Джоном.

«Уважаемый сэр. Я с громадным негодованием увидела в газете «Лиснер» за 4 мая Ваш портрет генерала Монтгомери. Можно подумать, Вам позировал древний Ганди или столетний старец. Я считаю это оскорблением генералу, он выглядит мертвецом, а не живым. Конечно же, заказчики были вынуждены принять Вашу работу, иначе Вы подняли бы скандал, как Вы уже сделали однажды, когда Вашу картину не вывесили. К тому же Вам пора отойти на задний план и уступить место молодым. Миссис М. Э. Тозер».

Этот портрет и карандашный набросок выставили в начале лета в Королевской академии искусств. Оба были проданы, и портрет теперь висит в картинной галерее в Глазго. (Огастес Джон пишет: «Дж. Б. Ш. приехал не поболтать со мной. Я пригласил его приехать и познакомиться с Монти по просьбе последнего. Во время разговора, длившегося около часа, генерал не позировал, а я не писал. Портрет приобрел университет Глазго (за хорошую цену)»). [251]

Два месяца до «Оверлорда»: апрель и май 1944 года

К концу марта подготовка к «Оверлорду» завершилась, и армии отправились в районы сосредоточения. Передвижения эти должны были занять много времени и начались рано; они стали серьезным испытанием для транспортных средств и железных дорог.

День высадки был намечен на 5 июня.

В течение всего апреля проводились учения, закончившиеся «генеральной репетицией» всех сил вторжения с 3 по 5 мая.

Я провел двухдневные учения в моем штабе в Лондоне 7 и 8 апреля, на них присутствовали все генералы общевойсковых армий. Моей целью было представить всем старшим командирам и их штабам полную картину «Оверлорда» — относительно генерального плана, проблем и плана ВМФ и действий авиации. Это было сделано в первый день. 8 апреля мы разбирали определенные ситуации, которые могли возникнуть в ходе операции — во время подхода по морю и после высадки на берег. В первый день присутствовал премьер-министр и обратился ко всем собравшимся.

28 апреля мой штаб перебрался в Саутуик-Хаус в районе Портсмута, он должен был стать нашим оперативным штабом в день высадки. Моя столовая разместилась рядом, в Брумфилд-Хаус.

В течение апреля я давал последние тактические наставления

двум армиям, которым предстояло высаживаться в Нормандии. 14 апреля я написал следующее:

«1. Во время операции «Оверлорд» неопределенным фактором является скорость, с которой противник сможет сосредоточить напротив нас для контратаки свои моторизованные и бронетанковые дивизии. Мы должны внимательно наблюдать за ситуацией и не растягивать основные силы так, что они не смогут выстоять против решительной контратаки; с другой стороны, захватив инициативу с начала высадки, необходимо ее удерживать. 2. Лучшим способом противодействовать сосредоточению и сопротивлению противника будут достаточно мощные танковые удары во второй половине дня высадки. [252] Если две танковые бригадные группы будут выдвинуты вперед на фронтах обеих армий в тщательно выбранные районы, противнику окажется весьма затруднительно препятствовать наращиванию наших сил; из занятых таким образом районов дозоры и разведка будут продвигаться вперед, это замедлит продвижение противника к нашему оперативному плацдарму. В результате такой наступательной тактики мы сохраним инициативу и посеем тревогу в сознании врага. 3. Для достижения успеха такая тактика должна применяться в день высадки; ждать до следующего дня — значит потерять благоприятную возможность и инициативу. Бронетанковые части и бригады нужно сосредоточить настолько быстро, насколько будет позволять ситуация сразу же после высадки в первый день; может быть, это окажется нелегко, но планы для этого сосредоточения должны быть подготовлены, и приложены все усилия для того, чтобы их выполнить; тут потребуются быстрота и решительность, и танки должны пробиваться в глубь страны. 4. Результатом этой тактики явится создание надежных баз далеко впереди наших основных сил; если места их расположения будут тщательно выбраны, противник не сможет их обойти. Я готов пойти почти на любой риск, чтобы вести эту тактику. Рискну даже полностью потерять танковые бригадные группы — что в любом случае невозможно; времени, на которое они задержат противника, чтобы он смог их уничтожить, будет вполне достаточно, чтобы наши силы продвинулись вглубь и перегруппировались для мощного наступления. И когда основные силы будут продвигаться вперед, их задача значительно упростится тем, что бронетанковые подразделения будут твердо держаться впереди в важных районах. 5. Командующим армиями обдумать проблему в свете вышесказанного и сообщить мне о своих планах проведения этой тактики».

Копию написанного я отослал премьер-министру. Вот его

ответ:

«Насколько могу судить, именно в этом духе нужно проводить операцию, и хочу, чтобы подобная тактика была испытана при высадке наших войск в Анцио». [253]

В мае я часто беседовал с Биллом Уильямсом, он стал бригадным генералом и возглавлял мой отдел разведки. В феврале Роммель принял командование над прибрежными секторами между Голландией и Луарой. С его появлением на побережьях стали появляться всевозможные заграждения, было ясно, что он намеревался не допустить никакого вторжения и разбить нас на побережье. Уильямс мастерски просеивал получаемые сведения, отбрасывал незначительные и в конце концов представлял мне продуманную картину намерений противника. Он считал, что Роммель будет стараться разбить нас на побережье и мы должны подготовиться к упорному сопротивлению в лесистой местности при продвижении во внутреннюю территорию Франции. Если Роммелю не удастся «распрощаться» с нами на берегу, он постарается «блокировать» нас в лесах. Я строил свои планы исходя из этого.

15 мая штаб Верховного главнокомандования устроил последнее представление наших совместных планов. Состоялось оно в школе Святого Павла, на нем присутствовали король, премьер-министр, генерал Смэтс и британские начальники штабов.

Эйзенхауэр на протяжении всего дня был превосходен; говорил очень мало, но то, что сказал, было весьма разумно. Перед уходом выступил король; он произнес импровизированную речь, краткую и блестящую. В конце дня выступили Смэтс и в заключение премьер-министр. В общем, то был замечательный день.

Вскоре после этого окончательного просмотра планов Смэтс пригласил меня пообедать с ним в Лондоне. У нас состоялся очень интересный разговор.

Писали, что незадолго до дня высадки я поссорился с премьер-министром и даже угрожал подать в отставку. Это неправда. Хочу изложить ту историю правдиво. Дело было так.

С приближением начала операции премьер-министр усомнился, что у нас нужное соотношение между численностью войск и количеством транспортных средств для высадки первого десанта на побережье Нормандии. Он полагал, что у нас недостаточно солдат и слишком много грузовиков, подвижных радиостанций и т. д. Объявил, что приедет в мой штаб возле Портсмута [254] и разберется в этом вопросе с моими старшими штабными офицерами. Получив это сообщение, я пригласил его

встретиться с ними за ужином.

Премьер-министр приехал 19 мая. Снимок, помещенный среди иллюстраций в этой книге под номером 36, сделали по его прибытии. Перед встречей с остальными я пригласил мистера Черчилля для недолгого разговора в свой кабинет. И, усадив его удобно, заговорил:

— Насколько я понимаю, сэр, вы хотите обсудить с моим штабом соотношение количества солдат и транспортных средств в первом десанте. Дозволить этого я не могу. Мой штаб дает мне рекомендации, и я принимаю окончательное решение; потом его члены выполняют мои приказания.

Окончательное решение принято. В любом случае я не мог бы вам позволить беспокоить в такое время членов моего штаба и, возможно, поколебать их уверенность во мне. Они проделали огромную работу для подготовки вторжения; работа эта уже почти завершена, и по всей Англии войска начинают отправляться к районам сосредоточения перед погрузкой на суда. Можете спорить со мной, но не с членами моего штаба. В любом случае менять что-то уже поздно. Я считаю, что все сделано правильно; это будет доказано в день высадки. Если вы думаете иначе, это может означать только, что вы утратили доверие ко мне.

После этого наступило неловкое молчание. Премьер-министр ответил не сразу, и я подумал, что мне лучше всего сделать ход! Встав, я сказал, что, если он перейдет в соседнюю комнату, я с удовольствием представлю его членам моего штаба. Премьер-министр повел себя великолепно.

С насмешливым огоньком в глазах он ответил:

— Мне не дозволено обсуждать что бы то ни было с вашими джентльменами.

Ужин прошел очень весело, и когда премьер-министр уехал, я отправился спать с мыслью, какой это замечательный человек — благородство не позволяет ему подчеркивать свое превосходство или не признавать своей неправоты.

В конце этой главы приведена запись, которую он сделал в моей тетради для автографов после ужина. [255]

22 мая на обед ко мне в БрумфилД-Хаус приехал король Георг, чтобы попрощаться. На другой день я должен был отправиться в заключительную поездку по армиям, чтобы обратиться ко всем старшим офицерам, и дал королю копию своих заметок (приведенных ниже) для этих бесед.

23 мая я отправился в заключительную поездку. Как я уже писал, день высадки был намечен на 5 июня, и я должен был вернуться своевременно. Я решил обратиться ко всем офицерам,

начиная с уровня подполковника, донести до них основные проблемы, связанные с масштабной операцией, которую мы готовились начать.

Я посетил районы сосредоточения всех корпусов и дивизий, обращался к аудиториям из пятисот-шестисот офицеров. Было необходимо делать это в каждом случае «от всей души»; когда это делаешь должным образом, отдаешь массу сил и в конце устаешь. Поездка заняла в общей сложности восемь дней и была весьма утомительной.

Но я уверен, что она принесла пользу, вселила в слушателей уверенность, что было необходимо, так как намеченный день приближался.

1 июня

Раздумывая над всем, что имело место с тех пор, как 2 января я вернулся в Англию, я понял, сколь многим обязан военному министерству. И написал сэру Джеймсу Григгу следующее письмо.

«1 июня 1944 года Мой дорогой министр! В январе я вернулся из Италии, чтобы принять командование над дислоцированными в Англии армиями и подготовиться к операциям в Западной Европе. Прошедшие пять месяцев были напряженным и трудным временем, но теперь планирование и подготовка завершены, и мы готовы к нашему громадному предприятию. 1. Перед началом его я хочу сказать, как глубоко благодарен Вам за всю помощь и наставления, которые получили от военного министерства я и мой штаб. Это был нелегкий для всех нас период, [256] я знаю, что временами бывал раздраженным, критичным и часто расстраивал Вас своими методами. Теперь, когда мы завершили эту работу и можем спокойно оглянуться на нее, хочу сказать, что в возникавших трениях и приступах раздраженности почти всегда был повинен я; военное министерство, начиная с руководства и кончая рядовыми сотрудниками, действовало блестяще, каждый отдел, и военный, и гражданский, прилагал все усилия, чтобы помочь нам подготовиться к сражению. 2. Я навсегда усвоил тот важный урок, что военное министерство и главнокомандующий боевыми армиями представляют собой единую команду; между ними должно существовать полное взаимное доверие. В напряженные периоды легко преувеличить расхождения во взглядах и таким образом вбить клин между двумя частями команды. Вы и военное министерство показали нам хороший пример того, как работать в такой команде; мы со своей стороны делали все, что было в наших силах, и надеюсь, не особенно огорчили Вас. 3. Поэтому теперь, когда приготовления завершены, я хочу перед отправлением в бой выразить через Вас

благодарность от себя и своего штаба всем сотрудникам военного министерства — военным и гражданским — за проявленное к нам участие и неизменную помощь и наставление в наших трудностях. 4. Я считаю, что обязан сказать это Вам как главе военного министерства. Надеюсь, Вы передадите мою глубокую благодарность всем, кто трудится под вашим началом. Всегда Ваш, Б. Л. Монтгомери».

Сэр Джеймс ответил вот что:

«3 июня 1944 года Мой дорогой Монтгомери! Благодарю Вас за то, что Вы сказали в своем письме от 1 июня, и за то, как это сказано. Военное министерство редко получает столь отрадное выражение одобрения от командующего боевыми армиями. В военном министерстве у всех, от руководства до рядовых сотрудников, как военных, так и гражданских, одна главная [257] цель — удовлетворить потребности армии, чтобы она могла с помощью других родов войск и наших союзников привести войну к быстрому и успешному завершению. Мы рады узнать, что оказались в состоянии дать все, что Вам требуется; мы уверены, что, если Ваша армия получила необходимое, мы спокойно можем предоставить Вам и Вашим соратникам делать все остальное, и желаем вам — каждому из вас — успеха в этом. Искренне Ваш, П. Дж. Григг».

Тогда же, 1 июня, мы начали с беспокойством изучать прогнозы погоды. В начале этого месяца оказалось всего четыре дня, когда возможно было начинать операцию «Оверлорд» по следующим причинам:

(а) На побережье находилось множество заграждений, и нам для уничтожения их требовалось, чтобы они не были покрыты водой.

(б) Для выполнения этой задачи требовалось как минимум 30 минут.

(в) Чтобы получить наибольший эффект от обстрела с моря и бомбардировки с воздуха, нам нужен был по меньшей мере один час светлого времени. В определенных условиях можно было довольствоваться меньшим, но ненамного.

(г) Нам требовалось около трех часов прилива после того, как первые суда достигнут берега.

С учетом всех этих факторов было ясно, что для начала операции в июне наиболее благоприятными являются следующие даты и сроки с учетом того, что рассвет начинался в 5 часов 15 минут.

День «В» Час «Ч» Период после рассвета

4-е 5.30 15 минут

5-е 6.10 55 минут

6-е 6.35 80 минут

7-е 7.15 120 минут [258]

На мой взгляд, день 4 июня был неприемлем. У нас не было времени полностью использовать наше громадное преимущество в воздухе, поскольку бомбардировка могла начаться только через десять минут после рассвета.

Было ясно, что наиболее подходящий день — 5 июня, именно он и был намечен для дня высадки несколько месяцев назад.

День 6 июня был вполне приемлем.

7 июня не очень подходило, так как рассвет начинался за два часа до подхода к берегу; но это можно было уладить.

После этой даты следующий возможный период наступал только через две недели. Перспектива выгружать с судов все войска после того, как они получили все инструкции, и ждать две недели вызывала множество опасений; однако мы спланировали во всех деталях, что делать в том случае, если погода вынудит нас надолго отложить операцию.

2 июня

1 июня я выступал с обращением ко всем офицерам моих штабов — главного и тактического в Саутуик-Хаус утром, тылового в Лондоне во второй половине дня.

В тот вечер Эйзенхауэр спокойно поужинал со мной в Брумсфилд-Хаус, потом мы поехали в Саутуик-Хаус на совещание с метеорологами. Погода казалась подходящей, но метеорологов беспокоил циклон над Исландией. Было решено начать операцию 5 июня безо всяких изменений и еще раз встретиться с метеорологами 3 июня в 21.30.

3 июня

Прогноз погоды был неутешительным. Исландский циклон начал распространяться к югу и оттеснять антициклон, шедший к нам с Азорских островов. Это означало, что зона высокого давления над Ла-Маншем в ночь с 4 на 5 июня отступает.

Возникало затруднительное положение, и я записал в дневнике, что, возможно, потребуется принимать какое-то серьезное решение. И добавил: [259]

«Лично я читаю, что, если море будет достаточно спокойным, чтобы флот мог доставить нас туда, нужно отправляться; для авиации, чтобы завершить все подготовительные операции, погода была отличной, и нужно иметь в виду, что, возможно, в день высадки ей не удастся действовать столь успешно».

Совещание собралось в 21.30, и мы решили ничего не менять. Но понимали, что окончательное решение насчет откладывания операции нужно будет принимать ранним утром 4 июня и в любом случае некоторые конвои выйдут в море.

4 июня

Мы собрались в Саутуик-Хаус в четыре часа утра. Некоторые конвои уже вышли в море, готовясь ко дню высадки 5 июня. Прогнозы погоды были обескураживающими. В ВМФ считали, что высадка будет возможна, но предвидятся трудности. Адмирал Рамсей определенного мнения не имел. Я был за начало операции. Теддер, заместитель главнокомандующего, за отсрочку.

Взвесив все факторы, Эйзенхауэр решил отложить день высадки на двадцать четыре часа, то есть на 6 июня.

Мы снова собрались вечером в 21.30; прогнозы погоды были по-прежнему скверными, и мы решили собраться снова на другое утро в четыре часа.

5 июня

Мы собрались в назначенное время. В Ла-Манше бушевал сильный шторм, и было ясно, что, если не перенести день высадки, нас может постигнуть катастрофа.

Но метеосводки предсказывали ослабление шторма и приемлемую погоду на 6 июня и на последующие несколько дней до начала очередного периода неустойчивой погоды.

Эйзенхауэр решил начинать. Мы все обрадовались. Это совещание длилось от силы четверть часа. Эйзенхауэр находился в бодром состоянии и принял решение быстро.

В тот вечер я отправился в Хиндхед повидаться с майором и миссис Рейнолдс и прийти с ними к окончательному соглашению [260] относительно Дэвида. В последнее время я не видел его и не хотел оповещать всех ребят в Винчестере[13] о приближении дня высадки приездом туда, чтобы попрощаться с сыном. Миссис Рейнолдс потом говорила мне, что она догадалась о наступлении кануна этого дня — не по моим словам или поведению, а потому, что я привез туда штатскую одежду и повесил в шкаф.

6 июня

Я провел этот день в саду Брумсфилд-Хаус. После завтрака сделал для Би-би-си запись личного обращения к армиям, которое зачитали войскам при погрузке на суда. Еще до полудня стало ясно, что наши войска высадились на побережье и, насколько можно судить, все идет хорошо. Я решил, что мое место в Нормандии; находясь под Портсмутом, я не мог принести никакой пользы. Поэтому в половине десятого вечера того же дня отплыл на эсминце Королевского военно-морского флота «Фолкнор» (капитан С. Ф. Г. Черчилль), стоявшем в военном порту, чтобы переправить меня на континент. Снова я увидел Англию почти через шесть месяцев.

Мне не терпелось увидеться с командующими армиями Бредли и Демпси, которые шли через пролив на кораблях вместе

с командующим ВМФ. Требовалось обсудить ситуацию с ними.

Вот что написал премьер-министр в моей книге для автографов, когда приходил ко мне на обед в Брумфилд 19 мая:

«Накануне величайшего предприятия я свидетельствую свою уверенность в том, что оно пройдет успешно и что снаряжение армии будет достойно храбрости ее солдат и гения ее командующего. Уинстон С. Черчилль». [261]

Глава четырнадцатая. Битва за Нормандию

6 июня — 19 августа 1944 г.

Теперь мы подходим к описанию событий, которым предстояло оказать большое влияние на дальнейший ход войны. О кампании на северо-западе Европы написано много, и она будет служить благодатным полем для исторических изысканий еще долгие годы. Она дала почву для подъема национальных чувств, и, например, американские писатели резко критиковали поведение англичан в целом и мое в частности. Семя раздоров было посеяно в Нормандии, и именно поэтому с нее я и начну. Мой друг Айк согласился с тем, что настал мой черед высказать свою точку зрения. Я постараюсь изложить всю историю как можно ближе к истине. Утром 7 июня, на следующий день («Д»+1) после начала операции, британский военный корабль «Фолкнор» подошел к побережью и направился на запад, в зону действия американцев. Мы сблизились с кораблем ВМС США «Аугуста», на котором находился генерал Бредли, и я провел с ним обстоятельную беседу относительно положения, в котором оказалась 1-я американская армия. Бредли был озабочен оперативной ситуацией на «Омахе», восточном участке его зоны высадки. Мы обсудили его проблемы и пришли к общему мнению относительно путей их разрешения. Затем «Фолкнор» вернулся в британский сектор, и мы присоединились к нашим кораблям «Сцилла» и «Булоло», стоявшим на небольшом расстоянии друг от друга. Генерал Демпси и адмирал Вайен прибыли с этих кораблей на «Фолкнор», и я обсудил с ними их положение и проблемы; на британском участке все шло по плану, и оснований для тревоги не было. Именно в это время генерал Эйзенхауэр прибыл в британский сектор на флагманском корабле адмирала Рамсея, я поднялся на борт и провел с ними переговоры. Затем я попросил капитана Черчилля вернуться в американский сектор, чтобы я мог еще раз побеседовать на «Аугусте» с генералом Бредли. Так мы и поступили. Теперь [262] с участка «Омаха» поступали более радостные известия, и генерал Бредли перебрался на сушу, однако начальник его штаба приехал на «Фолкнор» и описал мне положение дел. Затем мы вернулись в британский сектор.

К этому времени ветер и море успокоились, сияло солнце, и поездки на эсминце для «смотра флота» доставляли удовольствие. Там было на что посмотреть: множество кораблей, уже начинали прибывать блокшивы и искусственные гавани.

Действий в воздухе со стороны врага не предпринималось, на суше и на море почти не было заметно признаков войны. Трудно было представить себе, что на побережье разворачивалось сражение, решавшее судьбу Европы. Мы встали на якорь в британском секторе примерно в 20.30, и я спросил капитана Черчилля, сможет ли он высадить меня на берег к семи часам следующего утра, то есть 8 июня.

Мы отправились в путь в 6.30 утра и стали продвигаться к тому участку, где я попросил меня высадить. Был отлив, когда я сказал, что нам следует подойти как можно ближе к берегу, капитан начал измерять глубину ручным лотом, а потом включил эхолот. Дымовая завеса скрывала все береговые ориентиры. Затем случилось следующее: весь корабль слегка содрогнулся, мы зацепились кормой за песчаную отмель или большой камень. Я находился на юте вместе с адъютантом, которого и послал на мостик узнать, нельзя ли подойти еще ближе к берегу. Капитан не обрадовался этому вопросу. Тем временем на палубе старший лейтенант объяснил мне положение дел. Когда он сказал, что мы сели на мель, я, как мне позже рассказывали, ответил: «Отлично. Значит, наверное, ближе подойти к берегу капитан не мог. А как насчет лодки, чтобы доставить меня туда?»

В конце концов представители моего штаба, уже находившиеся на берегу, забрали меня на десантном катере, а эсминец вскоре после этого сняли с мели с помощью буксира. Мне рассказывали, что история этого происшествия при высадке, без сомнения, сильно преувеличенная, пользовалась огромным успехом во всех кают-компаниях военно-морского флота.

С тактической точки зрения наша высадка в день «Д» стала неожиданностью для противника. Погода была плохая, море — бурным, но войска высаживались на берег в хорошем настроении [263] и в нужных местах. Медленно и неустанно мы закреплялись на берегу и расширяли зону нашего присутствия.

На второй день («Д»+1) мы продвинулись на пять-шесть миль в глубь побережья. К пятому дню («Д»+4), то есть к 10 июня, занятые нами участки слились в единую линию; она растянулась на шестьдесят миль вдоль берега, а глубина ее колебалась от восьми до двенадцати миль; мы хорошо закрепились, и всем опасениям пришел конец. В самом начале нас беспокоило положение дел на участке «Омаха», но ситуацию удалось исправить благодаря мужеству американских солдат, хорошей поддержке огнем с моря и отваге истребительно-бомбардировочной авиации.

Премьер-министр и генерал Смэтс посетили меня в Нормандии 12 июня. Премьер находился в отличной форме. На

этот раз он был готов признать, что за поле боевых действий отвечаю я, а ему следует выполнять приказы. Перед отъездом он снова оставил запись в моем альбоме для автографов:

«Франция, 12 июня 1944 г. Как все это началось, так пусть и идет до самого конца. Уинстон С. Черчилль».

Смэтс написал под этими словами:

«Так и будет! Дж. К. Смэтс 12/6/1944».

В это время мой тактический штаб располагался в саду замка в Крейи, маленькой деревушки в нескольких милях к востоку от Байё. Мадам де Дрюваль, владелица замка, по-прежнему жила в нем. Я полагал, что, когда мы уезжали из Портсмута, в мой фургон взяли все, в чем я нуждался, но оказалось, что не хватало одного предмета — ночного горшка, или, как говорят французы, pot-de-chambre. Я велел адъютанту спросить, не может ли мадам дать нам этот предмет — на время. Обсудив проблему, мы согласились с тем, что ситуация довольна деликатна и что лучше будет спросить мадам, не сможет ли она одолжить главнокомандующему вазу. Мадам [264] ответила, что сделает это с радостью, собрала все имевшиеся в замке вазы для цветов и попросила моего адъютанта выбрать ту, которая ему больше понравится. Он внимательно осмотрел вазы и сказал, что, по его мнению, для цветов генерала не подойдет ни одна из них. Нет ли ваз другого типа? Мадам, обладавшая великолепной интуицией и не меньшим чувством юмора, тут же поняла, что имелось в виду — без сомнения, «ночная ваза». Она сказала моему адъютанту, что, как ей кажется, у нее найдется ваза еще одного типа, довольно необычная, но которая, по-видимому, подойдет для солдата. Она вышла из комнаты и через несколько минут вернулась с маленькой белой ночной вазой, украшенной розовыми цветочками. Она гордо поставила ее посередине всего собрания цветочных ваз и сказала: «Думаю, что это подойдет генералу для его цветов». Адъютант согласился, что это — именно то, что нужно и что эта ваза будет отлично смотреться в генеральском фургоне!

Мадам до сих пор живет в замке, и я иногда навещаю ее. Историю о генеральской вазе рассказывают каждому посетителю, так что теперь она известна большинству жителей Нормандии. Думаю, что при пересказе история обрастает новыми подробностями. Должен добавить, что мадам настояла на том, чтобы я оставил «вазу» у себя, и теперь она занимает достойное место в моем доме в Гэмпшире.

Но вернемся к операции.

Ранее я уже описывал свой генеральный план Нормандского сражения. Вкратце он заключался в организации и проведении

операций таким образом, чтобы главные силы противника оказались стянутыми на наш восточный фланг, на позиции 2-й британской армии; это облегчило бы нам захват территорий на западном фланге и осуществление там окончательного прорыва — для чего предполагалось использовать 1-ю американскую армию. В случае более быстрого развития событий на западном фланге нам предстояло быстрее продвигаться на этом направлении.

На восточном фланге, в секторе Кана, задача захвата территорий стояла не так остро; там главное заключалось в ведении ожесточенных боев, чтобы заставить противника бросить в бой свои резервы. Тогда американские силы столкнулись бы с меньшим сопротивлением при продвижении, которое на западе имело жизненно важное значение. [265]

При осуществлении этого генерального плана нам очень помогло колоссальное стратегическое значение Кана. Через этот важнейший транспортный узел проходили основные дороги, ведшие к нашим позициям с востока и юго-востока. Поскольку основные немецкие мобильные резервы располагались к северу от Сены, им пришлось бы двигаться к нашему плацдарму с востока, и они неизбежно вышли бы на Кан. На юго-востоке, между Каном и Фалезом, были хорошие условия для развертывания аэродромов. Я был уверен, что мощное и настойчивое наступление в секторе Кана позволит нам достичь поставленной цели по оттягиванию резервов противника на наш восточный фланг: эта концепция легла в основу моего плана. С самого начала на ней строились все наши расчеты. Как только мы закрепились на берегу, я начал проводить эту стратегию в жизнь, и после тяжелых боев в районе Кана и захвата Шербурского полуострова она начала приносить результаты.

У меня ни разу не появилось причины или повода для изменения генерального плана. Конечно, мы не соблюдали все временные рамки и этапы, предварительно намеченные с оглядкой на тыловое планирование, и, конечно, мы не колеблясь меняли наши планы и дислокацию в зависимости от складывающейся тактической ситуации — как в любом сражении. Но основа плана оставалась неизменной; именно на нее я возлагал все свои надежды и жестко отстаивал ее, несмотря на усиливавшиеся возражения малодушных. Например, мы не взяли Кан до 10 июля, а его восточные пригороды были окончательно очищены только к 20 июля. Первоначально я намеревался как можно раньше захватить высоту между Каном и Фалезом, поскольку эта местность очень подходила для строительства аэродромов; но эта задача не имела жизненно важного значения,

и, когда я увидел, что ее осуществление в соответствии с исходным планом приведет к неоправданным потерям, я не стал настаивать. Командование ВВС меня не одобряло.

Безусловно, основная задача моей стратегии на западном фланге состояла в сосредоточении крупных бронетанковых сил на юго-востоке от Кана, в районе Бергебю; это давало нам возможность удержать основные бронетанковые силы немцев на восточном фланге и тем самым способствовать продвижению [266] американцев на западе. Мы закрепились на этой высоте только после начала операции «Гудвуд» бронетанковыми подразделениями 2-й армии 18 июля. Как только танковая атака застопорилась из-за ожесточенного сопротивления противника, а также из-за того, что дожди превратили весь район в море грязи, я решил отказаться от этого наступления. Многие полагали, что операция «Гудвуд» должна была стать началом нашего плана по прорыву к Парижу с восточного фланга и что, коль скоро я этого не сделал, сражение следует считать проигранным. Однако позвольте мне, рискуя показаться скучным, еще раз уточнить. Мы никогда не собирались прорываться с плацдарма на восточном фланге. Неправильное понимание этой простой и в то же время основной идеи неоднократно вызывало трения между британскими и американскими деятелями. Вот что, к примеру, сказано о кампании на 32-й странице доклада Эйзенхауэра, датированного 13 июля 1945 года, который он сделал перед Объединенным комитетом начальников штабов:

«Тем не менее на востоке нам не удалось прорваться к Сене, а сосредоточение сил противника в секторе Кана не позволило нам создать там столь необходимый плацдарм. Благодаря достаточной гибкости наших планов мы смогли извлечь выгоду из такой реакции противника и вывести американские силы из района их дислокации на западе, пока британцы и канадцы отвлекали силы немцев на востоке. Затем, в течение июля, фельдмаршал Монтгомери продолжал оказывать непрестанное давление на противника силами 2-й армии».

Создается впечатление, будто британцы и канадцы потерпели поражение на востоке (в секторе Кана) и из-за этого вся работа по прорыву на западе досталась американцам. Такой упрек в адрес Демпси и 2-й армии ясно показывает, что Эйзенхауэр не сумел понять сути плана, с которым охотно согласился.

На протяжении всего периода ожесточенных сражений в Нормандии у нас не было намерений прорываться к Сене с восточного фланга; об этом ясно свидетельствуют многочисленные изданные мною приказы и распоряжения. Подобное неверное толкование существовало только в штабе

Верховного главнокомандования, в то время как все высшие офицеры, отвечавшие [267] за ведение боевых действий в Нормандии, в том числе Бредли, имели точное представление об истинных задачах плана. Неправильное понимание стало причиной многочисленных разногласий, и недолюбливавшие меня члены штаба Верховного главнокомандования воспользовались этим для создания конфликтной ситуации в период развития кампании.

По-моему, одна из причин этого заключалась в том, что первоначальный план КОССАК[14], по сути дела, состоял в прорыве из района Канна — Фалеза на нашем восточном фланге. Я отказался принять этот план и изменил его. Автор плана, генерал Морган, к этому времени стал заместителем начальника штаба Верховного главнокомандования. Он считал Эйзенхауэра богом; поскольку я отверг многие его планы, меня он поставил на противоположный конец небесной иерархии. Так были посеяны семена раздора. Морган и его окружение (стратеги, отстраненные от дел) при любой возможности пытались убедить Эйзенхауэра в том, что я настроен на оборону и что мы вряд ли пойдем на прорыв где бы то ни было!

Летчики, которым, как нетрудно понять, хотелось получить аэродромы на восточном фланге под Каном, всячески поддерживали все «фантазии» Моргана на этот счет. А некоторые летчики буквально испытывали счастье от представившейся возможности намекнуть, что не все идет так, как следует. Одна из проблем заключалась в самой организации командования. В пустыне «Маори» Конингем и я были равноправными партнерами — он командовал ВВС в пустыне, а я — 8-й армией. После взятия Триполи он остался в Северной Африке, где работал вместе с Александером, и мы вновь объединились только в 1944 году, когда оба оказались в Англии. И тут мы уже не были равноправными партнерами. Мало того что мой берет украшали две кокарды — я стал обладателем сразу двух беретов. Я был одновременно главнокомандующим 21-й группой армий и командующим сухопутными войсками в Нормандской операции. Таким образом, мне приходилось иметь дело с двумя представителями ВВС: главнокомандующим Ли-Мэллори и «Маори» Конингемом, возглавлявшим 2-е тактическое [268] командование, которое работало с 21-й группой армий. «Маори» был особенно заинтересован в получении аэродромов к юго-востоку от Кана. Эти аэродромы упоминались в плане и, с его точки зрения, имели первостепенное значение. Я не ругаю его. Но для меня они первостепенного значения не имели. В случае выигрыша в Нормандском сражении мы получали все, и

аэродромы в том числе. Я сражался не за аэродромы — я сражался, чтобы выбить из Нормандии Роммеля. Конингем вряд ли мог понять это по двум причинам. Во-первых, в это время мы не виделись ежедневно, как это бывало в пустыне: на этом этапе я работал напрямую с Ли-Мэллори. Во-вторых, Конингем хотел получить аэродромы, чтобы разбить Роммеля, а я хотел разбить Роммеля, чтобы, помимо всего прочего, получить аэродромы. «Маори» с Теддером были старыми друзьями. Они вместе пережили тяжелые времена на Ближнем Востоке. Поэтому «Маори» пользовался благосклонностью Теддера — к тому же оба они были хорошими летчиками. Все это, как мне кажется, оказывало определенное влияние на Теддера и давало Моргану возможность получить в штабе Верховного главнокомандования союзных экспедиционных сил союзника, обладавшего преимуществом, которого сам Морган не имел, — опытом ведения боевых действий, пусть и не сухопутных.

К середине июля стало проявляться все нарастающее нетерпение со стороны прессы; журналистам казалось, что у нас царит застой. В начале июля потерпела неудачу первая попытка прорыва в сторону Кутанса, предпринятая Бредли. Затем началась операция «Гудвуд» в секторе Кана, и пресса восприняла ее как попытку прорыва на восточном фланге; и в этом качестве операция также казалась провалившейся. Я сам несу часть вины за сложившееся впечатление, потому что выглядел слишком довольным на пресс-конференции, которую дал в разгар операции «Гудвуд». Сейчас я это понимаю — честно говоря, я понял это довольно скоро после пресс-конференции. Суть проблемы состояла в следующем: мы с Бредли пришли к выводу, что не должны рассказывать журналистам всю правду о стратегии, лежавшей в основе нашего плана. Как сказал Бредли: «Надо улыбаться и держаться». Улыбаться становилось все труднее.

К 18 июля был окончательно составлен план операции «Кобра», завершавшей прорыв на американском фронте, и я одобрил его. [269]

Тут надо отметить, что на этом этапе погода в целом нам не благоприятствовала. С 19 по 22 июля на нас обрушился сильнейший шторм. Именно в то время, когда для осуществления наших планов и удержания инициативы мы нуждались в свежих дивизиях, эти дивизии оказались на кораблях, стоявших на якорях вдали от берега, не имея возможности высадиться. К 20 июля в таком положении находились четыре дивизии — две американские и две британские. Особенно тяжко пришлось 1-й американской армии; пришлось отказаться от использования американской искусственной гавани («Малбери») на участке

«Омаха», урезать расходование боеприпасов, и Бредли на неделю отставал от графика наращивания сил и вооружений.

Пока наши операции разворачивались по намеченному плану, я постоянно следил за цифрами потерь. Они были следующими:

22 июня
Убиты Ранены Итого
Британцы 2006 8776 10782
Американцы 3012 15362 19374
29156

10 июля
Убиты Ранены Итого
Британцы 2894 18314 22208
Американцы 6898 32443 39341
61549

19 июля
Убиты Ранены Итого
Британцы 6010 28690 34700
Американцы 10641 51387 62028
96728

Кроме того, к 19 июля мы эвакуировали из британского сектора 11 000 больных.

Тем временем 1-я американская армия выходила на позиции, с которых она могла начать операцию по прорыву. Первоначально мы рассчитывали начать операцию с линии Сен-Ло — Кутанс. От этой идеи пришлось отказаться, и в конце концов Бредли решил [270] наступать с главного рубежа, шедшего по дороге Сен-Ло — Перье. Мы надеялись достичь этого рубежа к 11 июня (пятому дню операции), однако вышли на него лишь к 18 июля.

К этому времени британские силы продолжали неуклонно осуществлять свои задачи на восточном фланге. Ведя ожесточенные и непрерывные бои, они удерживали в секторе Кана основные силы противника. Чем больше задерживались американцы, тем настойчивее я приказывал англичанам усиливать ведение боевых действий; и ни разу от Демпси не поступило никаких жалоб. Следующая таблица позволяет понять, как хорошо выполняла свои задачи 2-я британская армия.

Силы противника против 1-й американской армии Силы противника против 2-й британской армии

Танковые дивизии Танки Пехотные батальоны Танковые дивизии Танки Пехотные батальоны

15 июня — 70 63 4 520 43
20 июня 1 210 77 4 430 43
25 июня 1 190 87 5 530 49
30 июня 1/2 140 63 7 1/2 725 64

5 июля 1/2 215 63 7 1/2 690 64
10 июля 2 190 72 6 610 65
15 июля 2 190 78 6 630 68
20 июля 3 190 82 5 560 71
25 июля 2 190 85 6 645 92

Противник пытался «огородить» нас в лесистой местности, находившейся в 15–20 милях в глубь от места вторжения. В течение какого-то времени это ему удавалось; однако добиться успеха можно было, только непрерывно посылая все новые резервы для латания дыр в обороне и ценой больших потерь в живой силе и технике. Вражеские резервы не позволяли нам достаточно продвинуться вперед в востоку и к югу от Кана, но их не хватало для того, чтобы противостоять наступлению на западном фланге. Иными словами, противник просто растрачивал свои силы. Как и в Аламейне, мы заставили его ввести в действие резервные силы на широком участке фронта; мы же теперь были готовы сосредоточить свои силы на узком участке и тем самым выиграть сражение.

Операция «Кобра» должна была начаться 20 июля; именно к этой дате я приказал завершить операцию «Гудвуд» на восточном [271] от Кана фланге. Но нас снова подвела погода, и фактически «Кобра» началась только 25 июля.

Мне было ясно, что, как только американское наступление наберет темпы, это будет иметь серьезные последствия для всего фронта противника. Линия его обороны прогнется, и он будет пытаться выровнять ее на новых рубежах. Я решил, что при этом он будет опираться на три основные позиции:

1. У Комона.

2. По линии реки Орн.

3. По высотам между Каном и Фалезом.

Поэтому я планировал нанести последовательные удары по ключевым пунктам на севере, где, как мне казалось, противник попытается «закрепить» свой левый фланг. Я отдал соответствующие приказы, и 2-я армия вначале перегруппировалась, а затем перенесла основную силу удара с крайнего левого фланга юго-восточнее Кана на крайний правый фланг у Комона. Это был сложный маневр, и 2-я армия прекрасно осуществила его.

Атака на Комон (операция «Блюкоут») должна была вестись 2 августа силами шести дивизий. Но ввиду неожиданно быстрого продвижения американцев я с согласия Демпси перенес ее на 30 июля.

Итак, 25 июля, в день, когда начался прорыв американцев, мы оказались на пороге великих событий. Теперь нам предстояло

пожать посеянное ранее: стратегический план битвы за Нормандию должен был принести решающий успех. И тут, совершенно неожиданно, на нашем горизонте сгустились тучи.

26 июля Эйзенхауэр обедал в Лондоне с премьер-министром. Я не знаю точно, о чем именно шла речь на этом обеде. Вечером Эйзенхауэр написал мне, и, поскольку я знал о предубеждениях, существовавших на мой счет в штабе Верховного главнокомандования, одна строчка в его письме меня насторожила. Вот что там говорилось:

«Он (премьер-министр) постоянно повторял, что знает, что вы понимаете необходимость «поддерживать огонь» на фронте, когда развивается большое наступление».

Мне показалось, что Эйзенхауэр пожаловался премьер-министру на то, что я не понимаю, что делаю. На самом деле, как я [272] узнал позже, он сказал премьер-министру, что обеспокоен появившимися в американской прессе сообщениями, будто на долю британцев приходится меньше военных трудностей и меньше потерь. Он дал премьер-министру понять, что, с его точки зрения, британские силы на восточном фланге могут и должны вести более активные наступательные действия, что они сражаются не так, как должны, и в подтверждение привел цифры потерь. Это стало причиной множества проблем. Вечером следующего дня, 27 июля, премьер-министр пригласил нескольких ответственных лиц на ужин с Эйзенхауэром. Вскоре я узнал, что там произошло.

Эйзенхауэр пожаловался, что Демпси перекладывает все тяготы боев на американцев. Его внимание обратили на стратегическую основу моего плана: ведение ожесточенных боев на левом фланге с тем, чтобы оттянуть туда немецкие силы, и одновременное продвижение на правом фланге. Ему напомнили, что он сам одобрил эту стратегию и что она претворяется в жизнь; основные бронетанковые силы немцев постоянно удерживались на британском участке фронта. Опровергнуть эти аргументы Эйзенхауэр не мог. Затем он спросил, почему мы не можем начать масштабное наступление на обоих фронтах одновременно — как это делают русские. Ему указали, что плотность немецких войск в Нормандии примерно в 2,5 раза выше, чем на русском фронте, а наше превосходство в силе составляет всего лишь около 25 процентов, тогда как превосходство русских на Восточном фронте достигает 300 процентов. Совершенно очевидно, что наше положение не позволяет начать общее наступление по всему фронту; именно этого хотели бы немцы, но это никак не соответствовало бы согласованной нами стратегии. К этому времени (25 июля) мы уже начали операцию по прорыву на

правом фланге. Общее наступление быстро набирает темп. 2-я британская армия продолжает вести бои, чтобы удержать немцев на левом фланге. Наконец, наступает момент, когда наша стратегия должна увенчаться успехом. Так в чем же проблемы?

Затем Эйзенхауэру сказали, что, если у него есть какие-то сомнения в том, что я веду сражение надлежащим образом, он должен недвусмысленно заявить об этом мне, что в его власти отдавать приказы, что он должен выложить карты на стол и точно объяснить [273] мне, чего он требует. Эйзенхауэр явно не решался. Тогда его спросили, не хочет ли он получить помощь от начальника Имперского генштаба. Хочет ли Эйзенхауэр, чтобы начальник Имперского генштаба передал мне его слова? Хочет ли Эйзенхауэр, чтобы начальник Имперского генштаба сопровождал его, когда он поедет ко мне? Эйзенхауэр отклонил все эти предложения.

Через несколько дней нам предстояло одержать победу, которую объявят самым великим достижением во всей истории войн. Роль, сыгранная британцами в этой битве, не бросалась в глаза, и в конечном итоге американская пресса преподнесла ее результаты как победу американцев. И с этим согласились. Но мы все знали, что, если бы не усилия, предпринятые на восточном фланге 2-й британской армией, американцам никогда не удалось бы совершить прорыв на западе. Битва за Нормандию велась по британскому стратегическому плану, и этот план успешно сработал благодаря первоклассной, слаженной работе всех участников — как британцев, так и американцев. Но в то время когда приближалась окончательная победа, в британских войсках стали циркулировать слухи о том, что, по мнению Верховного главнокомандующего, мы не взяли на себя должную часть военных тягот. Я не думаю, что этот великий и хороший человек, ставший теперь одним из моих лучших друзей, отдавал себе отчет в том, какие последствия имели его слова. С тех самых пор и до конца войны в отношениях между британцами и американцами постоянно присутствовали некие странные «ощущения». От замечаний, время от времени отпускавшихся Паттоном, легче не становилось. Когда Бредли остановил его в Аржантане, он заявил: «Пропустите меня на Фалез, мы скинем британцев в море и устроим им второй Дюнкерк».

Мне всегда было совершенно ясно, что в том, что касалось ведения боевых действий, наши с Айком точки зрения полностью расходились. Моя военная доктрина основывалась на изменении соотношения сил в нашу пользу, чтобы заставить противника бросить в бой резервы на всем протяжении фронта и тем самым пробить бреши в его обороне; добившись этого, я мог ввести свои

резервы на узком участке для нанесения мощного удара. Использовав свои резервы, я стремился как можно скорее создать свежие. У меня создалось впечатление, что высшие чины [274] из штаба Верховного главнокомандования не понимали доктрины «баланса сил» при проведении операций. Я понял ее на практике, воюя с 1940 года, и по собственному опыту знал, что эта доктрина помогает спасти жизни людей.

Кредо Эйзенхауэра, как мне кажется, состояло в том, что следует постоянно вести активное наступление всеми имеющимися силами. Все должны постоянно атаковать. Я вспоминаю, как однажды Беделл Смит сравнил Эйзенхауэра с футбольным тренером, который все время бегает вокруг поля и подбадривает своих игроков. Подобная философия стоила многих жизней, о чем свидетельствуют цифры, приведенные мною ранее в этой главе. Общая цифра потерь 11 августа, когда Нормандская операция подходила к концу, составляла:

Британцы и канадцы 68 000

Американцы 102 000

170 000

В это время у нас во Франции было 37 дивизий, в том числе:

в 12-й (американской) группе армий 21

в 21-й группе армий 16

Мои критики в штабе Верховного главнокомандования, безусловно, пользовались этими различиями в наших военных мировоззрениях, чтобы сеять смуту, и я всегда считал, что именно они убедили Эйзенхауэра пожаловаться 26 июля премьер-министру, что 2-я армия сражается не так, как ей подобает. Эти действия сослужили самую скверную службу союзническому делу. И самое обидное в том, что никакой нужды в них не было — победа уже приближалась, и через несколько дней мы полностью обеспечили ее. Ссоре, начатой таким образом в Нормандии, предстояло разрастись до размеров настоящей бури, которая временами угрожала потопить корабль союзников.

Можно сказать, что битва за Нормандию закончилась 19 августа, потому что именно в этот день мы окончательно разгромили остатки сил противника, окруженные в котле к востоку от Мортена. Одержанная победа была окончательной, полной и [275] решительной. В следующей таблице приводятся потери противника в ходе операции.

Потери противника: Нормандская операция 6 июня — 19 августа 1944 г.

Командующие армиями Убиты или взяты в плен 20

Командующие корпусами

Командующие дивизиями

Командующие армиями (Роммель, Хауссер) Ранены 2

Главнокомандующие (фон Рундштедт, фон Клюге) Смещены 2

Дивизии (уничтожены или понесли большие потери) Около 40

Общие потери противника оценить трудно. Вероятно, около 300 000, но, некоторым немецким официальным источникам, общая цифра потерь составляет менее 200 000.

Орудия (захвачены или уничтожены) Более 3000

Танки (уничтожены) Более 1000

Я не хочу заканчивать эту главу на горькой ноте. В Нормандии мне предъявляли много обвинений. Может быть, самым интересным из них стало официальное обвинение меня одним из офицеров моего тактического штаба не только в попустительстве мародерству, но в непосредственном участии в нем. Вот как было дело.

В конце июля в Имперский генеральный штаб поступило письмо из министерства иностранных дел, в котором обращалось внимание на возмутительные случаи мародерства британских солдат в Нормандии, ставшие известными благодаря частным источникам. Ввиду жалоб со стороны французов МИД настоятельно требовал расследования случившегося. Я тут же связался [276] с г-ном Куле, представителем генерала де Голля в наших войсках, и получил от него информацию, что никаких жалоб не поступало и я могу быть уверен, что выдвинутые обвинения необоснованны. Но дым без огня бывает редко, и мне стало ясно, что сплетни распространяются в Лондоне неким полковником, которого я уволил из своего тактического штаба. В начале июля один из моих адъютантов гонял свинью местного фермера, а потом пристрелил из револьвера — она носилась вокруг моего лагеря, а поймать ее не удавалось. Полковник разобрался с этой историей, фермеру заплатили за свинью, и солдаты ее съели.

Позже тот же полковник обвинил нескольких других моих офицеров связи в том, что они собирали продовольствие в поездках по передовой: крестьяне бросили свои фермы, и вся местность кишела бегавшими на свободе курами, кроликами и так далее.

Полковник приходил ко мне по этому поводу. Я ничего не знал о таких случаях и попросил рассказать подробности. Поскольку это происходило в очень сложный момент сражения, я в конце концов сказал полковнику, что ему следует обсудить проблему с начальником штаба. Тогда он начал спорить со мной и заявил, что я потворствую подобным действиям своего персонала и даже готов сам принять в них участие. Это было уже

чересчур. Я позвонил своему начальнику штаба и сказал, что полковника следует немедленно убрать из тактического штаба. Что и было сделано. После его возвращения в Лондон в конце июля пошли сплетни, а сам полковник написал письменный рапорт в военное министерство.

После войны, став начальником Имперского генштаба, я прочел материалы по делу, собранные в министерстве. Наверное, впервые в истории войн один из офицеров штаба обвинил в мародерстве полевого главнокомандующего. Но, без сомнения, военному министерству и без этого было чем заняться. [277]

Глава пятнадцатая. Стратегия союзников к северу от Сены

К середине августа 1944 года положение немцев во Франции было отчаянным.

25 августа пал Париж, и в вышедшей на следующий день сводке штаба Верховного главнокомандования говорилось:

«После двух с половиной месяцев ожесточенных боев, завершившихся для немцев кровавой баней, превосходившей даже их экстравагантные вкусы, окончание войны в Европе стало близким, почти осязаемым. Немецкие силы на западе разгромлены, Париж вновь принадлежит Франции, а армии союзников идут к границам рейха».

Изданные вскоре после этого оперативные инструкции штаба Верховного главнокомандования начинались следующими словами:

«В сопротивлении противника по всему фронту отмечаются признаки краха. Оставшиеся у него силы, составляющие, по оценкам, эквивалент двух слабых танковых и девяти пехотных дивизий, сосредоточились к северо-западу от Арденн, но они дезорганизованы, отступают и вряд ли способны оказать сколько-нибудь значимое сопротивление, если не получат передышки. К югу от Арденн силы противника равны, по оценкам, двум мотопехотным и четырем слабым пехотным дивизиям. В составе разнородных войск, отступающих с юго-запада Франции, могут насчитываться примерно сто тысяч человек, но их боеспособность оценивается как эквивалент примерно одной дивизии. Силы, равные половине танковой и двум пехотным дивизиям, отступают к северу по долине Роны. Единственный способ, с помощью [278] которого противник может помешать нашему вступлению в Германию, состоит в усилении его отступающих сил за счет дивизий из Германии и с других фронтов и в укреплении этими силами наиболее важных секторов линии Зигфрида. Вряд ли он сможет сделать это вовремя и в достаточных масштабах».

Так обстояло дело. С моей точки зрения, окончание войны в Европе было, безусловно, «почти осязаемым». Но теперь требовались быстрые решения и, прежде всего, план. А у нас, насколько я мог знать, плана не было. Мы втянули в Нормандскую битву почти все дивизии, имевшиеся у немцев во Франции; мы вынудили противника к сражению к югу от Сены и там нанесли ему решительное поражение. Сражение решает все, но оно должно быть доведено до конца.

У меня был готовый план и, еще до завершения боев в Нормандии, я решил повидаться с Бредли и попытаться заручиться его согласием. 17 августа мой тактический штаб находился в Ле-Бени-Бокаж, и именно в этот день я вылетел в штаб Бредли, находившийся к северу от Фужера. Я предложил ему следующий общий план:

«1. После форсирования Сены 12-я и 21-я группы армий должны действовать вместе, как единый кулак из примерно сорока дивизий, настолько сильный, что ему нечего будет опасаться. Эти силы должны двигаться на северо-восток. 2. На западном фланге 21-я группа армий должна очистить побережье Ла-Манша и Па-де-Кале, Западную Фландрию, занять Антверпен и юг Голландии. 3. 12-я группа армий образует восточный фланг наступления, и ее правый фланг идет на Арденны, в направлении Аахена и Кельна. 4. Основная цель наступления — Париж. Крупные силы американцев располагаются в районе Орлеан — Труа — Шалон — Реймс — Лаон, их правый фланг идет назад по Луаре в направлении Нанта. 5. Силы «Драгуна» подходят с юга Франции и направляются на Нанси и Саар. Мы сами не должны выдвигаться правым флангом на воссоединение с ними, чтобы не нарушить собственную стратегию. [279] 6. Главная задача наступления — сосредоточить крупную группировку ВВС в Бельгии, создать плацдармы за Рейном до наступления зимы и быстро занять Рур».

Можно сказать, что это был немецкий «план Шлиффена» 1914 года наоборот, с той лишь разницей, что теперь он должен был быть обращен против разбитого и дезорганизованного противника. Его успех зависел от сосредоточения сил союзников и, следовательно, от сохранения ресурсов на левом фланге. Бредли полностью принял этот основной план.

20 августа Эйзенхауэр провел совещание своего штаба в Нормандии для обсуждения предложений по дальнейшему ведению войны. На совещании присутствовал мой начальник штаба. Был принят ряд решений. Вкратце они состояли в следующем:

а) изменить к 1 сентября систему командования, чтобы Эйзенхауэр лично возглавил командование группами армий;

б) направить 12-ю группу армий на Мец и Саар, где они соединятся с силами «Драгуна».

Затем штаб начал разрабатывать директиву, которую собирался послать мне. Де Гинган предложил посоветоваться со мной до того, как будут предприняты какие-либо действия, с ним согласились, и в тот же вечер он прибыл в мой тактический штаб.

Поскольку я не одобрил принятых решений, я отправил де

Гингана снова к Эйзенхауэру с моими замечаниями. 22 августа он в течение двух часов пытался убедить Эйзенхауэра по некоторым принципиальным вопросам. Он передал Эйзенхауэру мои записки и сказал ему, что 17 августа Бредли выразил полное согласие с предложенным мною планом. Вот что я писал:

«1. Самый быстрый путь к победе в этой войне состоит в том, чтобы крупная группировка союзнических войск наступала в северном направлении, очистила побережье до Антверпена, разместила мощные ВВС в Бельгии и далее наступала на Рур. 2. Группировка должна действовать как единое целое, в тесном взаимодействии, и располагать достаточными силами для скорейшего завершения операции. [280] 3. Для успеха наземных операций жизненно важное значение имеет единство командования и контроля. Эту работу должен полностью осуществлять один человек. 4. Великая победа на северо-западе Франции была завоевана под единоличным командованием. Только таким образом могут быть завоеваны и все дальнейшие победы. Если допустить, чтобы контроль за проведением операций осуществляли штабисты, вероятность быстрого успеха будет поставлена под угрозу. 5. Изменение системы командования сейчас, после одержанной крупной победы, будет означать затягивание войны».

Де Гинган передал мне результаты своих переговоров с Эйзенхауэром (они были отрицательными), и я решил, что должен повидаться с ним лично. Поэтому я спросил, не сможет ли он приехать и пообедать со мной в моем тактическом штабе на следующий день, 23 августа, в Конде-сюр-Нуаро. Эйзенхауэр с радостью согласился.

Мне очень хотелось еще раз переговорить с Бредли до встречи с Эйзенхауэром. Он перевел свой штаб в Лаваль, и я полетел туда рано утром 23 августа. К моему удивлению, Бредли изменил свою точку зрения, 17 августа он соглашался со мной, а 23-го он горячо отстаивал идею направления главного удара групп армий на восток, на Мец и Саар. Я вернулся в свой штаб вовремя, чтобы встретить Эйзенхауэра, который привез с собой Беделла Смита: я увидел Беделла в первый раз после отъезда из Англии в ночь на 6 июня.

Я спросил Эйзенхауэра, не можем ли мы с ним переговорить с глазу на глаз, поскольку я хочу узнать его мнение по некоторым принципиальным и жизненно важным вопросам; после этого обсуждения к нам сможет присоединиться его начальник штаба. Он согласился, и мы в течение часа говорили наедине. Я изложил ему свою точку зрения относительно острой необходимости выработки твердого и четкого плана. Я сказал, что мы должны

решить, где именно будет нанесен главный удар, а затем собрать в этом районе достаточные силы, чтобы быть уверенными в быстром достижении решающих результатов. Я уделил особое внимание ситуации со снабжением и сказал, что скоро наши коммуникации растянутся, нам следует сосредоточить запасы горючего [281] и боеприпасов за линией наступления, а если мы распределим их по всему фронту, то нам не удастся добиться решающих результатов. Затем я описал ему предложенный мною план, с которым ранее согласился Бредли. Я показал все детали плана на карте и подчеркнул, что он дает нам большие шансы на успех.

Я сказал, что, если он примет стратегию ведения боев по всему фронту, с наступлением по всей линии и непрерывными сражениями, наступление неизбежно замедлится, у немцев появится время для восстановления сил, и война будет продолжаться всю зиму и большую часть 1945 года.

Я также сказал, что ему как главнокомандующему не следует заниматься наземными операциями и брать на себя командование сухопутными силами. Верховный главнокомандующий должен занимать позицию надо всеми, чтобы иметь возможность объективно оценивать ситуацию в целом — то есть все, имеющее отношение к наземным, морским, воздушным операциям, гражданскому контролю, политическим проблемам и так далее. Кто-то должен руководить наземным сражением от его имени. Мы одержали великую победу в Нормандии благодаря единому командованию сухопутными войсками, а не вопреки ему. Я сказал, что этот вопрос настолько важен, что, если его заботит американское общественное мнение, он должен передать общее командование Бредли, и я буду счастлив служить под его руководством. Это предложение привело к тому, что Эйзенхауэр сразу отказался от своего намерения делать что-либо подобное.

После дальнейших переговоров Эйзенхауэр согласился, что 21-я группа армий недостаточно сильна, чтобы самостоятельно осуществить наступление на северном направлении. Он согласился с тем, что американцы должны оказать любую необходимую помощь. Он согласился и с тем, что задача по координации и общему руководству операциями на северном направлении должна осуществляться одним командующим: мной.

Я сказал, что хочу, чтобы американская армия, состоящая как минимум из двенадцати дивизий, наступала на правом фланге 21-й группы армий. Он ответил, что если это будет сделано, тогда в составе 12-й группы армий останется только одна американская армия, и это вызовет недовольство общественного мнения в США. [282]

Я спросил его, почему общественное мнение должно заставить нас принимать совершенно неразумные военные решения. Может быть, я зашел слишком далеко, навязывая ему свой план, и не придал достаточного значения тяжелому политическому бремени, лежавшему на его плечах. Чтобы принять мой план, ему надо было остановить «человека с мячом» — Паттона и его 3-ю американскую армию. Оглядываясь назад, я часто задавался вопросом, достаточно ли внимательно я отнесся к замечаниям Эйзенхауэра, прежде чем отвергнуть их. Думаю, что да. В любом случае он слушал меня спокойно. Сейчас Айк стал одним из самых близких моих друзей, и я никогда не устану восхищаться терпением и выдержкой, проявленными им в тот день.

Однако мои возражения не принесли результата. Была принята стратегия «широкого фронта», и 12-й группе армий, продвигавшейся вперед на левом фланге, чтобы оказать поддержку 21-й группе армий, пришлось направить свои основные усилия на восток, к Мецу и Саару. Мне оставили полномочия для осуществления «координации операций» между 21-й группой армий и левым крылом 12-й группы; термин «командование операцией» из директивы убрали. Но более поздняя директива, изданная Эйзенхауэром после принятия им прямого командования наземными войсками, определила, что 12-я группа армий должна обеспечить своим соединениям, действующим в Руре на моем правом фланге, «адекватное снабжение».

Вот так мы все приготовились форсировать Сену и пойти дальше — каждый своим путем.

Оптимизм витал в воздухе, все рвались вперед, а Верховный главнокомандующий подгонял всех по всему фронту. Все должны были постоянно сражаться. Но дело осложнялось тем, что нам не хватало фундаментального плана, который рассматривал бы театр военных действий как одно целое. Теперь наша стратегия состояла в том, чтобы стать «разрозненной». Я твердо настроился на то, чтобы до конца сыграть свою роль в этом деле: британские силы покажут, как уже показывали, что, когда дело доходит до маневренных боев, они воюют не хуже других. Но я испытывал большие опасения. Мой опыт боевых действий говорил о том, что мы не сможем и дальше вести себя таким образом и что нам придется столкнуться с долгой зимней кампанией [283] со всеми вытекающими из нее последствиями для британского народа.

В разгар всех этих волнений и разочарований, вечером 31 августа, я получил от премьер-министра послание следующего содержания:

«Мне доставляет огромное удовольствие сообщить Вам, что, по моему представлению, Его Величество милостиво согласился на присвоение Вам с 1 сентября звания фельдмаршала, признав тем самым Ваши выдающиеся заслуги в незабываемой и, может быть, решающей битве во Франции, которой Вы лично руководили».

Позже сэр Ален Лассельс, тогдашний личный секретарь короля, рассказал мне следующую историю о том, в каких обстоятельствах был подписан указ о присвоении мне звания фельдмаршала. В конце августа премьер-министр вернулся из Италии, и доктора уложили его в постель, поскольку у него повысилась температура до 39,4 градуса. Утром 31 августа король в сопровождении сэра Алена Лассельса приехал во флигель в Сториз-Гейт, где лежал премьер-министр, и нашел его в отличном настроении, одетым в роскошный бледно-голубой халат восточного покроя. Премьер-министр подал королю уже приготовленное представление и попросил тут же подписать его — что король и сделал, использовав в качестве стола подушку. Интересно было бы узнать, случалось ли ранее, чтобы британский генерал был произведен в фельдмаршалы в разгар боев, а постановление об этом монарх подписывал бы на подушке премьер-министра?

Уже второй раз за время войны я получал повышение во время боевых действий. Би-би-си сообщила об этом в выпуске новостей на следующее утро. Очень характерно, что сразу же после этого Эйзенхауэр направил мне телеграмму с искренними и горячими поздравлениями.

Чем больше я размышлял над тем, что мы готовились предпринять, тем больше убеждался в том, что это неправильно. Британская экономика и ситуация с людскими ресурсами требовали победы в 1944 году — никак не позже. Война ложилась тяжелым бременем и на население Великобритании; мы должны были завершить [284] ее как можно скорее. Наше «должны» отличалось от «должны» американского: разница заключалась как в степени срочности, так и в самой доктрине. Американские генералы не понимали этого — на территории их страны никогда не велись войны. Почему мы должны были отказываться от всего в угоду американскому общественному мнению и американским предвыборным интересам (1944 год был в США годом президентских выборов)? Стратегия, которую нам предлагалось принять, означала бы большие потери убитыми и ранеными. Развертывание армий по широкому фронту производилось вовсе не в интересах безопасности; наш южный фланг был вполне надежен, и его можно было удерживать практически силами

одной авиации, с небольшой наземной поддержкой. Если «Драгун» чего и добился, то хотя бы этого. В моих предложениях не было ничего рискованного. И мой план давал единственную возможность быстро довести войну до конца.

Мой офицер связи в штабе Бредли сообщал мне, что американские силы на моем правом фланге не получили приоритета в снабжении. План Эйзенхауэра по осуществлению двух прорывов (одного на Рур, другого на Саар) предполагал разделение всего — войск, авиации, снабжения, транспорта, подвижного состава и т. д. Мы отказывались от принципа сосредоточения усилий.

Штаб Эйзенхауэра размещался в Гранвилле, на западной стороне Шербурского полуострова. Может быть, это место подходило для Верховного главнокомандующего, но оно было совершенно бесполезным для командующего наземными силами, которому надлежало держать руку на пульсе своих войск и принимать быстрые решения в постоянно меняющейся обстановке. Он находился более чем в четырехстах милях за линией фронта. Более того, у него разболелось колено, и он лежал. Между его штабом, штабом Бредли и мной не было ни телефонного сообщения, ни связи по радио. По сути дела, в первые дни сентября он, насколько я мог видеть, не имел никакой связи с войсками, ведущими наземные операции.

Я решил еще раз обратиться к Эйзенхауэру и попытаться добиться принятия разумного плана. 4 сентября, в тот день, когда мы заняли Антверпен и Лувен, я направил ему следующее послание: [285]

«Хотелось бы представить Вам некоторые аспекты будущей операции и изложить свою точку зрения. 1. Считаю, что в настоящее время мы достигли стадии, когда одно по-настоящему мощное и решительное наступление на Берлин вполне может увенчаться успехом и, таким образом, положить конец войне с Германией. 2. У нас недостаточно ресурсов для осуществления двух мощных прорывов. 3. Выбранное направление наступления необходимо подкрепить всеми имеющимися ресурсами без ограничений, а любая другая операция должна проводиться максимально эффективно в опоре на оставшиеся ресурсы. 4. Существует только два возможных направления для наступления: один через Рур, другой — через Саар. 5. Я считаю, что наилучшие и скорейшие результаты принесет наступление на северном направлении, через Рур. 6. Фактор времени играет жизненно важную роль, и решение о направлении прорыва должно быть принято незамедлительно, после чего следует приступить к осуществлению п. 3. 7. Если мы попытаемся принять

компромиссное решение при выборе направления, ни одно из наступлений не будет достаточно мощным, и тем самым мы затянем войну. 8. Я считаю проблему в вышеизложенном виде очень простой и ясной. 9. Ввиду жизненной важности этого дела я уверен, что Вы согласитесь с необходимостью скорейшего принятия решения по вышеприведенным вопросам. Если Вы собираетесь в наши края, может быть, Вы заедете, чтобы обсудить их. Если это так, то с радостью пообедаю с Вами завтра. Не думаю, что сам я могу сейчас оставить район боевых действий».

Фактически на тот момент мы уже почти упустили время. Уже началось наступление на Саар, а Паттону выделили необходимые ресурсы для наступления на Мец. На моем правом фланге 1-я американская армия оказалась вынужденной прикрывать продвижение Паттона, и в результате не могла поддерживать мои операции, как ей было приказано. Но, если бы нам удалось быстро принять какое-то решение, что-то еще можно было бы спасти. [286]

Эйзенхауэр получил мое послание 5 сентября. В тот же день в 7.45 утра он направил мне ответ. Связь с его передовым штабом в Гранвилле работала так плохо, что этот ответ пришел двумя частями. Сначала, в 9 часов утра 7 сентября, пришли пп. 3 и 4, а пп. 1 и 2 дошли до меня в 10.15 утра 9 сентября. Я привожу текст послания полностью, после того как все части собрали воедино:

«1-я часть (получена в 10.15 9 сентября 1944 г.) 1. Полностью принимая Вашу концепцию мощного и решительного наступления на Берлин, я не согласен с тем, что мы должны начать его немедленно, отказавшись от всех прочих маневров. 2. Основные силы немецкой армии, находившиеся на Западном фронте, разгромлены. Следует немедленно воспользоваться достигнутыми успехами и быстро прорвать линию Зигфрида, широким фронтом форсировать Рейн и занять Саар и Рур. Я собираюсь сделать это как можно скорее. Это позволит нам прочно закрепиться в двух главных промышленных районах Германии и в значительной мере разрушит ее возможности вести войну, какой бы дальнейший ход ни приняли события. Это также поможет отрезать силы, отступающие сейчас из юго-восточной части Франции. Более того, это обеспечит нам свободу действий на любом направлении и заставит противника рассредоточить по широкому фронту все силы, которые он сможет собрать для защиты на западном направлении. 2-я часть (получена в 9.00 7 сентября 1944 г.) 3. Продвигаясь вперед, мы откроем порты Гавра и Антверпена, необходимые для поддержки мощного наступления в глубь Германии. Никакая перегруппировка ресурсов, имеющихся у нас в настоящее время, не обеспечит адекватную

поддержку наступлению на Берлин. 4. Я намерен занять прежде всего Саар и Рур, и к тому времени, когда мы осуществим это, Гавр и Антверпен окажутся в состоянии поддерживать одно или оба наступления, о которых Вы пишете. В этой связи я всегда отдавал и по-прежнему отдаю приоритет Руру (повторяю — Руру) и северному направлению наступления, о чем говорится в моей вчерашней директиве, разминувшейся [287] с вашей телеграммой. Локомотивы и подвижной состав перемещаются в соответствии с этим приоритетным направлением, чтобы поддержать темп наступления ваших войск, а также войск Бредли к северо-востоку от Арденн. Пожалуйста, сообщите мне немедленно, что еще нужно Вам для этого наступления».

7 сентября я получил только 2-ю часть ответа, но этого мне хватило, чтобы понять, что необходимое решение вряд ли будет принято. Поэтому я написал ему следующее:

«Только что получил пп. 3 и 4 Вашего послания от 5 сентября. Первая часть еще не дошла, так что я не знаю, что в ней содержится. Мое снабжение ограничено до предела. Первая партия из 18 локомотивов только что поступила, в отношении остальных все неопределенно. Мне требуется перебрасывать по воздуху до 1000 тонн ежедневно в Дуэ или в Брюссель, а за последние два дня в общей сложности было переброшено только 705 тонн. Мои транспортные средства рассчитаны на работу в радиусе 150 миль от портов, а я нахожусь сейчас более чем в 300 милях от Байё. Для того чтобы сохранить транспорт, я ограничил поставки во Францию до 6000 тонн в день, что составляет половину от потребляемого, и так я долго не протяну. Таким образом, ясно, что, находясь в настоящее время в Байё, я не могу занять Рур. Как только в моем распоряжении окажется работающий порт в Па-де-Кале, мне потребуется дополнительно примерно 2500 трехтонных грузовиков плюс гарантированный воздушный мост со средней мощностью минимум 1000 тонн в день, чтобы я мог идти на Рур и далее на Берлин. При всем уважении к п. 3 Вашего письма, сообщаю, что перегруппировка имеющихся у нас ресурсов любого вида может обеспечить адекватную поддержку одного наступления на Берлин. В письме такого рода очень трудно объяснить все. Вы не могли бы приехать поговорить со мной?»

Тем временем я обсуждал с Бредли сложную ситуацию с нашим снабжением, и мы пришли к общему выводу, что для поддержки наступления нам необходимо отменить все планы воздушных десантов и бросить все имеющиеся самолеты на транспортную [288] работу. Эта жертва была не так уж велика, потому что скорость нашего наступления после форсирования

Сены настолько возросла, что нам уже не требовалась помощь парашютно-десантных войск. Мое внимание было приковано к Рейну и Руру с момента победоносного завершения битвы за Нормандию; я знал, что нам потребуются все наши военно-воздушные резервы, чтобы обеспечить форсирование Мааса и Рейна. В мое распоряжение передали 1-й объединенный воздушно-десантный корпус, и 3 сентября, в день освобождения Брюсселя, я пригласил его командующего (генерала Браунинга), чтобы обсудить с ним главное направление продвижения к Рейну и самые подходящие места для выброски воздушно-десантных дивизий.

9 сентября мне поступила из Лондона информация, что накануне по Англии нанесли первые удары ракетами «Фау-2»; имелись подозрения, что они были запущены из районов вблизи Роттердама и Амстердама, и меня спрашивали, когда я смогу окружить эти районы. Насколько я понимал, это определяло направление моих действий по обеспечению форсирования Мааса и Рейна; мне следовало идти на Арнем. Утром 10 сентября ко мне снова приехали Демпси и Браунинг, чтобы обсудить Арнемскую операцию; однако я понимал, что при принятии решения о предстоящих действиях нас будет ограничивать ситуация со снабжением.

В ответ на мою просьбу, высказанную тремя днями ранее, к вечеру 10 сентября Эйзенхауэр прилетел в Брюссель. С ним был Теддер, и мы хорошо поговорили в самолете Эйзенхауэра; выйти из него он не мог, так как все еще сильно хромал.

Я полностью обрисовал свою ситуацию. Я рассказал ему о том, что по Англии стали наносить удары ракетами «Фау-2», и о том, откуда их запускали. Он сказал, что всегда стремился отдавать приоритет наступлению на Рур и северному направлению удара и что именно это сейчас и претворяется в жизнь. Я ответил, что это не претворяется в жизнь. Тогда он сказал, что, говоря о приоритете, он не имеет в виду «абсолютный приоритет» и ни в коем случае не стремится к ослаблению наступления на Саар. Я рассказал ему об усилении сопротивления противника на линии Альберт-канала, о том, что нам постоянно требуется горючее и снаряжение, и о том, что мы расходуем их больше, чем [289] получаем. Становилось ясно, что я не смогу начать широкомасштабную операцию в направлении Арнема так быстро, как предполагалось, и в результате противник получит время для восстановления сил. С момента форсирования Сены мой штаб переместился в северном направлении, а штаб Бредли — к востоку. Наземные боевые действия велись несогласованно и беспорядочно. Я сказал, что до тех пор, пока он

будет вести наступление на двух направлениях, деля между ними снабжение, успеха нам не добиться. Я указал, что Антверпен, а также подступы к порту, еще не занятые нами, требуют действий на левом фланге, о чем я говорил еще 23 августа — почти три недели назад. Имелось два возможных плана действий — Бредли и мой. Необходимо было «поддержать» один из них. Если он попытается поддержать оба плана, мы, скорее всего, не сможем быстро добиться решающих результатов. Самый быстрый путь занять Антверпен требовал поддержки моего плана концентрации сил на левом фланге — и осуществление этого плана не только облегчило бы нашу ситуацию со снабжением и ресурсами, но и способствовало бы продолжению давления на теряющих силы немцев в важнейшем районе, т. е. помогло бы скорее закончить войну. Ему было важно узнать мою точку зрения; решение о предстоящих действиях оставалось за ним. Стало ясно, что он не согласен с моими доводами. Он повторил, что вначале нам надо подойти поближе к Рейну и форсировать его широким фронтом; потом, и только потом мы сможем сосредоточиться на наступлении. Мы расстались, не выработав никакого ясного решения, за исключением, как я понял, того, что операция по-прежнему будет идти в соответствии со стратегией «широкого фронта». Однако Эйзенхауэр согласился, что 21-я группа армий должна как можно раньше нанести удар в северном направлении на Арнем, и признал, что успех операций в этом направлении открыл бы перед нами широкие возможности для дальнейших действий.

На следующий день, 11 сентября, я послал Эйзенхауэру такую радиограмму:

«После нашей вчерашней встречи я очень внимательно изучил свою ситуацию со снабжением. Ваше решение о том, что удар в северном направлении, на Рур, НЕ БУДЕТ, повторяю, [290] НЕ БУДЕТ иметь приоритета над другими операциями, приведет к некоторым последствиям, о которых Вам следует знать. Широкомасштабное наступление 2-й армии и военно-воздушного корпуса в северном направлении, на Маас и Рейн, не может быть начато раньше чем 23 сентября, а наиболее вероятно, что только 26 сентября. Эта отсрочка даст противнику время для лучшей организации обороны, и нам следует приготовиться к более упорному сопротивлению и к замедлению нашего продвижения. Поскольку дело идет к зиме, следует ожидать ухудшения погоды, и тогда, учитывая большой удельный вес наших военно-воздушных сил, результативность наших действий снизится. Встает вопрос о железнодорожном, автомобильном и воздушном транспорте, и, если он не будет сосредоточен таким образом,

чтобы обеспечить поддержку выбранного направления, никто не сможет продвинуться, так как все мы находимся на огромном удалении от баз снабжения. Мы сделаем все возможное, чтобы добиться успеха, но приведенные факты должны показать Вам, что, если сопротивление противника будет усиливаться и дальше, нам не следует рассчитывать на серьезные результаты, пока мы не создадим достаточных запасов боеприпасов и всего необходимого».

Это послание принесло почти невероятные результаты. На следующий день ко мне приехал Беделл Смит и сообщил, что Эйзенхауэр решил действовать в соответствии с моими рекомендациями. Наступление на Саар приостанавливалось. Три американские дивизии предоставляли свой транспорт для осуществления дополнительного снабжения 21-й группы армий. Основная часть ресурсов 12-й группы армий передавалась 1-й американской армии на моем правом фланге, а я получал разрешение на прямое взаимодействие с генералом Ходжесом (командующим 1-й американской армией).

На основании этих обещаний я пересмотрел свои планы вместе с Демпси, а затем наметил день «Д» для Арнемской операции («Маркет-Гарден») — 17 сентября, воскресенье.

Только много позже я узнал (и, может быть, хорошо, что случилось именно так), что, когда о принятых решениях узнал генерал Паттон, он, с разрешения Бредли, решил так занять 3-ю американскую [291] армию в боях под Мозелем, чтобы штаб Верховного главнокомандования не мог ни сократить ее снабжение, ни остановить ее.

15 сентября Эйзенхауэр написал мне следующее письмо:

«Дорогой Монтгомери! Надеюсь, что мы скоро достигнем целей, установленных в моей последней директиве (FWD 13765), и завладеем Руром, Сааром и районом Франкфурта. Я обдумал наши дальнейшие действия. Как мне кажется, немцы будут изо всех сил оборонять Рур и Франкфурт и потерпят жестокое поражение. Их потрепанные войска, может быть, усиленные за счет ресурсов, которые они наскребут или притащат с других фронтов, вероятно, попытаются остановить наше наступление на оставшиеся важные объекты в Германии. Атакуя такие объекты, мы создадим возможности для эффективного подавления последних остатков немецких сил на западе. Более того, мы займем и другие ключевые центры и усилим нажим на немцев. Конечно, нашей главной целью остается Берлин, и для его защиты противник, скорее всего, сосредоточит основные силы. Поэтому, как мне кажется, не может быть сомнений в том, что мы должны сконцентрировать наши усилия и ресурсы для быстрого

наступления на Берлин. Однако нам следует координировать нашу стратегию со стратегией русских, поэтому следует иметь в виду и альтернативные цели. Есть район северных портов: Киль — Любек — Гамбург — Бремен. Его занятие не только обеспечит нам контроль над немецким военно-морским флотом, базами в Северном море, Кильским каналом и большим промышленным регионом, но также позволит выстроить барьер на пути отступления немецких сил из Норвегии и Дании. Более того, может быть, занятие этого района или его части поможет защитить наш фланг при наступлении на Берлин. Есть районы Ганновер — Брауншвейг и Лейпциг — Дрезден. Это важные промышленные и административные центры и центры коммуникаций на прямом пути из Рура и Франкфурта в Берлин, поэтому немцы, вероятно, будут удерживать их как промежуточные позиции для прикрытия Берлина. [292] Есть также районы Нюрнберг — Регенсбург и Аугсбург — Мюнхен. Но нельзя забывать не только о промышленном и административном значении этих районов, но и об особом политическом значении Мюнхена. Более того, может создаться насущная необходимость занять эти районы и отрезать силы противника, отступающие из Италии и с Балкан. Таким образом, становится ясно, что наши цели можно будет точно определить позже, и нам следует приготовиться к одному или к нескольким из следующих вариантов: а) следует направить силы обеих групп армий на Берлин по оси Рур — Ганновер — Берлин, или Франкфурт — Лейпциг — Берлин, или по обеим осям сразу; б) если русские опередят нас на пути к Берлину, Северная группа армий должна будет занять район Ганновера и гамбургскую группу портов. Центральная группа армий должна будет занять район Лейпциг — Дрезден, частично или полностью, в зависимости от скорости наступления русских; в) при любом развитии событий Южная группа армий должна будет занять район Аугсбург — Мюнхен. Район Нюрнберг — Регенсбург будет занят Центральной или Южной группой армий, в зависимости от ситуации, которая сложится к тому времени. Проще говоря, я хочу двинуться на Берлин как можно более прямым и быстрым путем объединенными американскими и британскими силами, при поддержке других имеющихся в нашем распоряжении сил, через ключевые центры, занимая стратегические районы на флангах, действуя в рамках единой, скоординированной операции. На данном этапе невозможно определить точно время этих ударов или их силу, но я был бы рад узнать Вашу точку зрения по основным вопросам, поставленным в моем письме. Искренне Ваш, Дуайт Д. Эйзенхауэр».

Я тщательно обдумал это послание и 18 сентября направил ему следующий ответ: [293]

«Мой дорогой Айк! Я получил Ваше письмо от 15.09.1944 и, как Вы и просили, излагаю свою точку зрения по поднятым Вами вопросам. 1. Мне кажется, что все происходящее, возможное и невозможное, очень тесно связано с ситуацией в тылу. Время является жизненно важным фактором; все, что нам предстоит сделать, должно быть сделано быстро. 2. С учетом п. 1, по моему мнению, согласованная операция с продвижением всех имеющихся наземных армий в Германию невозможна; ситуация со снабжением и ресурсами и общая политическая ситуация не позволят нам провести ее БЫСТРО. 3. Однако мы можем обеспечить адекватное снабжение имеющихся сил для осуществления задачи, если будет выбрана правильная ось наступления и если эти силы получат полный приоритет по всем аспектам, связанным со снабжением. 4. По моему личному мнению, мы не добьемся желаемого, если пойдем на такие объекты, как Нюрнберг, Аугсбург, Мюнхен и т. д., и введем наши силы в Центральную Германию. 5. Я полагаю, что наилучшей целью для наступления является Рур, с дальнейшим продвижением с севера на Берлин. На этом пути располагаются порты, и на этом пути мы сможем самым выгодным образом использовать наши военно-морские силы. На других направлениях мы сможем просто сдерживать по мере сил немецкие войска. 6. Если вы согласны с п. 5, тогда я считаю, что достаточно будет 21-й группы армий плюс 1-й американской армии из девяти дивизий. Эти силы должны располагать всем необходимым по части снабжения; другие армии должны будут делать все, что смогут, используя то, что им останется. 7. Если Вы полагаете, что п. 5 неверен и что наиболее правильным будет направление наступления через Франкфурт и Центральную Германию, тогда я предлагаю использовать 12-ю группу армий, состоящую из трех армий, обеспечив ей полное снабжение. 21-я группа армий должна будет делать все, что в ее силах, используя то, что ей останется. Может быть, 2-я британская армия сможет сыграть вспомогательную роль на левом фланге наступления. [294] 8. Короче говоря, поскольку время имеет важнейшее значение, я считаю, что мы должны решить, что необходимо для наступления на Берлин и окончания войны; все остальное играет второстепенную роль. Мне представляется, что, если Вы выберете наступление по северному направлению, трех армий будет достаточно, и с точки зрения снабжения все осуществимо. Южное направление я не изучал. 9. Считаю, что решение относительно нашего плана и целей следует принять СЕЙЧАС, и организовать

все в соответствии с ним. Я не согласен с тем, что, как Вы пишете в своем письме, мы можем выжидать до более позднего времени. 10. Итак, подводя итоги: Я рекомендую северное направление наступления, через Рур (см. п. 5) В этом случае вступает в силу п. 6. 11. Надеюсь, что все вышеизложенное достаточно ясно. Это — моя точка зрения по основным вопросам, поднятым в Вашем письме. 12. Все вышеизложенное вполне согласуется с общей точкой зрения, которую я изложил Вам в телеграмме М-160 от 3 сентября. Искренне Ваш, Б. Л. Монтгомери».

Эйзенхауэр ответил на это письмо 20 сентября следующим образом:

«Дорогой Монти, в целом я настолько согласен с Вашим письмом от 18 сентября (М-526), что не могу поверить в то, что между нашими взглядами существуют какие-то серьезные различия. Я никогда не имел в виду возможность одновременного продвижения в Германию силами всех армий. Особо согласен с Вами в следующем: для общего наступления на Германию я выбираю направление от Рура на Берлин. С точки зрения снабжения это требует выполнения одного условия — скорейшего занятия подступов к Антверпену, чтобы обеспечить адекватное снабжение этого фланга. [295] Кстати, у меня до сих пор нет Ваших расчетов по тоннажу, необходимому для поддержки этого продвижения 21-й группы армий. Однако, если я правильно понял Ваши идеи, существует один момент, по которому мы с Вами расходимся. Как я прочел в Вашем письме, Вы предлагаете, чтобы все имеющиеся у нас дивизии, за исключением входящих в состав 21-й группы армий и примерно девяти дивизий 12-й группы армий, остановились на том месте, где они сейчас находятся, и чтобы мы забрали у них весь транспорт и все прочее для обеспечения одного кинжального броска на Берлин. Может быть, Вы имели в виду не совсем это, но это, безусловно, невозможно. Лично я полагаю, что мы должны распределить свои силы вдоль западных границ Германии, по возможности по Рейну, обеспечить адекватное снабжение за счет скорейшего восстановления полноценной работы антверпенского порта, а затем предпринять предлагаемое вами наступление. Все силы группы армий Бредли, за исключением армии на левом фланге, осуществляющей основные усилия, продвинутся вперед на достаточное расстояние, чтобы, как обычно, иметь возможность поддержать главное наступление и предотвратить скопление немецких сил по фронту и флангам. Я уже приказал начальнику штаба подготовить встречу всех командующих группами армий и лиц, отвечающих за снабжение. Я совершенно уверен, что мы одинаково смотрим на ситуацию. Я просто хочу убедиться, что, когда Вы поведете Вашу

группу армий на Берлин, а левый фланг Бредли начнет продвижение, чтобы поддержать Вас, Ваши остальные силы смогут обеспечить успех такого наступления. Иначе придется потратить столько сил на прикрытие тыла и флангов главного направления, что наступление очень быстро захлебнется. Как Вам известно, я на протяжении всей кампании отдавал предпочтение моему левому флангу, в том числе придал Вам 1-ю военно-десантную армию и пользовался любой возможностью, чтобы обеспечить Вам снабжение. Все остальные войска сражались, чувствуя петлю на шее (в смысле снабжения). Может быть, Вы не знаете, что Паттон в течение четырех дней подряд отражал тяжелые контратаки, а в последнюю неделю, не пытаясь реально продвинуться, он сумел взять в плен 9000 человек и подбил 270 танков. [296] Сегодня я виделся с Бредли, и, чтобы поддержать основной план и укрепить левый фланг, мы перебрасываем брестские дивизии на защиту района к востоку от Люксембурга, давая тем самым Ходжесу возможность сосредоточить все силы на своем левом фланге при наступлении на Рейн. Когда мы дойдем до Рейна, перед Бредли встанет задача выдвинуть на левом крыле сильную, полностью обеспеченную армию, которая будет сопровождать Вас на Берлин. Искренне Ваш, Дуайт Д. Эйзенхауэр».

Я сразу (21 сентября) ответил на это письмо, послав Эйзенхауэру радиограмму следующего содержания:

«Дорогой Айк, большое спасибо за письмо от 20 сентября, посланное через Гейла. Не могу согласиться с тем, что наши мнения совпадают, и уверен, что Вы хотите от меня полной искренности и открытости по основным вопросам. Я всегда призывал остановиться на правом крыле и продвигаться вперед левым, но правому крылу постоянно позволяли уходить настолько далеко, что оно оторвалось от своего снабжения, и мы утратили гибкость. Судя по Вашему письму, Вы по-прежнему хотите продвигаться правым флангом, при этом в п. 6 Вы указываете, что вся группа армий Бредли продвинется вперед на достаточное расстояние, и т. д. Я хотел бы сказать, что правый фланг 21-й группы армий должен получить четкий приказ остановиться, а если этот приказ не будет выполнен, мы столкнемся с большими трудностями. Суть вопроса, по-моему, состоит в следующем: если Вы хотите занять Рур, Вам придется бросить все силы на левый фланг и остановиться на всех прочих направлениях. Я считаю, что если этого сделано не будет, Вы не возьмете Рур. Ваш большой друг Монти».

Затем Эйзенхауэр назначил на 22 сентября совещание в своем штабе в Версале, чтобы обсудить план дальнейшего [297] ведения

войны. На тот момент ситуация в Арнеме была нелегкой, а южнее немцы перерезали коридор и закрепились на главной дороге между Вегелом и Граве, к югу от Неймегена. Я решил, что не могу оставить фронт, и попросил де Гингана представлять меня на совещании. Более того, я знал, что из-за того, что я часто вступаю в полемику относительно ведения войны, я не пользуюсь большой популярностью ни в штабе Верховного главнокомандования, ни среди американских генералов, и подумал, что будет лучше держаться в стороне от новых дебатов.

Вечером де Гинган прислал мне из Версаля сообщение о том, что Эйзенхауэр на 100 процентов поддержал мой план, что основной удар будет нанесен на северном направлении и ему будет обеспечено полное снабжение. Я получил это сообщение утром 23 сентября. К этому времени ситуация в Арнеме стала совсем скверной; коридор, ведущий к Неймегену, снова перерезали, и складывалось впечатление, что нам придется отвести остатки 1-й британской воздушно-десантной дивизии за Недер-Рейн. 25 сентября дивизию действительно отвели.

Я постоянно возвращался мыслями к нашей встрече с Эйзенхауэром в моем штабе в Конде 23 августа, когда я просил его принять решение в поддержку моего плана. Он отказался. И только теперь, 23 сентября, мне сообщили, что он согласился и поддержит мой план. Он принял решение с опозданием ровно на один месяц. Уже ничто не могло помешать событиям развиваться так, как я предсказывал месяц назад.

Ситуация со снабжением по всему фронту постепенно ухудшалась. К 6 октября находившаяся на моем правом фланге 1-я американская армия оказалась не в состоянии осуществлять операции в соответствии с планом, потому что ей не хватало боеприпасов. 7 октября я из Эйндховена подробно описал Эйзенхауэру ситуацию, сложившуюся на северном фланге, и сказал, что не могу продолжать планировавшиеся операции по выходу к Рейну, если мне не доставят все ресурсы, необходимые для проведения этих операций. Я сказал, что прошу Бредли приехать ко мне на следующий день, 8 октября, чтобы обсудить положение.

Зная, что 8 октября Бредли будет у меня в Эйндховене, Эйзенхауэр прислал нам обоим послание с изложением своей [298] точки зрения на проблему, касавшуюся нас всех. Его письмо начиналось следующими словами (курсив мой):

«Основная трудность на северном фланге, судя по всему, состоит в нехватке сил перед лицом укрепления сил противника. Следовательно, план согласованной атаки на Рейне следует отложить до тех пор, пока не удастся собрать достаточные силы

за счет подтягивания американских дивизий с побережья. Тем не менее планы обеих групп армий должны включать в качестве первостепенной задачи выход на линию Рейна к северу от Бонна настолько быстро, насколько это позволят человеческие возможности».

Мы с Бредли не могли согласиться с указанием. Мы были твердо убеждены, что нам следует снизить темп операций в направлении Рейна, пока не улучшится положение со снабжением. Именно это я и сообщил Эйзенхауэру, сказав, что остановил продвижение 2-й армии к Рейну и собираюсь сосредоточиться на открытии подступов к Антверпену — чтобы обеспечить полноценную работу порта.

На следующий день, 9 октября, я получил от Эйзенхауэра письмо, в котором он указывал (курсив мой):

«Если мы не добьемся возобновления работы Антверпена к середине ноября, вся операция остановится. Должен подчеркнуть, что я считаю Антверпен самой важной из наших операций на всем фронте от Швейцарии до Ла-Манша».

Это послание коренным образом отличалось от полученного накануне, в котором первоочередная задача обеих групп армий определялась как «выход на линию Рейна к северу от Бонна настолько быстро, насколько это позволят человеческие возможности». Однако теперь все мы, казалось, соглашались по вопросу о том, что следовало делать.

8 октября в мой штаб вместе с Бредли прибыл генерал Маршалл, и я долго беседовал с ним наедине в своем фургоне-кабинете. Я сказал ему, что, поскольку Эйзенхауэр принял на себя командование наземными операциями, будучи также и Верховным [299] главнокомандующим всеми вооруженными силами (сухопутными, морскими и воздушными), армии разделились по национальному, а не по географическому признаку. Не хватало «твердой руки», операции проводились под недостаточным руководством и контролем. Наши действия стали, по сути дела, разрозненными и несогласованными, и мы сами создали себе большие трудности. Маршалл слушал, но говорил мало. Становилось ясно, что он совершенно не согласен со мной.

Позже в том же месяце, когда я наметил дальнейший план действий с Демпси, я переехал в Брюссель и присоединился к своему главному штабу. Находясь в Брюсселе, я мог лучше осуществлять личное руководство операциями по открытию подступов к Антверпену, проводившимися 1-й канадской армией под командованием Саймондса. Заболевшего Крерара пришлось эвакуировать в Англию.

3 ноября я сообщал Эйзенхауэру:

«Должен доложить Вам, что в настоящее время подступы к Антверпену и устье Шельды полностью освобождены от сил противника. Наши войска на Валхерене занимают побережье от Домбурга до Вест-Капелле и далее на восток от Флиссенгена, причем этот город полностью находится в наших руках. Мы захватили все береговые укрепления и орудия противника. Наши минные тральщики работают в устье, и некоторые из них уже достигли Тернёзена. Мы полностью овладели Норд-Бевеландом и Зейд-Бевеландом. Какие-то силы противника еще остаются в северной и северо-восточной частях острова Валхерен, но они не могут помешать судоходству в устье и скоро будут уничтожены. Все сопротивление противника на материке к югу от Валхерена и в районе Кнокке полностью прекратилось, после форсирования Леопольд-канала мы взяли в этом районе 14 000 пленных. Полное и свободное использование порта Антверпен является теперь исключительно делом флота».

Я получил ответ:

«Дорогой Монти, занятие подступов к Антверпену будет иметь для нас колоссальное значение, и я выражаю Вам лично глубокую благодарность [300] за энергию, которую Вы вложили в это дело. Будьте так любезны передать мою благодарность и поздравления генералу, командующему канадцами. Айк».

Разработке стратегических штанов союзников к северу от Сены суждено было стать предметом серьезных противоречий в военной истории. В конце концов от наших споров в выигрыше оказались немцы. Я считал тогда и считаю сейчас, что в сентябре 1944 года мы не смогли полностью воспользоваться возможностями, возникшими благодаря дезорганизации немцев после их сокрушительного августовского поражения в битве за Нормандию. Самый быстрый путь к окончанию войны с Германией состоял не в том, чтобы просто обеспечить свободное пользование Антверпеном, как утверждали некоторые. В середине августа следовало действовать быстро, на волне успеха, используя завоеванный в Нормандии плацдарм для нанесения мощного удара, который мог покончить с немцами и в то же самое время дал бы нам порты, в которых мы так нуждались на северном фланге. Для осуществления этих задач нам требовался план и концентрация усилий; ни того ни другого у нас не было. Я до сих пор твердо убежден, что, если бы мы выработали должный план действий в середине августа и имели в наличии достаточную тыловую поддержку и снабжение, мы могли бы создать плацдармы за Рейном и занять Рур до начала зимы. При надлежащем ведении всей операции мы бы не только скорее закончили войну, но и закончили бы ее в Европе при

политическом раскладе, гораздо более благоприятном для установления скорого и прочного мира, чем тот, что мы получили на самом деле.

Некоторые утверждали, будто я игнорировал распоряжения Эйзенхауэра о придании приоритетного значения открытию антверпенского порта и что мне не следовало начинать Арнемскую операцию, пока не будет выполнена эта задача. Это неправда. Подобных распоряжений относительно Антверпена не отдавалось, а по поводу Арнема Эйзенхауэр был со мной согласен. Действительно, до 8 октября 1944 года включительно я отдавал приказы о занятии линии по Рейну «настолько быстро, насколько это позволят человеческие возможности». 9 октября приоритет впервые был отдан Антверпену — что явствует из приводимых выше приказов. [301]

Проблема заключалась в том, что Эйзенхауэр хотел Саар, район Франкфурта, Рур, Антверпен и линию Рейна сразу. Я знал, как отчаянно сражались немцы в Нормандии. Овладеть всем этим одним ударом было немыслимо. Если бы Эйзенхауэр принял мой план, он мог бы по меньшей мере захватить Антверпен и Рур, получить плацдармы за Рейном на севере и занять отличные позиции. Или если бы он принял план Бредли, то мог получить Саар и район Франкфурта с плацдармами за Рейном в центре и на юге. Но он был настроен слишком оптимистично. Он шел на компромиссы. Он не сумел достичь ни одной из поставленных целей и оказался в сложной ситуации.

Конечно, я испытывал большое разочарование. Я надеялся, что мы сумеем быстро закончить войну с Германией, спасти десятки тысяч жизней и принести облегчение народу Британии. Но этому не суждено было осуществиться.

Вспоминая то время, я все больше и больше убеждаюсь в том, что в основе споров и сложностей взаимопонимания по вопросам стратегии после форсирования Сены лежала терминология. Все споры велись по вопросу «узкого или широкого фронта». Эйзенхауэр описывал мой план иногда как «карандашный», а иногда — как «кинжальный» прорыв. Но мощный прорыв силами сорока дивизий вряд ли можно назвать «узким фронтом»; он будет представлять собой сильный удар. Я развивал доктрину одного удара по уже ослабевшему врагу. Во время сражений в пустыне мы называли это «левым хуком», за которым следовал нокаут; в конце концов, в вещах такого рода я разбирался. Если бы нам удалось избавиться от слова «узкий», все остальные эпитеты, вроде «карандашного», «кинжального» и тому подобных, были бы забыты.

Тяжелая и трагическая история событий, последовавших за

Нормандским сражением, может быть сведена к одному главному критическому замечанию. Оно состоит в следующем: независимо от того, какое решение принималось, оно не осуществлялось. Наша стратегия в отношении наземной операции в Нормандии и план по ее реализации были простыми и ясными. Все детали были прочно «сшиты» в единое целое. Мы никогда не допускали, чтобы эти швы разошлись, и это принесло плоды. После Нормандии наша стратегия распалась на отдельные [302] лоскуты. Плана не было, и мы продвигались несогласованными рывками.

Правота или неправота принятого решения, конечно, может быть предметом споров. Но нельзя отрицать, что, когда какая-то стратегия, будь она правильной или неправильной, принималась, она не претворялась в жизнь. Мы не продвигались к Рейну широким фронтом; мы продвигались к Рейну несколькими фронтами, причем не скоординированными между собой. И чем же ответили нам немцы? Одним сконцентрированным ударом в Арденнах, когда мы утратили равновесие сил и чрезмерно растянули фронт. Вот так нас и застали врасплох.

6 ноября я уехал из Брюсселя в Англию, в небольшой отпуск.

С момента нашей высадки в Нормандии 6 июня, ровно пять месяцев тому назад, нам всем приходилось нелегко. Я считал, что заслужил небольшую передышку.

По приезде в Англию я сразу же отправился к премьер-министру, чтобы ввести его в курс дел и сказать, что он должен быть готов к тому, что война затянется на всю зиму и на большую часть 1945 года.

Вот что можно прочесть в моем альбоме автографов:

«Великая битва в Нормандии принесла освобождение Франции. Остается завоевать Германию. Между этими двумя решающими сражениями важнейшую победу представляют собой освобождение Бельгии и открытие Шельды в качестве основного канала снабжения союзных войск, и одержали ее 21-я группа армий и ее командующий. Уинстон С. Черчилль 6.11.1944».

10 ноября я вернулся в свой штаб в Брюсселе. [303]

Глава шестнадцатая. Сражение за Арнем

17–25 сентября 1944 г.

Продвигаясь вперед на северном фланге для занятия Рура в соответствии с приказом Эйзенхауэра, мы столкнулись с двумя крупными водными преградами — реками Маас и Рейн. По какой бы дороге мы ни пошли, нас ожидали и дополнительные препятствия в виде каналов.

Мой план состоял в неуклонном продвижении к Рейну через все эти препятствия, чтобы захватить плацдарм за Рейном прежде, чем противник сможет достаточно перегруппироваться, чтобы остановить нас.

Мне придали 1-й объединенный воздушно-десантный корпус под командованием генерал-лейтенанта Браунинга. В составе корпуса действовали 1-я британская воздушно-десантная дивизия, 82-я американская воздушно-десантная дивизия, 101-я американская воздушно-десантная дивизия и польская парашютная бригада. Я передал корпус под командование 2-й армии (Демпси).

Я уже говорил, что мы наступали на Арнем, и объяснял почему. Основная особенность моего плана состояла в нанесении «ковровых» ударов силами авиации по пяти главным водным преградам на пути главной оси наступления — через Эйндховен на Уден, Граве, Неймеген, а оттуда — на Арнем.

30-й корпус (Хорроокс) должен был действовать по оси «ковра», затем соединиться с 1-й британской воздушно-десантной дивизией в районе Арнема и обеспечить плацдарм за Недер-Рейном к северу от этого места.

После этого 2-я армия должна была закрепиться в общем районе между Арнемом и Зюдер-Зее, развернувшись к востоку, чтобы иметь возможность вести операции против северного фланга противника в Руре. [304]

По мере продвижения 30-го корпуса к северу по оси «ковра», два других корпуса должны были расширять ось наступления — 8-й корпус (О'Коннор) на восток, а 12-й корпус (Ричи) на запад.

Вся операция, как я уже говорил, получила кодовое название «Маркет-Гарден». Конечно, это был дерзкий план. Даже генерал Бредли описывал его как «один из самых изобретательных за всю войну». Но в тот момент, когда он только услышал об этом плане, он попытался добиться его отмены, так как в случае удачи он открыл бы перед нами возможности на северном фланге, и я мог

бы потребовать передачи под мое командование американских войск, чтобы воспользоваться этими возможностями. Бредли предлагал наступать по двум направлениям — на Саар и Рур. Той же точки зрения придерживался и Паттон. Стоило Эйзенхауэру высказаться в пользу наступления на Рур, Паттон язвил, говоря, что он — лучший из генералов, которых когда-либо имела Англия.

Но Эйзенхауэр верил в операцию «Маркет-Гарден». Следует вспомнить, что 10 сентября он встречался со мной на совещании в Брюсселе и одобрил мой план операции. Описывая это совещание на с. 307 своей книги «Крестовый поход в Европу», он указывает:

«После завершения операции по созданию плацдармов он (Монтгомери) должен был тут же повернуть и бросить все свои силы на захват острова Валхерен и других областей, откуда немцы обороняли подходы к Антверпену».

Впрочем, на нашем совещании 10 сентября этот пункт практически не обсуждался. Насколько я помню, в его намерения всегда входило занятие Саара и Рура и, на пути к этим областям, открытие портов в Гавре и Антверпене. В той части своих приказов, которая была направлена мне, он никогда не отклонялся от этого намерения. Действительно, в его приказах, изданных 8 октября, речь шла о том, что «планы обеих групп армий должны включать в качестве первостепенной задачи выход на линию Рейна к северу от Бонна настолько быстро, насколько это позволят человеческие возможности», а слово «Антверпен» там вообще не встречалось. И только 9 октября он впервые упомянул свободное [305] использование Антверпена в качестве задачи, имеющей приоритет над остальными.

Приказы, изданные мной 14 сентября, представляют интерес тем, что показывают, как именно я пытался реализовать его намерения. Привожу эти приказы полностью. Особенно важны, по-моему, пп. 2 и 10.

«ОПЕРАТИВНАЯ ДИРЕКТИВА М-525 1. Теперь, после занятия Гавра, мы находимся в лучшей позиции для проведения операций с целью занятия Рура. 2. Мы заняли порт Антверпен, но не можем пользоваться им, поскольку противник контролирует устье Шельды; операции по устранению этой ситуации являются приоритетной задачей канадской армии. 3. На нашем правом фланге 1-я американская армия вступила на территорию Германии и имеет дело с противником на линии обороны «Зигфрид». Далее к югу 3-я американская армия создала плацдармы за Мозелем. 4. Мы совместно с 12-й группой армий должны начать операцию по изоляции и окружению Рура; в

соответствии с нашими намерениями мы займем эту область. Таким образом, нашей основной целью является Рур. Но по пути туда мы хотим занять порты Антверпен и Роттердам, поскольку занятие Рура является лишь первой остановкой на северном пути наступления в Германию. ЗАДАЧА 5. Разбить все силы противника к западу от главной линии Зволле — Клеве — Венло — Маастрихт с целью дальнейшего продвижения на восток и занятия Рура. ПЕРЕДОВАЯ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ 6. Между 21-й и 12-й группами армий. Для 12-й группы армий: Хассельт — Ситтар — Гарцвайлер — Леверкузен (на Рейне). [306] Для 21-й группы армий: Опладен (на Рейне) — Варбург — Брауншвейг. 7. Эта линия указана только в качестве основы для работы. Общее направление наступления 2-й британской армии — на север, затем на восток, обходя Рур с севера; общее направление наступления 1-й американской армии — на восток, обходя Рур с юга. Затем обе армии должны будут разделиться, и им придется принимать особые меры по защите своих внутренних флангов. 1-я КАНАДСКАЯ АРМИЯ 8. Завершить захват сперва Булони, затем — Кале. 9. Захват Дюнкерка откладывается на более позднее время; в настоящее время его надо просто осадить. 10. Все силы армии должны быть направлены на проведение операции, которая обеспечит возможность полного использования антверпенского порта. Воздушно-десантные войска могут оказать поддержку. Воздушные операции против острова Валхерен уже начались и включают: а) изоляцию острова путем выведения из строя дороги и железнодорожных мостов; б) бомбардировки орудий береговой обороны; в) бомбардировки артиллерийских позиций, включая зенитные. 11. Штабы 1-го корпуса и 49-й дивизии должны быть как можно скорее переброшены из Гавра в район Антверпена. 51-я дивизия должна полностью высадиться на Гаврском полуострове, а ее транспортные средства должны использоваться для обеспечения этой высадки; затем дивизия останется на месте до тех пор, пока ее транспорт будет требоваться канадской армии для снабжения или передвижений. 12. Начиная с 17 сентября канадская армия примет от 2-й армии контроль за районом Антверпена. По завершении этой операции разграничительная линия между двумя армиями пройдет там, где укажет канадская армия; 2-я армия будет следовать этим указаниям. [307] 13. По завершении операции по занятию Антверпена в соответствии с п. 10 канадская армия пойдет в северном направлении по главной оси Бреда — Утрехт — Амстердам. Разграничительная линия между армиями, включая канадскую армию: Херенталс — Тюрнхаут — Тилбург-Хертогенбос — Залтбоммел — Утрехт — Хилверсум. Задача:

уничтожить все силы противника к западу от разграничительной линии между армиями, затем открыть роттердамский порт. 14. Затем канадская армия будет переброшена на левый (или северный) фланг 2-й армии и пойдет оттуда на Бремен и Гамбург. 2-я БРИТАНСКАЯ АРМИЯ 15. Первоочередная задача армии состоит в действиях в северном направлении для прикрытия переправ через Рейн и Маас в районе Арнем — Неймеген — Граве. Для проведения этих операций командованию 2-й армии придается воздушно-десантный корпус из трех дивизий. 16. Затем армия должна закрепиться на линии Зволле — Девентер — Арнем, развернувшись на восток, и создать глубокие плацдармы на восточном берегу реки Эйссел. С этой позиции она будет готова наступать в северном направлении в районе Рейне — Оснабрюк — Хамм — Мюнстер. При осуществлении этого наступления основные силы должны быть сосредоточены на правом фланге и направлены на Хамм, откуда будет нанесен сильный удар в южном направлении вдоль восточной границы Рура. 17. Наступление в северном направлении с целью защиты переправ через реки (см. п. 15) должно быть стремительным и мощным, независимо от того, что будет происходить на флангах. В дальнейшем армия примет меры к расширению области начального наступления и к обеспечению надежных путей снабжения. 18. День «Д» для начала этих операций назначается на воскресенье, 17 сентября. Единственной возможной причиной для [308] отсрочки может стать плохая погода, не позволяющая проводить воздушно-десантные операции. 12-я ГРУППА АРМИЙ 19. 1-я американская армия идет в восточном направлении следующим порядком: а) 5-й корпус направляется на Бонн; б) 7-й корпус направляется на Кельн; в) 19-й корпус, осуществляющий прикрытие северного фланга армии, движется вдоль разграничительной линии между армиями (см. п. 7). 20. Армия должна занять Бонн и Кельн и создать плацдарм глубиной примерно 10 миль на северном берегу Рейна. 21. Затем армия направляется на восток, обходя Рур с юга. Время этой операции должно быть определено с учетом необходимости четкой координации с продвижением 2-й британской армии в обход Рура с севера. При проведении этих операций между генералом Бредли и мной будет поддерживаться постоянный контакт. ОБЩЕЕ 22. Особое внимание следует уделить п. 15 приказа М-523 от 3 сентября 1944 г. Когда мы войдем в Германию, охрана штабов, а также районов расположения частей и подразделений должна быть усилена, и должны быть приняты особые меры для предотвращения проникновения шпионов и агентов гестапо. Может возникнуть проблема снайперов, поэтому старшие

офицеры должны соблюдать необходимую осторожность при перемещении в этих районах. Когда мы окажемся в Германии, действующая форма очень скоро станет заметной, поэтому нам следует принять должные меры для решения этой проблемы».

Эйзенхауэр немедленно отреагировал на мои приказы. Он написал мне ответное письмо, чтобы сообщить, что он полностью [309] согласен со мной. Он был вовсе не обязан так поступать. Но это письмо свидетельствует о его поразительной человечности. Он, безусловно, думал, что я оценю такое письмо, памятуя о наших многочисленных спорах в последние недели, — и я действительно оценил его. Вот что говорилось в письме:

«16 сентября 1944 г. Дорогой Монти! Ваш приказ М-525 только что дошел до нас, и я должен сказать, что он направлен не только на наиболее эффективное воплощение в жизнь моей основной концепции относительно этой кампании, но и точно соответствует тому взаимопониманию, которое установилось между нами. Вчера я направил старшего штабного офицера к генералу Бредли, чтобы убедиться в том, что все его планы в отношении использования имеющихся у него сил и распределения снабжения между ними полностью скоординированы с реализацией этих идей. Несмотря на то, что 10 сентября он издал временную директиву, на первый взгляд не совсем соответствующую концепции осуществления главного наступления на левом фланге, в настоящее время все, что он фактически делает, будет способствовать именно такому решению задачи, которое Вы обрисовали. Я думаю, что противник способен еще только на одно, отчаянное оборонительное сражение на западе. Я предчувствую, что он использует свои основные силы в попытке прикрыть Рур. Когда в результате нашего натиска и ударов он окажется припертым к стене, мы сможем быстро с ним покончить. Моя главная забота состоит в планировании наших операций таким образом, чтобы сконцентрировать все силы для выполнения этой задачи, а под концентрацией я подразумеваю все войска и запасы, которые могут быть эффективно использованы в бою. Так, левый фланг Бредли направляется к Вам с целью оказания решительной поддержки; 3-я армия идет на север, чтобы поддержать Ходжеса, а 6-я [310] группа армий наращивает темпы, чтобы поддержать весь наш правый фланг. Я слышал, что наши отчаянные усилия срочно раздобыть грузовики, чтобы доставлять Вам по 500 тонн в день, к 15 сентября не увенчались успехом. Однако я уверен, что первая партия прибудет к Вам завтра, 17 сентября, утром. Мой новый штаб откроется в Версале в среду утром. Лично я проведу там только несколько дней, а потом отправлюсь вперед, куда-нибудь в

район Компьеня — Реймса, где можно будет разместить действительно хороший аэродром. Позже я сообщу Вам точное местоположение. Всего наилучшего. Искренне Ваш, Дуайт Д. Эйзенхауэр. Копия письма направлена Бредли».

Отмечу, что я отдал распоряжение подчиненным мне командирам, чтобы они внимательно отнеслись к мерам по повышению личной безопасности, когда мы вступим на территорию Германии. Офицер, приезжавший ко мне из военного министерства, доставил туда копию моих приказов. В ответ я получил следующую телеграмму:

«Лично фельдмаршалу Монтгомери от заместителя начальника Имперского генерального штаба Только что прочел Ваш приказ М-525. Относительно п. 22 — надеюсь, что Вы понимаете, что Ваша внешность и форма достаточно примечательны, в силу чего представляют собой очевидную мишень для противника. Не приходится сомневаться в том, что отчаявшиеся люди предпримут настойчивые и дерзкие попытки убить Вас. Поэтому Ваш долг состоит в том, чтобы отбросить все сомнения и принять самые строгие и тщательные меры по обеспечению собственной безопасности. Вы больше не можете позволять себе проявлять легкомыслие в подобных делах. Прошу отнестись к этому посланию не как к рекомендации, а как к четкому приказу начальника Имперского генерального штаба». [311]

Операция «Маркет-Гарден» началась, как и предполагалось, 17 сентября 1944 года. О ней писали многие. Наверное, лучшее и самое полное описание приводится в книге Честера Уилмота «Битва за Европу». Я не буду повторять уже сказанного. Как всем известно, нам не удалось захватить решающий плацдарм севернее Арнема. В результате мы не смогли разместить 2-ю армию к северу от Недер-Рейна, в Арнеме, и таким образом создать ей удобную позицию для развертывания операций против северного фланга обороны Рура. Однако мы овладели переправами через Маас у Граве и через Нижний Рейн (или Ваал, как его называют в Голландии) у Неймегена, и это оказалось чрезвычайно важным для дальнейших событий; мы освободили значительную часть Голландии; мы сделали первый шаг к успеху в предстоявших сражениях за землю Рейн. Без этих достижений нам не удалось бы силовое форсирование Рейна в марте 1945 года, — но мы так и не смогли занять решающий плацдарм, и это приходится признать.

Ночью 24 сентября от 1-й воздушно-десантной дивизии, находившейся у Арнема, поступила следующая радиограмма:

«Должен предупредить Вас, что, если рано утром 25 сентября с нами не будет установлен непосредственный контакт,

маловероятно, чтобы мы смогли продержаться достаточно долго. Личный состав совершенно измотан. Нам не хватает продовольствия, воды, боеприпасов и оружия, а потери в рядах старших офицеров очень велики… Даже небольшая атака противника может закончиться нашим полным разгромом. Если такое случится, все получат приказ прорываться к плацдарму, но не сдаваться. Никакие наступательные действия с нашей стороны в настоящее время невозможны. Мы сделали все, что могли, и постараемся продержаться как можно дольше».

Мы не имели возможности перебросить к ним силы, которые могли бы оказать реальную помощь, и я отдал приказ, чтобы ночью 25 сентября остатки дивизии отошли за Недер-Рейн у Арнема на наши позиции. Около 2000 раненых, неспособных передвигаться, [312] пришлось оставить на попечение врачей и санитаров, и немцы взяли их в плен.

Из старших офицеров до нас добрались только командир дивизии (Эркхарт), один бригадный генерал (Хикс) и командующий артиллерией дивизии (Лодер-Саймондс). Все командиры батальонов, за исключением одного, были убиты.

Из других офицеров и солдат уцелели: 125 офицеров, 400 планеристов, 1700 сержантов и рядовых. Я сразу отправил их всех обратно в Англию.

Перед отъездом домой генерал Эркхарт приехал ко мне в тактический штаб. Он просил меня дать ему письмо, которое он смог бы прочесть перед личным составом дивизии, когда она снова соберется в Англии. Я передал ему следующее письмо, датированное 25 сентября 1944 года:

«1. Я хочу выразить лично Вам и каждому офицеру и солдату Вашей дивизии признательность за то, что вы совершили в Арнеме во имя дела союзников. Я также хочу выразить мое собственное восхищение и восхищение всего личного состава 21-й группы армий невероятным боевым духом, проявленным Вашей дивизией в боях против превосходящих сил противника на северном берегу Нижнего Рейна в Голландии. 2. Нет ни тени сомнения, что, потерпи вы поражение, всем остальным операциям был бы нанесен серьезный урон. Но вы не потерпели поражения, и везде все идет как положено. Я хочу, чтобы все жители Британии знали, что в последнем послании, переданном вами из Арнема, говорилось: «Все получат приказ прорываться к плацдарму, но не сдаваться. Мы сделали все, что могли, и постараемся продержаться как можно дольше». И все жители Британии скажут вам: «Вы сделали все, что могли; все вы выполнили свой долг; и все мы гордимся вами». 3. В истории британской армии есть много славных страниц. Мы, военные,

всегда черпали великую силу и вдохновение в традициях прошлого, и мы стремимся соответствовать высоким стандартам, установленным уже ушедшими. [313] 4. До тех пор пока в армии Британской империи будут служить офицеры и солдаты, способные сделать то, что сделали вы, мы можем с надеждой смотреть в будущее. В грядущие годы для мужчины будет великой честью сказать: «Я сражался у Арнема». 5. Прошу передать мои наилучшие пожелания и мою глубокую благодарность каждому офицеру и солдату Вашей дивизии».

Существует много причин, объясняющих, почему мы не смогли добиться полного успеха у Арнема. Вот что, по-моему, было основным:

Во-первых. Штаб Верховного главнокомандования не рассматривал операцию как начало крупного наступления союзников на северном фланге с целью изоляции и, в дальнейшем, занятия Рура — единственного объекта на западе, допустить потерю которого немцы не могли. Я нисколько не сомневаюсь, что Эйзенхауэр всегда хотел отдать приоритет наступлению на северном направлении и притормозить наступление на юге. Он приказал сделать это и думал, что это делается. Но этого не делалось. Теперь мы знаем из книги Бредли («История солдата», с. 412), что в середине сентября существовал паритет в снабжении 1-й и 3-й американских армий в 12-й группе армий.

Эйзенхауэр — человек чрезвычайно доверчивый; его можно назвать воплощением искренности, и он верит, что все делают то, о чем он попросит. Но в этом случае его намерения не осуществились. Представляет интерес следующая цитата из книги Честера Уилмота «Битва за Европу» (с. 531):

«Если бы он (Эйзенхауэр) остановил Паттона на Маасе и оказал должную поддержку снабжением Ходжесу и Демпси после занятия Брюсселя, Голландская операция завершилась бы ошеломляющей победой, так как 1-я американская армия могла бы провести впечатляющий маневр, если не успешное наступление, у Аахена, а 2-я британская армия смогла бы атаковать раньше, на более широком фронте и гораздо большими силами».

Во-вторых. Воздушно-десантные войска у Арнема были выброшены слишком далеко от жизненно важного объекта — моста. [314] Им потребовалось несколько часов, чтобы добраться до него. Я принимаю на себя вину за эту ошибку. Мне следовало приказать 2-й армии и 1-му воздушно-десантному корпусу обеспечить высадку хотя бы одной парашютной бригады совсем рядом с мостом, чтобы его можно было захватить за считаные

минуты и разумно организовать его оборону, сэкономив тем самым время. Я этого не сделал.

В-третьих. Погода. На второй день она обернулась против нас, и мы не смогли выполнить многого из намеченной программы воздушных операций. Но погода — это всегда неопределенный фактор как на войне, так и в мирной жизни. С этой неопределенностью все мирятся. Мы могли лишь смягчить ее, если бы выделили дополнительные ресурсы для осуществления плана, чтобы он стал не чисто британским, а союзническим.

В-четвертых. 2-й танковый корпус СС, понесший большие потери в Нормандии, приходил в себя в районе Арнема. Мы знали, что он находится там. Но мы ошиблись, предположив, что он не сможет эффективно сражаться; его боеспособность превзошла все наши ожидания. Он быстро вступил в бой против 1-й воздушно-десантной дивизии.

Как после Нормандии, так и после Арнема я испытывал горькое разочарование. Я уже второй раз пытался быстро занять Рур. Билл Уильямс неоднократно говорил мне, что, потеряв Рур, немцы не смогут продолжать войну больше трех месяцев. Но нам по-прежнему не удалось взять его.

И тут я должен признать, что совершил большую ошибку — я недооценил трудности, связанные с открытием подходов к Антверпену, чтобы мы могли свободно пользоваться портом. Я

полагал, что канадская армия сможет сделать это, пока мы будем наступать на Рур. Я был неправ.

Закончу эту главу еще одной цитатой относительно сражения за Арнем из книги Честера Уилмота («Битва за Европу», с. 528). Вот что он написал:

«К огромному сожалению, две основные слабости союзнического командования — осторожность британцев в отношении потерь и упорное нежелание американцев сконцентрировать силы [315] — оказали пагубное влияние на ход операции, которая должна была и могла стать решающим ударом в сражении на западе. Не время было думать о цене или считаться престижем соперничавших друг с другом командующих. На кон была поставлена ни больше ни меньше как возможность занять Рур и быстро закончить войну со всеми вытекавшими из этого последствиями для будущего Европы».

С моей — предвзятой — точки зрения, если бы операция с самого начала получила должную поддержку, если бы мы получили воздушные и наземные силы и ресурсы, необходимые для ее проведения, она увенчалась бы успехом, несмотря на мои ошибки, или на плохую погоду, или на присутствие 2-го танкового корпуса СС в районе Арнема. Я остаюсь нераскаявшимся сторонником «Маркет-Гарден». [316]

Глава семнадцатая. Прелюдия к Арденнам

Арденнское сражение, начавшееся 16 декабря 1944 года и продолжавшееся до 16 января 1945 года, породило такую горечь в отношениях между англичанами и американцами, что я не могу не уделить ему внимания. Однако я полагаю, что прежде всего нам следует описать события, приведшие нас к этому сражению, поскольку такое описание позволит понять, насколько легко мы могли без него обойтись.

28 ноября Эйзенхауэр ночевал в моем тактическом штабе в Зонховене. Той ночью и на следующее утро мы вели долгие беседы, в ходе которых обсуждали ситуацию, в которой оказались к этому времени, — а ситуация эта, мягко говоря, была не из лучших.

Война на истощение в зимние месяцы, на которую нас обрекла ошибочная стратегия, принятая нами после великой победы в Нормандии, стоила множества человеческих жизней. Американские армии страдали от сильнейшей нехватки боеприпасов. Стрелковые взводы во всех дивизиях были недоукомплектованы, пополнение шло медленно. С наступлением зимы в американских дивизиях на передовой участились случаи траншейной стопы. Меня тревожил рост потерь в моей группе армий. Ниже привожу обобщенные цифры потерь по дивизиям, с 6 июня (или с даты прибытия на театр военных действий) по 1 октября.

Подразделение Потери
11-я бронетанковая дивизия 3825
Гвардейская бронетанковая дивизия 3385
7-я бронетанковая дивизия 2801
3-я британская пехотная дивизия 7342 [317]
15-я пехотная дивизия 7601
43-я пехотная дивизия 7605
49-я пехотная дивизия 5894
50-я пехотная дивизия 6701
51-я пехотная дивизия 4799
53-я пехотная дивизия 4984
59-я пехотная дивизия 4911
2-я канадская пехотная дивизия 8211
3-я канадская пехотная дивизия 9263
4-я канадская пехотная дивизия 3135
Поляки 1861

В ходе разговора с Эйзенхауэром я высказал мнение, что 12-я группа армий Бредли, по-моему, недостаточно «сбалансирована» с тактической точки зрения. Для восстановления тактического баланса я предложил перебросить несколько дивизий Паттона к северу и отменить его наступление на юге. Эту точку зрения передали Бредли, и 3 декабря он написал мне письмо, в котором объяснял, почему не может этого сделать. Это письмо имело большое значение для того, что произошло позже, и я привожу самые значимые выдержки из него.

Выдержки из письма генерала Бредли:

«Айк рассказал мне о недавнем разговоре с Вами, и я счастлив, что имею возможность встретиться с Вами позже на этой неделе для обсуждения дальнейших действий. Думаю, Вам будет интересно узнать некоторые факты, касающиеся нашей теперешней ситуации и наших перспектив на будущее. Вопрос о том, должен ли я перебросить несколько дивизий Паттона к северу, был тщательно изучен перед нашим последним рывком. У него имеется только шесть пехотных дивизий, а ему приходится удерживать линию фронта длиной более семидесяти миль, причем эта линия включает в себя крепость Мец. Думаю, что даже в том случае, если он будет вести только оборонительные бои, я смогу забрать у него только одну пехотную дивизию, в крайнем случае — две, в противном случае его фронт резко ослабнет. Это поставило бы его в положение, когда [318] никакое наступление и, следовательно, взаимодействие с 6-й группой армий на юге стало бы невозможным. Поэтому я решил не забирать у него ни одной дивизии, чтобы он, во взаимодействии с Деверсом, мог начать наступление с целью освобождения Лотарингии и, если удастся, Саара. К полуночи 30 ноября он взял в плен более 25 000 человек, а общие потери противника за этот период, надо полагать, куда более значительны. Поскольку у нас нет возможности принимать войска, вооружать их и снабжать всем необходимым через порты на Ла-Манше, нам пришлось передать семь дивизий группе армий Деверса. Естественно, мы хотели использовать эти дивизии как можно более эффективно, и до сих пор атаки 6-й группы армий во взаимодействии с Паттоном оказывались успешными. Я считаю, что это очень важное наступление с участием 7-й и 3-й армий может быть продолжено».

Я напомнил Эйзенхауэру, что до сих пор нам в общем-то не удалось осуществить план, намеченный в его директиве от 28 октября, т. е. занять Рур и Саар. Теперь мы нуждались в новом плане.

29 ноября, прежде чем он уехал, я предложил провести

встречу, в которой приняли бы участие Теддер, Бредли, он и я; мы все могли бы высказать свои точки зрения, а он представил бы нам свой план следующего этапа операции. Он согласился, и совещание назначили на 7 декабря в Маастрихте. В 10.30 утра 7 декабря мы все прибыли на эту встречу.

Ниже привожу записи о совещании, которые я сделал в своем дневнике вечером того же дня.

Совещание в Маастрихте

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ЭЙЗЕНХАУЭРА «Он дал обзор прошедших событий с начала сентября по сегодняшний день. Затем он отметил, что последние операции оправдали затраченные усилия и прошли удачно. [319] Создалось впечатление, что эта часть его выступления была не очень искренней и что он очень старался найти достаточные обоснования, чтобы опровергнуть то, что, как он знал, я собираюсь сказать. В заключение он сказал, что задача нашего совещания состоит в том, чтобы обменяться мнениями и предложить ему идеи, над которыми он мог бы поразмыслить. Он заявил, что не собирается издавать какие-то конкретные приказы, пока мы не разъедемся; если в дальнейшем приказы потребуются, мы обсудим их позже. Затем он предложил мне изложить свою точку зрения по стоящим перед нами проблемам. МОИ РАССУЖДЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ Я сказал, что для быстрого и победного завершения войны при решении стоящих проблем мы должны учитывать два основных фактора. Первое. Единственная реальная и заслуживающая внимания цель на западном фронте — это Рур. Если мы отсечем его от остальной территории Германии, противник постепенно утратит способность продолжать боевые действия. Второе. Нам крайне важно навязать немцам маневренную войну весной или в самом начале лета. У них не хватает транспорта, не хватает нефти, их танки не могут соперничать с нашими в маневренном бою. Как только война приобретет маневренный характер, это будет означать конец Германии. Эти два фактора имеют фундаментальное значение. Оспаривать их невозможно. Отсюда следует: а) что нашей стратегической целью должен стать Рур; б) что нам следует нанести основной удар на севере, так как именно там, и только там, т. е. к северу от Рура, рельеф местности благоприятствует маневренной войне. Любые другие пути наступления на Германию не дадут желаемого результата, так как местность там сложная и очень удобна для ведения оборонительных боев; наступление по другим направлениям [320] просто затянет войну; противника устраивают позиционные оборонительные бои. На севере мы должны обладать достаточными силами, чтобы

добиться решающих результатов, исключив всякую вероятность неудачи. В настоящее время мы работаем по плану, содержавшемуся в директиве Эйзенхауэра от 28 октября. Этот план оказался неудачным. Нам требуется новый план, причем осуществление его последовательных этапов должно постепенно привести нас к решению главной задачи. Новый «генеральный план» должен предусмотреть продолжение боев в течение зимы, чтобы истощить силы противника. Грязь и недостаточная поддержка с воздуха создадут трудности, но и зимой нам следует безостановочно продолжать любые операции, которые: а) позволят захватить промежуточные объекты на пути к Руру; б) будут способствовать истощению сил противника скорее, чем наших сил; в) позволят нам занять удобную стартовую позицию для начала маневренной войны весной. Очень важным фактором зимней кампании станет втягивание в сражение 6-й бронетанковой армии противника и ее окончательный разгром. Это единственный стратегический резерв врага на Западном фронте, в состав этой армии входят единственные дивизии, способные на какое-то участие в маневренной войне. Поэтому за зиму надо нанести этим дивизиям такой урон, чтобы к наступлению войны они вышли из строя. Немцы будут отчаянно драться, чтобы не пустить нас в Рур и сохранить позиционный характер боев. Они будут готовы на все, чтобы не допустить превращения войны в маневренную. Поэтому для нас не составит никакого труда втянуть их в сражение к западу от Рейна. [321] ПРЕДЛОЖЕННЫЙ МНОЙ ПЛАН 12-я и 21-я группы армий действуют к северу от Арденн. Правый фланг 12-й группы армий находится рядом с Прюмом. Мощное наступление по линии Прюм — Бонн позволит нам выйти на удобную для ведения боев местность и обойти существующие оборонительные линии и препятствия. 12-я группа армий идет в направлении Рейна по двум основным осям: Прюм — Бонн и Дюрен — Кельн. Находящаяся слева армия или хотя бы десять дивизий выдвигаются в северном направлении в сторону наступления 21-й группы армий, которая идет к югу между реками Маас и Рейн. 12-я группа армий усиливается примерно до 35 дивизий. 21-я группа армий перегруппируется и начинает мощное наступление из района Неймегена, в южном направлении между реками, с целью занятия всей местности между Рейном и Маасом вплоть до линии Орсуа — Венло на юге. Это будет единственная наступательная операция на фронте 21-й группы армий; все силы будут брошены на нее; она будет медленно разворачиваться на протяжении всей зимы. Дата начала — 1 января. 21-я группа армий, усиленная по мере необходимости американскими дивизиями и воздушно-

десантными дивизиями, форсирует Рейн в намеченных местах между Веселеем и Неймегеном. Затем она развертывает маневренные операции к северу от канала и реки Липпе с целью обхода Рура с севера и входа на территорию Германии. Это может произойти в марте 1945 года. 12-я группа армий форсирует Рейн в районе Бонна и развивает обходные операции против Рура с юга. 6-я группа армий продолжает операции в Сааре до тех пор, пока хватит ее сил и ресурсов. Я отметил, что на этом этапе будет трудно сказать, как именно будут развиваться намеченные выше операции. Находящиеся к северу от Арденн две группы армий (12-я и 21-я) должны прежде всего наступать с боями западнее Рейна, стянуть на себя все стратегические резервы немцев и разбить их, а затем подойти к Рейну. На этом этапе невозможно детально разработать все остальные моменты плана. [322] Однако я считаю, что оперативный контроль и руководство всеми силами к северу от Арденн должны осуществляться одним командующим. Это может быть либо Бредли, либо я сам. Я охотно буду служить под началом Бредли. КОММЕНТАРИИ ЭЙЗЕНХАУЭРА ПО МОИМ ЗАМЕЧАНИЯМ Он сказал, что мы не должны придавать слишком большое значение Руру; это всего лишь географический объект; наша настоящая цель состоит в том, чтобы убивать немцев, и совершенно не важно, где именно мы будем это делать. С этим я не согласился и сказал, что, войдя в Рур, мы найдем и убьем больше немцев, чем где бы то ни было; в то же время мы приблизимся к выполнению задачи по захвату или изоляции Рура и, следовательно, к осуществлению генерального плана. Он сказал, что согласен с таким усилением левого крыла 12-й группы армий, чтобы она могла форсировать Рейн. Но он не согласен с тем, что мы должны перебросить всю 12-ю группу армий к северу от Прюма. Он заявил, что, по его мнению, правое крыло 12-й группы армий должно быть сильным и должно наступать к Рейну в районе Вормса, а потом нанести сильный удар по оси Франкфурт — Кассель. Это стало для меня новостью. Он сказал, что видит общую концепцию кампании следующим образом: (а) На севере должна располагаться 21-я группа армий с входящей в ее состав 9-й американской армией из десяти дивизий. Южная граница 21-й группы армий должна проходить по Рейну возле Орсуа, в северо-восточной части Рура. В задачу этих сил входит форсирование Рейна и обход Рура с севера. (б) Левое крыло 12-й группы армий будет играть сдерживающую роль, не форсируя Рейн крупными силами, но создавая угрозу и производя отвлекающие маневры в районе Кельн — Бонн и к югу от него. Иными словами, в этом месте мощного наступления не будет. [323] (в) На южном фланге правое крыло 12-й группы армий

должно начать мощное наступление по оси Франкфурт — Кассель. (г) Общая схема этого плана строится на двух наступлениях: одно в обход Рура с севера (см. п. а), другое — с юга (см. п. в). Между линиями этих наступлений проводятся отвлекающие маневры и создаются угрозы. 12-я группа армий растягивается от Орсуа по обе стороны от Арденн к Вормсу. МОИ КОММЕНТАРИИ К ПЛАНУ ЭЙЗЕНХАУЭРА Эйзенхауэр спросил меня, что я думаю по поводу его плана, и сказал, что он лишь слегка отличается от моих предложений. Я ответил, что следует ясно понимать, что расходимся мы не слегка, а существенно и по основным вопросам. Я сказал, что абсолютно не могу принять его план. Если мы разделим наши ресурсы, ни одно из наступлений не будет достаточно мощным, чтобы принести решающие результаты; именно так мы поступали в прошлом и теперь расплачиваемся за свои ошибки; я надеялся, что мы не повторим их. Я также сказал, что в настоящее время мы страдаем от неправильной структуры командования; его план не улучшает ее. По сути дела, он ее ухудшает. Конечно, Бредли останется в Люксембурге, на юге, чтобы руководить наступлением на Франкфурт. Я перенес свой тактический штаб в Зонховен, чтобы быть рядом с Бредли: он никогда не приезжал на север. Теперь мне придется переехать к северу от Эйндховена, чтобы оказаться рядом с моим собственным наступлением. Я снова попросил возложить на меня ответственность за север Арденн, а на Бредли — за юг. Я отвечал бы за северное наступление, а Бредли — за южное, или Франкфуртское. При теперешнем раскладе Бредли будет руководить обоими наступлениями, а это приведет к недопустимой трате времени, когда потребуется быстро принимать решения. Я закончил настоятельной просьбой о сосредоточении всех имеющихся сил на севере и о придании северному наступлению такой силы, чтобы успех стал гарантированным. [324] Я также настойчиво просил создать разумную структуру командования. Я выразил мнение, что если мы не сделаем этих двух вещей, то потерпим неудачу и встретим весну не готовыми к завершению дела. Эйзенхауэр не согласился с моими доводами. Он считал, что путь к завершению войны лежит через два мощных наступления: а) одного в обход Рура с севера; б) второго по оси Франкфурт — Кассель. А между этими двумя направлениями план предусматривал проведение отвлекающих маневров и создание угроз. Совершенно ясно, что, несмотря на провал действующего плана, мы должны по-прежнему считать его удавшимся и действовать в соответствии с ним».

Итак, на Маастрихтском совещании 7 декабря мы ничего не

достигли. Я надеялся добиться согласия по вопросу о необходимости переноса главного усилия на север. Я хотел, чтобы действия 12-й и 21-й групп армий были направлены на Рур, а также на выполнение задачи по навязыванию маневренной войны на северо-германских равнинах ранней весной. Но решения принято не было.

Тем временем 12-я группа армий Бредли разделилась для нанесения двух мощных ударов, и обе ее части приготовились к атаке. Между ними образовался участок шириной около 100 миль, который удерживал 8-й американский корпус из четырех дивизий под командованием Миддлтона. [325]

Глава восемнадцатая. Сражение в Арденнах

16 декабря 1944 г. — 16 января 1945 г.

Утром 16 декабря я почувствовал, что нуждаюсь в отдыхе. Поэтому я решил полететь на моем легком самолете «Майлз» в Эйндховен, сесть на какой-нибудь площадке возле гольф-клуба и сыграть несколько лунок. В здании клуба размещался штаб военно-воздушной группы, поддерживавшей 2-ю армию, а водителем машины оперативного центра армии был Дей Риз, известный профессиональный игрок в гольф. Я хорошо знал Риза, и мы были добрыми друзьями; мы вместе прошли кампанию в пустыне. В мирной жизни он профессионально занимался гольфом в клубе Хиндхед, после войны и до переезда в Саут-Хертс он давал уроки моему сыну Дэвиду. Это был приятнейший человек. Тогда я не мог себе представить, что он станет лучшим профессиональным игроком Соединенного Королевства.

Я спросил, не сможет ли Риз встретиться со мной, когда я прилечу, и захватить с собой пару клюшек. Все получилось прекрасно, и мы начали играть. Но вскоре нашу игру прервало сообщение о том, что утром немцы атаковали фронт 1-й американской армии, и там складывается неясная ситуация. Я попрощался с Ризом и сразу вылетел в свой тактический штаб в Зонховене.

Удар пришелся главным образом на ту часть фронта 1-й армии в Арденнах, которую удерживал немногочисленный 8-й корпус под командованием Миддлтона, и в линии американской обороны образовалось большое вклинение.

Думаю, что чем меньше я буду говорить об этом сражении, тем лучше, так как, по-моему, все, что я скажу, почти обязательно будет приниматься в штыки. Все те, с кем я был связан во время сражения, уже вышли в отставку — Бредли, Ходжес, Симпсон, [326] Риджуэй, Коллинз, Джероу. Паттона нет в живых. Так что я ограничусь упоминанием о том, что казалось мне самым главным в то время.

Ситуация быстро ухудшалась, и в конце концов 12-я группа армий Бредли оказалась расколотой надвое. Его штаб находился в Люксембурге, откуда он не мог контролировать северную половину группы армий. Я, благодаря моей команде офицеров связи, имел возможность пристально наблюдать за ситуацией. И я принял меры для обеспечения безопасности правого фланга и правой части тыла 21-й группы армий независимо от хода

событий.

В 10.30 утра 20 декабря Эйзенхауэр позвонил мне из своего штаба и приказал немедленно принять командование всеми американскими силами на северном фланге клина. Этим приказом под мое командование передавались две американские армии: 9-я (Симпсон), непосредственно справа от меня, и 1-я (Ходжес), справа от 9-й.

1-я армия вела отчаянные бои.

Отдав распоряжения Демпси и Крерару, прибывшим на совещание в 11.00, в поддень я отбыл в штаб 1-й армии, где приказал Симпсону дожидаться меня. Я отметил крайнюю дезорганизацию на северном фланге клина. В состав 9-й армии входили два корпуса и три дивизии; в 1-й армии насчитывалось три корпуса и пятнадцать дивизий. Ни один командующий не видел Бредли или кого-то из старших офицеров его штаба с самого начала сражения, и никаких директив относительно того, что им надлежало делать, не поступало.

Первым делом следовало рассматривать сражение на северном фланге как единое целое, чтобы обеспечить безопасность жизненно важных участков, и создать резервы для контрнаступления.

Я приступил к осуществлению этих мероприятий.

Я передал британские войска под командование 9-й армии, чтобы они сражались вместе с американцами, и возложил на эту армию заботу о части фронта 1-й армии. Я разместил британские войска в тылу 1-й и 9-й армий в качестве резервных, пока не будет создан американский резерв. Медленно, но верно мы овладевали ситуацией и наконец сумели ее стабилизировать. [327]

Бредли принял аналогичные меры в отношении 3-й армии на южном фланге.

Должен упомянуть об одной своей шутке, которая не показалась смешной в Уайтхолле. В военном министерстве, естественно, волновались, и я послал начальнику Имперского генерального штаба телеграмму с описанием всех событий и отчетом о моих действиях. Последняя фраза была такая: «На сей раз мы не можем уходить через Дюнкерк, потому что он все еще в руках у немцев».

Мою телеграмму передали премьер-министру, но эту фразу отрезали!

Можно сказать, что сражение закончилось в середине января. 14 января я направил генералу Бредли такую телеграмму:

«Мой дорогой Брэд, судя по всему, сражение на «выступе» приближается к финалу, и, когда все придет в порядок, полагаю,

что Ваши армии вернутся под Ваше командование. 1. Мне хотелось бы сказать две вещи. Первое. Для меня было великой честью командовать такими великолепными войсками. Второе. Они блестяще сражались. 2. Мне было очень приятно работать с Ходжесом и Симпсоном; оба отлично сделали свое дело. Командующие корпусами 1-й армии (Джероу, Коллинз, Риджуэй) были просто великолепны; поразительно, что в одной армии собралось столько прекрасных командиров. 3. Все те, кто действовал на северном фланге выступа, хотели бы сказать о восхищении, которое вызвало у них проведение операций на южном фланге. Если бы вам не удалось выстоять у Бастони, вся ситуация могла стать чрезвычайно опасной. 4. Самые добрые пожелания Вам и генералу Паттону. Искренне Ваш, Б. Л. Монтгомери».

16 января я смог сказать, что сражение закончилось. Эйзенхауэр приказал мне вернуть 1-ю армию Бредли 17 января, тогда [328] как 9-я армия оставалась под моим командованием. 16 января я направил Эйзенхауэру телеграмму следующего содержания:

«С огромным удовольствием сообщаю Вам, что задача, которую Вы поручили мне в Арденнах, выполнена. 1-я и 3-я армии соединились в Уффализе и продвигаются на восток. Таким образом, можно сказать, что мы одержали тактическую победу на выступе. Завтра, согласно Вашему приказу, я возвращаю 1-ю армию Бредли. Хотелось бы отметить, как приятно было руководить такой великолепной армией и как прекрасно она действовала».

Я часто вспоминаю одну характерную историю того времени, связанную с генералом Хорроксом и его 30-м корпусом. Я приказал 2-й армии разместить 30-й корпус за Маасом в районе между Лувеном и Намюром. В его задачу входило противодействие попыткам немцев форсировать Маас. Я поехал к Хорроксу, чтобы убедиться, что он правильно понимает поставленную задачу. Он, как обычно, был полон энтузиазма и выдвигал грандиозные идеи: он позволит немцам перейти реку, а потом окончательно разгромит их на поле Ватерлоо, благо оно находилось недалеко! Я сказал Демпси, что Хоррокс ни под каким видом не должен пропустить немцев за реку.

Должен также отметить, что 1 января немцы нанесли мощные удары по нашим аэродромам в Голландии и Бельгии. Мой самолет, переданный мне Эйзенхауэром на Сицилии в августе 1943 года, в обмен на «Летающую крепость», был разбит вдребезги. Эйзенхауэр тут же заменил его, и это так меня тронуло, что 6 января я направил ему такую радиограмму:

«М-424. Лично Эйзенхауэру от Монтгомери. Мой дорогой Айк, я получил новый «С-47», который Вы так любезно мне предоставили, и, насколько я понимаю, Вы прислали мне тот самолет, который предназначался Вам. Такая искренняя доброта глубоко тронула меня, и я выражаю Вам самую глубокую, самую сердечную благодарность. Если я могу что-то сделать для Вас, чтобы облегчить возложенное на Вас тяжелейшее бремя, знайте — Вам [329] достаточно лишь скомандовать. И будьте уверены — я всегда буду твердо поддерживать Вас во всех Ваших начинаниях».

Закончу эту главу отчетом о моей пресс-конференции по итогам сражения, проведенной 7 января. В те дни меня волновали нападки на Эйзенхауэра, появившиеся в британской прессе. Поэтому я направил премьер-министру письмо, в котором писал, что предполагаю рассказать британским и американским корреспондентам всю историю сражения. Я покажу, что вся команда союзников откликнулась на призыв и что именно командная работа спасла нас в опасной ситуации. Я предложил, что после этого обращусь к ним с призывом способствовать солидарности союзников. Никому не может быть позволено совершать действия, способные подорвать командный дух. Именно командная работа помогает пережить опасные времена. Именно командная работа позволяет выигрывать сражения. А выигранные сражения ведут к победе в войне.

Премьер-министр принял мое предложение и назвал его бесценным.

Я провел эту пресс-конференцию. О ней ходило много разговоров, а многие из опубликованных цитат были вырваны из контекста. Никто никогда не опубликовал полный текст тезисов, по которым я выступал и которые позже были переданы прессе. Вот эти тезисы:

«1. Цель выступления. Я попросил вас приехать сегодня сюда, чтобы сообщить вам некоторые сведения, которые могут оказаться полезными для вас, а также чтобы попросить вас об определенной помощи. 2. История прошедшего сражения. Рундштедт атаковал нас 16 декабря; ему удалось добиться тактической внезапности. Он глубоко вклинился в центр 1-й американской армии и расколол американские силы надвое. Ситуация могла стать угрожающей; немцы нанесли удар по слабому месту и продвигались к Маасу. 3. Как только я понял, что происходит, я лично принял некоторые меры, чтобы исключить переход немцев через Маас, даже если они сумеют прорваться к реке. И я произвел определенные маневры, чтобы выстроить сбалансированную диспозицию [330] перед лицом угрозы со стороны противника; на тот момент эти меры носили характер

предосторожности, т. е. я опережал ход событий. 4. Затем ситуация стала ухудшаться. Однако вся команда союзников сплотилась, чтобы встретить опасность; национальные соображения были отброшены; генерал Эйзенхауэр назначил меня командующим всем Северным фронтом. Я использовал все имевшиеся силы Британской группы армий; эти силы вводились в игру очень постепенно и таким образом, чтобы не создавать препятствий для американских коммуникаций. В конце концов они всей мощью вступили в бой, и сегодня британские дивизии ведут ожесточенные сражения на правом фланге 1-й армии США. Итак, вы можете видеть, что британские войска сражаются на обоих флангах американских сил, на долю которых пришелся тяжелый удар. Это прекрасно иллюстрирует дух союзничества. 5. Само сражение проходило очень интересно. Думаю, что оно стало одним из самых интересных и хитроумных сражений, которыми я когда-либо руководил, причем ставки в нем были очень высоки. Первым делом следовало «отсечь» противника от наших слабых и жизненно важных участков. После успешного решения этой задачи нам предстояло «выдавить его», т. е. блокировать и убедиться в том, что он не может добраться туда, куда хотел, а также в том, что он медленно, но верно отходит от этих мест. Итак, мы его «отсекли», а потом и «выдавили». Теперь мы «добиваем» противника, и по его дивизиям наносятся мощные удары на земле и с воздуха. Вы не должны представлять себе дело таким образом, будто сражение уже завершилось; оно еще далеко не закончено, и многое еще предстоит сделать. Это сражение чем-то напоминало битву, начавшуюся 31 августа 1942 года, когда Роммель предпринял последнюю попытку захватить Египет и был «выдавлен» оттуда 8-й армией. Хотя на самом деле все сражения разные, поскольку призваны решать разные задачи. 6. Чего пытался добиться Рундштедт? Точно сказать этого не может никто. [331] Единственную подсказку мы можем получить из послания, направленного им солдатам перед началом сражения; в нем он говорит, что осталось предпринять последнее крупное усилие, и тогда они выиграют войну, что от этого все зависит, что все они должны «выложиться». На карте вы можете видеть, чего он достиг; этим нельзя выиграть войну; похоже, он медленно, но верно теряет все; ему, вероятно, пришлось наскрести для выполнения этой задачи последние имевшиеся у его резервы, и он добился немногого. Следует признать, что он нанес нам мощный удар и действительно отбросил нас назад; но мы оправились; после первых успехов ему не удалось добиться никакого существенного преимущества. Тем самым он потерпел неудачу в своем стратегическом плане, если только истинная

задача не была меньше, чем он сообщал своим людям. Теперь он вынужден вести оборонительные наземные бои, и ему противостоят силы, сбалансированные таким образом, чтобы использовать упущенную им инициативу. Второй причиной его поражения стало то, что его военно-воздушные силы, все еще способные к быстрым действиям, не могут защитить его армию; наибольший ужас в эту армию вселяет наша тактическая авиация. 7. Теперь, когда все уже сделано и сказано, я остаюсь уверенным в том, что Рундштедт потерпел неудачу главным образом благодаря прекрасным боевым качествам американских солдат и командной работе союзников. 8. Я впервые увидел американского солдата в деле на Сицилии, и уже тогда у меня сложилось очень хорошее впечатление о нем. Я снова увидел его в Италии. И в этой кампании я смог увидеть, как он воюет. Я хочу воспользоваться этой возможностью, чтобы публично воздать ему должное. Это отважный воин, не сгибающийся под огнем, обладающий в бою той выносливостью, которая отличает первоклассного солдата; все эти качества наилучшим образом проявились в прошедшем сражении. [332] Моя военная карьера прошла среди британских солдат, и я глубоко полюбил их; теперь же у меня появилось чувство большой симпатии и восхищения в отношении американских солдат. Я салютую мужественным американским бойцам; о лучших солдатах нельзя и мечтать. Сейчас у меня появилась возможность много наблюдать за американскими солдатами; я попытался представить себя самого почти что американским солдатом, чтобы не совершить какого-то неподобающего поступка или как-то не обидеть их. Мне вручили американское удостоверение личности: таким образом, меня признали членом армии США, мои отпечатки пальцев были занесены в картотеку военного министерства в Вашингтоне — а это гораздо лучше, чем если бы их занесли в картотеку Скотленд-Ярда! 9. И теперь я подхожу к последнему пункту. Именно командная работа помогает пережить опасные времена. Именно командная работа позволяет выигрывать сражения. А выигранные сражения ведут к победе в войне. Я хочу призвать к солидарности союзников на этом жизненно важном этапе войны; и вы можете оказать нам огромную помощь. Никто не должен позволить себе сделать что-либо, способное подорвать дух товарищества в нашей команде союзников; если вы попытаетесь нападать на капитана этой команды, на вас ляжет ответственность за потерю доверия, которая может усилиться и принести самые катастрофические результаты. Я хочу сказать, что любой, кто пытается уничтожить командный дух среди союзников, безусловно, играет на руку врагу. 10. Позвольте сказать вам, что капитаном нашей команды

является Эйзенхауэр. Я абсолютно предан Айку, мы с ним — очень добрые друзья. Меня чрезвычайно огорчает, когда я вижу неприязненные статьи о нем в британских газетах; он несет огромную ношу, он нуждается в нашей полнейшей поддержке, он имеет право ожидать ее, и все мы должны сделать так, чтобы он получил ее. Итак, я хотел бы попросить всех вас оказать помощь в прекращении подобных нападок; давайте все сплотимся вокруг капитана и этим поможем выиграть матч. [333] Никто не возражает против здоровой и конструктивной критики, она приносит нам только пользу. Но давайте положим конец деструктивной критике, нацеленной на подрыв солидарности союзников, на разрушение нашего командного духа и тем самым на помощь врагу».

Вероятно, ошибкой было вообще проводить такую пресс-конференцию в ситуации столь болезненного обострения чувств, но к тому же противник сумел ловко извратить смысл сказанного мною. Честер Уилмот («Битва за Европу», с. 611) объяснял, что материалы о пресс-конференции, отправленные им на Би-би-си, были перехвачены немецкой радиостанцией, «переписаны с целью придания им антиамериканского оттенка, а затем переданы по радио Арнема, находившемуся в то время в руках Геббельса. Эта передача, отслеженная штабом Бредли, была ошибочно принята за трансляцию Би-би-си, и именно этот искаженный текст и положил начало всей шумихе».

Независимо от того, извратили сказанное мною или нет, теперь я считаю, что вообще не должен был давать эту пресс-конференцию. Поскольку часть американских генералов была настроена резко против меня, любое мое слово было обречено считаться ложью. Поэтому мне не следовало ничего говорить. Кроме того, что бы я ни сказал (а мои слова еще и исказили), в целом я производил впечатление очень уверенного в себе человека. В отличие от весьма подавленного американского командования я мог показаться (особенно чувствительному человеку) этаким триумфатором — не столько над немцами, сколько над американцами. Это был совершенно неверный образ. Но ведь я также назвал сражение «интересным». Вряд ли следовало ожидать от плохо знавших меня людей, что они разделят мой профессиональный интерес к военному искусству, и вполне естественно, что такая терминология их обескуражила; они испытывали слишком большую боль, чтобы рассматривать это сражение как «интересное» с объективной точки зрения. По сути дела, мне следовало не только не проводить пресс-конференцию, но и постараться проявить еще большую осторожность. Все происшедшее показывает, что мне следовало

держать язык за зубами. [334]

Пресс-конференции, проводимые с самыми «благими намерениями», только «мостят дорогу в ад».

А ведь при этом я не сказал, что в Арденнском сражении союзникам основательно намяли бока, что американцы потеряли почти 80 000 человек и что ничего этого не случилось бы, если бы мы разумно вели кампанию после великой победы в Нормандии или хотя бы обеспечили тактическое равновесие в диспозиции наземных войск при планировании зимней кампании. Более того, из-за этого ненужного сражения мы потеряли почти шесть недель — со всеми политическими последствиями, обозначившимися по мере приближения конца войны. [335]

Глава девятнадцатая. Окончание войны в Европе

Проблемы командования

Читатель уже понял, что начиная с 1 сентября 1944 года меня не удовлетворяла наша организация командования и оперативного руководства. Я написал по этому поводу докладную, озаглавленную «Замечания по командованию в Западной Европе», и 10 октября отправил ее Беделлу Смиту; он показал ее Эйзенхауэру. Напомню, что я недвусмысленно высказал свои соображения по данному вопросу генералу Маршаллу, когда он приезжал ко мне в Эйндховен 8 октября. В основе моей критики лежало то соображение, что прямое оперативное руководство наземными армиями во время войны требует постоянного взаимодействия с подчиненными командирами и, следовательно, командующий должен находиться вблизи от передовой и держать управление боем в своих руках. В Нормандии я поступал именно таким образом; сейчас никто не делал этого, и в результате у нас возникали неприятности. После того как Эйзенхауэру показали мою докладную, он написал мне письмо, датированное 13 октября. В этом письме он выражал несогласие с тем, что один человек может должным образом руководить всеми наземными сражениями на протяженном фронте от Швейцарии до Северного моря. Для этой цели требуется общий командующий, который «распределял бы крупные участки фронта между несколькими группами, действующими в нескольких местах, соразмеряя задачи с их возможностями». Такое общее командование должен осуществлять Верховный главнокомандующий. В письме затрагивался и вопрос о национализме, идущем вразрез с чисто военными соображениями.

Все это происходило в тяжелое время, когда Эйзенхауэр столкнулся с ситуацией, точно обрисованной мной во время нашей встречи в моем штабе 23 августа; его стратегия и отсутствие [336] какого-то плана привели к тому, что в октябре мы оказались в замешательстве. Сложившаяся ситуация явно огорчала его.

Поэтому я решил не поднимать более вопрос о едином командовании наземными операциями и 16 октября направил ему следующую радиограмму:

«Дорогой Айк,

я получил Ваше письмо от 13 октября. Больше Вы не

услышите от меня ни слова относительно проблем с командованием. Я изложил Вам свою точку зрения, Вы мне ответили. На этом считаю дело закрытым, и все мы на сто процентов готовы делать все, что Вы сочтете нужным, и подчинимся Вам без малейших сомнений. Я отдал Антверпену приоритет над всеми операциями, проводимыми 21-й группой армий, и мы приложим все усилия и всю нашу энергию для открытия этого порта.

Ваш преданный и верный подчиненный

Монти».

От Эйзенхауэра немедленно пришел ответ, гласивший:

«Дорогой Монти,

благодарю Вас за замечательное послание. С нетерпением жду встречи с Вами завтра.

Всегда Ваш,

Айк».

И на этом тема была закрыта. Оставалось только попытаться выработать разумный план для всей предстоявшей нам зимней кампании — кампании в Рейнланде — и добиться необходимой координации усилий союзнических войск.

Во время сражения в Арденнах безжалостный ход событий вынудил Эйзенхауэра сделать то, что я постоянно советовал; меня назначили оперативным командующим левым флангом союзников и поставили под мое командование две американские армии. Конечно, это не понравилось моим критикам в штабе Верховного главнокомандования и американским генералам, не одобрявшим мои идеи. Чтобы сделать то, о чем я постоянно просил с августа, потребовался серьезный кризис.

28 декабря Эйзенхауэр посетил северный фланг, и мы с ним долго беседовали в его специальном поезде в Хассельте. К этому [337] времени мы держали ситуацию в Арденнах в своих руках, и наш разговор касался главным образом того, что предстояло сделать после завершения сражения. Я снова высказал мнение о том, что главной целью наступления должен стать Рур; на его захват должны быть брошены все доступные силы; оперативное руководство этими силами должен осуществлять один командующий.

На следующий день, 29 декабря, я отправил Эйзенхауэру письмо:

«Мой дорогой Айк,

мне было очень приятно повидаться с Вами вчера и обсудить боевую ситуацию.

1. Я хотел бы вернуться к вопросу об оперативном руководстве всеми силами, занятыми в наступлении на Рур с

севера, то есть 12-й и 21-й группами армий.

Думаю, что нам следует проявлять осторожность, потому что мы уже потерпели явную неудачу, пытаясь действовать по формуле, предложенной штабом Верховного главнокомандования союзных экспедиционных сил от 23 сентября 1944 года (FWD 15510), которая совершенно не годится.

2. Во время встречи с Вами и с Бредли в Маастрихте 7 декабря мне было совершенно ясно, что Бредли станет возражать против того, чтобы я осуществлял оперативное руководство его группой армий; поэтому тогда я не стал обсуждать этот вопрос.

Сейчас я считаю, что Вам необходимо проявить твердость в этом вопросе, тогда как любое расплывчатое заявление не принесет никакой пользы.

3. Я считаю, что, если Вы будете просто использовать термин «координация», это не даст результатов. Лицо, назначенное Вами, должно обладать полномочиями в отношении оперативного руководства и осуществления контроля за операциями, которые последуют согласно Вашей директиве.

4. Хотел бы сказать, что Ваша директива распределит задачи и цели между двумя группами армий, расставит их по участкам и так далее.

Затем будет проведена подготовка и начнется сражение.

Именно в этот момент полномочия по руководству и контролю над боевыми действиями должны перейти к одному командующему; вероятно, Вы не сможете осуществить это лично, поэтому Вам придется назначить кого-то вместо себя. [338]

5. Я предлагаю Вам закончить директиву следующими словами: «12-я и 21-я группы армий проводят операции в соответствии с вышеприведенными инструкциями.

С этого момента все руководство операциями, контроль и координация этих операций возлагаются на командующего 21-й группой армий, подчиняющегося инструкциям, которые могут время от времени издаваться Верховным главнокомандующим».

6. Я снова ставлю перед Вами этот вопрос лишь потому, что очень обеспокоен возможностью еще одной неудачи.

Я совершенно уверен, что ключевыми условиями успеха являются:

а) использование всех имеющихся наступательных сил на северном направлении наступления на Рур;

б) создание разумной структуры командования, что подразумевает передачу руководства всеми тактическими операциями на северном направлении и контроля над их проведением в руки одного человека.

Я убежден, что невыполнение этих двух основных условий

приведет нас к очередной неудаче.

7. Я буду признателен, если Вы не передадите Бредли того, о чем я писал в п. 3. Я не хотел бы, чтобы он думал, будто я запомнил ту историю и специально вернулся к ней.

Всегда Ваш очень преданный друг

Монти».

К тому времени, когда Эйзенхауэр вернулся в свой штаб и прочел мое письмо, его уже ждала телеграмма от генерала Маршалла, сообщавшего, что он видел в британской прессе критические статьи и высказывания об американском командовании. В телеграмме говорилось, что и президент США, и сам Маршалл полностью доверяют ему (Эйзенхауэру) и что назначение британского офицера для оперативного руководства или контроля над Бредли будет для Америки совершенно неприемлемо.

У меня осталось впечатление, что Эйзенхауэр не знал, что мне сообщили о телеграмме Маршалла. Эта телеграмма закрыла для меня тему «оперативного контроля», и я понимал, что не стоит и пытаться заново поднимать ее.

Мой начальник штаба, Фредди де Гинган, находился в штабе Верховного главнокомандования, когда Эйзенхауэр вернулся из поездки и читал мое письмо, приводимое выше. Они долго обсуждали поставленные в нем вопросы. [339]

Де Гинган был потрясен тем, насколько эти вопросы «взорвали» Эйзенхауэра, и он тут же приехал в мой тактический штаб, чтобы рассказать мне об этом. Именно от него я и узнал о телеграмме Маршалла. Я сразу решил «заткнуться». 31 декабря я послал Эйзенхауэру следующую телеграмму:

«Дорогой Айк,

я виделся с Фредди и понял, что в эти тяжелые дни у Вас возникло много забот. Я честно и прямо изложил Вам свою точку зрения, так как чувствовал, что Вы это оцените. Я уверен, что существует множество факторов, понять все значение которых я не в состоянии. Независимо от того, какое решение Вы примете, можете на сто процентов положиться на меня в отношении его осуществления; я убежден, что Брэд поступит так же. Мне очень неприятно, что мое письмо могло так огорчить Вас, так что прошу Вас — порвите его!

Ваш преданный подчиненный

Монти».

1 января Эйзенхауэр ответил мне:

«Дорогой Монти,

сегодня утром я получил Вашу чудесную телеграмму. Я действительно ценю выраженное в ней понимание. Искренне

надеюсь, что 1945 год станет самым удачным во всей Вашей карьере.

Как всегда,

Айк».

Тем временем Эйзенхауэр работал над собственным общим планом. 31 декабря, в тот самый день, когда я направил ему свое послание, он собственноручно написал мне такое письмо:

«Дорогой Монти,

прилагаю мой общий план проведения операций в ближайшем будущем. Первым делом нам следует хорошенько всыпать противнику и уничтожить все, что мы сможем. Затем нам надлежит сосредоточиться на разгроме врага к северу от Прюма — Бонна, и тут план отводит особую задачу Вам и Бредли. План предусматривает также сосредоточение больших сил к северу от Рура после форсирования Рейна. Эти основные задачи в точности повторяют мои намерения, о которых я говорил Вам в поезде 28-го числа. [340]

В отношении командования. Я не согласен, что командующий одной группой армий должен проводить собственную операцию и отдавать приказы командующему другой группой армий. Согласно моему плану вся американская армия передается под командование 21-й группы армий; я рассматриваю это как военную необходимость, и, безусловно, это отражает мое полное доверие лично Вам. Если бы дело обстояло по-другому, принять такое решение было бы чрезвычайно трудно.

Вы знаете, как высоко я ценю Ваши откровенные и дружеские советы и полагаюсь на них, но в Вашем последнем письме меня насторожило Ваше предсказание «неудачи» в случае, если не будут точно соблюдены Ваши рекомендации относительно передачи Вам командования над Бредли. Заверяю Вас, что в данной ситуации я не могу пойти дальше уже сделанного.

Пожалуйста, вчитайтесь в этот документ и обратите внимание, насколько решительно я планировал, после ликвидации выступа, укрепить 21-ю группу армий, поставить перед ней масштабную задачу и передать Вам командование при выполнении этой задачи. Более того, Бредли будет находиться вблизи от Вашего штаба.

Я знаю Вас как преданного солдата, готового отдать всего себя решению поставленной задачи. Мне было бы очень горько, если бы между нами возникли столь непреодолимые противоречия, что их пришлось бы решать на заседании Объединенного комитета начальников штабов. Это породило бы замешательство и споры, которые, безусловно, только повредили бы нашим добрым отношениям и преданности общему делу,

благодаря которым союзные войска стали уникальным историческим явлением.

Как всегда, Ваш друг

Айк».

КАНЦЕЛЯРИЯ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

31 декабря 1944 г.

КРАТКИЙ ПЛАН

«Мой краткий план операций, основанный на сложившейся ситуации и перспективах, состоит в следующем.

Основной план — разбить силы противника к западу от Рейна и к северу от Мозеля, затем подготовиться к форсированию Рейна с нанесением главного удара севернее Рура. Прочие задачи: [341]

(а) Срезать арденнский выступ путем немедленных атак с севера и юга, с сохранением нынешней структуры командования вплоть до достижения тактической победы в пределах выступа и воссоединения 3-й армии с корпусом Коллинза для наступления на северо-восток. Затем Бредли снова вступает в командование 1-й американской армией. (Действия противника в пределах выступа свидетельствуют о его твердом намерении превратить это сражение в решающее с помощью мобильных сил. Поэтому мы должны быть готовы использовать все средства — при соблюдении необходимых мер безопасности, для полного уничтожения мобильных сил противника.)

(б) Затем 1-я и 3-я армии наступают на северо-восток по общей линии Прюм — Бонн, вплоть до Рейна.

(в) После выполнения п. (а) 21-я группа армий с переданной под ее оперативное руководство 9-й американской армией возобновляет подготовку к проведению операции «Веритабль».

(г) 12-я группа армий получает приоритет в отношении усиления личного состава, материальной части и соединений американских армий.

(д) На данном этапе фронт к югу от Мозеля носит строго оборонительный характер.

(е) Я создам резерв (включающий пополненные дивизии), который можно будет использовать для подкрепления успеха.

(ж) Как только позволит ситуация с ликвидацией арденнского выступа, штаб 12-й группы армий переместится к северу, чтобы оказаться как можно ближе к штабу 21-й группы армий.

(з) Отныне любые детальные или экстренные меры по координации боевых действий вдоль разграничительной линии между группами армий на севере будут осуществляться командующими обеими группами армий, причем решающий голос при принятии решения будет иметь командующий 21-й группой армий.

Главным, что мы должны предотвратить, является стабилизация вражеского выступа пехотой, что позволило бы противнику свободно использовать танки на любом участке фронта. Мы должны перехватить инициативу, и здесь решающую роль играют скорость и энергичность.

По окончании боев за выступ будет объявлено о распределении дивизий между группами армий и об изменениях в разграничительных линиях.

Дуайт Д. Эйзенхауэр». [342]

Я изучил этот краткий план. Он предусматривал все, чего я добивался, за исключением оперативного контроля, но после телеграммы Маршалла эта тема уже не поднималась. План переносил центр тяжести на север и передавал 9-ю американскую армию под командование 21-й группы армий. Он давал мне право решающего голоса в случае разногласий с Бредли относительно разграничительной линии между 12-й и 21-й группами армий. По сути дела, я получил почти все, о чем просил начиная с августа. Лучше поздно, чем никогда. Конечно, я не мог просить о большем, и 2 января 1945 года написал Эйзенхауэру следующее письмо:

«Благодарю Вас за краткий план, датированный 31 декабря, и Ваше письмо. Я полагаю, что для достижения тактической победы внутри выступа потребуется некоторое время, и там будут тяжелые бои. Кроме того, среди нас определенно возникнут некие недоразумения, и думаю, что нам следует проявить большую осторожность и разумно выбрать правильный момент для изменений командования. Я также считаю, что после достижения тактической победы в выступе может возникнуть довольно большой перерыв, прежде чем начнутся наступательные операции, хотя мне кажется, что мы должны приложить усилия и начать операцию «Веритабль» как можно раньше. Помимо этих мыслей, пришедших мне в голову, у меня нет замечаний по краткому плану, а его детали можно будет проработать позже. Можете полагаться на меня и на всех моих подчиненных — мы на сто процентов выполним свои задачи для реализации Вашего плана».

Должен объяснить, что операция «Веритабль» подразумевала наступление канадской армии из леса Рейхсвальд к югу с целью обеспечения захвата всех территорий западнее Рейна. Следующей операцией должно было стать собственно форсирование Рейна 2-й армией, причем планировать его предполагалось по ходу операции «Веритабль».

В общих чертах все теперь было согласовано.

Предстояло продумать много деталей и разработать

подробный план; работа над всеми этими деталями велась в январе. Очень большую помощь в обеспечении внимания ко всем основным элементам плана в ходе штабной разработки деталей оказал [343] генерал-майор Уайтли, британский представитель в штабе Верховного главнокомандования; он добился желаемого.

Мы начали операцию «Веритабль» в лесу Рейхсвальд восточнее Неймегена 23 февраля и выступили к югу левым флангом в направлении Рейна.

Во взаимодействии с канадской армией 9-я американская армия наступала в северном направлении, с правым флангом на Дюссельдорф.

К 10 марта войска 9-й американской армии и 21-я группа армий стояли вдоль западного берега Рейна от Нейсса (напротив Дюссельдорфа) до Неймегена, а все мосты через реку были разрушены. В то же время 7 марта 1-я американская армия сумела занять неразрушенный железнодорожный мост в Ремагене и сразу создала плацдарм на восточном берегу. Этот плацдарм сыграл очень важную роль в наших последующих операциях. Благодаря ему мы не только блокировали значительное количество уцелевших вражеских дивизий в этом районе, но, что еще важнее, его использование позволило облегчить всю дальнейшую кампанию. К третьей неделе марта армии союзников вышли к Рейну на всем его протяжении от Швейцарии до моря.

В октябре я поднимал вопрос о том, кто должен командовать наземными силами; однако в то же время я не прекращал обсуждать вопрос о том, как следует ими командовать. Споры о разумной стратегии продолжались. Самым большим изменением стал бы отказ от доктрины отдельного командования наземными силами, а для этого требовалось убедить Эйзенхауэра твердо взять руководство в свои руки, вместо того чтобы позволять своим наземным армиям действовать по всей территории без малейшей координации. Иными словами — цель оставалась неизменной, но методы ее достижения следовало полностью изменить — как по личным, так и по политическим соображениям.

Я никогда не понимал до конца, какую роль играл Теддер в качестве заместителя Верховного главнокомандующего; в конечном итоге он, будучи летчиком, занялся тем, что стал координировать воздушные операции.

Я никогда не думал, что изначально его предполагали использовать именно для этого. Но именно к этому он пришел из-за непрекращавшихся споров между высшими чинами авиации, [344] каждый из которых имел собственные стратегические концепции и крайне ревниво относился ко всем другим.

Генералы были немногим лучше. Поэтому, пока Теддер воевал с баронами от авиации, Эйзенхауэр разбирался с враждующими племенами генералов. В результате у нас вообще не было никакой реальной стратегии, и каждая наземная армия шла вперед, пока могла, пока у нее не кончалось горючее, или боеприпасы, или и то и другое.

Итак, как я уже объяснял, проблема «командования сухопутными силами», насколько она касалась меня, была закрыта к концу 1944 года. Но, к моему изумлению, в феврале 1945 года премьер-министр снова поднял этот вопрос, обсудив его, как я полагаю, с британскими начальниками штабов.

В Лондоне сочли, что фельдмаршал Александер мог бы стать лучшим заместителем Верховного главнокомандующего, чем Теддер, поскольку он сможет освободить Эйзенхауэра от забот, связанных с проведением наземных операций, на что Теддер был не способен. Премьер-министр и начальник Имперского генерального штаба советовались со мной по этому поводу неофициально. Мой ответ последовал незамедлительно — приход Александера в штаб Верховного главнокомандования вызовет бурю как в прессе, так и в американском генералитете. Все же предложение передали на рассмотрение Эйзенхауэру. Он попросил меня о встрече 14 февраля в каком-нибудь удобном месте на полпути между нашими штабами, и мы встретились в моем бывшем штабе в Зонховене. В начале февраля 1945 года британская и американская делегации на Ялтинской конференции провели предварительные переговоры на Мальте по пути в Крым; некоторые соображения, высказанные на Мальте, передали Эйзенхауэру, который сам на переговоры не ездил, а посылал вместо себя Беделла Смита. После того как Эйзенхауэр уехал из Зонховена в свой штаб, я записал в своем дневнике:

«Эйзенхауэр перевел разговор на проблему командования.

Он сказал, что на Мальте премьер-министр сказал президенту (или Маршаллу), что он (Айк) мало видится со мной, и намекнул, что к британской стороне относятся недостаточно внимательно.

Это очень задело его, и он начал рассказывать о том, что Маршалл и американские начальники штабов постоянно обвиняют [345] его в том, что он занимает пробританскую позицию, а премьер-министр и британские начальники штабов критикуют его за то, что он стоит на проамериканских позициях и недостаточно часто общается со мной.

Мне очень неприятно, что обо всем этом говорилось на Мальте; слухи быстро дошли до Айка, и он, без сомнения, приписал эту точку зрения мне; он такой хороший парень, что я не в состоянии видеть его расстроенным.

Айк попросил меня высказать мое мнение о существующей структуре командования; я не знаю, для чего ему это нужно.

Я сказал ему следующее:

(а) Я понимаю, что он хотел бы лично руководить наземными операциями и командовать тремя группами армий; он не хочет, чтобы между ним и группами армий стоял еще какой-то командующий сухопутными силами.

(б) Сейчас он разделил театр военных действий на «фронты», четко привязанные к стратегическим и географическим целям; он придал каждому «фронту» ресурсы, соответствующие поставленной задаче.

(в) Основной удар предстоит нанести моему «фронту». Для того чтобы один командующий мог руководить всеми силами, участвующими в главном усилии, он перевел одну американскую армию под мое командование. В моем распоряжении находятся также один американский воздушно-десантный корпус из двух дивизий и една британская воздушно-десантная дивизия.

(г) Учитывая изложенное выше в пункте (а), я считаю, что в настоящее время структура командования удовлетворительна.

(д) После этого я сказал, что рассчитываю на то, что сложившаяся к настоящему времени структура командования сохранится неизменной до конца войны — который должен наступить весной.

Время от времени нам могут понадобиться «перегруппировки», и тогда ресурсы будут передаваться «фронтам» в соответствии с поставленными перед ними новыми задачами. Самое главное — чтобы за все силы, занятые в осуществлении главного удара, всегда отвечал один командующий; нам не следует отступать от этого принципа.

Айк был рад узнать, что мне нравится существующая структура командования. Конечно, когда он ехал в Зонховен, его [346] что-то тревожило, и во время нашего разговора эта тревога ощущалась.

До сих пор я так и не знаю, что именно так волновало его. Но, безусловно, как только я сказал, что полностью удовлетворен сложившимся положением, он стал другим человеком; уезжая, он улыбался до ушей».

Услышав, что существующая структура командования меня удовлетворяет, Эйзенхауэр написал об этом начальнику Имперского генерального штаба и попросил его, прежде чем выступать с предложением сменить заместителя Верховного главнокомандующего, учесть следующее:

(а) Всей кампанией руководит он (Эйзенхауэр). Заместитель Верховного главнокомандующего руководит воздушными

операциями, поскольку сам является представителем военно-воздушных сил. Кроме того, он отвечает за дела в тылу и за планирование отдельных мероприятий, например создание Контрольной комиссии для Германии; если Александер приедет на театр военных действий, он допустит его только к этим делам.

(б) Ни при каких условиях он не согласится, чтобы между ним и командующими группами армий стоял кто-то третий.

(в) Если будет осуществлена данная замена, это спровоцирует самые разные предположения относительно вызвавших ее причин. Вполне вероятно, что американские генералы решат, что англичане прибегли к усилению давления, чтобы добиться принятия своей политики.

1 марта Эйзенхауэр снова посетил меня и рассказал все, что знал о предложении «убрать» Теддера и «поставить» Александера. Он спросил, что я об этом думаю. Я ответил следующее:

1. Союзники пережили очень трудное и очень бурное время.

2. Мы успешно преодолели эти бури, и конец войны уже близок.

3. Если сейчас заместителем Верховного главнокомандующего назначат Александера, это обидит определенные круги [347] в Америке; начнется еще более сильная буря, и все былые разногласия снова всплывут на поверхность.

4. Ради всего святого — давайте любой ценой уберем любые поводы для новых трений. Мы вот-вот выиграем войну с немцами. Пусть Алекс останется в Италии. И пусть Теддер доведет дело до конца в качестве заместителя Верховного главнокомандующего.

Эйзенхауэр полностью согласился с моими суждениями.

2 марта меня посетил премьер-министр, и я рассказал ему о разговоре с Эйзенхауэром. Его это не очень обрадовало! Он поехал к Эйзенхауэру. 11 марта премьер-министр написал мне, что «теперь дело закрыто».

В течение марта, до форсирования Рейна, я проверял ситуацию со снабжением. Все шло хорошо. У нас было много горючего, боеприпасов и продовольствия. Состояние здоровья солдат было превосходным, показатель заболеваемости не превышал 6,75 случая на тысячу человек в неделю. За всю зиму у нас был всего 201 случай траншейной стопы.

Общая цифра наших потерь со дня «Д» (6 июня 1944 года) до 22 марта 1945 года составляла:

Национальность Потери
Британцы 125 045
Канадцы 37 528
Поляки 4951
Голландцы 125

Бельгийцы 291
Чехи 438
Всего 168 378
Эти потери распределялись следующим образом:
Убиты Ранены Пропали без вести
35 825 114 563 17 990

21-я группа армий взяла в плен примерно 250 000 человек. Ежедневно в отпуск в Великобританию отправлялись около 4000 офицеров и солдат. К 1 апреля мы планировали постепенно [348] довести это число до 6000 в день. Мать двух моих солдат прислала мне следующее благодарственное письмо, касающееся отпуска, предоставленного ее детям:

«92, Лонг-стрит, Дордон Сев. Тамуорт, Стаффс 23.2.45 Сэр, я больна раком, а два моих мальчика служат за границей. Я чувствую себя обязанной написать Вам, чтобы выразить свою глубокую благодарность за прекрасную организацию отпусков из Британской освободительной армии для моих сыновей. Мой младший сын только что провел неделю дома, а теперь возвращается на Западный фронт. Думаю, что Вам будет приятно узнать, что он и его друзья не скупились на высокие оценки, говоря о том, как была организована их поездка в отпуск. Было сделано все возможное для их удобства, вплоть до выдачи им новой полевой формы для поездки домой и обеспечения едой в пути. Неудивительно, что войска под Вашим командованием в этой войне показали себя непобедимыми. Вы относитесь к своим солдатам по-человечески. Желаю Вам всяческой удачи в Вашей кампании и, если это не покажется Вам бесцеремонным, хотела бы поздравить Вас с Вашими блестящими личными достижениями. С сердечной благодарностью остаюсь, сэр, Вашей покорной слугой, (миссис) Э. Д. Лир».

23 марта я направил послание войскам.

В ту ночь мы начали операцию «Пландер» — форсирование Рейна крупными силами на широком фронте между Рейнландом и Реесом, с 9-й американской армией на правом фланге и 2-й армией — на левом. Канадской армии отводилась важная роль на левом фланге, к северу от Рееса. [349]

«1. 7 февраля я сказал вам, что мы выходим на ринг для последнего и завершающего раунда; лимит времени не устанавливается; мы будем драться, пока не отправим противника в нокаут. Последний раунд проходит успешно на обеих сторонах ринга — и над ним. 2. На западе противник потерял Рейнланд, а с ним — и лучшую часть по меньшей мере четырех армий — парашютно-десантной армии, 5-й танковой армии, 15-й армии и 7-й армии; первая армия, оплот юга, вот-вот присоединится к

этому списку. В ходе боев за Рейнланд противник потерял примерно 150 000 человек пленными, и это число будет только расти; общие потери противника с 8 февраля достигают примерно 250 000 человек. 3. На востоке противник потерял всю Померанию к востоку от Одера — эта область по размеру равна Рейнланду; еще три немецкие армии полностью уничтожены. Русские армии стоят примерно в 35 милях от Берлина. 4. Военно-воздушные силы союзников бомбят Германию днем и ночью. Интересно посмотреть, сколько еще продержатся немцы. 5. Фактически противник загнан в угол, и выхода у него нет. События развиваются стремительно. Полное и окончательное поражение Германии очевидно; никаких сомнений на сей счет быть не может. 6. Теперь 21-й группе армий предстоит форсировать Рейн. Противник, может быть, думает, что за этой крупной речной преградой он в безопасности. Мы согласны с тем, что это крупное препятствие; но мы покажем противнику, что за ним он далеко не в безопасности. Грандиозная боевая машина союзников, состоящая из соединенных наземных и воздушных сил, безусловно, справится с этой задачей. 7. А после форсирования Рейна мы всей мощью обрушимся на равнины Северной Германии и будем повсеместно гнать врага. Чем стремительнее и энергичнее мы будем действовать, тем скорее закончится война, а именно этого мы все и хотим: разделаться с этой работой и как можно скорее закончить войну с немцами. 8. Итак, вперед, за Рейн! И удачной охоты всем вам на том берегу. 9. Да подарит Господь, могущественный в битве, нам победу в этом последнем нашем начинании, как даровал Он нам ее во всех сражениях после нашей высадки в Нормандии в день «Д». [350]

Утром 24 марта премьер-министр находился вместе со мной в моем тактическом штабе и наблюдал за тем, как воздушно-десантные дивизии высаживаются за рекой. Теперь мы сражались в самом сердце Германии, и я спросил премьер-министра, когда в последний раз британские солдаты воевали на немецкой земле. Он сказал, что это произошло, когда бригада ракетчиков, теперь называемая «О» (ракетной) батареей Королевской конной артиллерии, участвовала в Лейпцигском сражении 18 октября 1813 года. Бригада ракетчиков была единственным британским подразделением, принимавшим участие в этом сражении. Командовал ею второй капитан Ричард Боуг, убитый в бою под местечком Понсдорфф. Эта бригада была придана шведской армии и вместе с прусскими и прочими войсками сражалась против французов, саксонцев, вестфальцев и других. Таким образом, «немцы» воевали и за нас, и против нас. Я проконсультировался со старшим артиллерийским офицером в

моем штабе и сказал премьер-министру, что «О» (ракетная) батарея Королевской конной артиллерии в настоящее время действует в составе 1-й Королевской конной артиллерии в Италии, под командованием фельдмаршала Александера. Солдаты этого подразделения всегда гордились тем, что носят название «Ракетной бригады», а в 1930 году немецкая армия приглашала их представителей в Лейпциг на открытие мемориала, который, по-моему, собирались воздвигнуть в ознаменование столетия того сражения, но несколько запоздали. Тогда с ними поехали трубачи конной артиллерии, протрубившие сигнал отбоя в полной парадной форме. Они считались гостями немецкой армии в Лейпциге.

Интересно отметить, что и более чем через 130 лет артиллеристы снова применили на континенте ракеты. Это сделали канадцы на Маасе, орудия обслуживались личным составом полка легкой зенитной артиллерии. 2-я армия использовала ракеты при форсировании Рейна.

Я попросил премьер-министра обратиться с посланием к солдатам 21-й группы армий, только что перешедшей Рейн. Он написал им следующее:

«Я рад тому, что вместе с начальником Имперского генерального штаба нахожусь на командном пункте 21-й группы армий [351] у фельдмаршала Монтгомери во время знаменательного сражения по форсированию Рейна. Британские солдаты великолепно справились с этой задачей вместе с нашими канадскими братьями и доблестными американскими союзниками, и об этом будут долго вспоминать. Теперь, когда мы перешли реку и сломали хребет немецкого сопротивления, решающая победа в Европе стала близкой. Да поможет Господь нашей армии в этом благородном деле после долгой битвы, которую мы вели за Короля и за нашу страну, во имя драгоценной жизни и свободы человечества. Уинстон С. Черчилль, премьер-министр и министр обороны».

Перед возвращением в Лондон 26 марта премьер-министр оставил такую запись в моем альбоме для автографов:

«21-я группа армий преодолела Рейн и все линии его обороны. Она еще раз сыграла роль петель, на которых повернулись тяжелые ворота. Она еще раз доказала, что любые физические препятствия бесполезны, если нет ни средств, ни силы духа для их удержания. Разбитая армия, еще не так давно хозяйничавшая в Европе, отступает перед своими преследователями. Те, кто прошел такой долгий путь и так прекрасно сражался под гордым и верным командованием, скоро достигнут своей цели. Вперед на огненных крыльях к

окончательной Победе! Уинстон С. Черчилль».

Как только мы перешли Рейн, я начал обсуждать с Эйзенхауэром планы дальнейших операций. Мы провели несколько встреч. Я всегда считал Берлин целью первостепенной важности; это был политический центр, и, опередив русских на пути к нему, мы значительно облегчили бы свои послевоенные задачи. Напомню, что в своем письме от 15 сентября 1944 года (глава пятнадцатая) Эйзенхауэр соглашался со мной относительно огромного значения столицы Германии и указывал:

«Конечно, главная цель — это Берлин. По-моему, не может быть никаких сомнений в том, что нам следует сосредоточить всю нашу энергию и все ресурсы для быстрого наступления на Берлин». [352]

Но теперь он со мной не соглашался. Его последняя точка зрения нашла отражение в послании, направленном мне 31 марта 1945 года, заканчивавшемся словами:

«Заметьте, что я ни разу не упоминаю Берлин. Насколько я могу судить, этот город превратился всего лишь в географическое понятие, а они никогда не интересовали меня. Моя задача — разбить силы противника и разрушить его способность сопротивляться».

Я не видел смысла в дальнейшем отстаивании своей позиции. Мы уже и так много спорили по серьезным поводам; в любом случае теперь было уже почти слишком поздно. Но после победы в Нормандии я был уверен, что окончательный разгром немецких вооруженных сил неизбежен — через каких-то несколько месяцев.

Ввиду этого нам было крайне важно обеспечить, чтобы к этому моменту в Европе сложился политический баланс, который помог бы нам, западным народам, выиграть в мирном устройстве. Это требовало занятия некоторых политических центров в Европе — в частности, Вены, Праги и Берлина — прежде русских. Если бы политические лидеры Запада правильно осуществляли высшее руководство ходом войны, а Верховные главнокомандующие получали бы соответствующие инструкции, мы могли бы оказаться во всех этих городах раньше, чем русские. Но что произошло? Возможность занять Вену исчезла, когда было решено начать на юге Франции операцию «Драгун»; для высадки взяли часть сил фельдмаршала Александера из Италии, тем самым нарушив ход его операций. Следует заметить, что Сталин всей душой одобрял высадку сил «Драгуна». Конечно, он и должен был одобрить ее. Это давало ему уверенность в том, что его войска достигнут Вены раньше наших!

Что касается Праги, 3-я американская армия была остановлена на западной границе Чехословакии в конце апреля —

по причинам, которые я так никогда и не понял. Когда в начале мая ей наконец позволили перейти границу, указывает Бредли в своей «Истории солдата» на с. 549, это сопровождалось приказом не идти дальше Пльзени, «потому что уже намечено освобождение Чехословакии Красной армией». Бредли пишет далее, что, если [353] бы штаб Главного командования экспедиционных сил союзников отменил свой приказ, Паттон, «вероятно, мог бы дойти до Праги за 24 часа».

Берлин был потерян для нас после того, как мы не сумели выработать разумный план в августе 1944 года, после победы в Нормандии.

Американцы не могли понять, что стратегическая победа в войне мало что значила без победы политической; эта странная точка зрения стала причиной наших страданий, начавшихся после дня победы и продолжающихся до сих пор. Война — это политический инструмент; как только становится ясно, что вы можете одержать победу, дальнейший ход военных действий должен определяться политическими соображениями. Осенью 1944 года я ясно понял, что принятый нами способ ведения дел приведет к последствиям, которые будут ощущаться еще долго после окончания войны; тогда мне казалось, что мы все «испоганим». Должен признать, что именно это мы и сделали.

Я мало что могу рассказать такого, о чем бы уже не писали другие. Перейдя Рейн, мы устремились к Балтийскому морю. Я ставил своей целью добраться туда вовремя, чтобы успеть помешать русским войти в Данию и таким образом получить контроль над выходом из Балтийского моря. Чтобы ускорить продвижение, дивизии наступали по узким коридорам и на большую глубину; наши передовые бронетанковые части обходили участки сопротивления врага, а затем шедшие за танками войска атаковали их с флангов или с тыла.

По мере нашего продвижения на восток премьер-министр и Эйзенхауэр начали беспокоиться, что я не сумею «помешать» русским войти в Шлезвиг-Гольштейн, а потом оккупировать Данию. Боюсь, что это меня несколько разозлило, и по моим ответам, вероятно, это чувствовалось! 27 апреля я ответил Эйзенхауэру, что прекрасно знаю, что следует делать, но он должен понять, что, выведя из-под моего командования 9-ю американскую армию (это произошло 3 апреля), он тем самым автоматически замедлил ход операций на северном фланге. В конце концов нам удалось обойти русских. Мы вышли к Балтийскому морю у Висмара и Любека 2 мая примерно за шесть часов до подхода русских и блокировали датский полуостров. Мы установили линию [354] Восточного фронта от Висмара на

Балтийском море до Эльбы у Домица; к этому флангу стекались немецкие войска и гражданское население, пытавшееся уйти от русских. Наш западный фронт тянулся от Любека на запад до Бад-Олдесло и далее на юг до Эльбы. Между этими двумя линиями фронтов отмечалось большое скопление людей и царила неразбериха; дороги были забиты немецкими солдатами и гражданскими лицами, бегущими с востока. 2 и 3 мая число пленных, взятых 2-й армией, достигло почти полумиллиона человек.

Интересно проследить разницу между двумя крупными поражениями, нанесенными немцам западными союзниками с июня 1944 года. В августе 1944 года они потерпели серьезное поражение в Нормандии; однако тогда им дали возможность восстановиться, а наличие людских ресурсов позволило им сформировать и экипировать новые дивизии. Разгром в марте — апреле 1945 года несопоставим с поражением в Нормандии; немцы потеряли столько людей и территорий, что формирование и экипировка новых дивизий уже не представлялись возможными. У них больше не оставалось неразрушенных коммуникаций, они утратили мобильность. Это означало, что их дело проиграно, а германская война отсчитывала последние мгновения. Гитлеровская Германия стояла перед полной катастрофой. [355]

Глава двадцатая. Капитуляция Германии

27 апреля мне сообщили из военного министерства, что 24-го Гиммлер через шведский Красный Крест передал предложение о капитуляции.

Гиммлер указывал, что Гитлер безнадежно болен, а он (Гиммлер) имеет все полномочия для действий. Я не обратил особого внимания на это сообщение. Мне казалось, что приближавшиеся русские представляли куда большую опасность, чем побежденные немцы. Я знал, что германская война практически завершилась. Главная и неотложная задача состояла в том, чтобы со всей быстротой дойти до Балтийского моря, а затем сформировать фланг, обращенный на восток; это был единственный способ остановить русских, рвавшихся в Шлезвиг-Гольштейн, а оттуда — в Данию.

Теперь события развивались стремительно. Вечером 1 мая мы перехватили сообщение немецкого радио, что Гитлер умер на своем командном посту в Берлине и что своим преемником в качестве фюрера он назначил адмирала Деница. О Гиммлере даже не упоминалось; позже один из моих офицеров связи видел его в штабе Деница в Фленсбурге и понял, что он уже не играет ведущей роли в руководстве делами.

Днем 2 мая генерал Блюментритт, командующий всеми сухопутными силами Германии от Балтийского моря до реки Везер, прислал в штаб 2-й армии сообщение, гласившее, что на следующее утро он приедет с предложением о капитуляции своих войск. Он так и не появился, но вместо этого прислал радиограмму, что переговоры должны идти на более высоком уровне.

3 мая фельдмаршал Кейтель с согласия адмирала Деница прислал в мой штаб в Люнебургской пустоши делегацию для начала [356] переговоров о капитуляции. Группа прибыла в 11.30 утра. В нее входили:

генерал-адмирал фон Фридебург, главнокомандующий германскими военно-морскими силами;

генерал Кинцель, начальник штаба фельдмаршала Буша, который командовал сухопутными силами немцев на моих северном и западном флангах;

контр-адмирал Вагнер;

майор Фрайдель, штабной офицер.

Позже к этой четверке присоединился еще один штабной

офицер, полковник Поллек.

Их привели к моему фургону и поставили под британским флагом, гордо развевавшимся на ветру. Я заставил их подождать несколько минут, а затем вышел из фургона и пошел к ним. Все они отдали мне честь под флагом Соединенного Королевства. Я знал, что немцы приехали капитулировать и что война закончилась. Немногие из тех, кто находился в связных и оперативных фургонах моего тактического штаба, смогут забыть волнение, испытанное ими, когда они услышали слабый «стук» немцев, которые пытались связаться с нами по командной радиолинии, чтобы получить от своей делегации инструкции по капитуляции.

Я спросил своего переводчика: «Кто эти люди?» Он ответил.

Тогда я спросил: «Чего они хотят?»

Адмирал Фридебург прочел мне письмо от фельдмаршала Кейтеля с предложением сдать мне три немецкие армии, отступавшие перед русскими между Берлином и Ростоком. Я отказался рассматривать это предложение, сказав, что эти армии должны сдаться русским. Я добавил, что, разумеется, если какие-то немецкие солдаты направятся к моему фронту с поднятыми руками, их автоматически возьмут в плен. Фон Фридебург сказал, что сдаваться русским немыслимо, потому что они — дикари, и что немецких солдат тут же пошлют на работы в Россию.

Я ответил, что немцам следовало подумать обо всем этом до того, как они начали войну, особенно до того, как они напали на Россию в июне 1941 года.

Затем фон Фридебург сказал, что они беспокоятся по поводу гражданского населения в Мекленбурге, подвергающегося грабежу со стороны русских, и что они хотели бы обсудить, как можно [357] спасти этих людей. Я ответил, что Мекленбург находится не в моем районе и что любые связанные с ним проблемы надо обсуждать с русскими. Я сказал, что они должны понять, что я отказываюсь обсуждать какие бы то ни было дела, связанные с ситуацией на моем восточном фланге между Висмаром и Домицем; в отношении этих дел им следует связываться с русскими. Затем я спросил, хотят ли они обсуждать капитуляцию своих сил на моем западном фланге. Они ответили отрицательно. Но их беспокоило положение гражданского населения в этих районах, и они хотели бы согласовать со мной какие-то схемы медленного отхода своих сил по мере наступления моих войск. Я отказался.

Потом я решил, что надо быстро перехватить инициативу. Я сказал фон Фридебургу:

«Вы согласны сдать мне все германские силы на моих

западном и северном флангах, включая все силы в Голландии, Фрисланде с Фризскими островами, в Гельголанде, Шлезвиг-Гольштейне и Дании? Если Вы это сделаете, я приму это как тактическую боевую капитуляцию сил противника, противостоящих мне непосредственно, а также находящихся у них в тылу в Дании».

Он ответил, что не может согласиться на эти условия. Однако ему хотелось достичь какого-то соглашения относительно гражданского населения в этих районах; обсуждать это я отказался. Потом я сказал, что, если немцы отказываются от безоговорочной капитуляции всех сил в указанных мною областях, я отдам приказ о продолжении боев; в этом случае будет убито множество немецких солдат, не исключена и гибель гражданских лиц от артиллерийского огня и воздушных налетов. После этого я показал им карту с обозначенной на ней истинной боевой обстановкой на всем Западном фронте; они не представляли себе, как складывается ситуация, и были крайне подавлены. К этому времени я убедился, что мне будет не очень трудно склонить их к принятию моих требований. Но я подумал, что неплохо было бы устроить перерыв на обед, чтобы они могли подумать над моими словами. Я отправил их обедать в отдельную палатку, кроме них, на обеде присутствовал только один из моих офицеров. Фон Фридебург во время обеда плакал, остальные по большей части молчали. [358]

После обеда я снова послал за ними, и на сей раз встреча проходила в моей палатке для совещаний перед разложенной на столе картой боевой обстановки. Я начал встречу с предъявления ультиматума. Они должны безоговорочно сдать все свои силы в названных мною областях. Если они согласятся, я буду обсуждать с ними наилучший вариант оккупации этих областей и заботы о гражданском населении; в случае их отказа я продолжу боевые действия. Они сразу поняли, что я отвечаю за свои слова. Они не сомневались, что их положение безнадежно, но заявили, что не имеют полномочий соглашаться на мои требования. Однако теперь они были готовы рекомендовать фельдмаршалу Кейтелю безоговорочную капитуляцию всех сил на западном и северном флангах 21-й группы армий. Двоим из них предстояло отправиться в ставку Верховного главнокомандования, переговорить с Кейтелем и привезти мне его согласие.

После этого я составил документ, в котором обобщались решения, достигнутые на встрече, и сказал, что мы с фон Фридебургом должны подписать его и тогда его можно будет отвезти во Фленсбург для передачи Кейтелю и Деницу.

Вот как выглядел этот документ:

«1. Все представители германских вооруженных сил, которые подойдут к фронту 21-й группы армий с востока с желанием сдаться, станут военнопленными. Принятие 21-й группой армий капитуляции целой немецкой армии, ведущей бои против русских, исключается. 2. Обсуждение положения гражданского населения исключается. 3. Фельдмаршал Монтгомери желает, чтобы все германские силы в Голландии, Фрисланде (включая Фризские острова и Гельголанд), Шлезвиг-Гольштейне и Дании сложили оружие и безоговорочно сдались ему. После принятия капитуляции он готов обсуждать варианты оккупации области, обращения с гражданским населением и т. д. 4. В настоящее время генерал-адмирал фон Фридебург не имеет полномочий соглашаться на капитуляцию, как оговорено в п. 3. В связи с этим он направит двух офицеров (контр-адмирала Вагнера и майора Фрайделя) в ставку Верховного главнокомандования вермахта для получения и доставки такого соглашения. [359] Он просит фельдмаршала Монтгомери предоставить этим офицерам самолет в качестве транспортного средства, так как движение по дорогам затруднено, и просит разрешить адмиралу фон Фридебургу и генералу Кинцелю остаться на это время в его штабе».

На самом деле во Фленсбург поехали фон Фридебург и Фрайдель, причем поехали на автомобиле. Через Гамбург и через линии немецких войск их сопровождал подполковник Трамбалл Уоррен, мой адъютант с канадской стороны. Я сказал, что они должны вернуться в мой тактический штаб к 6 часам вечера следующего дня, 4 мая. Кинцель и Вагнер оставались в штабе.

Я был уверен, что фон Фридебург вернется с полномочиями на подписание капитуляции. Поэтому я решил встретиться с журналистами в 5 часов вечера 4 мая и описать им все, что произошло за последние несколько дней, и о том, что, как я надеялся, должно произойти в этот день в 6 часов вечера.

Как уже говорилось, мне обычно не очень удавались пресс-конференции. В конце этой я получил следующую записку от Алана Мурхеда, неофициального пресс-секретаря моего штаба:

«Дорогой фельдмаршал, позвольте мне, от имени корреспондентов, поблагодарить Вас за великолепную пресс-конференцию, проведенную сегодня. Мы крайне признательны Вам за интерес, проявленный к нам в этот исторический момент, и нам остается только сердечно поздравить Вас с блестящим завершением Вашего долгого пути из пустыни. Сегодня вечером все мы старались как можно лучше написать репортаж, которого так долго ждали, может быть, лучший репортаж в нашей жизни. Я хотел бы попросить Вас, в качестве еще одного одолжения, подписать прилагаемые копии Вашего соглашения о прекращении

огня. С наилучшими пожеланиями, Алан Мурхед».

Фон Фридебург и Фрайдель вернулись в мой штаб во время пресс-конференции. Я увидел, как в палатку вошел полковник [360] Иварт, мой штабной офицер, и понял, что ему известен ответ. Но я закончил свое выступление и только потом спросил Иварта, вернулся ли фон Фридебург. Он ответил, что вернулся. Я сказал корреспондентам, что они могут пойти со мной в мою палатку для совещаний и присутствовать при заключительной сцене.

Немецкая делегация снова выстроилась под флагом Соединенного Королевства перед моим фургоном. Я пригласил фон Фридебурга в фургон одного. Я спросил, подпишет ли он все условия капитуляции, как я требовал; он ответил утвердительно. Он выглядел очень подавленным, и я велел ему выйти и присоединиться к остальным снаружи. Дело было около 6 часов вечера. Я распорядился провести церемонию немедленно, в палатке, установленной специально для этой цели и оснащенной записывающей аппаратурой. Немецкая делегация проследовала к палатке на глазах солдат, военных корреспондентов, фотографов и прочих — все были крайне возбуждены. Они знали, что война закончилась.

Документ о капитуляции уже подготовили. Палатка была оборудована очень просто — импровизированный стол, покрытый армейским одеялом, чернильница, простая армейская ручка, которую за два пенса можно купить в любой лавке. На столе поставили два микрофона Би-би-си. Когда я вошел, немцы встали; потом мы все расселись вокруг стола. Немцы явно нервничали, и один из них вытащил сигарету; он хотел закурить, чтобы успокоиться. Я посмотрел на него, и он убрал сигарету.

В этой палатке на Люнебургской пустоши, в присутствии представителей прессы и других свидетелей, я прочитал по-английски Акт о капитуляции. Я сказал, что, если немецкая делегация не подпишет этот документ немедленно, без каких-либо обсуждений того, что последует за их капитуляцией, я отдам приказ о продолжении боевых действий. Затем я стал вызывать по имени каждого члена немецкой делегации, чтобы они подписали документ, и они сделали это без возражений. Потом документ подписал я, от имени генерала Эйзенхауэра.

Документ был составлен на английском языке, и немцы не могли понять его; однако я раздал им копии на немецком. Проставляя дату, я сначала написал 5 мая, потом попытался исправить 5 на 4, потом зачеркнул, написал число буквами, а рядом проставил цифру «4». Меня попросили передать документ в штаб [361] Верховного главнокомандования. Я передал туда

фотокопии. Оригинал принадлежит мне, и я никогда не расстанусь с ним; это исторический документ. Я не знаю, что случалось с ручкой, которой мы пользовались; думаю, ее кто-то стащил.

АКТ О КАПИТУЛЯЦИИ ВСЕХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ В ГОЛЛАНДИИ, В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ, ВКЛЮЧАЯ ВСЕ ОСТРОВА, И В ДАНИИ 1. Германское командование соглашается на сдачу всех вооруженных сил Германии в Голландии, в Северо-Восточной Германии, включая Фризские острова, Гельголанд и все прочие острова, в Шлезвиг-Гольштейне и в Дании главнокомандующему 21-й группой армий. Сдаче подлежат и все военно-морские суда, действующие в этих областях. Указанные силы должны сложить оружие и безоговорочно капитулировать. 2. Все боевые действия германских вооруженных сил на суше, на море или в воздухе в указанных регионах должны прекратиться в 8.00 по британскому летнему времени в субботу, пятого мая 1945 года. 3. Германское командование должно немедленно выполнять без каких-либо возражений или комментариев все приказы, которые в дальнейшем будут издаваться державами-союзниками по любому поводу. 4. Неповиновение приказам или неспособность выполнить их будут рассматриваться как нарушение данных условий капитуляции, что повлечет за собой меры держав-союзников, соответствующие принятым законам и обычаям военного времени. 5. Данный Акт о капитуляции является самостоятельным документом, не наносящим ущерба общему Акту о капитуляции, который придет ему на смену после подписания державами-союзниками или от их имени в отношении Германии и германских вооруженных сил в целом. 6. Данный Акт о капитуляции составлен на английском и немецком языках. Оригинальным является английский текст. [362] 7. В случае возникновения любых сомнений или споров относительно смысла или интерпретации условий капитуляции окончательным будет считаться решение держав-союзников. Б. Л. Монтгомери Фельдмаршал 4 мая 1945 г. 18.30 Фридебург Кинцель Вагнер Поллек Фрайде

Из четырех немцев, приехавших в мой тактический штаб на Люнебургской пустоши 3 мая, в настоящее время жив только один. Это контр-адмирал Вагнер, являющийся сейчас заместителем руководителя департамента военно-морского флота министерства обороны Западной Германии. Остальные трое умерли насильственной смертью. Фон Фридебург отравился, Кинцель застрелился, а Фрайдель погиб в автомобильной

катастрофе вскоре после описанных событий.

После подписания акта о капитуляции оставалось еще много дел. Я приказал прекратить все наступательные действия 3 мая, когда ко мне приехали немцы; я знал, что война закончена, и не хотел новых потерь во вверенных мне войсках. Теперь я отдал приказ о прекращении огня с 8 утра субботы, 5 мая 1945 года.

Я чувствовал, что должен прежде всего обратиться к командующим и войскам, которые под моим руководством прошли такой длинный путь и так прекрасно сражались. Они сделали для победы намного больше того, что я лично был в состоянии сделать. Первое послание было адресовано моим старшим командирам, и в нем говорилось:

«Вооруженные силы Германии, противостоявшие 21-й группе армий, безоговорочно сдались нам. В этот исторический момент я хочу выразить свою благодарность командующим армиями и командующему войсками связи за то, как они и их люди выполнили поставленную перед ними великую задачу. Надеюсь, что позже я смогу лично и более полно выразить свои чувства, но считаю, что должен сразу же сказать всем вам, как прекрасно [363] вы сделали ваше дело и как я горжусь тем, что командовал 21-й группой армий. Пожалуйста, передайте вашим командирам и солдатам, что я от всего сердца благодарю их».

Затем я провел некоторое время за составлением послания к офицерам и солдатам 21-й группы армий. Многие из них воевали со мной и в 8-й армии. Мне было нелегко написать это письмо, и я долго размышлял над пунктом 5. В п. 7 я написал: «Мы победили в германской войне. Теперь мы должны обеспечить мир».

Я часто размышляю о том, удалось ли нам обеспечить мир. И я думаю, что не удалось.

МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ К АРМИИ «1. В день победы в Европе я чувствую необходимость обратиться ко всем, кто служил и воевал вместе со мной в последние несколько лет. Я хочу обратиться к вам с очень простым и очень коротким посланием. 2. Хочу попросить, чтобы вы вспомнили наших товарищей, павших в бою. Они отдали свои жизни, чтобы другие могли обрести свободу, а больше этого не может сделать ни один человек. Я верю, что Господь скажет каждому из них: «Ты хорошо поработал, доблестный и верный солдат». 3. А мы, оставшиеся в живых, довели дело до конца; все мы испытываем великую радость и благодарность, что дожили до этого дня. Не забудем воздать должную хвалу и благодарность: «Все это деяния Господа, и славны они в наших очах». 4. В первые дни этой войны Британская империя в одиночку противостояла совокупной мощи

держав Оси. И в те дни мы пережили несколько крупных поражений; но мы стояли твердо; мы защищались, но по мере сил отражали удары. Позже к нам присоединились Россия и Америка, и с того момента никто не сомневался в исходе. Мы никогда не должны забывать, чем мы обязаны нашим русским и американским союзникам; эта великая объединенная команда многого добилась на войне; пусть же она добьется еще большего в мирной жизни. [364] 5. Без сомнения, нас ждут большие проблемы; мир не скоро оправится после пережитых потрясений, каждому из нас предстоит много работать. Я хочу сказать, что в этой работе от нас потребуется та же сила духа, которую мы проявили в самые страшные дни этой войны. Может быть, нашу страну и каждого из нас ждут тяжелые времена. Если это случится, наша дисциплина сплотит нас, но нам следует помнить, что настоящая дисциплина подразумевает подчинение своих интересов интересам общества. 6. Для меня было большой привилегией и честью командовать войсками Британской империи в Западной Европе. Немногие командующие имели таких преданных подчиненных, как я. От всего сердца благодарю каждого из вас. 7. Итак, примем то, что ждет нас впереди, с радостью и оптимизмом. Мы победили в германской войне. Теперь мы должны обеспечить мир. 8. Счастья всем вам, где бы вы ни были».

Теперь оставались другие рода войск.

Никто лучше меня не знал, сколь многим мы, солдаты, были обязаны Королевским военно-морским и военно-воздушным силам с самого начала войны, с 1939 года. С тех самых пор я сохранял очень близкие отношения с Королевскими ВВС; с моряками я общался меньше.

Ниже привожу обращение от всех нас, направленное мною каждому роду войск.

ПОСЛАНИЕ КОРОЛЕВСКОМУ ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ «Лично адмиралу флота сэру Эндрю Каннингему от фельдмаршала Монтгомери 1. Как главнокомандующий армиями Британской империи в Западной Европе хочу сегодня приветствовать Вас и Королевский военно-морской флот. 2. На протяжении нашего долгого путешествия из Египта до Балтийского моря британская армия не смогла бы добиться успеха без великолепной поддержки, оказанной нам Королевским [365] военно-морским флотом. С безукоризненной точностью нас доставляли на берег, поддерживали и снабжали всем необходимым. Наше доверие было настолько велико, что армия ни разу не поставила под сомнение возможность безопасной высадки или надежной доставки по морю пополнений и ресурсов.

3. Я хочу поблагодарить Вас и всех доблестных моряков, оказавших нам такую мужественную поддержку. Мы, солдаты, питаем чувство огромной благодарности к Королевскому военно-морскому флоту и никогда не забудем об этом. 4. Прошу Вас передать всем Вашим адмиралам, капитанам, всем служащим всех рангов Королевского военно-морского флота благодарность от меня лично и от всех тех, кто служит под моим командованием. Мы желаем Королевскому военно-морскому флоту всего самого лучшего». ОТВЕТ ОТ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА «1. От имени всех офицеров и рядовых Королевского военно-морского флота благодарю Вас за Ваше сердечное послание. 2. С самого лета 1940 лета Королевский военно-морской флот с нетерпением ждал того дня, когда снова сможет высадить войска Британской империи на европейский континент. 3. Мы, моряки, никогда не сомневались в том, что, когда этот день настанет, солдаты добьются окончательной победы в сражении, каким бы тяжелым оно ни было. 4. Мы с глубоким восхищением наблюдали за ходом ваших операций, в результате которых врагу нанесено полное и окончательное поражение. 5. Шлем самые теплые поздравления и самые лучшие пожелания Вам и солдатам всех званий, служащих под Вашим командованием». ПОСЛАНИЕ КОРОЛЕВСКИМ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫМ СИЛАМ «Направлено сэру Чарльзу Порталу от фельдмаршала Монтгомери 1. На фронте 21-й группы армий в Западной Европе больше нет немецких противников. [366] 2. В этот исторический момент я чувствую себя обязанным выразить Вам, главе Королевских ВВС, глубокую благодарность, испытываемую нами, солдатами, лично к Вам и Вашим великолепным войскам. Благодаря могучему оружию ВВС мы, во-первых, смогли быстро одержать великую победу, а во-вторых, одержать ее с меньшими, чем можно было бы ожидать, потерями. Все мы прекрасно понимаем это. Отважная и блестящая работа Ваших мужественных летчиков и экипажей, преданность наземного состава своему делу вызывают наше глубокое восхищение. 3. Я был бы признателен, если бы Вы передали благодарность лично от меня и от всех, кто служит под моим командованием, всем Вашим командирам, как старшим, так и младшим, и всем военнослужащим Королевских ВВС. И, может быть, Вы сочтете возможным передать особые слова приветствия и добрых пожеланий лично от меня каждому офицеру и рядовому Королевских ВВС». ОТВЕТ ОТ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ «Я глубоко тронут Вашим очень теплым посланием, которое будет доведено до сведения всех военнослужащих Королевских ВВС. С момента высадки в Нормандии до этого победного дня все

служащие ВВС испытывали глубочайшее восхищение мужеством, стойкостью и мастерством офицеров и солдат 21-й группы армий и прекрасными успехами в сражениях, достигнутыми под Вашим блестящим руководством. Для нас было высокой честью помогать Вам в ускорении Вашего наступления, а мысль о том, что мы, возможно, способствовали сокращению потерь среди Ваших мужественных бойцов, приносит нам глубочайшее удовлетворение. Ваши прекрасные слова благодарности будут приняты с великой гордостью и признательностью всеми военнослужащими Королевских военно-воздушных сил Великобритании и доминионов, а также ВВС союзников, сражавшихся вместе с нами. Я хотел бы от их имени выразить Вам и всем Вашим солдатам самые сердечные поздравления с величайшим достижением 21-й группы армий».

Хотелось бы процитировать одно из многих полученных мною поздравительных писем — в данном случае от Армейского [367] совета. Я делаю это потому, что на ранних этапах моей карьеры мне сообщали, что этот Совет недоволен моей работой.

Полученное послание практически отменяло предыдущее мнение!

«Армейский совет поздравляет Вас и всех военнослужащих 21-й группы армий с достигнутым сегодня блестящим успехом. Люнебургская капитуляция является кульминационным моментом не только блестящей кампании, ведшейся в последние одиннадцать месяцев, но и долгих лет подготовки, прошедших с момента отступления наших войск из северо-западной Европы, когда британскому народу пришлось в одиночку отстаивать свою свободу, до дня Вашего триумфального возвращения. Теперь, вместе с силами великих союзников, Вы освободили территории наших друзей, сокрушили вооруженную мощь противника и принесли народу Германии освобождение от страшных испытаний и от угрозы испытаний еще худших. Нация благодарит Вас за Ваше личное преданное руководство и за мастерство и мужество Ваших солдат. Никогда еще Британия так не нуждалась в своей армии: никогда еще армия так прекрасно не служила ей».

Теперь перед нами встали колоссальные и неотложные проблемы. На занятой нами территории находились около полутора миллионов немецких военнопленных. Кроме этого, там был примерно один миллион раненых немцев, которым не хватало медицинской помощи, в частности перевязочного материала и анестетиков. Добавим к этому около миллиона гражданских беженцев, устремившихся в занятые нами районы перед наступавшими русскими; эти беженцы и «перемещенные лица» бродили по стране, часто занимаясь грабежами на своем

пути. Службы транспорта и связи прекратили работу. Сельское хозяйство и промышленность бездействовали. Не хватало еды, в связи с чем в предстоящие месяцы мог возникнуть серьезный риск голода и болезней. И в довершение всего этого в стране не было центрального правительства, а также механизмов его функционирования.

Хорошенькая складывалась ситуация!

Я был солдатом, и меня не учили руководить делами такого рода. [368]

Однако нужно было что-то делать, и делать быстро.

А пока что я закончу эту главу цитатой из последней записи, сделанной премьер-министром в моем альбоме для автографов. Следует заметить, что эта запись озаглавлена «Глава X», и премьер-министр упоминает о ней как о «десятой главе». Дело в том, что с августа 1942 по май 1945 года он собственноручно написал десять страниц в моем альбоме. Каждая страница являлась своего рода вехой в моем долгом пути из Аламейна, и каждую из них мы называли главой. Позже я опубликовал фотокопии этих страниц в небольшой книжке, озаглавленной «Десять глав» (издательство Hutchinson & Co.). Сам альбом для автографов находится у меня, и я очень дорожу им.

«ГЛАВА X Наконец цель достигнута. Страшный враг безоговорочно капитулировал. При полном согласии с нашими прекрасными американскими союзниками мы установили полный и дружественный контакт с русскими, наступающими с востока. 21-я группа армий, наступавшая с боями на север, имела честь освободить Голландию и Данию, а также за три или четыре дня взяла в плен более двух миллионов военнослужащих некогда прославленной германской армии. Летопись военных достижений, предсказанных или отмеченных на протяжении десяти глав, подходит к концу. Слава этой группы армий, как и слава 8-й армии, будет вечно сиять в истории, и будущие поколения будут почитать их подвиги и, прежде всего, характер, продуманную стратегию и неутомимое рвение их командующего, прошедшего победным маршем из Египта через Триполи, Тунис, Сицилию и Южную Италию, а также через Францию, Бельгию, Голландию и Германию до Балтийского моря и Эльбы, не проиграв ни одного сражения или даже серьезного боя. Уинстон С. Черчилль, 8 мая 1945 года». [369]

Глава двадцать первая. Некоторые размышления о высшем командовании на войне

Уникальным достоинством моей карьеры можно считать то обстоятельство, что мне удалось побывать командующим на всех уровнях — от взвода до группы армий включительно. Я называю свой случай «уникальным», потому что сомневаюсь, что в настоящее время в свободном мире можно найти хотя бы одного находящегося на действительной службе военного, имеющего такой же опыт.

По сравнению с эпохой Мальборо или Веллингтона времена изменились; можно сказать, что они выигрывали свои кампании практически в одиночку. Конечно, они не были обременены огромным объемом кропотливой штабной работы, принятой в современной армии. Сегодня главнокомандующего действующей армией можно назвать капитаном команды, причем очень большой команды. Летом 1945 года встал вопрос о том, должна ли нация, по примеру прошлых войн, выдать денежное вознаграждение основным командующим армиями в знак признания их заслуг. Однако в условиях современных войн выбор отдельных лиц, действительно внесших вклад первостепенной важности в ведение военных действий, весьма проблематичен. Как быть с теми, кто отвечает за радары, за противолодочные устройства, за разведку, за медицинское обслуживание, и со многими другими, чья преданная работа на более низких уровнях обеспечила победу? Эти доводы и стали основной причиной моего заявления в сентябре 1945 года о том, что в случае предложения мне денежной награды я откажусь от нее. Конечно, у меня были и другие причины.

С финансовой точки зрения в то время наша нация находилась в положении банкрота и вряд ли могла позволить себе потратить около миллиона фунтов стерлингов на подобные цели. Первые послевоенные годы обещали стать весьма нелегкими для военнослужащих [370] в отставке, как офицеров, так и лиц других званий. Им было бы неприятно читать о том, что отдельные солдаты, как бы высоко их ни ценили и ими ни восхищались, получили сто тысяч или пятьдесят тысяч фунтов дополнительно к своим пенсиям, тогда как они сами (отставники) с трудом могли содержать своих жен и семьи. Голод угрожал миллионам людей в разных частях света. Моя совесть была бы

неспокойна, если бы мне выдали такую крупную сумму денег просто за то, что я старался как можно лучше сделать свою работу; ведь то же самое делали и многие другие. Я считал и сейчас считаю, что денежные вознаграждения, в отличие от почестей со стороны Королевского двора, больше не нужны.

В настоящее время высшее командование стало более сложным, чем раньше, и главнокомандующему необходимо иметь хороший штаб, а также отличного начальника штаба, который координировал бы его деятельность. Главнокомандующий должен очень внимательно относиться к отбору подчиненных ему командиров, к тому, чтобы генералы соответствовали своим должностям. Он должен знать своих солдат, а они должны признавать его. Я не верю, что стиль командования, принятый на Западном фронте во время Первой мировой войны, мог оказаться успешным и во время Второй мировой войны. Хочу напомнить читателям, что в годы Первой мировой войны я служил во Франции, но ни разу не видел Френча или Хейга.

Сегодняшняя армия — это самодостаточное сообщество; в ней есть все, что нужно членам этого сообщества для ведения войны, от пуль до банков крови. Я никогда не забуду гнев Черчилля, когда он услышал, что на нормандский берег были выгружены несколько стоматологических кресел! Но мы еще со времен войны 1914–1918 годов запомнили, что, заботясь о состоянии зубов солдат, мы сохраняем их для боевых действий. Хороший генерал должен не только выигрывать сражения: он должен выигрывать их с минимумом потерь, прежде всего — потерь человеческих жизней. В ходе войны 1939–1945 годов я усвоил, что спасению жизней способствуют четыре вещи:

1. Переливание крови.

2. Хирургические бригады, действующие на передовой, чтобы тяжелораненым можно было оказать помощь немедленно, не теряя времени на перевозку в госпиталь. [371]

3. Эвакуация по воздуху непосредственно в базовый госпиталь, расположенный за тысячи миль в тылу, позволяющая избавить раненых от тряски при перевозке на машине или в поезде.

4. Медсестры, работающие на передовой. Когда в 1942 году я пришел в 8-ю армию, сестер на передовую не допускали. Я отменил этот приказ. Их присутствие утешало и успокаивало нервы многим тяжелораненым солдатам, которые понимали, что им будет обеспечен нужный уход. Ни один санитар-мужчина не может ухаживать за ранеными так, как это сделает женщина, хотя многие считают, что способны на это.

Современный генерал должен постоянно помнить об этих и о

многих других подобных вещах.

Что касается административно-хозяйственной стороны, необходимо наличие четкой, долгосрочной связи между оперативными целями и административными ресурсами. Успешное административное планирование зависит от способности предвидеть, в чем будет нуждаться армия. Именно поэтому главнокомандующий действующей армией должен постоянно требовать от своего персонала, чтобы он был в курсе наступательных планов и своевременно проводил основную подготовительную административно-хозяйственную работу. Многие генералы терпели военные неудачи, потому что не заботились о соответствии своих оперативных планов имеющимся ресурсам, некоторые обрекали себя на неудачу тем, что перестраховывались в этом плане. Из этого можно извлечь один урок: необходимо соблюдать баланс между боевыми задачами и ресурсами. Важнейшим показателем для любого офицера, претендующего на занятие высших командных должностей, является его способность быстро уловить самую сущность военной проблемы, быстро решить, что должно быть сделано, ясно довести до сведения всех заинтересованных лиц, чего он намеревается достичь и как это будет осуществляться, а затем убедиться, что подчиненные ему командиры выполняют задачу. Главное, он должен уметь отключаться от всех несущественных деталей и сосредоточиваться на самых главных, на тех и только на тех деталях, которые необходимы для правильного осуществления его плана — он должен [372] осуществлять всю необходимую координацию при полном доверии к своему штабу. Когда все сказано и сделано, главное качество, требуемое от командира, — это решительность; затем он должен уметь отдавать четкие приказы и обладать напором, чтобы добиваться их осуществления. Нерешительность и склонность к колебаниям губительны в любом офицере; в главнокомандующем они преступны.

Ни один современный главнокомандующий не может добиться успеха, если ему недоступен человечный подход к войне. Сражения выигрываются прежде всего в человеческих сердцах; если он проиграет сражение за сердца своих солдат, он мало чего добьется. В главе шестой я уже пытался объяснить суть такого подхода и мою командную философию в целом.

Независимо от того, с каким соединением приходится иметь дело, организация командования и контроля должна быть простой и четкой. Так обстояло дело в кампании в пустыне, на Сицилии и в Италии. В начале кампании в Западной Европе организация была превосходной, и благодаря ей мы выиграли

одно из величайших сражений нашего времени — битву за Нормандию. Затем произошли изменения, уничтожившие спокойное и эффективное командование и контроль — чему все мы стали свидетелями.

Командующий национальными силами всегда имеет право ясно излагать свою точку зрения на оперативную политику перед вышестоящими лицами; более того, он обязан делать это. Но как только вышестоящий командир принял решение, споры должны прекратиться. В этой связи я хотел бы привести письмо, написанное мне Эйзенхауэром в феврале 1946 года, после того как я послал ему экземпляр моей только что вышедшей книги. Это письмо интересно тем, что в нем высказываются замечания по многим важным проблемам.

«Дорогой Монти, искренне признателен Вам за присланную книгу «От Эль Аламейна до реки Сангро». Сегодня же вечером унесу ее домой и сразу начну читать. Конечно, я с удовольствием воспользуюсь Вашим любезным предложением выслать мне еще 100 экземпляров. Прошу Вас, пришлите их мне, а я распределю их по разным [373] военным училищам, включая Уэст-Пойнт, для которых она будет представлять огромную ценность и интерес. Ваша реакция на книгу «Солдаты демократии» именно такая, как я и ожидал. Ни о чем я не сожалею так горько, как о том, что так называемую военную историю пишут люди, озабоченные главным образом тем, как бы поскорее напечатать свои творения, чтобы занять рынок. Так получилось, что автор данной книги вчера зашел повидаться со мной, и я выразил ему сожаление по поводу того, в каком неблагоприятном свете выставлены некоторые действительно великие люди. Он возразил, что эти люди оказались в книге по чистой случайности, что он хотел использовать их при описании каких-то важных моментов и вовсе не пытался оценивать их роль в военных действиях. Замечания, сделанные Вами по поводу этой книги, еще в большей степени относятся к другому труду, публикуемому сейчас в периодической печати и написанному моим бывшим морским адъютантом, капитаном Батчером. Книга называется «Три года с Эйзенхауэром». Он воспользовался близостью ко мне, чтобы сделать собственные выводы по самым разным поводам, в том числе по поводу некоторых людей и операций, и, не смущаясь, выносит свои суждения с видом высочайшего авторитета. Прочитав отрывок из его книги в «Сатердей ивнинг пост», я почувствовал себя так неловко, что обменялся по этому поводу письмами с г-ном Уинстоном Черчиллем, и он понял, что все происходящее неприятно мне в той же мере, что и ему. К счастью, он не обиделся на меня, ведь суждения, приводимые в книге, со

мной не согласовывались и не обсуждались. Видимо, моя истинная ошибка состоит в том, что я выбрал своим доверенным адъютантом человека, не проверив, не собирается ли он в дальнейшем стать «летописцем» войны. Мне действительно обидно, что такие люди, как Вы, Алекс, Теддер, Бредли, Каннингем и так далее, не могут, ввиду занимаемого ими официального положения, написать подлинную историю беспрецедентного опыта международного сотрудничества и понимания. Беда в том, что колоссальные достижения союзников, в описании узколобых людишек выглядят мелкими и малозначимыми; эти писатели упускают из виду великие уступки со стороны двух правительств, сделанные во имя достижения единства [374] на поле брани, из опасения, что они затмят их собственные мелкие и ничтожные мысли. Лично Вам я могу лишь повторить то, что уже многократно говорил: я всегда восхищался Вами за действительно выдающиеся качества, принесшие неоценимую пользу в войне с немцами. Более того, в тех случаях, когда мне приходилось принимать окончательное решение по какому-то вопросу, Вы всегда преданно выполняли это решение, стопроцентно отдавая себя этому делу, независимо от того, что Вы думали или рекомендовали раньше. Я уже писал Вам об этом и сейчас думаю точно так же, как и тогда, и, если когда-нибудь Вы выберете время, чтобы описать свой опыт, Вы можете дословно процитировать мои слова на сей счет. Помимо того, что писатели, вроде тех, о ком мы говорим, наносят вред дружественным британско-американским отношениям, над установлением которых так тяжко трудились сотни преданных офицеров, я боюсь, что они могут повредить и теплым дружеским отношениям, сложившимся у меня с людьми, к которым я всегда относился с высочайшим уважением и восхищением. От всего этого меня просто бросает в дрожь. Кстати, когда я упрекнул одного из подобного рода авторов в неверных суждениях и неточности, он, в порядке защиты, вытащил кипу вырезок из британских газет, относящихся к периоду битвы на Выступе. Он сказал: «Английские писатели не боялись резко и несправедливо критиковать вас. Почему же мы должны проявлять скромность и нерешительность?» Я, разумеется, ответил, что те репортеры писали в разгар событий и ими в какой-то степени руководил страх. Более того, в последних заметках они прилагали все усилия, чтобы исправить ситуацию, которую сами же и создали своими неверными замечаниями. Это никак нельзя сравнивать с книгами, написанными обдуманно и с претензией на «беспристрастную историю», каковой они, безусловно, не являются. Думаю, что нет нужды говорить на эту тему и дальше,

но хочу еще раз подчеркнуть, что Вы можете передать мои ощущения любому, кто захочет обсуждать ее с Вами. Спасибо еще раз за присланную книгу, и, уверяю Вас, я найду достойное применение дополнительным экземплярам, [375] которые Вы пришлете мне, как только сочтете возможным это сделать. Как всегда, Ваш друг Айк».

Самое главное, что честные расхождения во мнениях между опытными командующими почти неизбежны, особенно когда речь идет о людях, имеющих собственную и вполне определенную точку зрения. Но этим расхождениям никогда не следует позволять возобладать над высшей необходимостью союзнического сотрудничества; под руководством Эйзенхауэра это сотрудничество поднялось на высочайший уровень. Главными результатами Второй мировой войны мы обязаны доброй воле союзных правительств, а также величию людей, выбранных для действий на решающих постах в критической ситуации, — и ярчайшим примером таких людей может быть Эйзенхауэр.

В ноябре 1945 года я читал в университете Сент-Эндрюс лекцию, озаглавленную «Военное руководство». Я попытался сравнить уроки прошлого с опытом настоящего. В качестве иллюстрации своих доводов я выбрал трех великих полководцев прошлого и провел краткий анализ того, почему они стали лидерами, как они руководили своими солдатами и чему они были обязаны своими победами или поражениями. Тремя полководцами, на которых пал мой выбор, были Моисей, Кромвель и Наполеон. Впоследствии эта лекция вошла в мою книгу «Вперед от победы», вышедшую в октябре 1948 года в издательстве Hutchinson & Co. Каждый из этих троих осуществлял высшее командование. Общим для них было внутреннее убеждение, которое, будучи основанным (и весьма прочно) на здравом смысле, порой выходило за пределы здравомыслия. Именно это позволяло им в определенный — нужный — момент выбирать кратчайший путь, приводивший их прямо к осуществлению их целей, причем быстрее и надежнее, чем не менее осмотрительных, но менее вдохновенных полководцев.

Это можно представить таким образом.

Существует три типа командиров высшего ранга:

1. Те, кто обладает верой и вдохновением, но не обладает способностью бесконечно прилагать усилия и готовиться ко всевозможным [376] случайностям — что является основой всех успехов на войне. Они терпят поражение.

2. Те, кто обладает последней из указанных способностей, причем в степени, доходящей до гениальности. Великолепным примером людей такого типа я считаю Веллингтона.

3. Те, кто, обладая этой способностью, вдохновляется верой и убеждением, позволяющими им, после того как сделано все возможное для подготовки, а ситуация благоприятствует проявлению отваги, броситься очертя голову в самое пекло. В войне случаются моменты, когда, чтобы победить, нужно поступить именно так. Думаю, что такой момент наступил в августе 1944 года после победы в Нормандии, но мы упустили его. Прекрасным примером может служить Нельсон — когда он прорвал линию у Сен-Винсента, когда он на Ниле в сгущавшихся сумерках повел своих людей в атаку под огнем береговых батарей, и в критический момент Трафальгарского сражения.

Ни один командир так тщательно не готовился встретить любую неожиданность, как Нельсон, но никому и не удавалось с такой точностью уловить момент, когда, исчерпав все возможности действий, продиктованных разумом, надо положиться на удачу или на веру. Ни один командир не проявлял такой заботы о том, чтобы «каждый капитан знал, о чем думает его адмирал».

Приходят на память и некоторые «моменты» из моего собственного ограниченного опыта: 23 марта 1943 года у Марета, когда мы перебросили основные силы наступления на левый фланг; 23 августа 1944 года в Нормандии, когда я выступил с идеей мощного наступления на левом фланге союзников для скорейшего окончания войны; 17 сентября 1944 года у Арнема.

Моисей и Кромвель питали глубокую веру в свое божественное предназначение, и оно никогда не подводило их в бою; Наполеон же верил в предназначение человеческое, и оно в конце концов подвело его.

Я уверен, что единственным великим командующим, который не обладал таким качеством, как внутренняя убежденность, был Веллингтон. Невозможно переоценить его дальновидность, мастерство, терпение и способность тщательно продумывать все детали. Однако иногда он упускал возможность пожать все плоды [377] своих побед, поскольку не умел возвыситься над уже известным, чтобы постичь неведомое. При Саламанке и Виттории Наполеону так и не удалось превзойти Веллингтона в совершенстве командования, но французам, разбитым при Виттории, никогда не удалось бы избежать повторного сражения на следующий день, если бы их противником командовал Наполеон — или Кромвель. Для успешного осуществления высшего командования человек должен обладать способностью бесконечно прилагать усилия и проводить тщательную подготовку; кроме того, ему необходимо обладать и внутренним убеждением, которое временами может возобладать над разумом.

Вначале приходится, иногда в течение длительного периода, драться за преимущества и завоевывать их, потом наступает момент, когда все решает отвага. Сможете ли вы проявить безрассудство и отказаться от известного во имя неведомого, когда этот момент придет? Ответ на этот вопрос и определит того, кто достоин занять высший командный пост.

Примечания

{1} Историческое исследование У. Черчилля о жизни своего предка Джона Черчилля, первого герцога Мальборо.

{2} Атенеум — клуб, основанный в Лондоне Вальтером Скоттом в 1824 г. (Здесь и далее примеч. пер.)

{3} Нимрод (мятежный, возмутительный) — библейский персонаж, сын Хуша — «сильный зверолов» (Быт., X, 8–9).

{4} Армия метрополии — части и соединения британских войск, расположенных на Британских островах (в отличие от колониальной армии).

{5} Субалтерн-офицер — старший среди младших офицеров батальона.

{6} Имеется в виду Англо-бурская война 1900–1902 гг.

{7} Шинфейнеры (от ирл. Sinn Fein — «мы сами») — национальное движение, возглавившее войну за независимость в Ирландии (1916–1921 гг.). Война велась преимущественно партизанскими методами с большим ожесточением с обеих сторон.

{8} Геддес Патрик (1854–1932) — шотландский биолог и социолог.

{9} Олдершот — крупнейшая военная база и учебный центр, где были расквартированы наиболее боеспособные войска.

{10} Южная Ирландия — так Монтгомери называет образованное в 1937 г. государство Эйре, которое в 1949 г. переименовали в Ирландию (Ирландскую республику).

{11} Тут Монтгомери полностью следует заветам Чапаева: в атаке командир должен быть впереди, на боевом коне.

{12} Перевод И. Клюканова.

{13} Винчестер — одна из старейших престижных мужских школ.

{14} КОССАК (COSSAC) — кодовое название штаба планирования операции «Оверлорд».

notes

Примечания

[1]

Историческое исследование У. Черчилля о жизни своего предка Джона Черчилля, первого герцога Мальборо.

[2]

Атенеум — клуб, основанный в Лондоне Вальтером Скоттом в 1824 г. (Здесь и далее примеч. пер.)

[3]

Нимрод (мятежный, возмутительный) — библейский персонаж, сын Хуша — «сильный зверолов» (Быт., X, 8–9).

[4]

Армия метрополии — части и соединения британских войск, расположенных на Британских островах (в отличие от колониальной армии).

[5]

Субалтерн-офицер — старший среди младших офицеров батальона.

[6]

Имеется в виду Англо-бурская война 1900–1902 гг.

[7]

Шинфейнеры (от ирл. Sinn Fein — «мы сами») — национальное движение, возглавившее войну за независимость в Ирландии (1916–1921 гг.). Война велась преимущественно партизанскими методами с большим ожесточением с обеих сторон.

[8]

Геддес Патрик (1854–1932) — шотландский биолог и социолог.

[9]

Олдершот — крупнейшая военная база и учебный центр, где были расквартированы наиболее боеспособные войска.

[10]

Южная Ирландия — так Монтгомери называет образованное в 1937 г. государство Эйре, которое в 1949 г. переименовали в Ирландию (Ирландскую республику).

[11]

Тут Монтгомери полностью следует заветам Чапаева: в атаке командир должен быть впереди, на боевом коне.

[12]

Перевод И. Клюканова.

[13]

Винчестер — одна из старейших престижных мужских школ.

[14]

КОССАК (COSSAC) — кодовое название штаба планирования операции «Оверлорд».